В свое время меня потряс фильм Федерико Феллини "Дорога". И под впечатлением от него я придумал историю любви двух одиноких людей, блуждающих по просторам Патагонии.
ЭДУАРДО ФЕРНАНДО ВАРЕЛА

Эдуардо Фернандо Варела

Знак ветра

РОМАН

CORPUS

Знак ветра
Эдуардо Фернандо Варела

Аннотация
Эдуардо Фернандо Варела. Знак ветра

Аннотация

Бывший саксофонист Паркер после предательства друга попал в опасную ситуацию, был вынужден бежать из Буэнос-Айреса в Патагонию, стал дальнобойщиком и, перевозя фрукты, изъездил всю эту экзотическую землю, пустынную и прекрасную, наполненную мифами и легендами, где даже самые сюрреалистические и невероятные события воспринимаются как нечто возможное и обыденное. Паркер то и дело сталкивается с разного рода чудесами и с удивительными персонажами, однако не менее фантастической стала история его любви к местной девушке из бродячего луна-парка.

Эдуардо Фернандо Варела – аргентинский журналист, прозаик и сценарист. Роман “Знак ветра” (2019) получил международную премию Дома Америк, а во Франции стал финалистом премии “Фемина”. По словам автора, это первая часть трилогии, посвященной Патагонии. Ее вторая часть под названием “Лысая гора” уже увидела свет в Испании.

Эдуардо Фернандо Варела
Знак ветра

Неугомонной Лауре
Светозарной Персии

Eduardo Fernando Varela
La marca del viento
Перевод с испанского *Натальи Богомоловой*

© Eduardo Fernando Varela, 2019.
This edition c/o SalmaiaLit, Literary Agency
© Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2026
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО “Издательство Аст”, 2026
Издательство CORPUS ®

Трасса извилистой лентой пересекала степь и бежала среди холмов и впадин. Она поднималась по склонам вверх или спускалась вниз, и линия горизонта кренилась то в одну, то в другую сторону, а потом вдруг на многие километры застывала в одном положении, словно паря в воздухе. Ближе к Кордильерам материк выгибал хребет, как тигр перед прыжком, а ближе к океану огромное плато изо всех сил пыталось соединиться с небом. Ветер, прилетая с ледников,

нервно и ласково теребил траву на пастбищах, будто ему вздумалось растрепать их зеленую шевелюру. А когда его порывы сталкивались с теми, что неслись с океана, огромные песчаные спирали начинали неспешно сверлить воздух.

Грузовик, забравшись в такую даль, становился частью пейзажа и двигался вперед, раскачиваясь и подчиняясь ритму, прораставшему из самых недр планеты. Мягкие изгибы рельефа заставляли машину вести себя с бережливой осторожностью, какая отличает ленивых змей, поэтому ход грузовика иной раз напоминал скольжение или даже течение по наклонной плоскости.

Паркер сидел за рулем, не отрывая глаз от дороги и почти не моргая, при этом одну руку он положил на спинку соседнего кресла, как если бы обнимал невидимого спутника. Долгие часы одиночества, а также неспешная и безостановочная езда погружали его в гипнотический транс, поэтому он ни о чем не думал и позволял таким вот дорожным качелям убаюкивать себя. Со всех сторон, куда ни глянь, не было ничего, кроме огромной пустыни, которая где-то там, неведомо где, граничила с остальной планетой, а здесь, посреди безлюдья и безмерности, подчинялась лишь собственным законам и прихотям.

Паркер возил фрукты по заказу некой весьма подозрительной транспортной фирмы — забирал их на плодородных долинах и доставлял в далекие порты Атлантического океана, где завершались последние морские маршруты Южного полушария, ведущие на восток. Там корабли под флагами далеких стран, которых вроде бы давно уже и нет на свете, разгружали дешевые товары и отправлялись в обратный путь, набив трюмы фруктами и замороженным мясом. Паркеру приходилось долгими часами, а то и днями напролет сидеть за рулем, и тогда он воображал, будто находится в космической капсуле. В кабине вокруг него валялись одежда, книги, бутылки с пивом, термосы с кофе, музыкальные кассеты и обрывки дорожных карт, из которых, как из деталей головоломки, приходилось складывать нечто целое, чтобы проверить, не сбился ли он с пути. К стенке кабины были приклеены фотографии, а на потолке лихо болтались словно ничего не весившие безделушки и сувениры. На соседнем сиденье застыл черный футляр с саксофоном — это была одна из тех немногих вещей, которые Паркер сумел сохранить от своей прошлой жизни, и саксофон стал единственной его компанией в дальних поездках, хотя уже редко удавалось

извлечь из него достойные звуки. Время от времени водитель менял позу и смотрел в боковое стекло, пытаясь уловить в бегущем рядом пейзаже едва заметные перемены, по которым можно было бы лишний раз убедиться, что пройден еще один километр, так как равнина окрасилась в новые тона, или за склон холма зацепилась тень уже другой тучи, или в высокой траве молнией метнулся какой-то зверь. Порой рядом появлялась стая нанду, весьма похожих на страусов, и долго неслась вдоль трассы, словно конвоируя грузовик, но потом скрывалась в густых зарослях кустарника. Паркер не столько ехал, сколько плыл и, когда дорога бежала прямо, позволял себе на несколько секунд закрыть глаза и положиться на интуицию, а заодно и проверить, не утратил ли он внутреннего чувства пространства. При этом ему казалось, что слабый шум мотора вдруг сменялся сначала едва заметным пыхтением, а потом и вовсе угасал, наступала полная тишина, и только ветер что-то глухо нашептывал, скользя вдоль стенок кабины. Когда Паркера обволакивала подобная пустота, колеса мягко отрывались от асфальта, и он поднимался над пожелтелой равниной. Воздух сразу уплотнялся, возникало ощущение невесомости, а дорога при взгляде

сверху казалась убегающей вдаль смазанной линией. По мере того как Паркер взлетал все выше и выше, небо становилось ослепительно-синим, а внизу вычерчивались русла пересохших рек — как глубокие шрамы на морщинистой поверхности планеты. Любые детали теряли резкость, прошлое затягивалось туманом, будущее виделось в призрачном сиянии, и вокруг Паркера оставалось только летучее и невещественное настоящее, полное загадок, невнятных желаний и сладкой дремы, — что позволяло Паркеру словно в забытьи блуждать во времени и пространстве. В таком шатком состоянии он мог пребывать часами — будь то днем или ночью, — так как никакого твердого распорядка или графика его работа не предполагала: ему назначались лишь даты отбытия и прибытия в указанные пункты, и сроки зависели от не всегда предсказуемого расписания кораблей, ожидавших разгрузки и погрузки. Иногда, если особой спешки не было, Паркер позволял себе застрять где-нибудь на несколько дней, а в других случаях приходилось гнать и гнать, останавливаясь лишь по необходимости — чтобы заправиться или принять душ на какой-нибудь захудалой придорожной заправке.

Для Паркера как закат, так и восход могли

означать, что пора устроить привал. Тогда он готовил свой воздушный корабль к посадке, сбавлял скорость и приглядывал на обочине шоссе подходящее место, по возможности ровное, без рытвин. Грузовик тяжело тормозил, подняв тучи пыли. Водитель выпрыгивал из кабины с таким чувством, будто его ноги несколько месяцев не касались твердой почвы. Он осматривался по сторонам, проверяя, не ошибся ли с выбором площадки для стоянки и найдется ли рядом достаточно хвороста для костра. К его грузовику было приделано нечто вроде подъемника с поворотной стрелой, и это самодельное устройство помогало выгрузить то, что когда-то давно было частью дома Паркера. Из прицепа медленно выплывали деревянный стол, несколько стульев, потертый кожаный диван, старый холодильник, торшер, большой ковер, шкаф, кровать и тумбочка с ночником. Хватало часа, чтобы расставить на ковре мебель, — и получалась настоящая гостиная под опрокинутым над степью небом. С приближением сумерек стоянку Паркера можно было принять за макет города в миниатюре — так четко она вырисовывалась на фоне буйного багрянца облаков, а по ночам, благодаря электрическому освещению, соперничала с Млечным

Путем. Безлюдную степь Паркер считал для себя не только предпочтительной средой обитания, но и своей последней родиной, которая только и осталась у него после того, как за минувшие годы он умудрился потерять столько других. А еще степь была единственным местом на свете, где Паркер чувствовал себя уютно, но главное — в полной безопасности. Здесь он испытывал настоящее счастье, и это давало ему ощущение внутренней эмиграции, оберегавшей от любых земных бед. Здесь, в окружении безымянных просторов, он порой устраивал себе долгий отдых.

Часто Паркеру приходилось намеренно удлинять свой маршрут, выбирая второстепенные трассы и кружные маршруты, так как они позволяли максимально растянуть состояние блаженства, в которое он погружался, пока добирался от пункта отправления до пункта назначения. Правда, любые задержки приводили в бешенство старика Констанцо, хозяина небольшой фирмы грузоперевозок, которая обслуживала огромные территории от Кордильер до морских портов. Паркер работал у него не столько из-за выгодных условий, сколько потому, что это было ему удобно. С Констанцо он познакомился в придорожной гостинице, где начиналась степь, протянувша-

яся до самых фьордов Магелланова пролива и островов Огненной Земли. Паркер покинул столицу, убегая от своего бурного прошлого, и надеялся, что здесь, на южном краю континента, прежние знакомые потеряют его след. Водитель маленького мебельного фургона довез Паркера до мотеля, но там же и бросил вместе с его скудными пожитками, которые удалось спасти после последней жизненной катастрофы. Бросил по простой причине: у беглеца закончились деньги, то есть платить за транспортные услуги он больше не мог и поэтому в ожидании непонятно чего застрял в мотеле. А его вещи были кучей свалены прямо на краю дороги. Констанцо и Паркер, который искал способ добраться до юга, познакомились в ресторане. Хватило короткой беседы, чтобы старик, хорошо разбиравшийся в людях, понял, что может положиться на этого угрюмого, необщительного и опасливого типа. Поэтому он согласился забрать оттуда Паркера и дать ему работу — поначалу портового грузчика. Хозяин кормил его и платил кое-какие деньги, а также позволял жить в прицепе грузовика, за руль которого Паркер вскоре и сел. Констанцо чувствовал себя слишком старым и больным, чтобы продолжать работать на трассах, и уже через

пару недель рискнул доверить машину новому знакомому, быстро убедившись в его честности и добросовестности. А для себя выбрал жизнь оседлую — ведь он ее вроде бы заслужил после долгих лет, проведенных в дорожных передрягах.

С Паркером старику безусловно повезло, так как тот не задавал лишних вопросов, трудился считай что даром и желал только одного: чтобы никто не совал нос в его личные дела. Первое время отношения между ними складывались ровно, без трений, но в последний год Констанцо пристрастился к игре и выпивке, а потому основательно забросил дела фирмы. Паркер, в свою очередь, не слишком ему доверял, поскольку тот водился с контрабандистами и часто оказывал им услуги, помогая перевозить незаконные товары. Именно поэтому Констанцо требовал, чтобы Паркер выбирал второстепенные дороги — там за порядком присматривала только местная полиция, более сговорчивая и падкая на деньги, чем жандармы, которые хозяйничали в основном на главных трассах. Иногда Паркеру приходилось разгружаться и загружаться под покровом ночи у каких-то заброшенных складских помещений и возить загадочные ящики с якобы дешевым ширпотребом. Короче, он знал, что в любой момент

может попасть в неприятную историю, и тем не менее наслаждался такой жизнью — полулегальной, рискованной, зато гарантировавшей ему анонимность. Он парил над привольными просторами — в них растворялось все его существо, а прошлое смешивалось с пылью и ветром. Паркер гнал грузовик по суровым дорогам, похожим на стрелы, запущенные в степь, и делал остановки в нищих деревушках, чтобы запастись едой и бензином, словно и сам тоже готовился уйти в море из какой-нибудь забытой богом гавани. Он успевал перебросится парой-тройкой слов разве что с заправщиком на станции и снова пускался в путь. А потом целыми днями разговаривал сам с собой, слушал музыку или изобретал для себя нехитрые развлечения, помогавшие заглушить скуку. Любимой его забавой стало своего рода лото: он записывал на картонные карточки номера всех встречных машин, и заниматься этим можно было долго, не одну неделю, так как за сутки ему порой попадалось их всего две или три.

Проведя в здешних глухих краях несколько лет, Паркер научился различать даже легкие перемены в пейзаже. Иногда достаточно было одного поворота — и чуть иным становился цвет почвы, а стоило спуститься по склону вниз — и кусты

уже тянули ветки в другую сторону, потому что здесь в другую сторону дул ветер. Иногда появлялись новые растения, как это случилось, скажем, и сейчас: словно подчиняясь капризу природы, вдоль дороги вырос желтоватый колючий кустарник, какого он не видел никогда прежде. “Езжай все время прямо, вон туда, в четверг поверни налево, ближе к ночи — снова налево, и тогда рано или поздно пренепременно окажешься у самого моря”, — объяснили ему дорожные рабочие, но наступила пятница, солнце уже садилось за тучи, а дорога бежала только вперед. Жаркий закатный свет удлинял тень грузовика, но не было видно ни одной развилки, ни одного намека на возможность куда-то свернуть, как и ничего, что обещало бы близость океана. Откинувшись на спинку сиденья, не отрывая взгляда от асфальтовой ленты, Паркер сунул в рот сигарету, глубоко затянулся и стал наблюдать за уходящим солнцем. Пальцы его отбивали на руле ритм звучавшей в кабине мелодии, и он тихо запел с полузакрытыми глазами. К дороге выбежало стадо диких гуанако с детенышами, и пришлось резко сбавить скорость. Они двигались, грациозно вытянув шеи, и время от времени застывали на каком-нибудь холмике, чтобы с любопытством посмотреть на

чужака, посягнувшего на их владения, а потом со старомодным изяществом перепрыгивали через натянутую вдоль дороги проволочную сетку и мчались дальше, пропадая вдали. Паркер ехал совсем медленно и провожал взглядом стадо со смесью удовольствия и тревоги, так как слишком хорошо знал, что произойдет, если какой-нибудь неопытный юный гуанако плохо рассчитает свой прыжок. Последствия ему доводилось видеть десятки раз. Вот и теперь один из таких приготовился прыгнуть, но выбрал не самое удачное место для толчка, правда, в самый последний миг вроде бы осознал собственную оплошность и резко притормозил. Потом растерянно отступил назад и снова взял разбег. Паркер понял, что вот-вот случится непоправимое, и закрыл глаза. Гуанако рванул вверх, и передняя часть его тела одолела преграду, а вот задние ноги зацепились за проволоку, так что острие столба, на котором она крепилась, проткнуло ему бедро — животное повисло на нем как тряпичная кукла. Гуанако старался освободиться, трепыхался и бил копытами в воздухе. Паркер остановился неподалеку, но мало чем мог ему помочь: теперь несчастному грозила медленная многочасовая агония. Скоро над ним начнут кружить стервятники, опускаясь

все ниже и ниже, пока не настанет время устроить пир. На защитном ограждении сохранилось много скелетов и шкур, вычищенных изнутри птицами и лисами, а снаружи выдубленных нещадным солнцем Патагонии. В самый последний миг, резко дернувшись, гуанако все же сумел соскочить с ограды и оказался по ту ее сторону, чтобы как ни в чем не бывало помчаться следом за стадом. Паркер с облегчением вздохнул, посчитал такой финал хорошей приметой и двинулся дальше, но уже очень скоро настроение его испортилось: разреженный предвечерний свет и неизбежный набег ночи отзывались в душе тоской, которая растекалась по всему телу и от которой все внутри сжималось. Линия горизонта, еще недавно сулившая безмерные пространства и таившая за собой такие же безмерные надежды, теперь выгнулась дугой, словно повторяя кривизну планеты. Именно таким образом в этих широтах подкрадывался к земле вечер. Дым от сигареты немного покружил по кабине и быстро вылетел в окно. Паркер раздумывал над причинами сбоя в своем настроении, виня в нем то ли вечерний час, то ли слишком медленную музыку, то ли собственную эмоциональную неустойчивость… Впрочем, ответ он прекрасно знал, однако

изменить ничего не мог, поскольку стрелки его внутренних часов были накрепко вставлены именно в такой космический циферблат и сам Паркер был прикован именно к такому настоящему и к такой земле. Единственным доступным ему средством сейчас была смена музыки. За часы, дни и километры, проведенные на трассах, он усвоил, что никакие попытки выровнять такие перепады душевного состояния добром не кончаются. Поэтому просто протянул руку и не глядя стал нащупывать в беспорядочной куче вещей какую-нибудь кассету. А выбор доверил случаю. Надпись на кассете разобрать было уже трудно — оставалось дождаться, пока зазвучат первые аккорды. Музыка поплыла по кабине, мысли водителя стали обретать относительную стройность, и внутри у него что-то оживилось. Некая забытая радость, которая до поры до времени пряталась в тайных закоулках памяти, смягчила его взгляд, а потом она же, слившись с мелодией, помогла избавиться от острого штыря, державшего Паркера пленником на том самом циферблате времени и пространства. Такие необъяснимые светлые мгновения служили потайной дверцей, ведущей к чему-то похожему на счастье. Он улыбнулся, почти приструнив

свою хандру, которая самовольно накатывала в те предательские часы, когда остатки дневного света убегали, покорно уступая равнину ночному мраку. Очень скоро Паркер почувствует себя лучше, а потом — и совсем хорошо. Этот миг был межевым знаком — или складкой, или трещиной — на ледяной поверхности времени. Перемену требовалось отпраздновать, то есть чего-нибудь хлебнуть. Паркер достал из походного холодильника бутылку пива, но как только вооружился открывалкой, прикрепленной к приборной доске, раздался мерзкий скрип, от которого его передернуло. С музыкой что-то случилось. Он резко выкрутил руль, на что грузовик отреагировал прыжком в сторону. Потом швырнул сигарету в окно и собрался извлечь кассету, но пленка запуталась где-то внутри и теперь свисала из щели дурацкими петлями. Он легонько потянул за нее — она тотчас обмоталась у него вокруг пальцев, но все же поддалась. Пришлось подкрутить ее карандашом. Снова полилась мелодия — чистая и прозрачная, однако вскоре снова захлебнулась, теперь уже с предсмертным стоном. Что означало непоправимую катастрофу. Паркер чуть слышно ругнулся и бросил распотрошенную кассету в окно. В считаные секунды ветер украсил

коричневой лентой придорожные кусты, но и настроение Паркера тоже клочьями повисло на одном из кустов, правда, на том, что рос где-то у него внутри, и до конца дня не было никакой возможности навести в душе порядок.

Так и текло время Паркера — уязвимое для каких угодно неожиданностей. Он был бы и рад поверить в существование озорного дорожного бесенка, который притаился в степи и только дожидался случая, чтобы дерзко поиграть с ним, но на такую веру Паркер, к сожалению, не был способен, хотя и пытался слепо вжиться в мифы и легенды, рассыпанные по дорогам Патагонии, принять — а главное перенять — здешний магический и наивный взгляд на мир как форму слияния с землей. Ему мешал собственный закоренелый и непрошибаемый рационализм. Во время встреч с местными жителями он слышал про фантастические существа и явления, с которыми они якобы жили бок о бок. Им эти выдумки помогали хотя бы отчасти расцветить скупую и суровую природу. Легенды рождались ночами у костров на обочинах дорог — под гитарные переборы, пение и выпивку. Так узнал Паркер истории про живших в солончаках каннибалов-тринитариев, про загадочные подводные лодки,

которые иногда появлялись у берегов Атлантики, и про устроенные в горных кратерах базы космических кораблей, а также про призраков, обитавших в заброшенных шахтах. Однако, проведя много ночей за рулем и разъезжая по самым пустынным местам, он так ни разу и не встретил ни призраков, ни инопланетян, ни каннибалов, а потому с недоверием относился к подобным сказкам.

Из всего вышеназванного больше всего Паркера привлекали легенды про тринитариев, про то, как во времена завоевания Америки некий испанский галеон попал в шторм и потерпел крушение у здешних берегов. Немногих выживших съели индейцы — но не по злобности своей, а только чтобы утолить голод. И с тех самых пор на потомстве тех дикарей лежало жестокое проклятье: все их отпрыски лицом напоминали астурийцев либо эстремадурцев, то есть выходцев из Испании, и часто включали в свою речь непонятные слова, произнося их с акцентом, в котором знатоки могли уловить отзвуки старинного испанского языка. Кроме того, их вдруг одолевали воспоминания об Иберийском полуострове, его обычаях и традициях. Они, например, предпочитали тамошние блюда, танцевали танцы и пели песни,

прежде неведомые местным племенам. Но главным было другое — они испытывали тоску по далекой стране, где родились люди, съеденные их предками. Согласно легендам, сами индейцы считали все эти странности божьим наказанием и, опасаясь распространения заразы, стали держать соплеменников, одержимых загадочным недугом, в темных глубинах горных шахт, хотя кое-кто утверждал иное: будто всех “неправильных” сородичей они изгоняли не туда, а в белые солончаковые пустыни. За прошедшие века мало кто из тех испанцев, перевоплотившихся в индейцев, — или индейцев, в которых вселились души испанцев, — выжил и приспособился к новым условиям. Многие умерли от голода и болезней, но до самой смерти сохраняли любовь к человечьему мясу.

Итак, в ту ночь в кабине Паркера больше не было музыки, хотя непонятно, чьи это были козни, и он решил побеседовать сам с собой, чтобы услышать хотя бы собственный голос после многих дней, когда ему не довелось ни с кем перекинуться ни словом. Такой разговор давал ощущение, будто рядом кто-то есть, будто в кабине неожиданно появился старинный друг или даже друг детства. Поначалу Паркеру

было непросто подбирать подходящие темы для беседы, но постепенно, войдя во вкус, он стал произносить не только отдельные и случайные слова, но и связные фразы, а позднее и долгие монологи. Как ни странно, пение или разговор с самим собой оказались еще и отличным способом рефлексии, давая ни с чем не сравнимую возможность выплеснуть наружу все, что скопилось на душе. Правда, в тот раз Паркер был не слишком расположен к монологам и после двух-трех безуспешных попыток предпочел пение. Он закрыл глаза, чтобы окинуть мысленным взором весь свой песенный репертуар и выбрать что-нибудь более соответствующее нынешнему настроению. Ему на ум приходили самые разные ритмы и мелодии — от тех, что пелись еще в школе, до тех, что составляли музыкальный фон уже взрослых лет, но все они были либо слишком печальными, либо в них можно было обнаружить дурные предвестия. И тогда Паркер решил воспользоваться радио, которое только для подобных случаев, собственно, и существовало. Аппарат сам начал искать сносную станцию из тех немногих, которые здесь ловились. Сначала раздался писк на длинных и коротких волнах, отвоевавших себе место в эфире, потом проре-

зался металлический треск, но и он то и дело обрывался, словно натыкаясь на новые и новые помехи. Разозлившись, Паркер решил, что виной нынешних бед и срывов — от дурного настроения до непокорного радио — были придорожные кусты, как если бы к их колючкам намертво прилипли все напасти вместе с обрывками бумаги и пластиковыми пакетами, принесенными ветром. Паркер ненавидел эти густые заросли, считал их обманчивыми и коварными и, хотя отказывался верить в проказливых дорожных дьяволят, никогда не сомневался в предательской зловредности местных сухоруких кустов. Поэтому ночами с кровожадным удовольствием старался сжечь их как можно больше на огромных кострах, которые осыпали ночную темень трескучими брызгами.

Потерпев неудачи во всех развлекательных попытках по очереди, Паркер решил найти применение своим техническим навыкам и, зажав руль между колен, по пояс высунулся в окно и соединил радио с антенной на крыше кабины. Аппарат смолк, а потом сразу же послышались голоса — целый хор разрозненных голосов, обсуждавших последние гороскопы или пользу от веры в Бога. Люди обменивались приветствиями и сообщениями, предлагали что-нибудь купить,

запускали фольклорную музыку, беседовали или вступали в диалоги, лишенные всякого смысла, — это были радиостанции сопредельных стран, сигналы которых непонятно как доходили сюда, принося заодно спортивные новости и прогнозы погоды.

Паркер позволил этому болтливому миру несколько раз пролететь мимо него, но ничем конкретным не заинтересовался. Когда аппарат завершал свой поиск, дойдя до края шкалы настройки, голоса исчезали, чтобы тотчас возникнуть на противоположном ее краю и повторить все сначала. Паркер с досадой выключил приемник и глянул в свой оракул — зеркало заднего вида, к которому взывал лишь в самых безнадежных ситуациях. Он не злоупотреблял общением с ним, не просил совета по всяким пустякам, но теперь почувствовал в этом насущную потребность.

“Зеркальце, зеркальце…” — начал Паркер, искоса глядя на свое отражение, и тотчас увидел многодневную щетину, рыжеватую шевелюру, поредевшую и слегка выцветшую, длинные пряди, падавшие на изрезанное преждевременными морщинами лицо, и глаза, воспаленные после долгих часов, проведенных за рулем. Он

повторил свой призыв, но оракул по-прежнему ничего не отвечал, так как, по всей вероятности, был занят каким-нибудь другим, более важным делом, поэтому Паркер решил больше к нему не приставать, а снова взял бутылку пива, нарезал прямо на приборной панели сыр и салями и позевывая покатил дальше, пока степь не утонула в тугом полуночном небе.

“Кажется, мы заблудились”, — вдруг раздался голос из зеркала. Паркер снизил скорость, а потом и вовсе остановился у обочины, прорезав мрак светом мигающих фар. Он взял компас и спрыгнул на землю. Его сразу поразила необычная тишина: впервые за последние недели почти не было ветра, это давало ощущение покоя и позволяло услышать легкое позвякивание звезд. Паркер стал отыскивать созвездия, с которых обычно, как стеклярусные нити, свисали знаки-ориентиры и которыми он пользовался в подобных случаях: одинокая Бетельгейзе, непременный Южный Крест, Пояс Ориона, указывающий на Альдебаран, и Млечный Путь, ласкающий своими серебряными перстами оба полушария. Но в ту ночь небо было затянуто плотными тучами, поэтому звезды не помогли Паркеру. Пришлось воспользоваться компасом и несколько раз обой-

ти вокруг грузовика, чтобы установить стрелку в правильном направлении, однако и тут что-то не заладилось. В итоге единственным, на что он мог положиться, чтобы понять, где же, черт побери, находится, были его инстинкт и чутье. Стоя на обочине, Паркер задрал голову и стал принюхиваться к ветру, долетавшему сюда с гор. Ветер был прозрачным, как дно озера, и впитал в себя аромат лесов, а также чистоту ледников. И этого Паркеру хватило, чтобы сориентироваться, поскольку, зная, с какой стороны находятся Кордильеры, можно было еще несколько дней ехать, не мучась сомнениями, — до тех пор, пока в воздухе не появится тяжелый запах селитры.

Паркер добрался до порта с опозданием в несколько дней — и буквально за считаные часы до того, как капитан судна, с нетерпением его ожидавший, отдал приказ отчаливать. Выгрузив фрукты, дальнобойщик снова двинулся на северо-запад — обратно на их постоянную базу в центральной долине. Там старый Констанцо ждал его с новым заданием, а также с авансом, который на самом деле был не платой вперед, а просроченным долгом за минувшие четыре месяца. Очень скоро набитый под завязку грузовик двигался на восточный берег Южного Конуса,

но по пути Паркеру предстояла важная встреча, и ее он относил к числу тех немногих своих обязательств, которые всегда выполнял, словно речь шла об одном из природных циклов или о чем-то непреложном, иногда непредсказуемом и, вопреки всему, все-таки исполнявшемся. Приближение этой странной встречи Паркер угадывал совершенно необъяснимым образом. Вот и теперь он точно знал, что она должна произойти в самом скором времени и непременно где-то в тех местах. Ему следовало только ждать, поэтому он остановил грузовик, огляделся, вполне допуская, что может застрять здесь надолго, и принялся за непростое дело — надо было успеть до наступления темноты оборудовать себе стоянку. У него имелась поворотная стрела с крюком, который по очереди вытаскивал из прицепа разные предметы мебели и опускал на землю. Он расставлял их недалеко от грузовика и занимался этим, как рачительная и привыкшая к уюту хозяйка: тут надо поместить буфет, рядом — столик с кухонной плиткой, следом — стеллаж с несколькими книгами, тетрадями и парой-тройкой безделушек. Потом настал черед двуспальной кровати и покрывших ее без единой морщинки простыней и одеял. У кровати появилась тумбочка с ночником.

На ковре он разместил стол со скатертью, на нем — вазу с искусственными цветами и пепельницу. Вокруг стола — стулья. Под конец было найдено место для нескольких ламп, подключенных к генератору. Если погода портилась, Паркер сооружал навес из кусков брезента и полиэтиленовой пленки, если нет, то над головой не было ничего, кроме глубокого и словно затвердевшего неба. Такие остановки он позволял себе лишь в определенное время года, в сезон, который можно было назвать более или менее милосердным, то есть позволявший прожить какое-то время в голой степи. Только вот бóльшая часть года была здесь суровой и мрачной, холодной и неприветливой, и Паркер вел себя так, как того требовал климат: на ночь запирался в кабине грузовика, словно залегал в логово, то есть, можно сказать, впадал в зимнюю спячку, с трудом пробуждаясь, чтобы приготовить себе горячую еду. В редкие светлые часы он мог выйти прогуляться, завернувшись в пончо из овечьей шерсти, в котором был похож на дикаря или пещерного человека. Ему приходилось то и дело поглядывать на небо, чтобы убедиться, что грузовик в ближайшее время не будет занесен снегом или пепельным дождем, извергнутым одним из ближних вулканов. А

удостоверившись, что мир не переменился и еще существует, Паркер возвращался в кабину, где на несколько суток опять погружался в сон. И при этом цепенело не только его тело, цепенел и мозг, так что в голове на долгие часы застывала какая-либо одна четкая картинка, которую потом на какую-нибудь другую сменяла таинственная, но вялая рука, словно речь шла о показе слайдов.

Наконец Паркер развернул свой лагерь, набрал хворосту, развел костер, положил на решетку несколько кусков мяса и стал терпеливо ждать, пока оно поджарится. А еще он накрыл стол на две персоны. Потом сел в кресло, закурил и принялся листать старую пожелтевшую газету. Тут до него донесся далекий шум с трассы. Паркер резко поднял голову и, как собака-ищейка, повернул ее боком, чтобы лучше настроиться на источник звука. Потом встал и пошел к шоссе, так и не выпустив из рук газету. У него был вид человека, который у себя дома направляется к дверям, чтобы поглядеть, кто там пожаловал. Он замер посреди асфальтовой ленты и уставился туда, где пара огоньков словно замерла, поскольку в местных просторах любое движение порой кажется замедленным и почти неуловимым. Но вскоре свет фар почти навис над ним, однако автомо-

биль почему-то проехал мимо, с глухим стоном рассекая воздух. Паркер проводил машину взглядом и по привычке покосился на часы, хотя толку от них было мало, так как точностью они уже давно не отличались. Значит, ему придется ждать всю сегодняшнюю ночь и, возможно, еще несколько следующих, прежде чем приедет тот, кто должен приехать. Паркер вернулся к столу, откупорил бутылку вина и зажег свечи в подсвечнике. Потом принялся жевать уже остывшее мясо. Последняя встреча с человеческим существом случилась у него четыре дня назад — или шесть, или семь, — и он уже не мог припомнить, с кем именно. Дальнобойщик достал из футляра саксофон, сел на диван и попытался извлечь из инструмента какую-нибудь мелодию, но прозвучали лишь нестройные и фальшивые ноты, вяло поплывшие по воздуху. Паркер махнул рукой, отгоняя их от себя, будто мух, в то время как последние лучи солнца удлиняли тень грузовика, и она накрывала лагерь мягкой вуалью и продолжала свое движение, все ниже припадая к земле, пока окончательно с ней не слилась. Ни одно облако не нарушало небесную беспрерывность, а потом, точно в срок, опустилась на степь ночь. Паркер взял свой блокнот и при свете свечей стал

описывать все случившееся за минувший день. Он никак не мог докопаться до причины, но в последнее время что-то шло неправильно, что-то слегка разладилось и перекосилось в порядке окружавших его вещей и явлений. Что-то заело в механизме, который давал ход каждой минуте и каждому часу, отчего детали и шестеренки в этом механизме начали с натужным скрежетом искривляться. Паркер встал и отошел подальше от грузовика, заснувшего ленивым и безмятежным сном, как домашний питомец. Ему хотелось отыскать на небосводе объяснение наметившемуся раздраю. Взгляд утонул в черном провале вселенной, но там вроде бы все оставалось спокойным: Пегас как ни в чем не бывало отдыхал, занятый самим собой и уперев длинный хвост в Андромеду, а Беллатрикс искала защиты в объятиях Персеид. Паркер вернулся в кресло и заснул, укрывшись одеялом, что сделало его похожим на толстое огородное пугало. Он попытался увидеть сны, считая это последним спасительным средством в подобных обстоятельствах, только вот здесь, на самом краю континента, сновидения не отличались пунктуальностью, и часто приходилось буквально приманивать их, изобретая какую-нибудь уловку. А те немногие, что добира-

лись в такую глухомань, спешили спрятаться в свои логова, едва появлялось солнце, то есть вели себя как ночные животные. И все равно дневной свет сразу же вырывал их из мрачного убежища и рассеивал. В районе сороковой параллели они были такими же скудными и ненадежными, как и вся здешняя земля, поскольку уже в самый момент зарождения порывистый ветер перекручивал их, и потом они, точно так же как степной кустарник, боролись за выживание в некой вымышленной реальности, порой все же касаясь настоящей земли концами своих сухих веток. В этой бесплодной пустыне, где даже падаль куда-то мгновенно исчезала, сны не могли подпитываться ни дневными человеческими желаниями, ни отголосками дневных событий и в лучшем случае ненароком находили на дорожных ограждениях клочки оброненных кем-то воспоминаний, похожих на умирающих животных, — и прикидывались полинявшими грезами. Природа здесь была сродни ненасытному водовороту, который затягивает все подряд и опустошает сознание любого, кто через эти места проезжает, поэтому Паркер всю ночь корчился, хватаясь руками за все подряд, так как боялся, что и сам тоже будет закручен в бездну. А его

тщательно простерилизованная память становилась барьером, который не позволял заглянуть за пределы того дня, когда Паркер собрал остатки наличных денег и покинул Буэнос-Айрес, чтобы больше никогда туда не возвращаться. Позади была непроглядная пропасть, где продолжали существовать женщина и ребенок, теперь больше похожие на призраков. Позади были места, где он стал чужим, поскольку они принадлежали тому человеку, которым Паркер давно перестал быть.

Неделю спустя, когда золотистые утренние тона окрасили грузовик и лагерь, где все еще был накрыт стол на двоих и дымился костер, Паркер, завернувшись в одеяло, читал книгу, но вдруг с юго-востока до него донесся, нарастая, слабый шум. Он опять глянул на часы, лишь бы на что-нибудь глянуть, опять вышел на двойную желтую линию и замер с таким видом, словно был вождем местного племени. Непонятное расплывчатое пятно постепенно превратилось в заляпанный грязью автомобиль с багажом на крыше. Поднимая тучи пыли, он стал тормозить, а к Паркеру подъехал уже со скоростью пешехода. Водитель собирался остановиться, но как раз в этом месте начинался легкий спуск, и машина, не удержавшись, скользнула мимо, по

инерции снова набирая скорость. Из нее на ходу выпрыгнул высокий тощий мужчина с седыми всклокоченными волосами, в длинном плаще и линялом шарфе. Он забежал вперед и своим телом попытался притормозить автомобиль.

— Да помогите же, чего вы стоите! — крикнул он.

Паркер наблюдал за происходящим так, как если бы сцена ему пригрезилась, но тут схватил с обочины камень, подбежал и сунул его под переднее колесо. Машина вздрогнула и замерла, а мужчина быстро сунул камни и под другие колеса, после чего распахнул руки и с улыбкой двинулся к Паркеру. Их объятие длилось ровно столько, сколько понадобилось туче пыли, чтобы осесть на дорогу.

— Что случилось, журналист?

— А… Тормоза… Каждый раз, чтобы остановиться, надо заземлять колеса. Буквально на днях чертовы тормоза вдруг стали чудить.

— Да я не об этом. Мы ведь с вами договорились встретиться, если не ошибаюсь, еще на прошлой неделе, — не без досады напомнил Паркер.

Встречи Паркера с его другом журналистом, как правило, не имели конкретной цели и были, можно даже сказать, случайными, хотя приятели

всегда заранее намечали для них конкретный день и конкретный пункт. Но было практически невозможно выполнять какие-то договоренности в этих краях, больше похожих на своевольный океан, где течения могли по своему усмотрению унести человека в морские просторы или выбросить на берег. В результате свидания двух приятелей хотелось назвать именно так: случайным и непредсказуемым пересечением тел, которые время от времени ненароком сталкиваются, не всегда это даже замечая.

— Мне пришлось останавливаться на ночевки, ведь я в дороге уже не одни сутки. Сами знаете, каковы здешние трассы, — принялся оправдываться журналист. — И нет ничего хуже, чем спать в чистом поле, — добавил он, усаживаясь за стол и поглядывая на прозрачное утреннее небо.

— Уж мне-то вы можете такие вещи не объяснять, — ответил Паркер, наливая ему кофе.

— Ага, а вот и прошлогодние новости! — воскликнул гость, беря в руки брошенную на столе газету и мельком взглянув на дату.

— Я ее купил, когда в последний раз попал в город, но до сих пор так и не дочитал до конца.

— Нет, Паркер, вы просто сумасшедший. В каком мире вы живете?

Но тот лишь обвел взглядом пустынный пейзаж и покрутил поднятым вверх указательным пальцем:

— Здесь не существует ни времени, ни дат, и только поэтому так хорошо спится.

— Зато мне даты необходимы — это моя работа.

— Как продвигается ваше расследование, обнаружили что-нибудь новое?

— Я нашел место, где они выгружались.

— Кто?

— Как кто? Вы что, не помните, о чем я рассказывал вам в прошлый раз?

— Более или менее помню. Это было как-то связано с войной, да?

Журналист сходил к своей машине и вернулся с пыльной кожаной сумкой. Достал карту, разложил на столе и ткнул пальцем в некую точку:

— Вот тут, в этом заливе. Именно здесь происходила высадка.

Паркер наклонился над картой и с притворным интересом уставился на указанное место:

— И как вы это узнали? Разве любые их операции не были строго засекречены?

— Были, и очень даже строго засекречены, но с тех пор прошло шесть десятков лет. Я поговорил

со свидетелями, порылся в нужных книгах и документах… — начал объяснять журналист. — Вот тут были замечены подводные лодки, да, тут, и аж несколько лодок. Какие-то предпочли сдаться, какие-то исчезли навсегда — о них нет вообще никаких сведений.

— А зачем они сюда приплыли, тут ведь ничего нет?

— Именно потому и приплыли, что тут ничего не было. Ничего и никого, кто мог бы их отследить. Они выгружали золото и документы, потом переправляли все это в горы, в тайные убежища. И я уже почти написал следующую книгу. Вот посмотрите. — Он вытащил из сумки внушительных размеров папку и положил на стол. — Толстая, правда? Вполне хватит на Пулитцеровскую премию.

Паркер взял папку и взвесил на руке:

— Если судить по тяжести, то вам, пожалуй, дадут даже Нобеля. Короче, вы хотите сказать, что нацистские трофеи попали сюда?

— Разумеется! Говорят, что сам Гитлер побывал где-то тут, но это я еще должен доказать, чем нынче и занимаюсь.

— И вы полагаете, будто кто-то согласится опубликовать весь этот бред?

— Ну, не вам судить, бред это или нет. Вы живете совсем в другом мире.

— Да и вы тоже, если говорить откровенно.

Журналист пропустил его реплику мимо ушей и снова кивнул на карту:

— В этом заливе могут сохраниться следы кораблекрушения, например, *U*-745, и я ищу эти следы вот уже несколько лет.

– *U*-745? А что это такое? Автобусная линия?

— Не валяйте дурака! *U* означает *Unterseeboot,* то есть по-немецки подводная лодка.

— И что, Гитлер приплыл сюда прямо на этой самой *U?*

— Вполне возможно, были организованы специальные засекреченные рейсы, чтобы доставить сюда беглецов и деньги. А потом те лодки затопили, чтобы замести следы.

— Ага, только вместо того, чтобы заметать следы, они их оставляли.

— В конце войны у Мар-де-Лобос всплыли *U*-530 и *U*-977, так как решили сдаться властям, но там же были замечены еще несколько других. Среди них могла находиться *U*-1206, которую считали потопленной в Северном море в апреле сорок пятого.

Паркер откровенно зевнул и уставился куда-то

в сторону горизонта. Пока его гость говорил, он выстраивал для себя дальнейший маршрут и подсчитывал, сколько дней ему придется катить до конечного пункта, да еще наверстывая неделю, потраченную на ожидание журналиста. А тот между тем сыпал деталями:

— …Рядом с местечком Сан-Альфонсо на протяжении нескольких дней видели перископы и башенки, и, возможно, это были *U*-326 или *U*-398, хотя считалось, что они пропали в водах Шотландии. Но я ищу следы *U*-745, которую в последний раз заметили в феврале сорок пятого в Финском заливе и которая могла всплыть здесь, в Песчаной Гавани, несколько месяцев спустя, — завершил свой рассказ журналист, все больше распаляясь. Он немного помолчал, чтобы отдышаться, а потом уставился на Паркера: — Ну скажите, разве это не поразительно?

Паркер сделал глоток кофе и недоверчиво покачал головой:

— Вы уже давно стали слишком большим мальчиком, чтобы играть в морской бой, пора от этой забавы отказаться. Уж лучше поставьте в лотерею на цифру семьсот сорок пять — вдруг что-нибудь да выиграете.

— А вы не просто любите валять дурака, вы еще

и большой циник. Да будет вам известно, что уже существует много исследований на эту тему.

— В нашем мире стало слишком много людей — их хватает на всё.

— Еще бы не хватало! — Журналист обвел взглядом лагерь и грузовик Паркера, а потом пристально посмотрел на приятеля, хотя тот сделал вид, что этого не заметил.

Оба немного помолчали, попивая кофе и куря.

— Никак не могу вас понять, какой-то вы странный… Вы ведь не местный, правда? — спросил журналист.

Но Паркер опять с гордым высокомерием смотрел вдаль. Его гость перевел взгляд на футляр с саксофоном, стоявший на кресле, и ждал ответа.

— А здесь никого нельзя считать местными, все откуда-нибудь понаехали. Местных уже просто не осталось.

— К тому же вы, сдается мне, такой же дальнобойщик, как и моя бабушка. Настоящие дальнобойщики не играют на трубе.

— Да, не играют, а очень жаль.

— Вы называете себя Паркером[1] именно из-за вот этой трубы?

---

[1] Примечания: 1

Имеется в виду Чарли Паркер (1920–1955) — американский джазовый саксофонист и композитор. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

— Это саксофон, а не труба.

— Что только хуже.

— Нет, из-за авторучки. Еще в школе я выиграл ручку *Parker* в лотерею, чем на какое-то время и прославился.

— А откуда и куда вы едете теперь?

— Везу фрукты из долины в порт, но стараюсь держаться подальше от человеческих существ, как я вам уже тысячу раз объяснял.

— Значит, меня вы не относите к числу человеческих существ? Это мне льстит.

— Вы исключение, хотя я и сам до сих пор не понял, почему так решил. Но когда начинаете занудствовать, выносить вас бывает трудно.

— Не слишком доверяйте внешнему впечатлению, на самом деле я гораздо хуже, чем кажусь. — Он попытался поймать уклончивый взгляд Паркера, который продолжал изучать степь, потом поставил чашку на стол и чуть наклонился к нему: — А не скрываетесь ли вы от кого-то?

Паркер мотнул головой в сторону папки:

— Да, вполне можно допустить, что я внук Гитлера, так и запишите где-нибудь там, у себя. Но потом половину гонорара отдадите мне.

Журналист снова стал разглядывать Парке-

ра, который курил с равнодушным видом. Тот несколько дней не брился, а одеяло, которым он накрылся, плохо скрывало заметный живот.

— Если бы вас сейчас увидел ваш дедушка Адольф, он бы решил, что напрасно старался.

Паркер тоже бросил на него такой взгляд, словно оценивая с головы до ног:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду его теорию высшей расы.

Теперь Паркер смотрел на журналиста с недоумением:

— А что вас не устраивает в моей расе?

— Ничего, ничего, просто…

— Не слишком доверяйте внешнему впечатлению.

— Да, вы правы, вы ведь, надо полагать, как и я сам, хуже, чем кажетесь поначалу.

Их взгляды встретились, и теперь двух мужчин будто накрепко связала прозрачная нить.

— Пожалуй, мы с вами действительно чем-то похожи.

— Возможно, но в таком случае я не знал бы, радоваться этому или срочно звать кого-нибудь на помощь.

— Лучше радуйтесь, поскольку здесь на помощь к вам уж точно никто не придет.

Паркер и журналист опять замолчали, потом с ленцой поднялись и стали медленно прогуливаться.

— Иногда я вам завидую. Только оставаясь в одиночестве среди таких просторов, можно по-настоящему оценить свободу, — сказал журналист.

Паркер ответил не сразу:

— Да, в этом что-то есть.

— Однако уверенности в вашем голосе почему-то не чувствуется.

— Дожив до таких лет, я уже мало в чем бываю до конца уверен.

— Хотя и не похоже, чтобы вы из-за этого сильно страдали. То есть из-за того, что оказались здесь.

— Нет, сильно я не страдаю, просто мне платят слишком мало — да еще и черным налом, контора едва сводит концы с концами, на хозяина нельзя ни в чем положиться, у меня нет надежных документов, и я не знаю, сколько еще сможет пробегать старый грузовик.

— Ну, это все мелочи. Вы ведь горожанин, сразу видно. И как вам удалось приспособиться к такой жизни?

— Привык к открытому небу и уже не смог бы жить в городском шуме, видеть вокруг тучи

машин, терпеть каждодневную рутину, заниматься своим домом, наблюдать изо дня в день лица соседей… В городе я чувствовал бы себя как в тюрьме.

— И что, готовы протянуть вот так до конца жизни? Берегитесь, на самом деле это может оказаться хуже, чем тюрьма.

— А почему бы и не протянуть? Такая же жизнь, как многие другие. Можно наняться в другую фирму, получить другой грузовик и…

Журналист ткнул его локтем в бок, по-прежнему прикрытый толстым одеялом:

— …а еще можно раздобыть новые документы.

— Вы слишком любите выдумывать всякие истории! Надеюсь, вам за это хотя бы прилично платят.

— Нет, это называется хорошим нюхом, а у вас, как подсказывает мне мой нюх, имеются некие проблемы с законом.

Паркер остановился, все больше раздражаясь:

— А вам-то какое до этого дело?

— Не сердитесь и поймите меня правильно: если вам нужны чистые бумаги, я вам могу поспособствовать, и стоить они будут недорого. Оказывая такие услуги, я и зарабатываю деньги на свои расследования.

— Беда в том, что мои проблемы, они не столько с законом, сколько с преступным миром.

— А вот это уже хуже. Подкупить мафиози бывает труднее, чем судью.

Когда они вернулись к столу, журналист порылся в сумке и вытащил пачку документов, которые развернул в руке веером:

— Смотрите, сколько у меня тут всяких личностей — говорят, это признак шизофрении.

— Главное, не пользоваться всеми сразу.

— Хотите одолжу одно удостоверение?

— Мне больше всего нравится то, что соответствует охотнику на нацистов, но им уже пользуетесь вы сами.

— Да, тут вышла осечка, выбирайте любое другое.

— Скажите, а вы всегда занимались поиском подводных лодок?

— Нет, раньше я искал инопланетян.

— Тогда той личностью я и мог бы воспользоваться, если вы не против.

— Вряд ли она вам подойдет, теперь пришельцев осталось гораздо меньше, чем было прежде. С некоторых пор летающие тарелки приземляются в Сибири.

— Неудобное место, слишком далеко от всего,

а значит, будет мне точно не по пути, куда бы я ни собрался, если только не в Антарктиду, — с грустью в голосе прокомментировал Паркер.

— С географией шутки плохи, — заметил журналист таким тоном, словно изрек великую истину, и снова стал рыться в сумке.

Паркер смотрел на него нахмурившись, а тот вытащил новую пачку документов и начал их перебирать.

— У вас один бред следует за другим.

— И это большое счастье, так как все это — звенья одной цепи.

После обеда Паркер лег на кровать, решив устроить себе сиесту, а журналист развалился в кресле. Но как только тень грузовика стала удлиняться, быстро вскочил на ноги, собрал со стола свои вещи, вынул из кармана пальто календарь и положил рядом с картой:

— Мне пора. Увидимся через тридцать дней вот здесь, на двести седьмом километре дороги номер двадцать шесть. Да, вот тут. Недалеко от Оленьего Холма.

Паркер повернулся на бок и, не открывая глаз, заговорил:

— Договорились, только не заставляйте меня ждать столько же, сколько в этот раз.

— Я буду пунктуален, а вы не перепутайте снова дорогу.

Журналист вытащил из кармана красный бархатный футляр, а из него — старинный инструмент, позолоченный и сверкающий.

— Что это — астролябия?

— Ничего-то вы не знаете, это секстант.

— Куда хуже, когда путают трубу с саксофоном.

— Да, только секстант может спасти вам жизнь, а труба — нет. Я вам его дарю, чтобы вы не заблудились на этих просторах, а заодно — чтобы нашли наконец свое место в жизни.

— У меня есть компас.

— Не вздумайте сравнивать компас с секстантом, который дает возможность ориентироваться в пространстве не только на ровной местности.

Паркер взял подарок в руки и стал восторженно его разглядывать.

— Пользуйтесь на здоровье. Итак, мы встретимся через тридцать дней у Оленьего Холма. Разожгите заранее костер, а я привезу мясо и вино.

Паркер и журналист какое-то время смотрели друг на друга, и оба не без усмешки, в которой тем не менее сквозило безусловное доверие. Их освещенные солнцем силуэты вырисовывались

на фоне темных туч, осевших на горизонте. Они обнялись на прощание, уже стоя на шоссе, на двойной сплошной. Журналист вытащил камни из-под колес и сел за руль.

— То, что я рассказывал про подлодки, — это секрет, никому про них не говорите… А также известите меня, если сами заметите что-нибудь необычное, — сказал он, высунув голову из окошка.

— Непременно. Если встречу хотя бы одного нациста, тотчас вам сообщу.

Журналист сорвался с места, опять подняв облако пыли. Паркер вернулся на свою стоянку. Потушил костер и снова погрузил мебель в прицеп с помощью того же устройства. Очень скоро грузовик двинулся в путь, со скрипом одолев придорожную полосу гальки.

Паркер вел машину, сунув в рот сигарету и держа в руке бутылку пива, в то время как за стеклами мирно текла пустыня. Идеальным сопровождением для такого пейзажа была строгая и незамысловатая музыка. Ленивые звуки виолончели разлетались по степи и подчиняли своему ритму движение грузовика, задевая самые глубокие струны в душе Паркера и погружая его в состояние полного покоя. У него была в запасе

еще почти пара недель, чтобы доставить груз в очередной порт, то есть времени было достаточно, и он решил без спешки поколесить по сухим асфальтовым рекам, изрезавшим континент. Он вообразил все рассветы, ожидавшие его на трассах, в том числе и те, что как раз в этот миг просыпались где-то очень далеко отсюда, над морскими волнами или среди горных вершин. Вообразил, будто они принадлежат только ему одному и означают космическое торжество, устроенное в его честь, чтобы он мог созерцать сей дар собственными глазами. Вселенная разворачивалась перед ним, пока он сидел за рулем, и при этом строго следовала раз и навсегда заведенному порядку: сперва рассвет, потом закат, а потом утыканное звездами небо. И небо было для Паркера пределом видимого, пределом познаваемого и даже пределом сверхъестественного, поэтому его не интересовало, что может существовать где-то там, дальше, или еще дальше. Зато с очевидностью существовал куда более близкий и каждодневный мир, тоже полный загадок и тайн: этот мир состоял из гаек и болтов, которые казались планетами, вращающимися по своей орбите, а также из шестеренок, цилиндров, поршней и винтов, которые все вместе

воплощали образцовый механический замысел, положенный в основу мотора. И Паркер был убежден, что открыть капот значит дерзко бросить вызов Пандоре или силам творения… Вот почему он опять испытал потрясение, когда, переключая скорости, услышал непривычный скрип, шедший из этой скрытой от глаз системы и прозвучавший как предупреждение, посланное ему непонятно кем и откуда. Что-то начало скрежетать в маленьком мире, существовавшем у него под ногами, что-то угрожающе трепыхалось, и его руки ощущали этот трепет через рычаг коробки передач. Все чувства Паркера сразу напряглись, он изготовился к обороне, потушил сигарету и швырнул в окно бутылку с недопитым пивом, которая с подскоками покатилась по асфальту и нашла свой конец на обочине. Паркер несколько раз пытался переключить скорость и столько же раз слышал, как неприятный хруст только усиливается, при этом дрожь двигателя тотчас передавалась телу водителя. Он продолжал дергать ручкой, пока мотор не издал зловещий звук и не принялся опять судорожно вздрагивать. Паркер почувствовал себя всадником, сидящим на норовистом коне. Он перешел от ласковых уговоров к угрозам и пообещал поджечь мотор, но

тот никак не желал браться за ум. Тряска и скрип сменились жалобными стонами, долетавшими, казалось, до самого края пустыни.

Несколько часов понадобилось издыхавшему грузовику, чтобы добраться до поселка, который, если верить картам, носил название Терновый Сад и располагался на берегу высохшей реки — она приносила сюда глинистую воду раз в три-четыре года и хорошо если на пару дней, по случаю чего жители устраивали грандиозный конкурс для рыбаков. Так как нужного знака при въезде в поселок не обнаружилось, Паркер, чтобы убедиться, что попал именно в Терновый Сад, обратился к старику, который сидел на камне, курил и смотрел в никуда. Любезно с ним поздоровавшись, он спросил:

— Скажите, это Терновый Сад?

— Нет, сеньор, это Суккулент.

— А не могли бы вы подсказать, где находится Терновый Сад?

— Да прямо вот здесь он прежде и находился, сеньор.

Паркер повторил свой вопрос, старик повторил тот же ответ, но дальнобойщик опять ничего не понял.

— Все очень просто: раньше здесь был Терно-

вый Сад, а теперь это Суккулент.

Паркер огляделся по сторонам в надежде найти кого-нибудь, кто был бы в своем уме, хотя и не испытывал особой охоты разбираться в неожиданной головоломке. К тому же рядом, как назло, все равно никого и не было, поэтому он опять обратился к старику, но теперь уже из праздного любопытства:

— А как мне попасть в Терновый Сад?

— Никак, сеньор, потому что это никак невозможно. Никто и никогда больше не сможет попасть в Терновый Сад, даже мы, кто здесь родился.

Оба надолго замолчали и разглядывали друг друга со смесью непонятного интереса, но и с непонятной заносчивостью. Паркер решил, что должен подыграть старику, если хочет что-то выяснить:

— А куда все-таки подевался Терновый Сад? Что с ним случилось?

Старик отвернулся и снова с серьезным и важным видом уставился в пустоту.

— А случилось с ним то, что ему придумали новое название, сеньор. И теперь он называется Суккулент. — После короткой паузы он заговорил уже не без гордости: — Такое обещание дал перед

выборами наш мэр, и он его выполнил. После чего поселок прямо сразу стал процветающим и благодатным. А Терновый Сад был совсем бедным и не знал, что такое хорошие урожаи.

Паркер поблагодарил его за разъяснения и доехал до ближайшей заправочной станции. Там он взобрался на крышу кабины, чтобы обозреть пустынный остров, куда волны занесли его после кораблекрушения. Ему было страшно даже подумать, что по той или иной причине можно застрять в таком поселке до конца своих дней. Паркер не раз бывал здесь, но никогда не задерживался, так как терпеть не мог подобные места, напоминавшие залы, которые арендуются кем угодно для разного рода мероприятий или праздников. Тут собиралась дорожная фауна: туристы, дальнобойщики, водители автобусов, пассажиры и коммивояжеры. Тут они отмечали сначала встречи, а потом расставания. Он знал, что должен поприветствовать знакомых, обсудить с ними свои проблемы, попросить помощи, а самым любопытным дать хоть какие-нибудь объяснения. Нет, выдержать столь ужасные испытания он готов не был. Едва оглядевшись по сторонам, он почувствовал глубокую тоску и возмечтал об одинокой смерти в любом из самых

пустынных уголков планеты, хотя надежды на такую удачу оставалось все меньше. Несколько грузовиков стояли на огромной площадке, прямо за которой начиналась степь. Площадка имела квадратную форму и была огорожена стеной вроде тех, что когда-то давно служили защитой для караванов первых колонистов. Здесь же водители обычно ели и пили, рассевшись вокруг костра, на котором жарилось мясо. Обменивались забавными историями, играли на гитарах — и продолжалось это порой до рассвета. Паркер презирал такую манеру общения, когда люди из кожи вон лезут ради того, чтобы поддержать совершенно бессмысленные разговоры, смеются вымученным шуткам и заезженным анекдотам, словно слышат их в первый раз. При этом дорожное братство весьма ревниво следило за исполнением подобных ритуалов и требовало, чтобы каждый вновь прибывший подчинялся им под страхом быть жестоко осмеянным. И Паркеру тоже случалось присоединяться к такому веселью, а различались они лишь составом участников и местом, хотя сценарий всегда оставался одним и тем же. Поэтому Паркер бежал от них как от чумы, научившись ловко оберегать собственное отшельничество — то единственное

пространство, где он ощущал себя отгороженным от шума и суеты. А еще он научился не задевать при этом чужого самолюбия, поскольку давно усвоил: когда ты постоянно находишься на трассе, жизнь подстраивает тебе неожиданные пакости, и тут уж никак невозможно сохранить полную независимость от других.

Вот и сейчас он решил покинуть стоянку поскорее, пока его не заметили, иначе будет трудно отклонить приглашение поучаствовать в вечернем пиру, а он сейчас нуждался в помощи — и в очень серьезной помощи. Тут надо добавить, что любые поломки на дороге становились поводом для немедленного проявления солидарности со стороны коллег-водителей: помощь полагалось оказывать во что бы то ни стало, хотя порой это давало повод заодно и сунуть нос в чужую жизнь, сойтись с пострадавшим поближе и задать нескромные вопросы. Паркер легко вообразил, как они станут обсуждать случившуюся у него поломку, качать с преувеличенным сочувствием головой и наперебой давать советы. Как соберутся вокруг грузовика: один притащит инструменты, другой — выпивку, кто-то захочет щегольнуть своими липовыми техническими познаниями, и все будут изображать искренний

интерес и желание быть полезными. Но Паркеру был нужен опытный механик, а не дружелюбно улыбающиеся дальнобойщики, которые обрушат на него волны своей симпатии, а ему будет трудно ответить на это равноценным образом. Спускаясь с крыши кабины, Паркер через окно скользнул внутрь и медленно поехал, стараясь остаться незамеченным, хотя неполадки в моторе превратили грузовик в грохочущую жестяную коробку. Тем не менее ему удалось найти место для парковки поодаль от остальных, на поляне — вернее, на свалке среди раскуроченных автомобилей, старых шин и уже ни на что не годных деталей. Эта свалка напоминала огромный музей под открытым небом или даже поле боя. Он пересек поляну и увидел старый трейлер, на котором была прикреплена уже давно переставшая светиться вывеска: “Механик”. Паркер сначала настойчиво похлопал в ладоши, потом несколько раз постучал в дверь, но ответа не дождался. И тут из туалетной кабинки, сооруженной из фанеры, появился мужчина средних лет, давно не бритый, с таким лицом, словно он только что проснулся. Механик вытер руки тряпкой, потом застегнул замасленные брюки. Теперь оба стояли друг против друга, и между ними повисло тяжелое молча-

ние — ни один не желал заговорить первым. И в этом ожидании чувствовался с той и другой стороны откровенный вызов. Паркер понял, что именно сейчас будут установлены принципы их дальнейших взаимоотношений: если проявит слабину он, то тип посчитает себя победителем, и тогда играть придется по его правилам. Именно так строились человеческие связи в тех краях, населенных людьми суровыми и не слишком привыкшими к вежливости и пустым церемониям. Вот и теперь водитель и механик мерили друг друга взглядами, и ни один не желал уступить. Но наконец механик не выдержал:

— Вы ко мне?

Паркер огляделся по сторонам и чуть помедлил с ответом. В небе стремительно летели тучи, а внезапно нагрянувший ветер поднял такую пыль, что вокруг за считаные секунды стемнело. Первый же порыв чуть не сбил Паркера с ног, второй погнал песок вверх по его ноге. И ему показалось, что буря явилась сюда намеренно, решив за что-то поквитаться лично с ним — во всяком случае, у механика не шелохнулся ни один волосок на голове. Паркеру захотелось куда-нибудь спрятаться. Но он спросил:

— Это автомастерская?

— Нет, это собачья парикмахерская.

Паркер понял, что проиграл первый раунд.

— Вы здесь, гляжу, все сплошь шутники…

— Не знаю, я не здешний, — сказал механик, пожав плечами и по-прежнему словно не замечая диких наскоков ветра. Потом указал куда-то вдаль: — Сам я вон оттуда, из поселка Мертвый Мул.

Паркер посмотрел в ту сторону, приставив ладонь козырьком. И увидел в открытом поле пять приземистых домиков, сооруженных из необожженного кирпича и крытых жестью. Окружал дома рахитичный забор из проволочной сетки, усеянный зацепившимися за него полиэтиленовыми пакетами и потому похожий на терновый венец.

— Вон те дома — они и есть Мертвый Мул? Что ж, значит, сегодня у меня счастливый день, — нанес ответный удар Паркер.

Механик скорчил обиженную рожу:

— Нет, вы ошибаетесь. Это Старый Мул. А Мертвый Мул, он дальше, отсюда не видать.

— Один черт! Мне в этих ваших мулах ни в жизнь не разобраться.

— А ведь дело вовсе не в том, чтобы что-то увидеть, просто надо рассуждать логически. При-

киньте сами, какой мул должен быть первым — мертвый или старый? Вот вы, человек городской, как бы тут рассудили?

Паркер посмотрел на механика так, словно тот говорил на чужом для него языке, и поэтому счел за лучшее вообще не отвечать.

— А ведь тут все яснее ясного: сначала Старый Мул, а сразу за ним — Мертвый. Или у вас в Буэнос-Айресе бывает наоборот?

Паркер воззвал к небесам, чтобы они послали ему нужное терпение, потом опять огляделся по сторонам. Потом уставился на механика, не находя что ответить, а когда наконец придумал, вышло только хуже.

— Это зависит от того, с какой стороны ехать, — выпалил он с победным видом.

— Нет, не зависит, поскольку ехать всегда можно только вот отсюда. К тому же после Мертвого Мула больше уже вообще ничего нет — ни жилья, ни дорог, ни мулов. Прямо там все и обрывается, — объяснил механик с философской обреченностью в голосе.

— Может, все и обрывается — зато начинается ничто, — раздумчиво произнес Паркер в том же тоне, словно заразившись его простой и стихийной мудростью.

Но тот решил наконец перейти от рассуждений к делу и выжидательно посмотрел на Паркера, который по-прежнему старался хоть как-то защититься от ветра.

— Ну ладно, хватит чушь нести! — сказал механик сердито, словно имел дело с сумасшедшим, а потом добавил, язвительно ухмыльнувшись: — Вы то ли выпили лишнего, то ли вам ветром все мозги выдуло…

Паркер опять ничего не ответил и повернулся к ветру боком, но это не помогло, и тогда он повернулся другим боком. Был его черед отвечать, и следовало немедленно отплатить за оскорбление, так как в этом поединке он явно терпел поражение. Да и вообще, пора было брать быка за рога.

— Вы можете посмотреть коробку передач в моем грузовике? Оттуда доносится какой-то непонятный скрежет.

Механик перебил его:

— Очень жаль, но мастерская закрыта — у нас отпуск.

Паркер нахмурился и чуть повысил голос:

— Ну и сколько этот ваш отпуск будет продолжаться?

Тип как-то очень уж долго сверялся со своими часами, изобразив на лице предельный интерес:

— Это зависит от обстоятельств.

— Вы что, издеваетесь надо мной?

— Я? Издеваюсь? Я как проклятый работал целый год без передышки, а теперь ради вас должен прерывать свой законный отдых?

И тут Паркер решил сдаться и сложить оружие. Он похлопал механика по плечу, скорчил не слишком искреннюю улыбку и попытался подписать капитуляцию на достойных условиях. Между тем механик продолжал рассуждать, но теперь уже весьма презрительным тоном:

— Все столичные жители, все эти портеньо[2], считают себя центром вселенной.

— А я не портеньо.

— Откуда же тогда вы таковский взялись?

Паркер махнул рукой в сторону горизонта.

— Да вон оттуда… из Злого Индейца, — придумал он на ходу ответ и не без угрозы выпятил грудь.

Механик уставился в ту сторону, попытался что-то рассмотреть, но, разумеется, безуспешно. То есть угодил в расставленную ему ловушку. Понятное дело, что никакого Злого Индейца ни там, ни где-то еще не существовало, поэтому тип

---

[2] Примечания: 2

Портеньо — житель Буэнос-Айреса.

ответил Паркеру улыбкой на улыбку и протянул руку. Паркер сумел-таки завоевать его уважение.

— Приятно познакомиться. Ладно, пошли посмотрим, что там у вас случилось. Судя по вашему лицу, проблема нешуточная, — бросил он, закатывая рукава.

Оба какое-то время копались в моторе, почти по пояс погрузившись под крышку капота. Наконец механик выпрямился и опять вытер руки тряпкой. Паркер последовал его примеру.

— Надо поменять пару шестеренок, и, если вам повезет, на это уйдет всего несколько дней.

Паркер спрыгнул на землю и нервно зашагал туда-сюда, что-то бормоча себе под нос и призывая на помощь небеса.

— А если мне не повезет? Что тогда?

— Если нужные детали не удастся раздобыть здесь, придется заказывать из столицы — и ждать никак не меньше недели.

— Вы что, смеетесь? А вот мне сейчас почему-то не до смеха.

— Но запросто может случиться и так: дороги будут затоплены, и тогда ждать придется пару недель.

— Я готов заплатить двойную цену, если вы сделаете все сегодня же, — перебил его Паркер,

окончательно теряя терпение.

— А вы полагаете, что я стал бы жить в этой дерьмовой дыре, если бы умел творить чудеса?

— Вот и попробуйте наконец сотворить какое-нибудь чудо — хотя бы самое маленькое, занявшись моим двигателем.

— Но и оно вряд ли поможет мне уехать отсюда, — печально изрек механик.

— Я не могу торчать тут два дня!

— А я, к примеру, смог проторчать тут тридцать лет.

— Это ваше дело, а не мое.

— Вот и я так считаю. — Механик понял, до какой степени расстроен приезжий, и внезапно проникся к нему сочувствием. — А вы сходите в парк развлечений, заодно немного и расслабитесь, вам это будет очень даже полезно.

— Думаете, мне сейчас больше всего нужны карусели? — со злобой в голосе ответил Паркер.

— Поверьте, вам это и вправду доставит удовольствие, — заверил его механик, а потом развернулся и направился к своему обиталищу. — Знаем мы этих столичных гостей! — пробурчал он, качая головой.

— Знаем мы этих провинциалов! — ответил Паркер тем же тоном.

А когда механик исчез за дверью мастерской, он схватился руками за голову и стал метаться по кругу, проклиная судьбу. Но тут из окошка высунулся мастер:

— А переночевать-то вам есть где?

Паркер ограничился кивком и поехал в сторону заправочной станции, вполголоса изрыгая проклятья. На парковке он увидел группу дальнобойщиков, которые пели под гитару и смеялись, и быстро спрятался за каким-то столбом. А час спустя он уже шел по поселку, согнувшись почти пополам и руками закрывая лицо от ветра, который нес навстречу бумажки и мелкие ветки. Паркер остановился, чтобы закурить, но и это у него не получилось, как он ни старался загородить телом огонек зажигалки. Попробовал встать под стену ближайшего дома — тот же результат. И тут ветер-насмешник вырвал у него изо рта так и не зажженную сигарету — и новый порыв унес ее неведомо куда. Разъярившись, Паркер подбросил зажигалку вверх, а когда она падала, на лету поддел ногой и зашагал дальше. Он дошел до самого конца улицы, где уже начиналась степь. У таких поселков, как этот, не бывает определенной формы и четких границ, обычно они представляют собой скопление до-

мов, перемежаемых пустырями и разбросанных без всякого плана и порядка, поэтому там легко заблудиться, почти как в большом городе, поскольку в них не имеется ни центра, ни главной площади, куда стекались бы основные улицы. Паркер немного постоял, потом развернулся, но на первом же повороте задержался и два-три раза посмотрел на часы, как если бы старался подстегнуть движение стрелок, словно приклеенных к циферблату. Правда, не менее клейкой была и сама субстанция, из которой состояло время в подобных местах. В итоге все это вместе — неполадки с мотором, паскудный механик, от которого Паркер теперь зависел, неизбежные разговоры с дальнобойщиками и сам чертов Суккулент — привело его в ужасное настроение. А усугублялись перечисленные неприятности ударами ветра, безнадежно разрушавшими то, что Паркер с таким трудом налаживал внутри себя час за часом и день за днем. И теперь он чувствовал именно полную внутреннюю разлаженность, когда все сдвигалось с надлежащих мест, и все, наполнявшее прежде его жизнь, стало в мгновение ока зыбким, ненадежным и бессмысленным. Вернее, смысл имело лишь одно: надо было поскорее найти подходящую щель, чтобы

там спрятаться. Существует форма одиночества, похожая на липкий мох, которым порастают и люди, и все вокруг них, оставляя неистребимые пятна, оно обитает среди таких вот приземистых домишек и на покрытых лужами улицах. Но есть у одиночества и другая форма — это обезумевший ветер, который мчится по россыпи полей, где любая человеческая фигура кажется чем-то чужеродным. Первая форма имеет бесконечные варианты, и такое одиночество всегда ввергало Паркера в черную меланхолию, не оставлявшую хотя бы узкой лазейки для других чувств. Зато вторую форму, наоборот, он воспринимал как порождение природы в чистом виде, и она несла в себе массу ощущений, образов и мелодий, которые глубоко западали в душу.

И тут Паркер заметил, как из-за угла в его сторону сворачивает компания мальчишек. Они шли веселой гурьбой, гогоча и толкаясь. А ему было сейчас просто необходимо обменяться хоть с кем-нибудь парой слов, чтобы перебить неприятный осадок, оставленный разговором с механиком. К тому же дети живут своей жизнью — ничем еще не замутненной и не оскверненной, и с ними можно вести себя без лукавства и запросто, если, конечно, рядом нет взрослых, напичканных из-

битыми и пошлыми истинами. Он прислонился к стене и ждал, пока ребята подойдут поближе. Их было пятеро или шестеро, все не старше десяти лет, и все лизали круглые яркие леденцы — такие большие, что словно маски закрывали им лица. А еще в руках у каждого было по нескольку воздушных шаров с нарисованными на них веселыми рожицами, и ветер тянул шары на нитках вперед и пригибал почти к самой земле, как если бы они почтительно кланялись. Дети прошли мимо, даже не взглянув на Паркера, и он подумал, что они сейчас похожи на солдат, строем шагающих на параде в честь национального праздника. Он обратился к тому, кто выглядел постарше других. Компания резко притормозила, как если бы ребята только сейчас заметили незнакомца. Паркер поздоровался, но ветер унес его слова в сторону, и вся компания какое-то время стояла молча, вроде бы ожидая, пока следующий порыв вернет уже сказанное обратно, хотя оно успело безвозвратно раствориться в воздухе. Не нарушая прежнего строя, мальчишки пересекли улицу и остановились под противоположной стеной, где было заметно тише, так что их шары перестали качать головами и сразу приняли естественное для них вертикальное положение. Паркер двинулся туда

же и снова поздоровался, но компания еще какое-то время взирала на него тупо и безучастно. Видно, встреча с новым человеком не вызвала у них ни малейшего интереса и они думали только о том, как бы поскорее отделаться от него и вернуться к своим ребячьим заботам.

— Послушай, парень, а где здесь у вас остановился цирк? — спросил Паркер того, кто выглядел менее сонным, но его вопрос вроде бы опять куда-то улетел.

Мальчик глянул на Паркера, спрятал леденец в карман и тотчас принялся жевать маисовых голубков, лежавших у него на ладони и почему-то оттуда не разлетавшихся, что разозлило Паркера еще больше. Он с изумлением смотрел на шары, неподвижно застывшие над детскими головами, пока сам он крутился так и сяк, отыскивая подветренное место, и никак не мог разрешить загадку, как получалось, что проклятый ветер все время пакостил исключительно ему одному. В голове у Паркера даже мелькнула абсурдная мысль: а что, если здешние воздушные потоки реагируют лишь на предметы, имеющие плотную консистенцию, то есть способные оказать им сопротивление? А что, если эта земля населена существами, лишенными телесной плотности,

и сам Паркер — единственный, кто обладает реальной телесностью? И только поэтому ничто не могло повредить мальчишкам, лишенным субстанции и похожим на фигурки, вырезанные из бумаги по одному трафарету. У них у всех были одинаковые одежда, движения и даже манера лизать леденцы — они крепко держали их в одной руке, пока другая сжимала нитки от шаров. К тому же у них у всех были одинаковые зубы и языки, испачканные сейчас искусственными красителями.

Старший из мальчишек вяло махнул рукой, вроде как прося Паркера посторониться, но тот не понял его жеста и продолжал задавать вопросы:

— Я тебя спросил, где у вас тут цирк. Ты что, глухой?

Но тот продолжал смотреть на чужака как загипнотизированный, слегка кося одним глазом.

— Какой еще цирк? — вдруг подал он голос, как если бы все это время молча обдумывал ответ.

— Ну хорошо, а где ты купил вот это? — указал Паркер на шарик.

— Я его нигде не купил, — ответил мальчик, опять принимаясь за свой леденец.

— Тогда где тебе его подарили?

— Мне его нигде не подарили.

Паркер уже не злился, зато почувствовал, как раздражение, начавшее было звучать в его вопросах, перетекло к нему в ладонь, уже готовую дать наглецу оплеуху.

— Хорошо, где ты его нашел?

— Нигде не нашел.

Паркер еще сильнее повысил голос, и тем не менее никто из детей даже не вздрогнул, словно они были и вправду не настоящими, а нарисованными.

— Я спрашиваю, кто дал тебе этот шарик.

— Мне никто его не дал…

Паркер закрыл глаза, мечтая о том миге, когда сможет наконец уехать отсюда, навсегда уехать.

— …Я его выиграл в парке развлечений, — наконец сжалился над ним мальчик, по-прежнему занятый больше своим леденцом, чем разговором с приставучим мужчиной. — Вон там, — добавил он быстро, указывая куда-то между домами и степью.

Паркер упер руки в боки:

— Ты, как я погляжу, остряк. Небось тоже живешь в Мертвом Муле?

— Нет, сеньор, я родился здесь, — теперь уже весьма охотно пояснил тот, и рожицы на шарах слегка качнулись в подтверждение его слов.

— Господи, как бы я хотел поскорее убраться из этого вашего Суккулента и больше никогда, слышишь, никогда в жизни сюда не возвращаться, — вырвалось у Паркера.

Вся компания дружно загоготала, и эхо разбросало их смех среди домов.

— Сеньор, этот поселок называется Терновый Сад, а не Суккулент. Кто вам такое сказал? — спросил уже другой мальчишка.

— Мужчина, который сидел на камне у дороги.

Дети снова засмеялись, на этот раз еще громче.

— Да это же был сумасшедший Бермудес. На последних выборах он вдруг решил пройти в мэры, чтобы переменить здешнее название, только вот за него никто не проголосовал.

Паркер в отчаянии махнул рукой и зашагал в указанном направлении, шепотом ругаясь самыми непотребными словами. Прежде чем повернуть на боковую улицу, он оглянулся и увидел, что мальчишки стоят на прежнем месте, в прежних позах и держат в руках свои шары, которые издали казались продолжением их детских тел.

Паркер опять пересек весь поселок, но теперь уже в обратном направлении — до противоположного края, но так и не нашел того, что искал.

Больше всего ему хотелось вернуться назад и отлупить косоглазого мальчишку, хотя это, разумеется, следовало сделать сразу же. И тут, остановившись у очередного поворота, совершенно неотличимого от других, он обнаружил впереди что-то вроде площади и даже принял ее сперва за мираж, поскольку не мог понять, почему не заметил раньше, два или три раза проходя совсем близко. Тут были такие же низкие дома, но кроме того — церковь, мэрия, продуктовая лавка, банк и, разумеется, универмаг. А еще громоздились кучи мусора, нанесенного ветром, однако их местонахождение менялось в зависимости от времени суток: к утру все это безобразие скапливалось у стен с северной стороны, днем оказывалось в центре, у флагштока, а к вечеру перелетало в южную часть, хотя иногда порядок был обратным — в зависимости еще и от времени года.

Теперь на площади расположилось что-то среднее между ярмаркой и луна-парком. По периметру выстроились домики на колесах, фургоны и грузовики, расписанные цирковыми картинками. Вход в парк украшала жестяная арка с надписью “Добро пожаловать!”. Парк развлечений не отличался большими размерами и, можно

сказать, свернулся на площади клубочком, как эмбрион в матке. А сама площадь точно так же поместилась в центре поселка, поселок — посреди степи, так что все это вместе напоминало русскую матрешку. Паркер прошел вдоль импровизированной ограды до арки, потом двинулся туда, где были расставлены палатки, шатры и аттракционы и где счастливым победителям выдавались призы разных цветов и размеров. Увиденное до того его поразило, что он даже не заметил, как неожиданно утих ветер — и не только для местных жителей, но и вокруг него самого тоже. Чуть дальше, за большим молотом-маятником и “гусеницей”, высилось колесо обозрения, хотя сейчас оно застыло в неподвижности, словно часы, ожидавшие, когда их наконец заведут. За колесом располагались качели на цепях, за качелями — карусель с танками, летающими тарелками, лошадками и разными машинками. На самом краю парка был устроен автодром. Чуть поодаль Паркер увидел крытый аттракцион под названием “поезд-призрак”. Сооружение было солидных размеров, с жестяным каркасом, разрисованным привидениями, черепами, вампирами, людьми-волками и скелетами. Ярко-красная вывеска с кровоточащими буквами гласила:

“Добро пожаловать на поезд ужасов”. Большой проем, оформленный в виде чудовищной пасти, вел к началу мрачного лабиринта из туннелей и коридоров, по которым двигались миниатюрные вагончики-кабинки. У входа стоял палач в капюшоне, и в одной руке он держал окровавленный топор, а в другой — отрубленную голову. Палач проверял билеты у отважных пассажиров — у тех, кому хватало смелости спуститься в десятый круг ада, заплатив за это всего несколько жалких монет.

Паркера все это привело в полный восторг. Он зашел в бар, где мужчина средних лет, судя по чертам лица боливиец, подметал пол, расставлял столы и стулья и вносил ящики с пивом, спешно готовясь к наплыву клиентов, которые и вправду не заставили себя ждать. Паркер выбрал столик и стал глазеть по сторонам, внимательно изучая каждую мелочь, хотя уже весьма скоро ему захотелось назвать увиденное не столько парком развлечений, сколько парком разочарований, поскольку между аттракционами зияли пустые участки, из чего сам собой напрашивался вывод: какие-то забавы еще не были сюда доставлены или по какой-то причине не смогли занять отведенные им места. И Паркер решил, что лучшим

для него завершением этого злополучного дня будет колесо обозрения. Кроме того, созерцание заката с высоты, пожалуй, станет еще и одним из способов обмануть равнину, ведь достаточно подняться на сколько-то метров над землей, чтобы линия горизонта отодвинулась на целые сотни километров. Он купил в кассе билет, наблюдая, как откуда-то неспешно выплывают новые и новые посетители, и вглядывался в суровые лица нефтяников, шахтеров и пеонов из эстансий[3]. Они прогуливались по парку целыми семьями, отработав свои тяжелые смены. Тем временем ярмарка словно по мановению волшебной палочки оживала — еще и благодаря тому, что на фоне приближающихся сумерек вспыхивали яркие вывески и цветные фонарики. Сев в кабинку колеса обозрения, Паркер то взлетал вверх, то падал вниз. И с самой верхней точки он уже мог различить первые, еще робкие, звезды. А ярмарка оттуда казалась пятном света, которое вечер распластал по равнине в окружении квадратных крыш. Разглядел он оттуда не только заправочную станцию, но и свой грузовик, похожий на зверя, брошенного без присмотра и прилегшего

[3] Примечания: 3
Эстансия — крупное поместье.

отдохнуть. Но колесо быстро вырывало Паркера из тишины, царившей там, наверху, и возвращало в земной мир — где на него обрушивались беспорядочный хор голосов, гомон и смех, а также дым от барбекю и запах жареного мяса.

Полный оборот колеса, во время которого за считаные минуты соседство самых мелких и конкретных деталей сменялось картиной космической бескрайности, приводил Паркера в экстаз. И та же последовательность сцен и картин повторялась при каждом витке. Вдруг Паркер оказался над тиром, где посетители старались с помощью тряпичных мячей поразить плюшевых мишек. В тире стояла девушка — и словно пряталась среди свисавших с потолка призов. Облегающая блузка подчеркивала ее стройную фигуру. Девушка из тира мелькнула перед взором Паркера как призрачное видение и пропала, едва колесо опять закинуло его в небесное одиночество. Но каждый раз, пролетая над тиром, он вытягивал шею, чтобы взглянуть на красавицу, пока она расставляла на полке поваленные игрушки или собирала с пола мячи. Вскоре Паркер, непривычный к таким резким сменам высоты, почувствовал, как в желудке у него закрутились вихри, только в противоположном по сравнению с движением

колеса направлении.

Когда оно наконец остановилось, Паркер сразу направился в тир, куда его несла неведомая прежде горячая волна, хотя он все еще чувствовал мерзкий комок в желудке. Но, увидев девушку не с высоты, а прямо перед собой, Паркер был сражен наповал. Ее окружали пластмассовые игрушки, букетики искусственных цветов, карнавальные маски, футбольные мячи, фигурки Девы Марии, горные пейзажи в рамках, блестящие бусы, перстни и браслеты — и такое окружение превращало хозяйку тира в восточную богиню, замершую в своем святилище. Бледность лица резко оттенялась густыми темными волосами, словно две силы решили поспорить между собой за власть над ее черными глазами. Но в этом лице был заметен и еще один контраст — смешение черт коренной жительницы Патагонии с чертами, завезенными сюда из-за океана.

Какое-то время Паркер рассматривал девушку, забыв обо всем на свете, потом проскользнул к ней поближе, пока она раздавала призы, широко при этом улыбаясь и приглашая новых посетителей попытать счастья. Чувство, которое Паркер считал уже давно угасшим, вдруг стало пробуждаться и остро давало о себе знать всякий

раз, когда девушка, подбирая очередной мяч, наклонялась и в вырезе ее блузки приоткрывалась грудь, обещавшая неземные наслаждения. Паркер стоял теперь в первом ряду и не сводил с нее глаз, боясь, что видение вот-вот растает. Между тем людей в тире заметно поубавилось.

— Хотите попробовать, кабальеро? — вдруг обратилась к нему богиня. И ее голос сразу заглушил ярмарочный гул. Она протянула ему три мяча и одарила улыбкой, на которую Паркер не сумел ответить подобающим образом.

— Наверное, это не так уж и просто, — сказал он, но потом решительно прицелился, прищурив один глаз, и стал бросать мячи, которые никак не желали попадать в цель.

— Сейчас я вам покажу, как это делается! — Хозяйка тира спустилась вниз, встала рядом с Паркером и швырнула три мяча так метко, что сразу пять игрушек одна за другой повалились на спину, словно под действием волшебной силы. — Понятно?

— Мне остается только поздравить вас, сразу видна опытная…

Паркер запнулся, так как едва не сказал “опытная женщина”, и стал лихорадочно подбирать что-нибудь более уместное в данном случае, но

на ум ничего удачного не приходило. Девушка посмотрел на него так, что он почувствовал себя совершенно безоружным, затем опять улыбнулась, слегка надув губы, и помогла ему выйти из положения как раз в тот миг, когда он, пристыженный и все еще ощущая ком в желудке, уже собрался спасаться бегством.

— Опытная в обращении с мячами? — закончила она его фразу, возвращаясь на прежнее место, после того как еще тремя ловкими бросками свалила новые фигурки, которые падали, будто подчиняясь ее приказу.

— Ну, с такой девушкой лучше быть начеку, — ответил Паркер, не придумав ничего остроумнее.

Она с озорной гримасой кивнула, но улыбнулась скорее уже робко, а потом сделала вид, что забыла про него, и занялась другими клиентами.

— Сколько я вам должен? — спросил Паркер, опуская руку в карман.

— Пусть ваш первый опыт будет за счет заведения… — ответила она.

Паркер был польщен, он поблагодарил ее и в глубокой задумчивости вышел из шатра, то и дело оглядываясь, пока не натолкнулся на ограду автодрома с машинками, похожими на живот-

ных, которым до смерти надоели однообразное кружение и неизбежные столкновения. Зато Паркеру автодром показался идеальным наблюдательным пунктом, так как давал возможность не терять из поля зрения богиню, царившую в тире. Он купил билет, устроился в машинке и принялся рулить, уворачиваясь от ударов и выписывая идеальные восьмерки.

Паркер постепенно входил в транс, он словно опьянел, и ему казалось, что каждый новый поворот позволяет ему еще и ласково прикоснуться к телу красавицы. В мозгу от такого кружения уже поплыл мягкий туман, но тут резкий и сильный удар вырвал его из томного забытья, сразу разбив все мечты вдребезги. После фронтального столкновения с другой машинкой голова Паркера дернулась вперед. И, слегка оглушенный, он начал обеими руками массировать себе шею, оглядываясь по сторонам в поисках коварного врага. В тот же миг в него опять кто-то врезался, теперь сзади, и голова мотнулась назад — еще резче, чем прежде. Уже через секунду он обнаружил, что за рулем наехавшей на него первой машинки сидел тот самый косоглазый мальчишка, который во время их недавнего бестолкового пререкания сосал леденец цвета фуксии. Шарик

на сей раз был привязан к рулю и покачивался, пытаясь скрыть улыбку.

— Ага, снова ты, — буркнул Паркер сквозь зубы, сжимая кулаки и чувствуя глухую ярость.

Он крутанул руль, отъехал подальше, чтобы получше разогнаться и отплатить за обиду, после чего ринулся на соперника, который опять спокойно занялся своим леденцом. Паркер вцепился в руль обеими руками, нагнулся вперед и выжал газ, готовясь к финальному столкновению. Он жаждал стереть с лица земли этого выродка, решившего отравить ему весь день, но секундой раньше другой мальчишка нанес Паркеру удар в бок и отбросил к самому краю площадки. Между тем вся их дружная компания выстроилась на своих машинках в ряд, из которого они по очереди как по команде кидались в атаку на Паркера. А он был похож на выведенного из строя боксера, когда тот продолжает защищаться, упав спиной на канаты. У него вдруг мелькнула мысль, что журналист был прав: эти дьяволята и на самом деле могли быть потомками одного из фашистских главарей. Но стоило Паркеру приготовиться к контратаке, как сеанс закончился, и машинки замерли на месте, словно у них кончился бензин. Все тот же боливиец из бара пересек площадку и

спросил, нормально ли он себя чувствует.

— Наперед тебе нужно зорче глядеть по сторонам, слишком уж ты отвлекался, — наставительно произнес он с сильным акцентом, пока Паркер тер себе виски.

— Дай мне еще один билет, сейчас я с ними разделаюсь, — прорычал он, протягивая деньги и грозно поглядывая на маленьких злодеев, которые дожидались нового сеанса, не расставаясь со своими леденцами.

Боливиец посмотрел на него с сомнением:

— Нет уж, сеньор, у нас люди развлекаются, это место не для разборок. Лучше уж вылазьте из машины.

Паркер с трудом выбрался и направился к группе ребятишек, но не успел дойти и до середины площадки, как машинки снова пришли в движение, и ему пришлось со всех ног бежать к выходу, чтобы не быть сбитым. Покинув автодром, он снова подошел к тиру и стал придумывать предлог для разговора с девушкой, однако обнаружил, что ее место занял мускулистый мужчина, весь покрытый татуировками и с очень неприветливым лицом. Теперь Паркеру было просто необходимо чего-нибудь выпить, чтобы прийти в себя, а кроме того, хотелось сказать пару ласковых

слов боливийцу, который так нагло осадил его на автодроме. Он сел за столик и стал ждать, только вот появился там не прежний боливиец, а палач в капюшоне. И бесцеремонно уселся рядом с Паркером, положив на стол топор и отрубленную голову.

— В чем дело? — спросил Паркер, не скрывая раздражения.

— Ни в чем, парень, а если хочешь знать, почему я сел сюда, то это касается только меня, а не тебя, — ответил палач обиженным тоном, глядя на Паркера сквозь прорези в капюшоне.

— А с чего тебе вздумалось сесть именно за мой столик? — спросил Паркер, удивленный его хамством.

— А ты разве его забронировал? И вообще, пока ты ничего не заказал, столик твоим считаться не может. Кроме того, я тут на работе, неужто не видишь? — Палач кивнул на свой топор, а потом протянул Паркеру руку, решив представиться. — Фреди Мамани Камачо, к вашим услугам, — произнес он, скидывая капюшон и открывая лицо, в точности такое же, как у первого боливийца.

Однако Паркер почувствовал, что терпение у него вот-вот лопнет, поэтому счел за лучшее

вернуться к своему грузовику. Пока он шел по темным улицам, сверху стали падать первые капли. Дождь в этих раскаленных степях — независимо от времени года — следовало считать редкой удачей, которую нельзя упустить, поэтому Паркер решил переночевать под открытым небом. Он разбил свой обычный лагерь, но сверху устроил навес, и не зря, так как вскоре начался настоящий ливень. Паркер расположился в кресле, прихватив несколько бутылок пива и сигареты. Мимо изредка проезжали в туче брызг машины, но его мысли были заняты событиями минувшего дня, который оказался слишком уж нервным и суетным. Сначала вышел из повиновения мотор — и, как назло, случилось это в таком вот анафемском поселке, потом пришлось вести переговоры с мерзавцем механиком, потом была встреча с компанией маленьких дьяволят, а позже — еще и с хамоватыми боливийцами. Однако в первую очередь его преследовал образ богини из тира, замеченной с колеса обозрения. Что-то с неодолимой силой привлекало Паркера в этой девушке — и не только ее внешность, но еще и аура чувственности, которую она распространяла вокруг. Правда, чтобы уловить эту ауру, надо было какое-то время понаблюдать за кра-

савицей вблизи — за тем, как она двигается, как смотрит и обращается с клиентами. Паркер зажег переносную лампу, сделал, как было у него заведено, ежедневную запись в дневнике, включил радио и заснул прямо в кресле, хотя от неудобной позы у него вскоре затекла шея. Зато во сне образ девушки сделался более четким и реальным. За ночь она несколько раз приснилась ему, но каждый сон имел свой собственный сюжет и свое место действия, хотя главная героиня всегда оставалась неизменной.

Паркер вертелся в кресле, напрасно пытаясь выбрать более удобную позу, и по лицу его пробегали пестрые отблески неоновых вывесок с заправочной станции. Наконец появились первые лучи солнца, умытого ночным дождем. Но разбудил Паркера не рассвет, а ритмичные и громкие удары молотка, которые отдавались в самой глубине его мозга, где еще плавали остатки сновидений. Он позевывая потянулся и тряхнул головой, чтобы расслабить мускулы шеи, потом принялся ее массировать. И только тут сообразил, что удары доносились со стороны его грузовика. Там вчерашний механик, нырнув под капот, без остановки колотил молотком. Паркер подошел, и тот мигом выпрямился, держа в перепачканных

маслом руках пару шестеренок.

— Ну и как вам понравился наш Суккулент? — первым делом спросил он.

Паркер хотел сказать, что да, понравился, но тотчас вспомнил разговор с мальчишками:

— При чем тут Суккулент, если этот поселок называется Терновый Сад?

Механик посмотрел на него с вызовом:

— Вы будете объяснять мне, как называется это место?

Паркер залез в кабину, вернулся с картой в руках, развернул ее и сунул механику под нос.

— Вот, сами посмотрите, что тут написано, если, конечно, умеете читать, — заявил он, не скрывая торжества.

Механик недоверчиво глянул на указанную надпись.

— Ну да, здесь написано “Терновый Сад”, — нехотя согласился он.

— Так прав я или нет?

— Нет, потому что Терновый Сад — это совсем другой поселок, и до него отсюда хороших шестьсот километров, если ехать на запад. А это Суккулент, уж нравится вам это или нет. Может, ваша карта ошибается, а может, ошибаетесь вы, что, как мне кажется, куда вероятней.

Паркер слегка растерялся и стал было снова изучать карту, не понимая, где же тут подвох, но побоялся, что от всей этой чертовщины его вот-вот хватит удар. Он с досадой отшвырнул карту, однако порыв ветра вернул ее назад и распластал по его лицу. Паркер опять со злостью отбросил ее — она отлетела чуть в сторону и повисла на проволочной сетке.

— Ну а парк развлечений вам понравился? — решил сменить тему механик, глядя на Паркера уже не без сочувствия, хотя тот не имел ни малейшего желания продолжать болтовню и мечтал лишь об одном — как бы поскорее отсюда уехать.

— Вы хотите сказать, что свою работу уже закончили?

— Да нет, я ее только начал, сами, что ли, не видите? Но пришла пора что-нибудь и перекусить. Надеюсь, вы угостите меня завтраком, а? — спросил механик, направляясь к столу, и устроился в кресле, схватив в руки газету.

Паркер на походной плитке сварил кофе, приготовил тортилью и разделил на две тарелки. Завтракали они молча.

— А газеты посвежей у вас не найдется? Эти новости я уже знаю.

— Все равно читайте, через пару дней они опять будут актуальными.

— Они такие же свежие, как эти яйца в тортилье, — заметил механик, с удивленным видом жуя очередной кусок. — Но тортилья ваша все равно вкусная. Я, кстати сказать, хочу сообщить вам и кое-что хорошее: нам не придется заказывать новые детали, потому что, кажется, можно будет найти подходящие и где-то тут.

— А “где-то тут” — это где?

Механик покрутил вилкой в воздухе, указывая в сторону свалки рядом с его трейлером:

— Примерно год назад я вроде бы видел такую же шестеренку, и вряд ли кто-нибудь ее за это время стырил.

— Вроде бы видели? А поточнее вы не помните?

Механик прищурился, напрягая память:

— Да, вы правы, если быть более точным, то видел я ее не год, а два года назад.

— И вы хотите отыскать нужную деталь в этом бедламе?

— Мы хотим. Если сеньор изволит принять участие в поисках и поможет мне, тогда ему, пожалуй, удастся уехать побыстрее.

— Ага, только вот “где-то тут” валяется не мень-

ше сотни раскуроченных двигателей.

— Если вы предпочитаете пошарить в другом месте — воля ваша, но именно “где-то тут” шансов у нас все-таки больше.

Весь день Паркер с механиком копались в кучах раскиданных повсюду деталей, отыскивая подходящую. Паркер с потерянным видом бродил по кладбищу автохлама, держа в руке как амулет сломанную шестеренку, в то время как мыслями то и дело возвращался в тир, где, окруженная игрушками и всякой дешевой ерундой, царила его богиня. Низко опустив голову, пробегая взглядом по ржавым запчастям и каркасам, он вспоминал каждое слово, каждую фразу, которыми успел обменяться с девушкой. Паркер хотел убедить себя, что не выглядел перед ней смешно. Хотел попробовать увидеть себя ее глазами, понять, какое впечатление произвел — не слишком ли нелестное. Ближе к сумеркам в их распоряжении оказалось около двух десятков деталей, похожих на нужную. Падая с ног от усталости, они вернулись к трейлеру, словно два крестьянина со своим весьма скудным урожаем. Целый день им пришлось ходить согнувшись, и теперь у Паркера, кроме шеи, болела спина и разламывалась поясница.

— Ладно, на сегодня достаточно, завтра проверим, пригодится нам что-нибудь из этого или нет, — заявил механик с довольным видом.

— А сегодня вы не можете поработать хотя бы еще немного?

— К сожалению, на сегодняшний вечер у меня назначен званый ужин, будут гости, и я должен приготовить угощение, — ответил этот гнусный тип, вытирая руки.

— Да? А мне почему-то показалось, что вы собираетесь посетить какой-нибудь концерт, — не удержался от шпильки Паркер.

Механик посмотрел на него с обиженным видом, словно не веря своим ушам:

— Я ради вас прервал отпуск, а теперь вы хотите, чтобы я еще и отменил встречу с друзьями?

Но на ответ у Паркера уже не было сил. Он развернулся, бормоча что-то себе под нос, и двинулся к своей стоянке, мечтая лишь об одном — хоть немного отдохнуть.

— Эй! Подождите! Ладно, я это сделаю — но только ради вас, потому что вы мне понравились. Можете слегка выпустить пар, а я сразу же сообщу вам, если что-то у нас с этими железяками выгорит.

Паркер остановился, глянул на механика, не

зная, благодарить его или послать куда подальше.

— Ох уж эти мне столичные штучки! — сквозь зубы процедил тот, начиная рыться в куче собранных ими деталей.

Паркер рухнул в кресло, чувствуя полное отчаяние. Прошел еще один день, а он по-прежнему торчал в этой жалкой дыре. Но, наливая себе вина, он опять вспомнил девушку, и внутри у него что-то всколыхнулось. Мало того, он решил несколько часов отдохнуть, сходить в душевую, переодеться и снова посетить парк развлечений. Но, пока раздумывал, как лучше себя с ней повести, глаза у него сами собой закрылись, реальность смешалась со сном, и он отключился. Разбудил его голос механика, однако это было уже следующим утром.

Механик дошел до лагеря Паркера и несколько раз хлопнул в ладоши, чтобы привлечь его внимание. Тот быстро вскочил на ноги, надеясь услышать хоть какие-нибудь новости, будь они хорошие или плохие, правда, опыт последних дней приучил его получать только плохие. А новости были действительно неутешительными, чему Паркер нисколько не удивился.

— К сожалению, должен сказать, что нам не

повезло, — начал объяснять механик, садясь за стол и явно надеясь на скорый завтрак. — Что, у нас и сегодня опять тортилья?

— Может, принести меню? — съязвил Паркер.

— Нет, лучше устройте мне сюрприз.

— А как прошел ужин с друзьями? — сменил тему Паркер, хотя и не верил, что у этого типа могут быть друзья, а уж тем более что кто-то рискнул бы навестить его в таком неприглядном месте, но механик сделал вид, будто вопроса не услышал.

— Могу посоветовать вам только одно: поезжайте к моему приятелю в шиномонтажную мастерскую и спросите, нет ли такой шестеренки у него. Зовут его Ирибарне, но для друзей он Гойо. Хотя вы можете называть его как угодно, только держите с ним ухо востро, характер у него дьявольский.

— И куда я должен ехать? — сразу насторожился Паркер.

Механик махнул рукой вперед. Паркер встал рядом с ним, но ничего конкретного там не разглядел, поэтому механику пришлось показывать еще раз, тыкая куда-то пальцем:

— Это вон там, там!

— Но я не вижу ничего, что было бы похоже на мастерскую, вернее сказать, там вообще ни-

чего нет.

— А я показываю вам не мастерскую, а только нужное направление, то есть дорогу к ней.

И только тогда Паркер заметил полоску гравия, терявшуюся среди кустов.

— Правда, по этой дороге уже давно никто не ездит, а вы хватайте мой велосипед и не теряйте времени даром — нужно успеть вернуться до темноты. Езжайте только прямо, только на запад, пока не увидите дохлую лису в канаве у дороги, там, рядом, и находится его мастерская — до нее всего два-три часа пути, не больше. Но поспешите — пока не переменился ветер.

— Три часа? Да еще три обратно — в итоге выходит целых шесть! — вскипел Паркер.

— Ага, с математикой у вас все в порядке…

Паркер забыл про завтрак, отошел чуть в сторону, а потом заметался по кругу, обдумывая ситуацию. Одна только мысль о том, что придется шесть часов провести на велосипеде, приводила его в ужас. Велосипед для него был чем-то связанным исключительно с детством, и он уже давным-давно успел от таких развлечений отвыкнуть. С тех пор как успел одолеть свою болезненную застенчивость и кучу комплексов, названия которых тоже уже забылись. Но толку от

долгих сомнений сейчас не было: после всего того, что случилось с ним в последние годы, любые решения принимались спонтанно и сами собой — выбора у него, как правило, не оставалось. Хотелось, конечно, вернуться в парк развлечений, но что тут поделаешь… И Паркер утешился мыслью, что сходит туда вечером. Воспоминание о девушке опять подняло ему настроение. В конце концов, пожалуй, это сама судьба задержала его здесь, а теперь еще и мешала покинуть поселок. Так что лучше было усмотреть в задержке добрый знак, поскольку никто заранее не знает, какие сюрпризы готовит нам будущее. Если бы грузовик ему починили в первый же день, он бы не увидел девушку из тира, думал Паркер, пока надевал плащ и садился на велосипед, чтобы двинуться в указанную механиком сторону.

— Если сразу же не обнаружите там Ирибарне, зря его не ищите — значит, он уже помер. А теперь слушайте меня внимательно! В таком случае ступайте прямиком к канаве рядом с проволочной оградой, там под полусгнившим брезентом стоит контейнер с маслом, и там же валяется раскуроченный двигатель. В этом двигателе два года назад имелась та деталь, какая вам нужна, — наставлял механик Паркера, стоя в дверях

своего убежища.

Паркер смотрел на него, пытаясь понять, не смеется ли он над ним, но тот, судя по всему, говорил совершенно серьезно.

— Чего вы стоите, почему не уходите? — все же спросил Паркер.

— Я бы давно ушел, клянусь вам, да купил билеты в театр.

— Да ну вас к чертям собачьим!

— Не злитесь так, портеньо. К тому же немного физической нагрузки пойдет вам только на пользу.

— Ладно, в один прекрасный день вы мне за все заплатите, — пригрозил Паркер и наконец оседлал велосипед.

Достаточно было пару раз нажать на педали, чтобы тот рванул с места, — ветер дул Паркеру в спину и толкал вперед с какой-то сверхъестественной прытью, поэтому изрядную часть пути удалось одолеть быстро. Да и потом он ехал на такой скорости, что только душа радовалась: ведь если сразу же найдется проклятая деталь, можно будет вернуться засветло, снова побывать в луна-парке и увидеть девушку. Он сядет за столик в баре, закажет пива и станет сколько захочет смотреть на нее. А завидная ровная ско-

рость, с какой велосипед летел вперед, внушала оптимизм и надежду на то, что и остальные дела скоро пойдут на лад.

Паркер добрался до цели всего за час, по крайней мере так ему показалось. На перекрестке двух второстепенных дорог, которые вполне могли считаться и третьестепенными — или даже хуже, чем третьестепенными, — стоял заброшенный жилой вагончик, окруженный кучами старых шин, похожих на брустверы у окопа. Крышу вагончику заменяли металлические листы, но они были плохо прилажены и потому непрестанно колыхались, словно жили какой-то своей самостоятельной жизнью. Трудно было поверить, что когда-то здесь помещалась шиномонтажная мастерская, но еще труднее было понять, во что она превратилась со временем. Паркер резко притормозил, чтобы не проскочить мимо, и тут по-настоящему почувствовал всю силу ветра, верного своего спутника, который по-прежнему толкал его в спину. Никакого Ирибарне на этом пустыре видно не было, как и вообще никаких признаков жизни, хотя какая-то форма разумного существования не слишком давно тут все-таки безусловно присутствовала и в двухстах метрах от вагончика сохранился остов того, что раньше,

надо полагать, служило сараем. Паркер с грустью вообразил себе неведомую цивилизацию, уничтоженную внезапной глобальной катастрофой.

И вот теперь он обшаривал каждый метр заброшенной территории в поисках вожделенного сокровища и пытался что-нибудь разглядеть в сухой траве, покрывавшей скелеты животных, кучи ржавых инструментов и железок. Но не нашел даже следа ограды или канавы, упомянутых механиком, и уж тем более не было там ничего похожего на канистру с маслом. Он сел на каркас очередного двигателя, зажег сигарету и в отчаянии попытался вспомнить что-нибудь приятное, что послужило бы ему хотя бы мнимым утешением. А все то, что еще недавно казалось добрым знаком, мигом куда-то бесследно испарилось, едва на землю начали падать тяжелые сумерки. К Паркеру подкралась знакомая мутная тревога, слишком похожая на беспросветную тоску. Если он одновременно чувствовал и полное одиночество, и обездоленность, он превращался в существо уязвимое, в изгоя, который как неприкаянный скитался по планете. Подобное состояние накатывало на него всегда неожиданно, исподтишка и самым предательским образом — особенно если из-за скверной погоды мрачнели и

без того не слишком светлые мысли. Вот и сейчас Паркер вдруг заскучал по своему грузовику и по теплому уюту привычной кабины. Он смотрел на горизонт, и те картины, что преследовали его в последнее время, окрашивались в пастельные тона, украденные у облаков, в душе начинали плыть какие-то разводы, оставляя печальный осадок. Вот ведь какая насмешка судьбы: он сидит черт знает где на разбитом двигателе и курит, в то время как девушка, окруженная огнями и веселой суетой, стоит там, у себя тире. Но сейчас он увидел ее совсем иной, как если бы что-то внутри у него только сейчас дозрело. Оказавшись далеко от луна-парка, Паркер угадал простодушие под ее решительными манерами и показной уверенностью в себе, а за ясным взором — внутреннюю хрупкость.

В глухом перестуке металлических листов на хлипкой крыше Паркеру теперь слышались шум голосов и разгульное веселье. Он, человек, который нашел наконец убежище в самой высокой точке своего одиночества, как можно дальше от людей, и обитал там не тужа, сейчас вдруг возмечтал оказаться в толпе, среди праздничного гомона. И это показалось самой жестокой шуткой ему, скитальцу, уже ставшему частью степной

фауны, хотя такие симптомы, пожалуй, говорили о явных переменах, которые зарождались у него в душе. Но сейчас у Паркера была другая задача — поэтому он постарался отбросить пустые мечты и снова принялся искать нужную деталь в кучах железного хлама.

Несколько часов спустя он сел отдохнуть на тот же мертвый двигатель. Его настроение напоминало флюгер, который вертится туда-сюда, но указывает неизменно на мрак и темноту. Он нервно курил, делая глубокие затяжки, и дым мгновенно рассеивался ветром, пока еще не слишком сильным. Немного поразмыслив, Паркер решил иначе взглянуть на все с ним случившееся: он понял, что единственная виновница его последних бед — богиня, которая явилась в человеческом облике несчастному дальнобойщику. Это она усложнила ему жизнь. Из-за нее ось вращения планеты отклонилась от нормы, и теперь любые показатели навигационных приборов только сбивали с верного курса. Он несколько раз повторил себе, что самое лучшее — забыть девушку, постараться поскорее вернуться на трассу и доставить груз по назначению. Забыть ее свежую грудь под обтягивающей блузкой, длинные темные волосы и стройные

ноги, которые открывались, когда она наклонялась, чтобы поднять с пола игрушки. Навсегда забыть это опасное приключение и заняться своими дорожными делами, как только удастся починить грузовик. И тут на глаза ему попалось что-то знакомое, словно из пустоты вдруг нарисовалась нужная деталь, то есть прямо на нее упал его взгляд, который совсем недавно вяло шарил по кучам железного мусора. Среди высохшей травы он увидел как раз то, что так долго искал. Паркер вскочил, боясь, что шестеренка вот-вот опять исчезнет, и даже наступил на нее, чтобы понадежней удержать на месте.

Случилось чудо! Он оглядел деталь со всех сторон, обтер пыль и ржавчину и сравнил с той, которую взял с собой в качестве образца. И обе казались ему то совершенно одинаковыми, а то вроде бы и нет. В этих проклятых землях ни о чем нельзя было судить с уверенностью: ты ясно видел тяжелые тучи, которые несли с собой затяжные дожди, но вскоре те же тучи разбегались по небу легкими облаками, чтобы пропасть за грядой холмов. Паркер положил одну деталь на другую и убедился, что в них все совпадало, потом рассматривал еще какое-то время, поскольку уже знал, что механик был большим охотником по-

спорить или к чему-нибудь придраться и сейчас успех дела зависел прежде всего от непреклонной убежденности самого Паркера. Нет, никаких сомнений у него больше не было, и он двинулся к домику, вскочил на велосипед, словно на необъезженного коня, и подождал, пока в спину опять ударит попутный ветер. Надо было спешить, поскольку погода могла перемениться или, что еще хуже, пустыню накроет непроглядная ночь. Если он вернется засветло, механик успеет сегодня же починить грузовик. И Паркер сразу двинется в путь, навсегда забыв не только парк развлечений, но и озорного дьяволенка, который так и норовил поломать его привычную жизнь.

Оставалось расстегнуть плащ и расправить полы на манер паруса, чтобы ветер понес велосипед вперед, сделав почти ненужной работу педалей. Но уже через несколько метров ему показалось, что колеса увязают в песке, или что дорога круто пошла в гору, или что велосипед стал весить несколько тонн… Пришлось во всю мочь давить на педали, выпрямившись в полный рост. Но таким образом Паркер сумел продвинуться вперед еще на пару метров и тотчас остановился, чтобы перевести дух. После чего ему с трудом, но все-таки удалось одолеть несколько километров.

Он ехал, прижав грудь к рулю, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. Но надолго его сил не хватило. Паркер свернул на обочину, поняв, что с такой скоростью добраться до поселка точно не сможет. Ветер перестал помогать ему и наотрез отказывался толкать вперед, наоборот, приходилось вести с ним борьбу, поскольку теперь он делал все, чтобы помешать движению вперед, и никто бы не смог сказать, придет ли когда-нибудь на смену этому ветру новый, настроенный более дружелюбно, то есть попутный. Паркер глянул на часы и осмотрелся по сторонам, надеясь увидеть облако пыли, поднятое какой-нибудь ненароком залетевшей сюда машиной. Нет, все застыло в неподвижности, если не считать степи, которую нещадно трепали воздушные волны. Но скоро ли переменится здешняя безумная погода? Подчиняется ли она какому-либо расписанию? Коварный механик наверняка знал эти законы и нарочно послал Паркера за деталью именно в такое время, чтобы насолить ему. Местные жители давно изучили все капризы природы — не хуже, чем свои собственные, а капризничала она часто и безжалостно. Сумерки уже начинали кружить хищной птицей над головой Паркера, а в довершение всех бед океанские ветры вскоре

стали ледяными и лупили одновременно со всех сторон, хотя направлены были, как ни странно, обязательно навстречу велосипеду. Холод уже пробирался под одежду и царапал тело своими корявыми пальцами. Паркеру, чтобы выкурить очередную сигарету, пришлось лечь на землю. Покурив, он решительно поднял ворот плаща, сел на велосипед и дал ветру гнать себя обратно — к недавно покинутой мастерской, единственному убежищу в этой пустыне, где можно будет переночевать в компании призрака старика Ирибарне. Паркер набирал скорость, и ветер больше не свистел в ушах и не хлестал по лицу, а дул ровно. Очень хотелось позволить ему толкать себя так же не только весь остаток дня, но и всю ночь — чтобы растянуть это ощущение комфорта и гармонии, если бы только можно было угадать, куда в конце концов ветер вынесет его и как потом возвращаться назад. Паркеру казалось, что он подчинился плавному течению неведомой реки, впадавшей в море. Но тогда его будет ждать неизбежная гибель при столкновении потока с первыми же скалами. А может, что еще хуже, с суровыми водами, бегущими с тающих ледников.

Он вернулся к вагончику и стал готовиться к ночлегу. Внутри имелись разбитый топчан, про-

пыленные овечьи шкуры и несколько картонок, чтобы закрыть щели, сквозь которые с хриплым свистом ветер прорывался внутрь. Паркер устроился как нельзя лучше и отогнал подальше вообще всякие мысли, так и норовившие застрять в голове и помешать сносному отдыху. Но все равно, несмотря на усталость, он долго не мог заснуть, да и потом сон его состоял из лоскутов, мелькавших в ритме неумолчного стука металлических листов на крыше и скрипа шатких стен. В подобной обстановке трудно было избежать воспоминаний о девушке — в тот миг она была единственным существом на планете, способным восстановить его душевное равновесие, и он решил этой поддержкой не пренебрегать. Паркер попал в совершенно абсурдную ситуацию, которая заставляла в неожиданном свете осмыслить последние события. Он вспомнил, что на самом деле нашел нужную деталь случайно — именно в тот миг, когда собрался прекратить поиски. Следовало ли считать это очевидным знаком? Ведь понятно, что только безнадежный тупица не угадает связи между двумя такими фактами. Да, в любой другой точке планеты его вывод прозвучал бы смешно и нелепо, но только не здесь, не в этой пустыне, где царили свои

правила, ломавшие любые причинно-следственные связи. Все, что творилось на размашистых просторах Патагонии, подчинялось особой логике, почти недоступной человеческому разуму. Теперь Паркер уже не сомневался, что воспоминание о девушке в момент полного отчаяния и появление нужной шестеренки — две стороны одной медали. И он снова переменил свои планы, уже в третий раз за сутки, решив, что должен непременно встретиться с ней, то есть вернуться в парк развлечений. Это помогло ему воспрянуть духом и забыть как про непогоду, так и про стук металлических листов.

Наутро ветер так и не переменился, Паркер пару раз попытался начать обратный путь, но невидимая преграда по-прежнему мешала ему. Сначала он ждал, не проедет ли мимо какая-нибудь машина, курил сигарету за сигаретой, страдая от голода и холода, пока не увидел группу крестьян на лошадях. Он не стал задавать им никаких вопросов, а они не потрудились остановиться — все ограничилось вежливым обменом поклонами. Да и что он мог спросить у них, чего не знал бы сам? И на любой вопрос получил бы ответ в той же коварной и абсурдной манере, какая отличала здешних жителей. До сих пор он

еще как-то умудрялся держать себя в руках, но ведь и его выдержка имела свои пределы, а эти люди наверняка тоже довели бы его до белого каления, поэтому он отвернулся и решил подождать, пока они скроются из виду. Но тут один из крестьян — с обветренным лицом, в шляпе, повязанной сверху платком, — развернул коня и подъехал к Паркеру.

— Вам надо попасть в поселок? — спросил он, мотнув подбородком в нужную сторону.

Паркер не ожидал ничего подобного, однако с радостью воспринял столь любезное предложение помощи. Он встал, взял велосипед, чтобы спрятать его в домике, и уже хотел взобраться сзади на лошадь, но крестьянин посмотрел на него выпучив глаза, словно не понял, что этот чужак намерен сделать.

— Погодите! Мы едем вовсе не туда, а в Плоский Холм. Если хотите добраться до поселка, обождите чуток, к полудню ветер переменится, — объяснил он, посмотрев на часы, а потом метнул взгляд на горизонт. — Может, конечно, и припоздать, но, думаю, навряд ли слишком надолго.

Паркер тупо поблагодарил всадника и вернулся к вагончику. Мужчина удивленно пожал плечами и припустил вдогонку за своими товарищами,

даже не попрощавшись. Вскоре они исчезли за холмами.

— Плоский Холм — это надо же такое придумать! — то и дело повторял Паркер, в недоумении качая головой. Никогда ему не привыкнуть к здешним парадоксам.

Полуденный ветер и вправду прилетел точно в полдень. Кусты прекратили нервно колыхаться, птицы в небесах развернулись и стали кружить в обратную сторону, воздух принес новые запахи, а склоны гор на западе окрасились в жаркие тона. Поначалу ветер не мог нащупать нужное направление, но был вполне покладистым, а уж потом подул во всю мощь и опять донес Паркера до места без остановок — прямо туда, где стоял его грузовик с открытым капотом.

Паркер сделал крюк, чтобы не сталкиваться с шоферней, которая по-прежнему кучковалась на краю поселка. Механик ждал его, расположившись в кресле с журналом в руках.

— Я уже знаю, что там с вами произошло, можете не рассказывать. Иногда тут такое бывает, и ничего с этим не поделаешь. Ну что, нашли?

Паркер молча протянул ему деталь. Он был страшно голоден, поэтому поспешил прямиком к плитке, чтобы побыстрее что-нибудь себе приго-

товить. Потом глянул в зеркало и заметил, какие следы оставила эта ночь на его лице: под глазами появились черные круги.

— А вы уверены, что эта деталь точно такая же? — спросил механик, держа в руках обе, сравнивая их на вес и одновременно внимательно разглядывая, для чего прищуривал то один, то другой глаз.

— Уверен. Разве что-то не так? — ответил Паркер твердо. К подобному вопросу он был готов.

— Может, вы и правы, но опасно полагаться только на внешнее сходство.

Паркер отнял у него шестеренки и сложил вместе — обе идеально совпали.

— Хватит молоть вздор. Они совершенно одинаковые.

— А зубцы вы пересчитали? Количество должно быть равное.

Паркер, нервно тыкая пальцем, пересчитал еще и зубцы, но несколько раз сбивался, поэтому плюнул и не довел дело до конца.

— Все совпадает, что бы вы ни говорили. А теперь скорее за дело — иначе я возьмусь пересчитывать ваши зубы.

— Хорошо, но не радуйтесь раньше времени, потому что последнее слово остается не за вами

и не за мной, а за грузовиком. Только он может решить, получится у нас что-нибудь или нет.

Паркер поел, достал чистую одежду и расслабленно двинулся на станцию к душевым, по-прежнему стараясь ни с кем из водителей не пересекаться. Чуть позже — уже причесанный и одетый в лучшее, что у него имелось, — он вернулся к грузовику.

— Неужто хотите опять наведаться в парк развлечений?.. — догадался механик, высунув голову из-под капота. Он говорил насмешливо и поглядывал на Паркера с хитрым видом.

— Занимайтесь своим делом, я вам плачу не за то, чтобы вы лезли ко мне со своими советами, — осадил его тот.

По глинистым улицам Паркер дошел до нужного угла и застыл как вкопанный. Сердце у него екнуло, и одновременно что-то еще оборвалось внутри: он увидел опустевшую площадь с валявшимися повсюду мусорными мешками, рваными картонными коробками, поломанными пластиковыми стульями и грязной бумагой. Среди мерзости запустения еще сохранились какие-то полуразобранные аттракционы, так что казалось, будто здесь пронесся ураган. На земле кое-где были небрежно свалены щиты с заля-

панными грязью клоунскими рожами, стояли металлические конструкции, а несколько фургонов дожидались, пока их прицепят к грузовикам. Откуда-то появились и боливийцы, оба переносили мотки кабеля и проводов, а также деревянные ящики — чтобы все это отправить на грузовик. Паркер растерянно вертел головой, не понимая, куда идти дальше, и пытался определить место, где прежде располагался тир. Потом медленно нагнулся и поднял с земли грязного плюшевого мишку, похожего теперь на раненого зверька, взывающего о помощи. Он направился к одному из боливийцев — к тому, которого прежде видел в костюме палача и на котором теперь была обычная одежда, хотя это его не сильно изменило.

— А куда подевалось все прочее? — спросил Паркер, хотя боливиец делал вид, что в упор его не замечает.

Пришлось еще пару раз повторить вопрос — уже погромче, так как, возможно, тот и на самом деле с первого раза его не услышал.

— Вон туда, — нехотя ответил он, слегка отвернувшись и махнув рукой по направлению одной из улиц, которые убегали в степь.

— Что значит “вон туда”? — громко переспросил Паркер, тыкая ему в грудь подобранной с

земли игрушкой.

Боливиец остановился и какое-то время со злорадной ухмылкой смотрел на непонятливого человека:

— Я же говорю: вон туда. А куда им еще уезжать, по-вашему, коли и въезд, и выезд из поселка находятся в одном месте?

— А я тебя спрашиваю, не как они отсюда выехали, а куда уехали.

— Да совсем недавно, то ись, и уехали.

— Нет, послушай, я спрашиваю, не когда они, то ись, уехали, а куда, в какой, то ись, город или поселок, — не отступал Паркер, безжалостно передразнивая речь боливийца.

— Так ты хочешь знать, куда они поехали, ну так бы сразу и спросил. На юг они поехали, стало быть, пока ветер вот стих.

Второй работник решил тоже поучаствовать в разговоре и остановился перед Паркером, наматывая кабель на руку:

— Одни двинулись к Черному Озеру, другие — к Стежке. Дела-то плоховато идут. Вот потому никто и не хочет дальше с этим парком вязаться, оставаться с ними, так что теперича разъехались кто куда.

— А вот нам, спросим мы сеньора, что теперь

делать и куда податься, если ярмарка накрылась, нам-то вот как быть, а? — не поднимая головы, стал причитать первый.

— Не знаю, что вам на это и сказать, — ответил Паркер сочувственно.

Боливиец посмотрел ему в глаза:

— Да я вовсе не вас спрашиваю, а другого сеньора — того, что с заглавной буквы, Господа нашего, то ись.

Но Паркер все никак от них не отставал:

— Черное Озеро или Стежка? Ну а в какое из этих двух мест направился тир?

— Мы ведь без работы останемся, ежели люди-то будут от них разбегаться, — опять завел свою песню бывший палач.

— Ни туда и ни туда, а в поселок Лейтенант Лопес, вот куда двинулся хозяин на своем грузовике вместе с большим шатром и вместе с хозяйкой, туда и нам тоже велено ехать, как только дособерем здесь все, — пояснил второй.

Паркер на минуту задумался, в то время как боливийцы искоса поглядывали на него.

— Вам, чай, хозяйка понравилась, а? — спросил один.

Паркер не понял, что он имеет в виду.

— Да не валяйте вы дурака-то, так прямо и ска-

жите: понравилась вам наша Майтен или нет? Только имейте в виду, что она жена хозяина, то ись Бруно, а с ним шутки плохи, он человек опасный и лихой, — предупредил второй.

Пока Паркер прикидывал, как лучше им ответить, до него вдруг дошло, что они обо всем догадались, и он густо покраснел. Но такое унижение еще больше его разозлило, хотя ему не терпелось расспросить про девушку поподробнее. И он взял себя в руки. Во всяком случае, теперь выяснились две полезные вещи: во-первых, что ее зовут Майтен, а во-вторых, он узнал, куда луна-парк отсюда поехал. Вернее, три вещи: еще то, что у нее есть муж Бруно и что он человек опасный.

— Хотелось бы надеяться, что сеньор нам как-нить подсобит, — сказал один из боливийцев, хотя Паркер уже перестал обращать на них внимание. А боливиец добавил, протянув к нему руку: — Я ведь с вами разговариваю, сеньор с маленькой буквы. Не могли бы вы нам хотя бы какой-никакой мелочишки отсыпать?

Паркер оставил боливийцев заниматься своими делами, а сам пошел назад, неустанно повторяя имя девушки, которое сразу стало для него чем-то вроде навязчивой идеи. “Майтен”, — шептал он, чтобы свыкнуться с ним, свыкнуться или

навсегда забыть. У него не было большого опыта в обхождении с женским полом, хотя в прошлом имелась пара подружек, чьи имена он успел выкинуть из памяти, а также имелась жена, чье имя выкинуть оттуда никак не удавалось, как он ни старался. Появление этой девушки, которую он отныне мог называть просто Майтен, словно они были уже давно знакомы, разбередило ему душу. Он постоянно думал о ней. Хотя и понимал, что нужно забыть этот эпизод, пока не будет поздно и пока встреча в тире не обернется большими неприятностями. А ему не были нужны новые проблемы — с лихвой хватало и прежних. Ведь он запросто мог совсем потерять голову, наплевать на работу и последовать за ней на край света, чтобы признаться в любви — и опять погрузиться в полный хаос. И сойтись в рукопашную с этим самым Бруно. Кто-то один вышел бы из схватки покалеченным — скорее всего Паркер, поскольку в подобных ситуациях его мирный нрав нельзя было считать выгодным преимуществом.

Он долго пытался усмирить свои чувства и в конце концов изменил план действий — уже в четвертый раз: как только грузовик будет отремонтирован, он поедет прежним маршрутом, к берегам океана, и забудет всю эту историю, кото-

рая и заварилась-то исключительно в его голове, до болезненности впечатлительной. Больше он никогда не увидит девушку Майтен, хотя ему понадобится немало времени, чтобы перестать о ней думать, колеся по бесконечным дорогам. Он будет еще чаще напиваться, сидя в своем кресле одинокими вечерами, и, возможно, опять примется извлекать печальные звуки из саксофона. Пустыня постепенно окрасится в желтые тона, а события станут чередоваться еще медленнее. И лучше пусть оно будет так, повторил он, как если бы решил одним махом разорвать связь, длившуюся уже много лет. Однако не бывает более пылкой страсти, чем та, которой ставят заслон на полпути, как не бывает и более глубокой печали, чем сожаление о том, что так и не случилось, даже если всего через несколько дней открытая рана незаметно и сама собой затянется, подобно многим прежним, а значит, его покою и сновидениям ничто не будет угрожать, все вернется на прежнюю колею, и эта женщина не оставит по себе иного следа, кроме перепачканного плюшевого мишки. Только вот Паркер пока не знал, что Майтен, с которой он успел обменяться лишь парой десятков слов, уже не была для него просто мимолетно увиденной девушкой, нет, теперь

у нее было имя, запавшее ему в голову и эхом там непрерывно звучавшее. Мало того, как-то незаметно, как-то сама собой начала сплетаться история, у нее появился сюжет и маячило множество разных финалов. Чуть позже Паркер, сидя в кабине, пришел в такое возбуждение, словно стоял на пороге важного решения, но все никак не мог набраться смелости для следующего шага. И тут он развернул карту, изучил ее, а затем вышел на дорогу. Дойдя до владений механика, несколько раз хлопнул в ладоши и стал ждать, пока тот появится. Но вскоре заметил, что зловредный тип наблюдает за ним в окошко.

— Вы ко мне?

— А вы думали, что я решил вам поаплодировать?

Механик вышел из трейлера и остановился перед Паркером:

— А я, кстати сказать, аплодисменты вполне заслужил: ваш грузовичок теперь стал как новенький. Будет бегать лучше прежнего.

— А почему вы не предупредили меня, что луна-парк снялся с места?

— Хотел было сказать, да вы обвинили меня в том, что я сую нос не в свои дела, так что пеняйте на себя.

— А куда они направились?

— Откуда мне знать… Кто куда.

— А где находится поселок Лейтенант Лопес?

Механик глянул на него с понимающей улыбкой, всем своим видом показывая, что ему все ясно:

— Значит, девушка вам понравилась? Но будьте осторожны: Патагония, она не всякого принимает за своего, и дураки тут платят за любой промах ой как дорого.

— Спасибо за совет. Так вам знаком поселок под названием Лейтенант Лопес?

— Да нет тут никакого Лейтенанта Лопеса. Кто вам про него наплел?

— Один из тех боливийцев, которые…

Механик перебил его, не слишком натурально изобразив смех:

— Те, что работают при поезде-призраке? Нашли кому верить, у них соображения еще меньше, чем у вас.

— Придержите язык, механик, — зло одернул его Паркер, доставая из кармана бумажник и протягивая ему пачку денег.

— Дураки здесь, как я уже сказал, обычно за все платят дорого, но вам моя работа обошлась почти даром, вы получили от меня хорошую скидку,

так что не жалуйтесь, — пробормотал механик, пересчитывая купюры.

Паркеру очень хотелось послать его куда подальше, но он сдержался: механик, даже такой наглый, как этот, всегда бывает нужен на коварных южных трассах, от которых можно ждать любого подвоха. И тогда без помощи мастера не обойтись. Поэтому Паркер на прощание пожал ему руку.

— А у меня и не было ни малейшего намерения гоняться за этим луна-парком, я спросил из чистого любопытства, — непонятно зачем принялся объяснять он.

— Счастливого пути, мы с вами наверняка еще встретимся.

— Очень надеюсь, что нет.

— Не будьте таким оптимистом.

Время спустя Паркер снял свой лагерь, переоделся и снова разложил карту, но теперь, рассмотрев маршрут более внимательно, обнаружил, что место, названное боливийцами, действительно существует, правда, довольно далеко отсюда, а значит, механик по какой-то загадочной причине его обманул — судя по всему, просто не захотел, чтобы водитель догнал парк развлечений. И если его издевательские шуточки

Паркер еще смог вытерпеть, посчитав их частью своеобразного местного фольклора, то явный обман — нет, ни за что, и поэтому решил сейчас же потребовать у механика объяснений. Он вернулся к трейлеру с картой в руках и показал механику, возившемуся со своими инструментами:

— Значит, вы говорите, что никакого Лейтенанта Лопеса не существует?

Механик не понял, о чем он толкует, и ответил на удивление спокойно:

— Нет, конечно, чем хотите могу поклясться.

— Ну а это что? — И Паркер развернул перед ним карту.

Тот взял ее и довольно долго изучал.

— Смотрите сами, тут ведь ясно написано: Старший Лейтенант Лопес, и такой поселок действительно есть, а ехать надо вон туда, вон в том направлении, — наконец сказал он, мотнув куда-то головой и продолжая заниматься своим делом.

— А разве это не одно и то же? — заорал Паркер.

— Нет, разумеется. Попробуйте назвать старшего лейтенанта просто лейтенантом и сразу увидите, как он оскорбится.

— До чего же вы все мне осточертели! — опять

закричал Паркер, едва справившись с желанием схватить механика за грудки. И остановился лишь в самый последний момент, когда кто-то просигналил ему из проезжавшего мимо грузовика.

— Чего вы беситесь? И по-моему, так больше злитесь на себя самого.

— Я злюсь на того, на кого хочу, — ответил Паркер уже более спокойным тоном, но потом ему пришло в голову, что тут механик, пожалуй, прав, и это раздосадовало его еще сильнее.

Несколько часов спустя грузовик Паркера быстро и бесшумно катил по пыльной трассе, пересекавшей территории, где были рассыпаны нефтяные скважины. Над скважинами ритмично поднимали и опускали свои клювы вышки, словно птицы, долбившие останки неведомого животного. Затем Паркеру встретилось несколько хуторов с домами из неоштукатуренного кирпича, подчас еще не достроенными и окруженными строительным мусором.

— Я злюсь на того, на кого хочу, и никому не позволено указывать мне, на кого я должен злиться, а особенно какому-то механику, — раздраженно бурчал Паркер, обращаясь к своему отражению в зеркале. Это зеркало было ему необходимо еще

и для того, чтобы время от времени убеждаться, что он по-прежнему существует на свете, и чтобы восстанавливать некие представления о себе самом, которые порой терялись в царившей повсюду безмерности. Он четко знал, что нынешнее раздражение было связано с событиями последних дней, а прежде всего — с девушкой по имени Майтен. Да, они с ней обменялись всего несколькими словами, но каждое было важным и полным глубокого смысла. Паркер и его отражение вдруг посмотрели друг другу в глаза и, не сговариваясь, постановили, что, дабы примириться с самим собой и вернуть себе ощущение внутренней гармонии, просто необходимо немедленно двинуться в сторону Старшего Лейтенанта Лопеса, чем бы это ни грозило им в дальнейшем.

— Ну и как я все-таки должен поступить? Ехать туда или нет? — спросил он у зеркала и стал ждать ответа.

Но зеркало впилось взглядом в его лицо, а потом уставилось на степь, бегущую вдоль трассы, словно надеясь получить подсказку оттуда.

Еще через несколько часов грузовик поравнялся с домиками на колесах, в которых жили дорожные рабочие. Там же стояла ремонтная техника, а топливные баки оставляли на свет-

лой земле бензиновые пятна. Вдалеке нефтяные вышки так же поднимали и опускали свои клювы, добывая темный сок из подземных рек. Еще несколько километров спустя Паркер уже со скоростью пешехода съехал на обочину, у которой разбил себе стойбище цыганский табор, расставив по полю крытые брезентом кибитки, машины, домики на колесах и маленькие грузовички. Надо добавить, что на любой из здешних дорог можно было натолкнуться на такие вот таборы: цыгане кочевали с места на место, раз за разом повторяя издревле устоявшиеся и отпечатанные у них в крови маршруты. Они были людьми ветра, и для всего их племени степные ураганы давно стали естественной средой обитания. Цыгане сразу узнали грузовик Паркера и громко приветствовали его из своих кибиток. Он высунул одну руку в окно, а другой стал жать на клаксон. Игравшие в футбол прямо посреди шоссе ребятишки побежали рядом с машиной, хохоча и что-то выкрикивая, они крутились почти у самых колес, купаясь в густых тучах пыли. Паркер остановился и выпрыгнул из кабины, прихватив пакеты с конфетами, которые начал раздавать, не дожидаясь, пока их вырвут у него из рук. Это был тот редкий момент, когда он по

собственной воле покидал башню одиночества, чтобы раствориться в этой пестрой человеческой фауне, чьих представителей только и считал своими ближними.

— А вы не видели бродячего парка развлечений, не проезжал он мимо вас? — спросил он ребятишек, которые были заняты дележкой трофеев и плохо его слушали.

Тем не менее в ответ кто-то махнул в одну сторону, еще кто-то — в противоположную, а кто-то равнодушно пожал плечами.

Паркер решил размять ноги и немного погонял с ними мяч, но надолго его не хватило, так как особый зуд заставлял его спешить, хотя он и сам толком не знал, что предпримет дальше. Покинув табор, он через несколько часов увидел железнодорожную станцию, где на мертвых рельсах стояли десятки брошенных вагонов, которые равнина мало-помалу заносила песком и укрывала зарослями травы и кустарника. Семьи рабочих с нефтяных скважин приспособили вагоны себе под жилье, и со временем тут образовалось оживленное поселение со своими улицами и маленькими площадями, где старый резервуар с водой считался чем-то вроде центрального монумента. На краю поселка застыли

паровозы, словно заблудившиеся во времени и пространстве. Ребятня играла там в прятки, находя укрытие за проржавевшими решетками, и ловко бегала по крышам и вокруг труб. На другом краю выстроились в ряд вагоны с еще сохранившимся в них грузом — рудой, добытой несколько десятков лет назад у Старой Сьерры и в Ла-Конкистаде.

Паркер подъехал к тем вагонам, где были устроены загоны для скота и птичники. Там же, в открытой при них лавке, он купил несколько кусков мяса. Потом заглянул в вагон-булочную и запасся хлебом, тесто для которого своими мозолистыми и морщинистыми руками замешивала старуха.

— Донья Энкарнасьон!

— Паркер, дорогой, опять добрался до нас! Ну а теперь куда тебя несет? — обрадовалась она, узнав его и улыбаясь беззубым ртом.

Каждый раз, когда Паркер попадал на эту заброшенную станцию, он обязательно что-нибудь покупал у старухи, даже если ему ничего не было нужно, просто ради удовольствия поболтать с доньей Энкарнасьон, и ради такой встречи он порой мог сделать крюк.

— Да ведь я летаю туда-сюда как вольный ве-

тер. А сейчас разыскиваю парк развлечений. Не проезжал он тут? Не видали, случайно?

— Только вчера проехали какие-то грузовики, небось те самые. А направлялись они вон туда, на юг, — отозвалась старуха, махнув рукой вдоль дороги.

— А Старший Лейтенант Лопес далеко отсюда?

— Пара дней, если без ветра. Езжай все время прямо, завтра поверни налево, потом увидишь большой холм, от него — опять налево, а оттуда еще полдня пути, если брать на глазок.

Утром после легкого завтрака Паркер покинул поселок, надеясь наконец-то нагнать луна-парк. Он вел машину, раскинувшись на сиденье, держа в руке сигарету, взбудораженный роем назойливых мыслей. В тот же день, когда солнце уже село за тучи, он увидел на обочине несколько грузовиков. Водители жарили на углях недавно забитого барашка. Они вели себя вполне дружелюбно, и он спросил, нет ли у них каких сведений о передвижном парке, который как раз в эти дни должен был проехать мимо них на юг.

— Да, только вчера они здесь нарисовались, но не думаю, чтобы ехали в Старшего Лейтенанта, — стал объяснять толстый мужик в темном пончо, похожий на индейца мапуче.

Он производил впечатление человека разумного, поэтому Паркер вышел из кабины.

— А почему вы не думаете, что они ехали именно туда? — поинтересовался он, хотя полагал, что боливийцам не было никакого резона его обманывать.

— Потому что там им ничего не светит, там как есть пусто, безнадежное место. Я бы на их месте выбрал Капитана Сосу, это на западе, за рекой Смирной. И скорее всего, они теперь уже в Капитане, — ответил толстяк, пряча руки под пончо.

Паркер удивился:

— А вы считаете, что в этом Капитане Сосе что-то есть?

— Конечно! Там живет двоюродный брат моей жены!

“Так, начинается”, — подумал Паркер, призывая на помощь все свое терпение, чтобы выдержать очередной дурацкий разговор.

— Несколько лет назад брат потерял работу и наконец нашел себе место именно там, — стал объяснять толстяк с самым серьезным видом.

— А… — отозвался Паркер с притворным интересом.

— Только вот платят ему не слишком щедро, — печально добавил индеец.

— А… — повторил Паркер, уже жалея, что заговорил с ним.

Но толстяк тотчас обратился к своим товарищам, спрашивая, не знают ли чего-нибудь они. И все, словно только и дожидались подобного случая, начали пространно рассуждать, какие именно места больше подходят для разъездного луна-парка. Каждый приводил свои аргументы.

— В Патагонских Андах климат мало годится для таких забав, там выгоднее строить супермаркеты, — заявил один, говоривший с непонятным акцентом и одновременно щедро мазавший барашка непонятным соусом.

— А в Капитане Сосе живут жуткие скряги, к тому же они там все как один какие-то квелые и унылые, словно им не до веселья, поэтому куда выгоднее было бы поехать в Глубокую Гавань и открыть там бордель, — вмешался другой мужчина, высокий, худой и сутулый, который пил сейчас мате. И он махнул рукой непонятно куда.

Паркеру показалось, что добром этот обмен мнениями не закончится и лучше будет, пока не поздно, убраться отсюда подобру-поздорову. Он хорошо знал, как легко самые невинные споры перерастают у таких людей в жестокий мордобой. И поспешил объяснить, что вопрос этот для

него не столь уж и важен, но было уже поздно: ему принесли стул, и кто-то пошел за тарелкой и стаканом. А обиженный толстяк повысил голос, чтобы доказать свою правоту:

— Нет, вы меня послушайте! Двоюродный брат моей жены живет в Капитане Сосе, а он, да будет вам известно, всегда был человеком веселым и щедрым. Что же касается борделя в Глубокой Гавани, то открывать его там, уж поверьте мне на слово, нет никакого смысла, поскольку местные бабы и без того все до одной — самые что ни на есть шлюхи.

Водитель, который до сих пор стоял в стороне и разжигал угли, размахивая над ними картонкой, подошел к говорившему и, ткнув тому в грудь почерневшим пальцем, потребовал взять свои слова обратно:

— У меня сестра живет в Глубокой Гавани, а она женщина порядочная, и я никому не позволю называть ее шлюхой, потому что шлюхи, то есть заподлинные шлюхи, обитают в Северном Мысе.

Но теперь уже мужчина, мазавший барашка соусом, подскочил к нему, не выпуская из рук кисточки, с которой капало масло, и заявил:

— Правда твоя! Лучшие бабы, шлюхи они или нет, обитают в Северном Мысе — вот там люди,

честно вам скажу, жить умеют, и там можно открывать все что угодно — хоть бордель, хоть цирк, хоть универмаг.

Атмосфера быстро накалялась и градусом уже не уступала углям под барашком. Дальнобойщики яростно спорили, хотя их перепалка никакого отношения не имела к вопросу, заданному Паркером. На поверхность тотчас всплыли старые обиды и денежные счеты. Паркер все еще пытался как-то их утихомирить, но его уже никто не слушал. Среди шума и воплей толстый мапуче неожиданно задрал свое пончо и вытащил из-под него что-то, что все приняли за оружие, поэтому после минутного молчания участники ссоры, включая Паркера, попятились назад. А толстяк стал наскакивать на типа с кисточкой. Покраснев от гнева, он вынул из свертка пачку денег и швырнул ему часть в лицо, а часть под ноги с криками:

— Вот, бери все, что я тебе задолжал! И засунь эти деньги себе в одно место!

— Сучье отродье! — взвился оскорбленный, но так неловко взмахнул кулаком, что не устоял на ногах и упал.

Следом оба начали пихать друг друга и хватать за рукава, так что, видимо, было уже не избежать

и серьезной драки. Тем временем тип с черными от угля руками, безразличный ко всему, кроме барашка, приблизился к Паркеру и заговорил доверительным тоном:

— Только ни за что не верьте тому, что они несут про Капитана Сосу, там живут очень хорошие люди. У меня была девушка оттуда, красивая, и звали ее…

— Я собираюсь ехать в Старшего Лейтенанта Лопеса! — перебил его Паркер.

— Тогда двигайте на восток — все время по национальной трассе.

— Я предпочитаю окольные пути. На главной можно куда чаще наткнуться на проверки, а у меня не все в порядке с бумагами.

— Можно ехать по семьдесят четвертой до Мерзкой Горы, а уж там свернуть. Потратите на пару дней больше, зато это будет надежней, — добавил он, подмигнув и не обращая никакого внимания на тычки, которые и ему тоже порой доставались от дерущихся.

— А свернуть надо будет направо или налево?

— Это без разницы, и вообще, можете свернуть, а можете и дальше ехать прямо. Ведь если вы не найдете того поселка, поселок сам вас найдет.

Паркер пошел прочь, вернее попятился, не

поворачиваясь спиной к драке, поскольку не исключал, что в воздух вот-вот полетят стулья и бутылки. А дойдя до своего грузовика, сел в кабину и постарался не мешкая покинуть новых знакомых. Вскоре вокруг опять распласталась равнина.

Ночь Паркер провел в кабине, не тратя время на устройство ночлега. Что-то вроде нервного зуда не давало ему покоя с того самого мига, как он решил непременно отыскать девушку. “Майтен”, — то и дело звучало у него в голове, и он смаковал это имя, произнося то так, то эдак. Сам его звук заставлял вспомнить луга, голубые горные озера и знойный весенний ветерок, ласково обвевающий тело. В имени Майтен ему слышалось хрупкое и прозрачное эхо, а еще — непонятный акцент, а еще, благодаря приглушенному окончанию, — мягкая воздушная грация. Чем чаще повторял Паркер имя девушки, сидя в полумраке кабины, тем более глубоким смыслом оно наполнялось, пока не приобрело еще и магические черты и не украсило своим ароматом рассвет. Паркер зажег лампу и написал имя на чистом листе бумаги. Поначалу оно выглядело всего лишь как одно из многих имен, обычных и ничего особенного не суливших, но

вдруг в нем замерцали некая тень, некая загадка и некое сомнение, поскольку оно могло писаться как с латинской *i*, так и с греческой *y* — *Maitén* или *Maytén*, а в этом наверняка крылись и какие-то его особенные свойства, но кроме того, последний ударный слог напоминал еще и звон колокольчика. Неужели ее действительно так звали? А если боливийцы подшутили над ним? Ведь они имели омерзительную привычку паясничать и дурачиться, как, впрочем, и многие другие, кого он встречал здесь на своем пути. А если и боливийцы тоже примкнули к грандиозному заговору, затеянному против него, Паркера, а ее зовут, допустим, Хуаной или Марией, и по вине тех двоих он только напрасно растрачивал время, беззвучно повторяя на все лады непослушные звуки. “Майтен”, — снова и снова шептал Паркер, но из-за сомнений в том, как оно правильно пишется, что-то с этим именем у него не ладилось, как не сходилось что-то и в приснившемся ему сне: там снег превращался в слякоть, а потом — в воду, невесть куда утекавшую. В ту ночь, населенную призраками, когда очертания мироздания бестолково расплывались, существовал лишь один верный способ вернуть всему некий порядок — это были цифры, и только их

безупречная логика указывала каждой вещи исконно отведенное ей место. Нужно было всего-навсего начать считать что угодно — скажем, овец, перепрыгивающих через ограду загона, как учили его в детстве, когда он не мог заснуть. Или гуанако, или звезды, или любое скопление реальных предметов, которые таким образом превращались в законченное число. Только так и больше никак мир сможет восстановить прежние, а теперь им утраченные четкие формы. Ну а если одно из воображаемых животных вдруг нападет на него, прежде чем перепрыгнет через проволоку? Тогда это окончательно испортит ему ночь… Вот почему Паркер отказался кого-либо или что-либо пересчитывать. Его бессонные ночи часто были втянуты в тревожную круговерть, когда он оказывался между небом и землей или чувствовал на себе всю тяжесть погруженного во мрак и пересеченного меридианами, тропиками и параллелями мира. И Паркер скользил туда-сюда по этим линиям с ловкостью канатоходца.

В течение дня он ехал, крепко ухватившись за руль и не отводя глаз от дороги, а мысленно выстраивал в правильном порядке некое количество деталей и рычагов, то есть сам превращался в часть двигателя или в диспетчерский пункт,

откуда распределял тонны металла. А вот ночами, когда голова от этой задачи освобождалась, он с ужасом думал о том, что постепенно утратил контроль над своей собственной жизнью, плыл по течению, и это стало казаться ему диким безобразием. Смешно сказать, но он уже несколько лет жил вот так, став пленником декораций, сляпанных на скорую руку, как в дешевом вестерне, только вот и других вариантов у него, на беду, не осталось.

“Майтен”, — повторил он невесть в который раз и наконец добился желанного результата. Имя, поначалу казавшееся чужим и далеким, теперь вдруг утратило всякую экзотичность и зазвучало почти обыденно. Та девушка просто не могла зваться никак иначе, и между Паркером и ей сразу установилось особое доверие, как между двумя любовниками, которым случилось встретиться после многолетней разлуки. Если он твердо решит отыскать девушку, эти дни перестанут выглядеть слепой погоней непонятно за чем, а обретут конкретную цель — желание непременно успеть на давно условленное свидание, — думал Паркер, пока сознание не накрыла мягкая черная пелена и он не стал частью всего того, что спало вокруг.

Братья-боливийцы Эбер и Фреди, помощники Бруно, явились в поселок Старший Лейтенант Лопес через несколько дней после хозяина. Они доставили сюда все, что еще оставалось в Терновом Саду. И Бруно ждал их, чтобы закончить монтаж аттракционов. Они приехали прямиком по национальной трассе, благодаря чему заметно опередили Паркера, который потратил несколько драгоценных дней, кружа по заштатным дорогам.

Всего несколько часов понадобилось Бруно с боливийцами, чтобы совместными усилиями установить на новой площадке все, что нужно, включая большой ангар для поезда-призрака и шатер с тиром. И теперь Бруно обходил ярмарку, доводя до ума последние мелочи, а Майтен в их вагончике занималась домашними делами. Она вымыла накопившуюся посуду и выстирала в корыте белье. Потом, надев фартук и повязав голову косынкой, принялась готовить на электроплитке в почерневшем чугунке жаркое, после чего собиралась подмести пол. Наконец она выжала белье своими сильными молодыми руками, развесила на веревке, натянутой между двумя шестами, простыни и наволочки и закрепила прищепками, чтобы не унес ветер. Вдруг один шест начал

медленно клониться и упал, так что чистое белье разлетелось по земле. Майтен почувствовала бессильное отчаяние, и лицо ее сразу исказилось злобой. Какое-то время она постояла молча, потом в гневе огляделась по сторонам и сорвала ярость на первом же, кого увидела рядом. Однако даже в этой ярости было что-то, что только усиливало ее грубую красоту.

— Ты должен был как следует вкопать шесты! До чего же вы все мне надоели! — кричала она, уперев руки в боки и нервно расхаживая туда-сюда. А кричала она на Эбера, сгребавшего щебень и мусор перед вагончиком, который они делили с Фреди.

— Нет, мне ты ничего не сказала, голубка, небось поручила это моему брату. Бог свидетель, я тебе сейчас в одну минуточку все подправлю, — ответил Эбер, глядя на нее сонными глазами, а потом бросился собирать и снова и кидать в корыто перепачканное белье.

Майтен отмахнулась от боливийца и попыталась сама воткнуть шест в землю. Но тут раздался сердитый голос ее мужа, который успел вернуться и, услышав крики, высунулся в окошко с сигаретой во рту. При этом он продолжал бриться.

— А обед у нас скоро будет готов?

Майтен отшвырнула шест в сторону Эбера. Она и сама не знала, на кого сильнее разозлилась, на него или на Фреди, а это взбесило ее еще больше. Боливийцы наверняка нарочно валят вину друг на друга, стараясь всех запутать.

— Вы, видно, считаете, что я двужильная и меня одной должно хватать на все? — буркнула она, возвращаясь в вагончик, чтобы накрыть на стол.

Бруно курил и пил вино, не отрывая глаз от шахматных фигур, расставленных на доске. Он сидел, поставив локти на стол, зажав голову руками, и с самым серьезным и решительным видом время от времени поворачивал доску к себе то одной, то другой стороной, словно настраивая компас. Порой доска совершала полный поворот, и Бруно продолжал изучать фигуры, раздумывая, не сдвинулись ли они сами собой с места за эти несколько секунд. Майтен смотрела на него искоса, хотя и с тем же интересом, с каким ее муж созерцал доску, и дожидалась подходящего момента, чтобы высказать все, что давно вертелось у нее на языке.

— Пойми, я больше не могу справляться с такой кучей дел, нам нужно нанять кого-нибудь еще, к тому же один нормальный человек сделает куда больше, чем делают два этих недоумка вместе, —

заявила она наконец, но Бруно даже не поднял головы — он то отхлебывал вино из стакана, то вспоминал про сигарету, зажатую во рту.

— Тихо, ты мешаешь мне обдумать положение фишек и только поэтому вечно обыгрываешь меня. Вы, женщины, привыкли жульничать.

— Фигур, а не фишек. Фигур… — поправила она мужа, ставя на стол тарелки и чугунок, потом с усталым видом села напротив Бруно, который по-прежнему вроде бы не замечал ничего вокруг, и принялась листать журнал.

А он, словно получив знак свыше, сделал ход и съел королеву пешкой, стоявшей на соседней клетке, а потом с вызовом посмотрел на Майтен.

— Ну вот, видала? Как тебе это, а? Съел твою королеву… — заявил он, гордясь своим гениальным ходом.

Жена ничего не ответила и продолжала внимательно читать, но потом что-то у нее внутри сорвалось с резьбы:

— Когда ты наконец запомнишь? В шахматах так ходить нельзя.

Бруно посмотрел на доску, стараясь понять свою ошибку, но в конце концов подумал, что женщины всегда всем недовольны — им нужно непременно к чему-нибудь придраться. Вот и

теперь оказалось, что он неправильно двигает пешку. А почему? Кто, скажите на милость, изобрел эти дурацкие правила? Наверняка тоже какая-нибудь баба, как и саму игру. Но он не позволит жене командовать — одна только мысль, что она докажет свою правоту и заставит его подчиниться, приводила его в бешенство. Но пока он решил не горячиться, а договориться с Майтен по-хорошему:

— Пойми ты раз и навсегда: если двигать фишки в любую сторону, играть будет еще труднее. И вообще, лично мне так больше нравится.

Майтен протянула руку, двинула ладью как положено и съела его коня. Но Бруно, прежде чем она успела убрать фигуру с доски, поставил обе на прежние места:

— Я же сказал, что ты любишь жульничать… Лишь бы только выиграть…

Майтен отложила журнал в сторону и повторила тот же ход, словно насмехаясь над ним, но Бруно проголодался и не желал тратить время на пустые споры. Поэтому с раздражением отодвинул доску и повязал на шею салфетку:

— Ходи как тебе угодно, у меня и без того голова пухнет от разных проблем, и я не собираюсь тратить нервы на споры с такой вот взбалмошной

командиршей.

Обедали они в тяжелом молчании, которое нарушалось лишь ритмичным постукиванием вилок и ножей по тарелкам. Когда с обедом было покончено, Майтен сгрузила посуду на кухонный стол, а Бруно задумчиво пил вино стакан за стаканом, но время спустя все-таки ответил на ее повисший в воздухе вопрос:

— Мы не можем взять помощника, потому что работы в парке почти нет и аттракционов остается все меньше с каждым разом и с каждой ярмаркой. В прошлом месяце пришлось расстаться с “Космическими кораблями”, две недели назад развалилась “Формула Один”, и починить ее некому, а значит, придется продавать почти за бесценок.

Майтен молча перемыла и вытерла посуду, и взгляд ее блуждал где-то за окном. Бруно ждал, что она хоть как-нибудь отреагирует на его доводы, и продолжал объяснять, с какими трудностями они столкнулись:

— Турок сообщил мне, что отправляется со своим кафе-барбекю на побережье, так как нашел себе место на постоянной площадке. С каждой неделей нас остается все меньше, и хочешь не хочешь, а надо терпеть Фреди с Эбером. От них,

конечно, толку ноль, зато они стоят нам сущую ерунду и мало едят, — сказал Бруно, потом встал, пошатываясь и хватаясь обеими руками за потолок, чтобы удержаться на ногах.

Майтен опять глянула в окно и стала наблюдать за боливийцами, которые копали яму в каменистой почве — очень старательно, но без заметного результата.

— Эти двое делают меньше, чем сделал бы один, а проблем создают нам больше, чем если бы их вообще не было.

— Если бы их вообще не было, мы бы тоже долго не продержались. В каждом поселке мы теряем по одному аттракциону, а если так будет продолжаться и дальше, тебе самой придется плясать перед публикой голой, — ответил он, повысив голос, и сам же расхохотался своей шутке.

Майтен схватила кухонное полотенце, скомкала и швырнула в лицо мужу, но он ловко увернулся и продолжал хрипло хохотать, то и дело откашливаясь. Она обожгла его взглядом:

— А почему бы нам в таком случае не сменить маршрут? Мы едем все дальше на юг — и становится все холоднее, а люди становятся все беднее и угрюмее. Разве нельзя попытать счастья в каком-нибудь крупном городе, где жизни

побольше?

— Скоро начнется сезон стрижки овец, и работы хватит всем. В конце недели пеоны обычно получают деньги и мечтают поразвлечься вместе со своими семьями. Поэтому нам и надо ехать именно туда, еще дальше на юг, — сказал Бруно, глядя на шахматную доску и обдумывая следующий ход. Потом с победным видом съел белую королеву черной пешкой.

— Шах, — воскликнул он и грубо схватил жену за локоть.

Она посмотрела на него с откровенным презрением:

— В прошлом году ты говорил то же самое — и что? Никакие пеоны к нам не пришли — ни пеоны, ни их семьи.

— А откуда мне было знать, что чертов вулкан вдруг возьмет и все там у них засыпет пеплом?

— Да, конечно, виноват во всем вулкан, а в следующем году случится затмение солнца, — возразила Майтен, но только чтобы позлить мужа.

И Бруно уже действительно начал терять терпение:

— Погибло много животных, люди остались без работы. Зато в этом году мы будем купаться в деньгах. А потом отправимся на побережье,

когда начнут возвращаться корабли, ведь рыбаки повалят на берег с целехоньким заработком. И дела у нас наладятся, это точно.

Майтен резко повернулась к нему:

— На побережье? Значит, опять на юг? Но ты обещал, что после сезона стрижки овец мы повернем назад.

Бруно приподнялся и протянул руки, стараясь схватить жену, что было нетрудно в их тесном жилище, потом встал у нее за спиной и начал целовать в шею.

— А не пора ли поменять правила игры? Вот тогда и посмотрим, кто победит. И пешка запросто съест королеву, — сказал он, кладя руки ей на грудь.

Но Майтен оттолкнула его:

— Нет уж, что касается вот этой игры, тут правила буду устанавливать только я. Пока у нас не появится новый помощник, можешь ко мне не подкатываться. Я должна работать в парке, готовить еду, стирать…

— Пойми, сейчас это никак не получится, но я буду помогать тебе в тире, — предложил Бруно, смягчая тон почти до вкрадчивого. Он опять попытался обнять ее. — И вообще, по крайней мере на это вполне хватит и меня одного, любовь моя.

— Ага, теперь я стала твоей любовью. А кто тебе твердил, что тут нас ничего хорошего не ждет и лучше остаться в том поселке, — сказала она, резко отпихивая его двумя руками.

Майтен уже давно перестала бояться своего мужа, как и слепо подчиняться его воле. Терпение ее постепенно таяло, но она знала, каким бешеным он порой становится, и старалась попусту с ним не спорить. Когда-то она решила, что пойдет на все ради спасения своего брака, однако теперь от былой любви не осталось и следа. Их союз, по сути, дышал на ладан, и ей оставалось лишь придумать, как жить дальше. Пока она не могла уйти от Бруно — у нее не было не только денег, но и моральных сил на то, чтобы покинуть парк развлечений и этот дом на колесах, единственный ее дом, дававший ей крышу над головой. А ведь там, снаружи, были вулканы, которые на долгие недели погружали степь во мрак, были реки, которые выходили из берегов и делали дороги непроходимыми, были ураганы, засухи и наводнения, когда бурные потоки уносили неведомо куда даже скот, были мощные снегопады, жестокие зимы и вялые весны, а она, Майтен, считала себя частью всего этого. С западных гор медленно сходили ледники — и начинали дуть

сильные ветры; на востоке все зависело от океана — сезоны лова, капризные приливы и отливы, оставлявшие на берегу скелеты китов и морских львов. Там, куда ни брось взгляд, он облетит вокруг света над рычащими волнами и вернется к тебе с другой стороны, ни в одной точке так и не коснувшись земли. Часть планеты, расположенная там, внизу, была настолько от всего удалена, что местные люди в утешение себе называли ее “краем света”, словно хотя бы это давало им повод для гордости. И Майтен безотчетно знала, вернее, смутно ощущала, что тоже целиком принадлежит к этому миру, поскольку тут она родилась и выросла. И подчинялась тем же законам, что вся здешняя фауна, вся здешняя флора, только вот впредь не желала смиряться с такой участью. Безродная пустыня подавляла ее, необъятные просторы разъедали душу. Она воображала себе другую жизнь, по крайней мере другие пейзажи, даже если жизнь среди них окажется почти такой же. Однако ей нужен был какой-то внешний толчок, нужно было, чтобы что-то сдвинуло ее с места, как шахматную фигуру на доске, — и тогда она покинет ярмарку и уйдет от Бруно. А пока можно было утешать себя мыслью, что такой час когда-нибудь настанет — например, после

очередной дикой сцены, устроенной мужем.

— Ты хочешь сказать, что нам лучше было бы остаться там, в нашем поселке? Но там мы подыхали с голоду после того, как закрылся спортзал! Меньше всего они желали брать уроки бокса! И мне оставалось разве что колотить кулаками по воздуху, — все больше распалялся Бруно.

— Да, а еще ты напивался, целыми днями жаловался на судьбу и накручивал себя. И кулаками привык колотить не только по воздуху. — Майтен закатала рукав и ткнула пальцем в синяк повыше локтя.

— Я работаю с утра до ночи как проклятый. И имею право иногда пропустить стаканчик.

— А я больше не могу выносить такую жизнь, Бруно. Да это и вообще не жизнь, ведь нам даже на еду уже с трудом хватает.

Бруно с силой выдохнул, схватился руками за голову и заорал:

— А ты уверена, что в Буэнос-Айресе нам повезет больше? И что ты станешь там делать? В лучшем случае мыть посуду и застилать постели!

— И это будет ничем не хуже того, что мы имеем сейчас!

Бруно взревел и ударом кулака разбил дверь шкафа. Майтен заслонилась руками, так как

знала, что после шкафа настанет ее черед. Она проскользнула мимо мужа, швырнув фартук ему под ноги, и выскочила из домика. Потом быстро и решительно зашагала в сторону ворот. Тем временем Эбер и Фреди готовили к запуску поезд-призрак и доставали из ящиков монстров, чтобы немного их проветрить. Майтен почти пробежала мимо Дракулы, призраков и людей-волков, которые сейчас напоминали построенных в шеренгу солдат. Их когда-то изготовил сам Бруно, чтобы сделать путешествие на поезде как можно более жутким. В ход пошли старые манекены, куски ткани, маски и кое-что из инвентаря, оставшегося после ликвидации спортзала. Теперь все они составляли его личное войско.

Майтен пересекла городок насквозь, и теперь, когда перед ней лежала голая степь, что-то в душе у нее дрогнуло. Потом сильно закружилась голова, в глазах потемнело, а в памяти замелькали картины из прошлого — из совсем далекого детства, когда она играла с сестрами на заднем дворе их дома в каком-то местечке без названия, вернее, название-то у него было, только вот теперь оно стало для нее пустым звуком. Там их семья кое-как сводила концы с концами, пока пустыня постепенно не лишила ее сначала ма-

тери, а потом разлучила и с сестрами. Майтен вспомнила вечный ветер, вечный холод и песок, летевший в глаза, а еще шершавые руки, которыми девчонки крутили веревку, прыгая через нее под смех и песни.

Девушка попыталась поскорее загнать эти воспоминания в самые дальние уголки памяти и с трудом подавила желание вернуться в их вагончик на ярмарке, чтобы хотя бы там найти защиту от бесприютности, которая окружала ее с ранних лет. Но тотчас решила ни в коем случае не поддаваться панике, и, чтобы успокоиться, двинулась вперед — никуда не сворачивая и все еще немного пошатываясь. Она шла по степи, пока городок не остался далеко позади. Шла по высохшей земле, обхватив плечи руками, чтобы придать себе хоть немного уверенности. Глядя на окружающие просторы, Майтен вдруг осознала огромные размеры клетки, в которую попала, хотя в этой клетке не было ни решеток, ни дверей с запорами, ни окон. По ней можно было передвигаться куда угодно, в любую сторону, только вот убежать никогда не удастся. Потому что стены в этой самой ужасной из всех возможных тюрем раздвигались насколько хватало глаз и даже еще дальше. Майтен не могла понять, когда и куда улетели все ее мечты,

надежды и пылкое желание навсегда обосноваться в настоящем городе, где будут приличные улицы, высокие дома и люди, которые ходят по дорогам, не сгибаясь пополам под шквальными ударами ветра. Ее сестры уехали на поиски новой судьбы, а сама Майтен какое-то время еще сидела на прежнем месте, непонятно чего дожидаясь. Потом познакомилась с Бруно, и ей показалось, что наконец-то и ей тоже повезло и не сегодня завтра эта жалкая жизнь останется позади, однако очень скоро поняла свою ошибку. Сияющий призрак города уплывал все дальше и дальше, а вокруг воцарилась безнадежная мутота.

Майтен несколько раз провела рукой по лицу, но пальцы остались такими же сухими, как и земля под ногами. Она смотрела на степь и мыслями опять возвращалась в прошлое. Весьма туманное шестое чувство подсказывало ей, что истоки всех семейных бед следовало искать в тех временах, когда их предки прибыли в эти убогие края. Майтен так и не смогла понять, почему они не остались в Европе и зачем их понесло именно сюда. Правда, она ничего не знала ни про Европу, ни про голод, заставлявший людей искать счастья где угодно, хотя бы и на краю света. Из дошедших до нее рассказов удалось только

усвоить: Сиро, дед по отцу, покинул Неаполь в начале XX века и присоединился к знаменитому в его родной деревне Паскуалю-Пирату — тот промышлял контрабандой товаров и людей в Магеллановом проливе, в южной его части, а кроме того, не брезговал и морским разбоем. Сиро не один год был его верным подручным, пока правительства двух стран не решили наконец сообща навести порядок. Сиро несколько лет провел в тюрьме, а потом отправился искать золото на Огненную Землю, взяв с собой маленького сына Паскуаля, будущего отца Майтен, названного так в честь прославленного пирата. Вскоре Сиро стал терять рассудок: здоровье его подточили дурной климат, бредовые мечты о богатстве, сифилис и пьянство. Он променял воздушные замки на жизнь в индейских племенах, разбросанных по берегам пролива. Больше о нем ничего не было известно. Возможно, его казнил какой-нибудь вождь, узнавший, что прежде Сиро участвовал в истреблении индейцев. А маленький Паскуаль был взят в заложники и долго жил пленником, пока его не выкупили итальянские миссионеры, которые воспитывали мальчика и кормили до совершеннолетия. Затем большую часть жизни Паскуаль кочевал на запряженной быком колы-

маге по эстансиям и поселениям первопроходцев, торгуя продуктами, домашней утварью и всем чем придется. Во время разъездов с одного края Патагонии на другой он познакомился с юной метиской, будущей матерью Майтен, которая служила поварихой у шахтеров. У пары родились три дочери.

Девочки с малых лет выполняли всю домашнюю работу. Потом двум старшим сестрам удалось выйти замуж и уехать, а Майтен продолжала учиться в сельской школе. Когда она познакомилась с Бруно, молодым, добрым и трудолюбивым парнем, а к тому же еще и подающим надежды боксером, ей показалось, что наконец-то она сможет избавиться от родового проклятья. Бруно обещал ей лучшую жизнь, и это было реальным шансом выбраться из того болота, где безнадежно увязли ее предки, шансом стать тем самым звеном, на котором оборвется цепочка горемычных судеб их рода. Но надежда обернулась очередным крахом. Река судьбы снова и снова коварно возвращалась в прежнее русло, увлекая за собой и тех, кто еще пытался сопротивляться. Завод, куда устроился Бруно, перевели в другое место. Парень потерял работу, но на полученную после увольнения компенсацию

оборудовал спортзал в процветающем рыбном порту. Бруно давал там уроки бокса, но они не пользовались спросом и не слишком ценились местным мужским населением, поскольку соблюдение в драках каких бы то ни было правил лишало эти драки главной привлекательности. Кроме того, вряд ли имело смысл платить деньги за тренировки, если можно было и без того наращивать мускулы, таская мешки и ящики в порту или занимаясь стрижкой овец, которая мало чем отличалась от рукопашной схватки и требовала не меньше сил, чем уличные потасовки. Короче, бизнес Бруно очень скоро прогорел, а с ним сошло на нет его увлечение боксом и вольной борьбой. Скудные сбережения были потрачены на покупку доли в парке аттракционов — включая сюда шатер с тиром и поезд-призрак. С тех пор жизнь Бруно и Майтен протекала в разъездах между побережьем и раскиданными по степи городками и поселками. Но и передвижной луна-парк постепенно перестал приносить сносный доход, хотя Бруно, ослепленный неудачами и алкоголем, долго не желал этого видеть. И все уговоры Майтен покинуть корабль, пока он в очередной раз не пошел ко дну, притом что на сей раз у них уже не будет спасательной шлюпки,

самонадеянный Бруно воспринимал как личное оскорбление. Упреки жены, порой и вправду безжалостные, острыми кинжалами вонзались в броню, защищавшую его гордую душу. Майтен во всех неудачах обвиняла только мужа, и теперь он часто буйствовал, хотя до последнего времени с трудом, но все же сдерживал свой горячий нрав. К тому же у него совсем опустились руки, он сдался и действительно был готов пойти ко дну вместе с кораблем, как и велело его весьма примитивное представление о мужском достоинстве. Но погибать одному было страшно — он хотел видеть рядом Майтен, единственную любовь всей его неприкаянной жизни, единственную женщину, к которой он испытывал хотя бы немного нежности и которой мог порой говорить красивые слова. Она должна была рухнуть в бездну вместе с ним.

И вот теперь Майтен стояла посреди пустыни, и ей казалось, что до нее откуда-то долетают жалобы и проклятья Бруно, непонятно к кому обращенные. Она еще немного подождала, сама не зная чего, и повернула назад.

В центре ярмарки Эбер и Фреди застыли по стойке смирно, присоединившись к аккуратному строю монстров. Там же был и Бруно, похожий на

генерала, раздающего приказы своей безответной и неподвижной армии. Оба боливийца уныло переглядывались, надеясь, что он вот-вот от пустой ругани перейдет к конкретным заданиям.

— Раздолбаи проклятые! Это из-за вас мы разоряемся и скоро будем стоять с протянутой рукой! — орал Бруно.

— На то, видать, воля Божия, хозяин… — смиренно выдавил из себя Эбер.

— …А только Он “управляет шествием нашим”, — тотчас вставил библейскую цитату Фреди, не поднимая глаз.

— Здесь всем управляю один я, и только моя воля для вас имеет значение, моя и больше ничья, — взорвался Бруно.

— А вы, шеф, пошли бы когда-нить вместе с нами в храм божий, чтобы узреть Его и познать Его свет, — не сдавался Эбер.

Бруно окончательно вышел из себя и пригрозил, что пришибет обоих вместе с их религиозным бредом. Если не считать жалоб жены, то больше всего бесили Бруно попытки боливийцев обратить его на путь истинный и сделать христианином. Когда он перестал кричать, Эбер и Фреди, прекрасно знавшие, что за этим последует, благоразумно отошли в сторонку. А Бруно

стал изо всех сил пинать ногами фигуры монстров, так что вскоре почти все они валялись на земле: скелеты с сухим треском распадались на отдельные кости, плащ Дракулы при каждом ударе взвивался вверх, а тело Франкенштейна, сделанное из чего-то мягкого, покорно моталось взад и вперед.

— К черту, к черту, к черту! Всех к черту! Кого могут напугать эти уроды? Люди смеются над нами! — вопил побагровевший Бруно, совсем осатанев. Он то и сам кидался на землю, то снова вскакивал на ноги.

Майтен постояла немного за вагончиком, потом засучила рукава и молча принялась опять стирать перепачканное белье. Фреди и Эбер краем глаза следили за ней, потом переглянулись, словно поздравляя друг друга с тем, что им не пришлось терпеть нагоняй еще и от этой своенравной женщины, а в душе даже посочувствовали своему хозяину.

“Майтен”, — снова и снова беззвучно повторял Паркер, легко управляясь со своим многотонным грузовиком. С того дня, как он узнал это имя, ему важно было распознать все его тайные значения, все формы и варианты его звучания. Таким образом весьма уже расплывчатые вос-

поминания о лице девушки дополнялись чем-то новым, словно он видел ее под разными углами. Но тут Паркер оказался рядом с заправочной станцией, и мысли его переключились на другую проблему: он сообразил, что уже давно надо было предупредить старика Констанцо о своей вынужденной многодневной задержке и дать какие-то объяснения. Из телефонной будки он позвонил в его контору. Время было довольно позднее, но Констанцо всегда прямо там работал, ел и спал. Правда, ответил не сразу, к тому же весьма раздраженным тоном, так как боялся услышать про очередные неприятности, что могло испортить ему удовольствие от футбольного матча, который показывали по телевизору, и от ужина, который, как всегда, состоял из одних только эмпанад[4].

— Я застрял в Старшем Лейтенанте Лопесе, жду нужную деталь, только вот ее все никак не могут сюда доставить, — соврал Паркер, прикинувшись сильно расстроенным.

Из трубки посыпались упреки и жалобы, а он, отодвинув ее подальше от уха, еще несколько раз повторил свои объяснения.

Голос Констанцо звучал так, словно он говорил

---

[4] Примечания: 4

Эмпанада — популярная в Аргентине закуска, пирожок с разной начинкой.

в целлофановый пакет, виной чему была изрядная доза выпитого.

— Твой грузовик должен прибыть в порт до конца недели, корабль отчалит в понедельник! — твердил старик, втягивая носом, как догадался Паркер, соблазнительный запах эмпанад.

Но он не прерывал Констанцо. Чтобы прибыть на место в срок, пришлось бы двинуться в путь сегодня же ночью, а значит — отказаться от Майтен и навсегда потерять ее след. Спор между ними шел еще несколько минут, но ни тому ни другому не удавалось договорить до конца хотя бы одну фразу. Были, само собой, упомянуты и прежние конфликты, и задержанное жалованье, и невыполненные обещания.

— И сколько еще дней ты намерен ждать? — спросил старик, вроде уже начиная успокаиваться и громко жуя.

— А как вы полагаете, будь я провидцем, стал бы мотаться по дорогам в этой жопе мира? — ответил Паркер, повторив, несколько переиначив, слова, услышанные недавно от механика.

— А ты не паясничай, груз надо доставить в срок. Раз деталь тебе не привозят, сделай шестеренку сам.

— А может, вы мне ее привезете? — предложил

Паркер, хорошо зная, что старика заставит сорваться с места разве что землетрясение, но в тех краях их никогда не случалось.

— Ты, кажется, забыл, кто кому платит, — заявил Констанцо вкрадчиво.

Паркер не упустил случая, чтобы напомнить:

— Если я об этом и забыл, то только потому, не получал положенных денег вот уже четыре месяца.

Констанцо, судя по звукам, вытер рот куском бумаги, потом немного подумал и продолжил ужин, посмеиваясь и покашливая:

— Сколько-сколько месяцев? Неужели целых четыре? Надо же, как быстро бежит время!

— Так вот, я ведь запросто могу взять и направить грузовик в первую же встречную пропасть, если вам так уж хочется посмеяться, — пригрозил Паркер.

Констанцо сразу заговорил серьезно и, видимо, залпом осушил стакан вина. Он хорошо знал, что Паркер на такое вполне способен, а других водителей у него не осталось, то есть надо было любой ценой удержать хотя бы этого.

— Слушай, я ведь пошутил, неужели ты совсем потерял чувство юмора? В следующем месяце я с тобой обязательно рассчитаюсь.

Паркер уже не верил его обещаниям, как и Констанцо не поверил сейчас объяснениям Паркера. Он подозревал, что тот нарочно тянет время, а так как и сам много лет провел на тех же трассах, знал, что причиной подобного рода задержек обычно бывает женщина.

— А не подсела ли к тебе в грузовик какая-нибудь дорожная пташка, а? — намекнул он медовым голосом, громко облизывая жирные пальцы.

Паркер был настолько уверен, что его вранье звучало правдоподобно, что его по-настоящему задели подозрения хозяина, хоть и высказанные весьма беззлобно. В итоге он рискнул выдать Констанцо все, что думал и о нем самом, и о его фирме, хотя под конец держал в руке уже онемевшую трубку, уставившись на нее так, словно внутри застряли, не сумев вылететь наружу, еще какие-то фразы.

Констанцо давно перестал его слушать. Паркер шмякнул трубку на рычаг, заплатил за звонок и направился к грузовику, твердо решив отыскать луна-парк на следующий же день. А еще он решил, что пробудет в Лейтенанте Лопесе столько времени, сколько ему захочется, лишь бы для этого появился реальный повод. И плевать, если

ожидающий его корабль покинет порт пустым.

На другой день Паркер доехал до поворота с указателем на параллельную трассу номер сорок восемь и ближе к вечеру наконец добрался до места, нырнув под ржавую металлическую арку с названием городка, украшенную реющими на ветру флажками и просто кусками красной материи. По сторонам дороги были разбросаны импровизированные святилища, сооруженные дальнобойщиками из кирпича, досок и жести, чтобы там можно было помолиться языческим божествам и народным святым: гаучо-чудотворцам, Святой Смерти, благородным разбойникам, сельским бандитам и дезертирам, которых тоже успели объявить местными святыми. Бутылки с водой и всякого рода подношения складывались кучами в знак почитания того или иного мученика, если он, скажем, умер в пустыне от жажды и теперь из загробного мира совершал чудеса, излечивая недужных. Снаружи эти хижины нещадно терзал ветер, а внутри скапливались фигурки святых и горели красные свечи, с которых на землю стекал расплавленный воск, оставляя пятна, похожие на кровавые. На стенах висели таблички, фотографии, искусственные цветы, приношения по обету и написанные от руки просьбы и благо-

дарения. А какие-то имена были написаны даже аэрозольной краской. Вокруг часовен лежали и стояли все те же бутылки с водой, а также шины, жестяные банки из-под масла, превращенные в жаровни, кресты и вырезанные из дерева фигурки. А еще земля была сплошь покрыта сотнями старых номерных знаков, воткнутых один за другим, так что цифры складывались в единственное в своем роде и бесконечное число, которое, казалось, воплотило в себе некие тайны каббалы. К самодельным пантеонам стекались паломники. Они появлялись там с раннего утра и словно бы ниоткуда — на автомобилях, верхом или пешим ходом, — чтобы поклониться придорожным святым, а ближе к вечеру двинуться обратно в свое никуда, пока не растворятся в пустыне. Машины, проезжавшие мимо, непременно останавливались, и люди бродили от святилища к святилищу, благоговейно прикладывались к изображениям, осеняли себя крестным знамением и зажигали факелы. Сюда наведывались целыми семьями, чтобы оставить подношения, навести порядок в часовнях и украсить их, а потом люди сидели снаружи, пили мате и разводили огонь под жаровнями. Тот, кто по какой-то причине не мог остановиться, громко сигналил и таким образом

словно извинялся перед святыми за свою невольную непочтительность.

Между аркой и святилищами высился указатель, надежно укрепленный с помощью проволочных тросов: “Добро пожаловать в Старший Лейтенант Лопес. Автосервис. Отель. Медпункт. Похоронные услуги. Шиномонтаж”. С самого края кто-то крупными буквами приписал кистью: “Гостиница — свинарник”, а рядом буквами помельче было добавлено: “Неправда”. Паркер двинулся в центр городка, так и не поклонившись святым. Он миновал длинный безлюдный бульвар и притормозил у небольшой площади, в середине которой рядом с пересохшим фонтаном высился флагшток. Там же стояла конная фигура — памятник тому самому старшему лейтенанту, в честь которого и было названо это место. Лопес не числился среди героев, особо отличившихся при завоевании здешней пустыни, а прославился он уничтожением индейцев, но и это было позднее истолковано как борьба за прогресс. Погиб он от рук аборигенов во время какой-то их неожиданной вылазки. Памятная дощечка сообщала о подвиге Лопеса и призывала грядущие поколения следовать его примеру. Однако у ног лейтенантского коня местные власти — надо

полагать, в знак национального примирения — добавили фигуру индейца, длинноволосого и в набедренной повязке, который с покорным и изумленным видом шел рядом с Лопесом в роли его верного оруженосца.

Паркер покинул кабину и легким шагом дошел до пустыря, где уже успели развернуть луна-парк. Дальше он идти не рискнул, а достал бинокль и стал следить за тем, что там происходит, надеясь, само собой, обнаружить Майтен. В парке пока еще царили тишина и покой, но он был явно меньше предыдущего, так как некоторые аттракционы и палатки дезертировали, в том числе “Молот судьбы” и кафе-барбекю. Несколько человек заканчивали монтаж тех немногих приманок, которые еще могли кого-то соблазнить, в то время как Бруно отдавал последние распоряжения перед скорым открытием. У места посадки на поезд-призрак боливийцы пытались привести в порядок изувеченных монстров, подрисовывали на полинявших лицах гримасы пострашнее, а потом расставляли фигуры в мрачных туннелях. Паркер изучил каждый уголок ярмарки, не оставив без внимания палатки, шатры и жилые вагончики. Наконец он различил неясный силуэт у двери одного из них. Сразу подкрутил бинокль,

и силуэт превратился в Майтен, которая куда-то направлялась, везя за собой хозяйственную тележку. Паркер не раздумывая решил последовать за ней, но, разумеется, на приличном расстоянии. Так оба и шли между низкими белеными домами, пока не оказались у фруктовой лавки. И тогда ему представилась возможность как следует рассмотреть эту девушку, но уже в самой обычной и заурядной обстановке, когда она оказалась за пределами своего храма и вокруг не было даров, украшавших ее алтарь, то есть стояла не в шатре-тире, а просто в очереди за продуктами.

Паркер тотчас пристроился рядом и поздоровался с ней, изобразив крайнее удивление. Нынешняя Майтен, девушка из плоти и крови, выглядела как простая домашняя хозяйка, которая отправилась за покупками, но такой ее образ произвел на Паркера еще более сильное впечатление, не утратив ни капли своего волшебного очарования. Какую из двух он предпочел бы — реальную или ту, что так долго рисовало его воображение? Пока он этого еще не понял и вряд ли поймет в ближайшие дни, хотя выбрать, скорее всего, придется лишь одну из двух.

Они смотрели друг на друга, не зная, что сказать, Майтен не пришлось изображать удив-

ление, поскольку для нее эта встреча и вправду ровно ничего не значила. Только через несколько секунд лицо Паркера показалось ей смутно знакомым, но она не могла припомнить, где и когда его видела. Девушка ответила ему вежливой улыбкой и напрягла память, отыскивая там хоть какую-нибудь зацепку, которая помогла бы ей сориентироваться. Паркер подождал еще немного, а потом объяснил:

— Мы с вами познакомились в Суккуленте.

— Где? Никогда не слыхала такого названия, — ответила она, теперь уже действительно удивившись.

— Раньше поселок назывался Терновый Сад, там ваша ярмарка стояла совсем недавно.

Майтен нахмурилась:

— Вы уверены? Только и про Терновый Сад я почему-то тоже слышу в первый раз.

Паркер немного растерялся, но тотчас с ужасом представил себе, что и с ней тоже, с Майтен, дело закончится у него обычным для здешних краев бредовым разговором. Она еще немного помолчала, и вдруг в голове у нее сверкнул слабый лучик: “Да это ведь тот тип, случайно заглянувший в наш тир”.

— Ах да, конечно, — воскликнула Майтен с

наигранным безразличием и покраснела.

Так кем же все-таки был странный незнакомец, который снова появился в одном с ними городке, приехав непонятно откуда? Еще в прошлый раз она подумала, что перед ней персонаж весьма загадочный, а теперь это впечатление только укрепилось.

— Знаете, а я вот тоже решил купить хлеба, — стал объяснять Паркер, хотя никто его ни о чем не спрашивал, но ему хотелось любой ценой прервать молчание. А тем временем ветер трепал его волосы с такой силой, словно вознамерился напрочь оторвать их от головы.

— Только здесь нет хлеба, здесь продают фрукты и овощи, — сказала девушка.

Наверное, он был дальнобойщиком и жизнь свою проводил на трассах, хотя ничем не напоминал тех водителей, с которыми ей доводилось сталкиваться: все они были людьми угрюмыми, неразговорчивыми и отличались грубыми манерами.

“Какой же я дурак!” — подумал Паркер, закрывая лицо тыльной стороной ладони. Он суеверно считал, что такой жест отгоняет несчастья и охраняет от нелепых и унизительных ситуаций. Потом уставился на девушку. И она почему-то

показалась ему неуязвимой для порывов ветра. Между тем сам Паркер несколько раз попытался сменить позу, чтобы защититься от них, но безуспешно, хотя ловко скрывал свою неудачу.

— Это я, видать, брякнул из-за ветра, он ведь вечно дурит голову, — сказал Паркер, в то время как Майтен взяла его за руку и отвела на пару метров в сторону, куда ветер вроде бы не долетал.

Она сразу поверила, что встретились они случайно, ведь такое нередко бывает с людьми при кочевом образе жизни. Однако в ее встрече с этим мужчиной все-таки крылось и что-то удивительное. Среди всех людей, с которыми сводила ее судьба за годы странствий, он показался ей самым интересным, хотя она так мало знала его. Майтен попробовала мысленно составить более или менее связное представление о незнакомце, пользуясь лишь теми скупыми деталями, которыми пока располагала. Кто он такой? Беглый преступник, парашютист, упавший с неба, или блажь ее фантазии, или призрак, или некая необъяснимая человеческая аномалия на фоне здешних норм? Этот тип никак не умещался в знакомые ей рамки, по крайней мере в те, которые были доступны ее воображению, привыкшему к тусклой будничности. Сразу же и в первую

очередь удивляли его старомодная вежливость и старомодные манеры: он говорил и двигался так, словно не очень хорошо понимал, где находится и почему здесь очутился. За внешней уверенностью в себе, служившей скорее защитной броней, Майтен смогла почувствовать застенчивость и ранимость, какие знала за собой тоже и потому легко угадывала в других. Он ускользал от любых доступных ей определений, и тем не менее она сразу поняла: в ее рутинной и лишенной неожиданностей жизни происходит нечто важное.

Сделав покупки и оживленно болтая, Майтен и Паркер вместе дошли до угла, а там разом остановились и разом замолчали. Паркеру стало ясно, что настало время добавить к начатой цепочке следующее звено — иначе он девушку навсегда потеряет. Он стал срочно подыскивать нужные слова и нужные фразы, но в дело опять вмешался ветер, который путался у него в ногах, заставляя спотыкаться на ровном месте. А вот Майтен ветер не трогал, поэтому девушка, как и прежде, взяла Паркера за локоть и отодвинула чуть вправо, где ни его волосам, ни рубашке больше ничего не угрожало.

— Сразу видно, что ты родился не здесь, — с улыбкой бросила Майтен и, не дав ему времени

на ответ, со вздохом указала рукой куда-то у него за спиной: — Ладно, мне надо возвращаться.

“Пора”, — подумал Паркер, все еще не решаясь действовать смелее.

— А может, мы могли бы посидеть где-нибудь и что-нибудь выпить? — выпустил он пробный шар.

— Нет, спасибо, мне пить совсем не хочется, — ответила она вежливо, но тотчас сообразила, что крылось на самом деле за его приглашением. И не сдержала смеха, потому что еще никогда ничего подобного с ней не случалось. — Посидеть где-нибудь? Здесь? Это тебе не Буэнос-Айрес, здесь нет баров.

Паркер уже не сомневался, что девушка родилась в этих краях, то есть в радиусе двух или трех тысяч километров от Лейтенанта Лопеса.

— А я знаю одно место, где подают лучшую кока-колу на всем юге — и даже с щедрым количеством газа.

Майтен чуть подумала и улыбнулась, а потом улыбнулась еще откровеннее:

— И мы будем пить эту твою кока-колу, сидя на краю тротуара?

— Да, только закажем к ней еще и мешок картошки фри.

— И разумеется, очень соленой.

— Само собой, хотя в тебе самой соли и без того достаточно.

Улыбка стала сползать с лица Майтен. Она не поняла, на что намекал ее новый знакомый, и смотрела на него, ожидая объяснений.

— Ну, это был такой комплимент, хотя, пожалуй, и не очень удачный.

— Соленая или пересоленная — это комплимент? Вот уж никогда и никто мне таких не делал. Спасибо, но я уже должна возвращаться.

От напряжения Паркера прошиб пот, и он впервые возмечтал хотя бы о легком ветерке.

— Я имел в виду только то, что ты не пресная, а наоборот…

— Хорошо, все понятно, я ведь не совсем дура, — ответила она, протягивая ему руку.

— Мы еще увидимся?

— Я же тебе сказала, что в нашем тире один медвежонок еще остался.

— Теперь я буду целиться лучше.

— Вряд ли это поможет.

— А у меня имеются и другие достоинства.

Майтен обошла Паркера, и в тот самый миг, когда она пересекала ту временну́ю границу, что разделяла их прошлое и настоящее, в ту самую

секунду, когда она могла исчезнуть навсегда, девушка глянула на него через плечо, и в ее взгляде сверкнуло лукавство.

— Мы могли бы увидеться на ярмарке, но только чуть попозже…

— Вот уж не знаю, — рискнул опять пошутить он, — надо свериться с моим графиком на нынешний день, проверить, найдется ли там свободное окошко.

Майтен смотрела на него растерянно. Видно, реплики, которыми они обменивались, порой звучали в разных регистрах.

— Я хотел сказать, что да, конечно, — быстро поправился Паркер, боясь, что она опять неправильно его поняла.

Но девушка уже перешла улицу и направилась со своей тележкой в сторону луна-парка. Он долго провожал ее взглядом, а потом отыскал какую-то лавку, купил бутылку газировки и сел прямо на край тротуара, чтобы хотя бы таким образом отметить их встречу.

А Майтен возвращалась на ярмарку в отличном настроении, ее буквально окрылило то, что довелось перебросится несколькими вполне невинными фразами с кем-то еще, кроме Бруно, это внушило ей уверенность в себе, какой она не

чувствовала уже давно, — и всего лишь потому, что незнакомый мужчина заметил ее и проявил к ней откровенный интерес. Она снова почувствовала себя привлекательной — хотя с недавних пор уже не раз пыталась примерить образ поблекшей и грустной женщины, которая растрачивала свою молодость и лучшие годы на пустые ссоры с мужем и домашнюю работу. Вскоре Майтен снова увидела пеструю ярмарку, окруженную грузовиками и трейлерами, и настроение ее сразу увяло. Никогда еще она не испытывала такого отвращения к их луна-парку. Между аттракционами мелькали подобно двойникам Эбер и Фреди — они завершали подготовку к открытию и то мели землю метлами из пальмовых веток, то опять садились, чтобы заняться толкованием очередных строк из Библии. И Майтен вдруг решила вернуться в город — под тем предлогом, что забыла что-то купить. Она прошла несколько улиц с тайной надеждой встретить Паркера, хотя сама мысль о такой встрече показалась ей вздорной, достойной глупой и робкой девчонки. Майтен даже покраснела, словно ненароком возмечтала о чем-то запретном. Да и что мог предложить ей этот мужчина? Скорее всего, развитие их отношений еще больше усложнило бы ее и без того

независидную судьбу, а жизнь превратила бы в ад. После мгновенного колебания она решила, что постарается больше никогда с ним не встречаться. Однако, побродив еще немного по улицам, вдруг заметила Паркера, который так и сидел с потерянным взглядом на краю тротуара. Ей было приятно застать его именно таким и захотелось подойти, но она быстро одумалась и зашагала обратно, на ярмарку, которая в последние годы стала ее домом. Между тем только одна вещь на свете могла вогнать Майтен в большую тоску, чем их парк развлечений, — тот же самый парк, когда он бездействовал и пустовал. Идти мимо неподвижных аттракционов было все равно что попасть на кладбище. К тому же Эбер и Фреди теперь напоминали двух могильщиков, которые сновали среди памятников и надгробных плит со своими лопатами и метлами.

— Ну вот, хозяюшка, мы вам уже поправили ваши шесты, можете, то ись, вешать туда белья сколько вашей душеньке угодно, — донесся до нее голос Фреди из-за горы ящиков с пустыми бутылками.

Майтен кивком поблагодарила их, но при этом вид у нее был еще более гневный, чем прежде. Потом пошла к вагончику, где Бруно наверняка

сидел, склонившись над столом, увлеченный абсурдной шахматной партией, хотя играть он упрямо желал не иначе как по правилам, принятым в шашках. А перед ним стояла непременная бутылка вина.

Паркер пересек ярмарку, мысленно следуя за своей богиней, и оказался у священного места — у шатра с тиром, где Эбер и Фреди, как и следовало ожидать, расставляли на полке плюшевых мишек. Паркер оделся так, как одевался по самым торжественным случаям: на нем были широкие темные брюки и мятая рубашка, правда, слегка прикрытая пиджаком в полоску. В кассе никого не было, а уже знакомый ему мужчина по имени Бруно готовил сахарную вату за специальным прилавком. Но Паркер решил держаться от него подальше, чтобы не вызывать лишних подозрений.

— Не желаете попытать счастья? — обратилась к Паркеру старуха в пончо с багровым лицом и слезящимися глазами. Она протягивала ему удочку и указывала рукой на маленький надувной бассейн, где плавали пестрые пластмассовые рыбки разного размера.

Паркер решил, что это поможет ему скоротать время до прихода Майтен, поэтому взял удочку

и, опершись на стойку, постарался выловить самую большую рыбу, но безуспешно. Попробовал подцепить какую-нибудь другую, однако и они тоже оказались на редкость юркими и быстро, словно живые, разбегались к краям бассейна. Паркер то и дело оглядывался по сторонам, чтобы не пропустить что-нибудь важное. Но билетная касса работать так и не начала, Бруно продолжал превращать куски сахара в белый тягучий пух, а один из боливийцев уже рассаживал пассажиров по кабинкам поезда-призрака.

Девушка материализовалась совершенно неожиданно, как и положено неземному существу. Она вошла в свою будку и достала книжечку с билетами. Вид у нее был отсутствующий и грустный. Паркер несколько раз пытался встретиться с ней взглядом, но Майтен глаз не поднимала. Дожидаясь удобного случая, чтобы под тем или иным предлогом подойти к кассе, он продолжал орудовать удочкой. С мелкими рыбками ему теперь везло больше и удалось поймать аж несколько штук, заслужив похвалу от старухи, которая уговаривала его поиграть еще. Паркер подсчитал заработанные очки и понял, что для главного приза их все равно не хватает: надо было непременно выловить самую большую рыбу,

самую верткую, никак не желавшую ему поддаваться. И тогда, разозлившись, он воспользовался тем, что старуха на миг отвлеклась, перегнулся через барьер, схватил рыбу рукой и нацепил на крючок, а потом с радостным воплем поднял удочку вверх. Но старуха тотчас заподозрила обман, увидев, как он с победным видом показывает ей свой трофей.

— А вы не сжульничали, молодой человек? До сих пор мало кому так везло и мало кто сумел поймать эту рыбу за все те годы, что я провела на ярмарках, — прищурившись, заявила она. Паркер промолчал. — Вы ведь не местный, так? Верно, приехали из Индейца-Жулика.

Майтен услышала лишь часть их перепалки, во всяком случае, наконец-то оторвала глаза от билетов и сразу узнала Паркера. Казалось, она недавно плакала — даже тушь немного размазалась. Но теперь сразу пригладила волосы, потом — платье и поспешила изобразить улыбку, согнав с лица унылое выражение.

— И как только вам могло прийти такое в голову, сеньора? — возмутился Паркер, не пряча хитрой улыбки.

— Все столичные жители считают себя большими ловкачами, — добавила старуха.

— Возможно, но сам я приехал не из столицы.

— Все так говорят, все корчат из себя невинных овечек.

Оба замолчали, но через несколько секунд старуха сменила гнев на милость, и сейчас у нее был вид заговорщицы:

— Вы кажетесь мне хорошим парнем, хоть и портеньо. Будем считать, что рыбу вы поймали честно.

— И я могу выбрать приз?

— Выбирайте, но прежде хорошенько подумайте, — ответила она и подмигнула ему.

Паркер смотрел на нее, не понимая, что кроется за таким советом, потом выбрал сувенир в виде маленького крана, из которого вроде как лилась струйка воды. Старуха посмотрела на него с упреком и покачала головой:

— Вы плохо меня поняли, я же велела вам выбирать получше.

Паркер попытался прочитать что-то по ее лицу, но она продолжала загадочно улыбаться. Он стал разглядывать другие призы, висевшие на ниточках, и указал на пластмассовую саблю с рукояткой, украшенной пестрыми стекляшками.

— Опять дурака сваляли, ну же, пошевелите мозгами.

Он уставился на призы, но так ничего и не выбрал.

— А вот мне почему-то кажется, что вы хотели бы сделать подарок некой особе, правильно я понимаю?

Паркер уже был готов взять вазочку со сверкающими цветами, но старуха, фыркнув, сама сняла с полки коробку с косметическим набором и почти грубо сунула ему в руки:

— До чего же все вы, мужчины, безголовые! Берите вот это, наверняка пригодится.

Паркер рассмотрел приз и поцеловал старуху, которая воспользовалась тем, что он нагнулся, чтобы прошептать самым дружеским тоном, словно делясь с ним большим секретом:

— Только будьте осторожны и запомните: здешние места, они дураков не любят.

Паркер застыл с коробкой в руках, пока не сообразил, к чему относилось ее предупреждение. Краем глаза он неотрывно следил за тем, что происходит в билетной кассе. Путь был свободен: Бруно исчез, а боливийцы занимались своей работой. Увидев его перед окошком, Майтен опять опустила глаза.

— А мне можно прокатиться на этом поезде? — спросил он с ходу.

— Сколько билетов вы хотите?

— Десять тысяч, будьте добры.

— На десять тысяч песо?

— Нет, десять тысяч билетов.

Майтен невольно улыбнулась, и ее лицо на миг просветлело, но она сразу снова нахмурилась:

— У меня столько нет. А еще имейте в виду, что поезд-призрак — это не для слабаков.

Паркер огляделся и понял, что, если не считать старухи у бассейна с рыбками, следившей за ним со странной ухмылкой, никаких помех для него не предвиделось.

— А мне нравятся сильные эмоции, дайте мне все, сколько у вас есть.

Майтен отрезала один билет со словами:

— Вы про эмоции или про билеты?

— И про то, и про другое, — ответил Паркер, подпихивая набор косметики под стекло в окошке. — Это тебе подарок, — объяснил он, хотя объяснений тут вроде бы и не требовалось.

Она как-то нервно посмотрела на коробку и огляделась по сторонам. Их никто не мог слышать, кроме старухи, но та сделала вид, будто ей нет до происходящего между ними никакого дела. Подарок девушке явно польстил, и она тихо поблагодарила Паркера.

— Но я не могу это взять… — сказала она, опустив голову, и стала пересчитывать деньги и листать билетную книжку. Потом вернула ему набор и добавила таким тоном, словно только что приняла важное решение: — Давай встретимся через полчаса там, где идет посадка на поезд.

Паркер понял свою ошибку. Он быстро спрятал коробку и билет в карман, извинился и поспешил смешаться с теми редкими посетителями, которые уже стали появляться в парке. Он подождал еще полчаса и подошел к маленькому перрону, разрисованному мумиями, черепами, паутиной и буквами, с которых стекала красная краска, изображавшая кровь.

Один из боливийцев, у которого на сей раз изо рта торчали вампирские клыки и который был наряжен в старый костюм, испачканный тоже вроде как кровью, объявлял в громкоговоритель, что поезд-призрак вот-вот тронется. Паркер, оказавшийся на сей раз единственным пассажиром, понадеялся, что боливиец его не узнает, но тот с первого взгляда все понял. Взял билет и, не говоря ни слова, уставился на него с видом полицейского, проверяющего документы на границе.

— Когда отходит поезд? — спросил Паркер, немного смутившись.

— Прямо отсюда, то ись, — ответил Фреди — а может, это был Эбер.

— Я не спрашиваю тебя, откуда он отходит, я спрашиваю, когда или во сколько, — повторил Паркер, хорошо помня, как уже не раз попадал точно в такие же ситуации.

— Прямо сию минуточку или время спустя, оно зависит… — ответил боливиец весьма уверенным тоном. Паркер задумался над подобным ответом, чувствуя, что Фреди — или Эбер — словно подслушивал его мысли, во всяком случае спросил, глядя на него с ухмылкой: — Ну и куда же ты все-таки приехал?

— Ты хочешь знать, откуда я приехал? — растерянно переспросил Паркер.

— Да нет, я спросил то, что спросил: и куда же ты приехал?

Паркер уставился на него, так и не поняв вопроса, но даже если бы понял, ничего бы не ответил, поскольку счел такое любопытство неуместным. И только забавная манера, в которой изъяснялся боливиец, заставила его продолжить их абсурдный диалог.

— Ты ведь, как ни крути, приехал все ж таки куда-то, а не просто так. Вот об чем я тебя и спрашиваю, нешто непонятно? — Боливиец тяжко

вздохнул, а потом решил переиначить вопрос: — Легко добрался до тутошнего Лейтенанта Лопеса или поплутать пришлось?

Паркер по-прежнему ошарашенно молчал, но наконец ответил, вспомнив объяснение, услышанное от механика:

— Старший Лейтенант Лопес — это вовсе не то же самое, что Лейтенант Лопес. Назови старшего лейтенанта лейтенантом — и увидишь, как он оскорбится.

— Старший или не старший — все одно лейтенант, — ответил боливиец назидательным тоном. — А теперь полезай в поезд, хотя ты тут у нас на сей раз один-единственный, и впредь не дури мне голову, парень.

Паркер лихо запрыгнул в кабинку с нарисованным на борту Франкенштейном, хотя было непонятно, напугать собирались пассажиров этой картинкой или рассмешить. Потом взялся обеими руками за поручень, приготовившись к чему угодно и к любым сюрпризам. “Добро пожаловать в поезд смерти”, — объявил гнусавый голос, прилетевший откуда-то из глубин туннеля, и на него тотчас отозвался громкий хохот. Паркер вздрогнул, но не из-за замогильных звуков, которых не испугался бы даже ребенок, а потому,

что предвидел: там, внутри, его ожидает нечто неведомое. А боливиец смотрел на Паркера, ожидая хоть какой-нибудь реакции, но тот и бровью не повел.

— Ну и как тебе бы хотелось прокатиться, парень? Чтобы дух захватывало или как для барышень? Ты у нас тут один пассажир, так что можешь выбирать.

Паркер, не отнимая рук от поручня, глянул на него не без опаски.

— Средний градус — ни то и ни другое. Хорошо усвоил? — ответил он с нажимом, во все глаза глядя в открывшуюся перед ним черную пасть.

Боливиец скроил презрительную мину и опустил одну руку на рычаг, который регулировал скорость поезда, а другую — на ручку, добела истертую за годы долгой службы.

— Ну что, средний градус, говоришь? Штой-то это не по-мужски, уж лучше бы тебе тогда снова пойти и покидать мячи в тире.

— Давай запускай наконец эту хрень, и хватит выламываться, мне лишние сюрпризы ни к чему, — отозвался Паркер сквозь зубы. Больше всего ему сейчас хотелось надавать наглецу по морде, а потом отлупить на всякий случай и второго, так как различал он их с трудом.

— Только вот зачем садиться в поезд ужасов, ежели не ради сюрпризов и тех же ужасов? А для всяких мудаков придуманы карусели — вон они там, раз уж ты такой пужливый…

Паркер сделал вид, что сейчас кинется на него, но боливиец лишь пожал плечами, не видя причины для такой реакции, затем повернул рычаг до упора и нажал на ручку:

— Вся беда твоя в том, что ты не надеешься на защиту нашего Спасителя, не веришь в Него.

Поезд рванул вперед — и голова Паркера резко дернулась назад. Кабинки нырнули за обтрепанный джутовый занавес и безумными толчками двинулись по темным лабиринтам под вопли и визг, которые неслись со всех сторон. Паркер перестал ориентироваться в пространстве, и у него сдавило горло, как случается с некоторыми людьми в закрытом помещении. Дышать стало трудно, а по телу пробежал озноб, словно Паркер спускался в самый последний круг ада. Повороты были такими крутыми, что приходилось изо всех сил держаться за поручень, чтобы не вылететь из кабинки, но уже минуту спустя или даже чуть раньше неведомое чудовище снова выплюнуло его на свет божий. Паркер поискал взглядом боливийца, чтобы он остановил кошмарную гонку,

но того уже и след простыл. Ослепленный солнцем пассажир не мог сообразить, стоит Майтен в билетной кассе или нет, и успел лишь отупело обежать взглядом площадь. Тут его снова проглотила оскаленная пасть, и при каждом повороте голова, руки и ноги несчастного мотались туда-сюда, как у разболтанной марионетки. Еще полминуты дикой тряски — и его снова вынесло из туннеля. Он уже хотел позвать на помощь добрую старуху, но сразу, уже в третий раз влетел в раскрытую глотку монстра.

И вдруг чья-то милосердная рука пришла на помощь Паркеру — поезд стал сбавлять скорость. Потом вздрогнул и замер. Теперь можно было оглядеться и различить в царившем вокруг полумраке какие-то тени, а также силуэты топоров, кинжалов и кос. Плотную тишину нарушал лишь металлический скрежет, похожий на тяжелое дыхание. Но в первый раз Паркер по-настоящему испугался, заметив в нескольких шагах от себя фигуру смерти в надвинутом на голову капюшоне, а во второй раз — когда другая фигура, уже явно человеческая, знаком велела ему спуститься на рельсы, хотя главным его желанием было броситься на пол и затаиться. Однако миг спустя он при скудном свете неожиданно вспых-

нувшей лампы узнал Майтен. И тотчас забыл все свои страхи, еще не понимая, куда она его манит. И что все это значит? Неужели он связался с сумасшедшей и сейчас полностью зависел от ее болезненных причуд? Паркер выпрыгнул из кабинки, прошел несколько метров и оказался рядом с девушкой, которая ждала его, стоя за мумией в пончо. Тогда Майтен нажала на какой-то рычаг, и поезд медленно поплыл по туннелю. Паркер нежно обнял ее за плечи. Она не отстранилась. Они начали с лихорадочной жадностью целоваться — под вновь раздавшиеся завывания монстров, к которым добавлялся скрип ко всему безразличных кабинок.

— Осторожно, не подходи близко к этим фигурам, — предупредила она, немного отдышавшись.

Паркер обнял ее за талию и спросил тоном опытного соблазнителя:

— Почему? Они могут укусить, как и ты?

— Нет, просто они очень грязные. Люди плюются и швыряют в них все что ни попадя.

Между поцелуями Майтен сжала лицо Паркера обеими руками и пристально посмотрела ему в глаза:

— Ты хотя бы понимаешь, что мы творим?

Паркер не нашелся с ответом, но, когда уже собрался что-то сказать, она резко отпрянула, испуганно оглядываясь:

— Мне надо идти, садись скорее в поезд, на любое место, только быстро. Запомни: скоро мы поедем в колонию Безнадежность, и на следующей неделе я буду ждать тебя там.

Миг спустя Майтен растворилась среди населявших туннель монстров. А Паркер побежал по рельсам, стараясь не натыкаться на свисавшие с потолка отрубленные головы, и прыгнул в первую же кабинку, какая ему подвернулась. Он успел схватиться за поручень как раз в тот миг, когда поезд уже набрал скорость, но еще несколько секунд катил по лабиринту. Тут, к счастью, занавес распахнулся, и Паркер снова вернулся в реальный мир. Его поразило царившее повсюду спокойствие. Все там шло своим чередом: кто-то налаживал машинки на автодроме, Майтен как ни в чем не бывало продавала билеты у себя в кассе, а на другом краю площади шагал ее муж Бруно, согнувшись под тяжестью огромных мотков кабеля.

Паркер все никак не мог прийти в себя и пытался понять, было то, что случилось в туннеле, плодом его воображения или там и вправду

обитали злые твари, любившие подшутить над простодушными пассажирами поезда-призрака?

— Ну как, понравилась прогулочка? — поинтересовался боливиец, решивший помочь ему выбраться на перрон.

Паркер оттолкнул его руку и ответил, чувствуя себя слегка оглушенным и не слишком соображая, что говорит:

— Да, Эбер, было чудо как хорошо, спасибо.

— Эбер — это вон тот, а я Фреди.

Паркер пропустил его слова мимо ушей, поскольку сейчас меньше всего хотел разбираться, кто есть кто в их паре, ведь на самом деле они могли быть одним и тем же человеком или их могло вообще не быть, хотя жизнь на планете от этого ничуть не переменилась бы. Он, слегка пошатываясь, пошел прочь, и по всему его телу пробегала легкая дрожь. Ему уже было безразлично, случилась их встреча с Майтен в действительности или нет: главным он считал то, что на одном из непознаваемых уровней реальности что-то подобное, вне всякого сомнения, произошло. Душа его ликовала, а мир за считаные минуты стал совсем другим. Паркер шагал к воротам ярмарки так решительно, как можно спешить лишь навстречу новой жизни, полной

обещаний, и вряд ли слышал зловещий хохот, доносившийся из мрачных туннелей.

Бруно, полуодетый и злой, сидел в вагончике за столом перед стаканом вина и разбирал с калькулятором в руке кучу счетов. Майтен почувствовала запах пота, перегара и еды, которую приготовила накануне вечером, щедро приправив самыми острыми специями в напрасной надежде, что, если во рту у мужа будет гореть, это его отвлечет и он перестанет буянить. Пальцы Бруно то нервно стучали по кнопкам, то вдруг замирали, а потом возвращались к тем же расчетам в третий или четвертый раз — словно повторная операция могла изменить уже полученные результаты. Но цифры оставались прежними, хотя Бруно не желал сдаваться и начинал считать еще как-нибудь по-новому. Но математика — вещь упрямая, и спорить с ней невозможно. А он как раз и пытался поспорить с цифрами, когда Майтен вошла, бросила плащ на спинку кресла, небрежно кивнув мужу, и принялась наводить порядок на узкой полке, прибитой к стене.

— Я тебя ждал. Почему ты так задержалась? — спросил Бруно, не отрывая глаз от калькулятора.

— В банке пришлось простоять целый час, пока меня обслужили, — пожаловалась Майтен.

Но Бруно не стал слушать дальнейших объяснений, он развернулся, протянул руку к креслу, достал из кармана ее плаща кошелек и быстро вытащил оттуда пачку денег. Пересчитал и начал раскладывать на столе отдельными стопками. Сделал еще пару расчетов и резко откинулся на спинку стула, отчаянно мотая головой.

— Почему ты не взяла больше? — спросил он, уставившись в окно, хотя ответ прекрасно знал и сам.

Его жена уже успела расставить на полке в нужном порядке сувениры, фигурки, кукол, искусственные цветы и фотографии в рамках и только после этого сухо сказала:

— Почему? Да ведь тебе это известно не хуже, чем мне.

Бруно налил в стакан вина и притянул поближе шахматную доску, на которой фигуры стояли так же, как и в тот раз, когда они прервали последнюю партию. Он обхватил голову руками и сделал вид, будто думает только о следующем ходе.

Еще утром, вернувшись из фруктовой лавки, Майтен огляделась по сторонам и вдруг ощутила непонятную перемену в воздухе — что-то тяжелое повисло над неподвижными аттракционами

и пустыми палатками. И хотя казалось, что все здесь подчинялось прежнему рутинному сценарию, переписанному без изменений десятки раз, но даже в вагончике, который она делила с Бруно, теперь витала зловещая атмосфера. Что-то, возможно, произошло за время ее отсутствия: то ли еще один из владельцев аттракционов объявил о своем отъезде, то ли пришли новые счета. Правда, весьма скоро Майтен убедилась, что ничего особенного не случилось, просто они потихоньку, но с каждым днем все неудержимей скатывались в пропасть. Она не чувствовала угрызений совести из-за свидания с Паркером — только страх, обычный страх, как бы об ее измене не узнал Бруно. Майтен очень долго хранила верность и своему мужу, и данному уже давно слову, но внезапно словно прозрела: настал тот час, когда надо быть верной в первую очередь себе самой. А если ты свои молодые годы, да и всю свою жизнь, приносишь в жертву непонятно чему, то именно это и надо считать самым тяжким предательством и самой тяжкой изменой. Нет, она не была готова покорно пойти ко дну на одном с Бруно корабле и решила при первой же возможности этот тонущий корабль покинуть — и любой ценой выжить. Увидев мужа, который пытался разобраться с

очередными счетами, она подумала, что цифры наконец-то убедили его в том, о чем она твердила каждый божий день: нужно принимать срочные меры. И если он отмахивался от ее доводов, то уж цифры-то были куда наглядней, с ними не поспоришь, на них не наорешь.

Майтен украдкой поглядывала на Бруно, ожидая его реакции. А сама вытирала влажной тряпкой пыль на полках — только чтобы занять себя чем-то и не терять времени впустую.

— Я спросил, почему ты не взяла в банке больше денег, — с нажимом повторил Бруно.

Она уже собиралась повторить свой прежний ответ, но в этом не было никакой необходимости, так как муж задавал свои вопросы бездумно, а любые ее объяснения пролетали у него мимо ушей. Она отложила тряпку в сторону и села напротив:

— Я ведь тебе сказала, что там больше ничего нет.

— Ну а деньги, которые ты хранишь здесь, у нас?

— Это все, что осталось от моих сбережений, их надо держать на случай крайней нужды.

— Но ведь сейчас пришел именно такой случай, и ты могла бы одолжить мне часть до лучших времен.

— Эти деньги трогать нельзя, я и так вложила достаточно в покупку аттракционов, а теперь они не стоят и половины прежнего.

Бруно на миг задумался, лениво протянул руку, взял белого ферзя, передвинул на следующую клетку, съел черного коня и снова погрузился в раздумья. Его посетила мысль, что положение фигур на шахматной доске в какой-то мере отражает те механизмы, которые заставляют действовать и весь окружающий мир, и только если Майтен тоже двинет свою фигуру, эта игра будет иметь еще и высший практический смысл.

— Твой ход, — буркнул Бруно между двумя глотками вина, пока жена накрывала на стол.

— У меня больше нет сил, я целыми днями стираю и готовлю еду, а кроме того, должна работать на ярмарке. Я говорила тебе об этом тысячу раз, но ты и пальцем не желаешь пошевелить.

— Твой ход… И перестань жаловаться, пора наконец закончить эту проклятую партию. Нет, с женщинами лучше не связываться! — воскликнул Бруно, закатив глаза.

— Если мы не можем нанять новых помощников, давай найдем какой-нибудь другой выход, но я не могу и дальше работать как рабыня, — перебила она мужа, заговорив с ним в таком тоне

впервые с тех пор, как они стали жить вместе, и он, разумеется, перемену сразу уловил.

— “…Не могу и дальше работать как рабыня”, — передразнил он Майтен.

— Пойми, я говорю совершенно серьезно.

— Ты не желаешь делать ход, потому что на сей раз выигрываю я, а вы, бабы, проигрывать не любите.

Майтен послушно сделала какой-то абсурдный ход и съела белую королеву своей пешкой, которая к тому же и стояла где-то совсем далеко. Бруно пару секунд смотрел на доску, а потом передвинул коня на соседнюю клетку.

— Шах, — крикнул он, решив, что сделал блестящий ход.

Майтен сокрушенно вздохнула, но попыталась взять себя в руки, хотя потом все-таки швырнула фартук на кровать и несколько раз ткнула указательным пальцем в доску:

— Неужели ты не можешь понять, что к шахматам все это не имеет никакого отношения — и вообще ни на что не похоже?

— А я хочу играть так, как считаю нужным.

— Тогда играй один.

— Здесь правила устанавливаю только я. А если тебе не нравится…

Майтен опять вспыхнула.

— Я не буду участвовать в этой дурацкой игре! И что ты сделаешь? Снова меня ударишь? — спросила она, скрестив руки на груди.

Бруно поднял глаза от доски и уставился на жену — такого выражения на ее лице он никогда прежде не видел. У него в голове вдруг мелькнула мрачная мысль — сперва мелькнула, а потом неожиданно там и зацепилась: а если Майтен от него уйдет? Если он останется один на один с этой ярмаркой, которой нужно постоянно заниматься, и с боливийцами, которых нужно кормить? Что с ним будет без нее, во что превратится их домик на колесах, когда придут долгие зимние ночи? Забытая нежность проснулась в душе Бруно, едва он вообразил, что может потерять Майтен, а ведь такой возможности он никогда раньше не допускал, а тут вдруг допустил. И почувствовал, что его жизнь прямо сейчас может изменить направление и больше уже никогда не вернется в прежнее русло.

— Майтен, — заговорил он тихо, почти умоляюще, — в ближайшее время мы мало что сумеем изменить, надо потерпеть, пока дела не наладятся. Мы не можем никого больше нанять, раз у нас есть эти двое, да и платим мы им так, словно это

один человек.

— Они и за одного не работают, — бросила она, но тотчас пожалела о сказанном, потому что проблема была вовсе не в боливийцах, а в том образе жизни, который они с Бруно выбрали.

— Мы должны ехать и дальше вниз, по крайней мере пока не наступит зима. А там посмотрим…

— Посмотрим на что?..

— Я хотел сделать тебе сюрприз, поэтому ничего не стал говорить заранее, но раз ты так ставишь вопрос…

Майтен от удивления широко раскрыла глаза и затаила дыхание. Еще вчера она восприняла бы обещание любого сюрприза от Бруно как очень хороший знак, но теперь у нее не осталось никаких надежд. А если он просто решил обмануть ее? Последние годы ей мечталось только об одном — покончить со злосчастными скитаньями с места на место, когда общаться приходилось лишь с призраками, обитавшими в этих забытых богом краях. И хотя в самой глубине души у Майтен все-таки забрезжил слабый лучик, она слишком хорошо знала своего мужа, как знала и то, что он никогда не был охотником устраивать ей приятные сюрпризы, а в нынешней ситуации любой его сюрприз и вовсе мог означать полную

катастрофу.

— Неужели ты хочешь сказать, что мы избавимся от этих аттракционов? — воскликнула она с сомнением. Ведь если речь шла не об этом, то ничего хорошего он пообещать ей точно не мог.

Между тем Бруно как-то разом расслабился, оживился, переменил тон, погладил жену по плечу толстыми, загрубелыми от работы пальцами и улыбнулся, скромно опустив голову:

— У меня был разговор с одним приятелем, который работает в порту.

— И мы откроем ресторан в городе?

— Нет, много лучше: мы сможем завербоваться аж до следующего лета на рыболовное судно, где нужны электрик и повариха. А это как раз то, что нам очень даже подходит. Сначала на четыре месяца, а потом, думаю, и на более долгий срок.

Майтен уронила вилки на стол и посмотрела Бруно в глаза, чтобы убедиться, что он говорит серьезно. Она собралась было что-то ему возразить, но почувствовала, что мир опять опрокинулся на ее плечи всей своей тяжестью. А Бруно добавил с еще большим азартом:

— Там можно будет все жалованье откладывать, ведь расходовать его в море не на что.

— И мне придется четыре месяца чистить кар-

тошку, не ступая на сушу?

— Но ты же сама хотела все переменить!

— Переменить на лучшее, а не на худшее.

— Иногда можно будет на несколько часов сойти на берег, если позволит погода.

— Да? Иногда? И где же, интересно знать, в Антарктиде?

— Что тебе ни предложишь, все плохо! Ты желаешь, чтобы я поступал только по-твоему, всегда только по-твоему, — начал заводиться Бруно, но пока еще старался избежать крупной ссоры.

Майтен села за стол и схватилась руками за голову. Оба молчали, и ни один не хотел первым прерывать это молчание. Они никогда еще не доходили до такой точки, все их стычки всегда завершались хлопаньем дверью, криками и даже кулаками, но только не тяжелым молчанием — таким, какое повисло сейчас. И оба словно слышали хруст и скрежет чего-то, что медленно разваливалось на куски, хотя только Майтен знала уже наверняка, что к прошлому возврата нет, и это вызывало у нее глубокое смятение и одновременно подпитывало тайные надежды. Она твердой рукой взяла черную пешку, съела ферзя, слона и двух коней, перепрыгнув с одного края доски на другой, а потом поставила съеденные

фигуры на стол. Бруно после недолгого раздумья расставил их по прежним местам:

— Опять жульничаешь. Ходи снова.

Майтен повторила то же самое.

— Знаешь, я играю, может, и плохо, зато честно, — бросил он с угрозой.

— А я не буду играть по твоим дурацким правилам.

Бруно вернул фигуры на доску, а когда она протянула руку, чтобы в третий раз сделать все по-своему, вскочил как ужаленный. Бутылки и стаканы полетели на пол. Майтен невольно закрыла лицо руками, но на сей раз Бруно выбрал для атаки другой объект — его кулак с силой опустился на шахматную доску, и фигуры рассыпались по всему вагончику, который заходил ходуном на своих ржавых рессорах.

— Все это не имеет никакого смысла, так продолжаться просто не может, — всхлипнула Майтен и стала тыльной стороной ладони вытирать хлынувшие из глаз слезы.

— Это ты во всем виновата, ты! — закричал Бруно.

Майтен перестала плакать и посмотрела на него с вызовом. А муж одной рукой схватил ее за плечо. Потом свободную руку отвел назад для уда-

ра, только вот локтем угодил в деревянную полку, висевшую у него за спиной, и сбил ее. Он скривился от боли, глянул на свою онемевшую руку, но потом все-таки сумел ударить жену по лицу, хотя она и попыталась увернуться. Майтен оперлась о кухонный стол, чтобы не упасть, и в руках у нее появился огромный нож — только это остановило Бруно от второго удара. Она поднесла нож прямо к его лицу, но сразу же отшвырнула в сторону, словно обжегшись. Оба на какое-то время застыли глаза в глаза, а потом Майтен выбежала на улицу. Бруно неуверенным шагом кинулся было следом и несколько раз выкрикнул ее имя, при этом голос его звучал умоляюще, но все призывы растворялись в воздухе. Потирая ушиб и изрыгая проклятья, он двинулся между аттракционами, сам не понимая, куда идет, и вдруг оказался у поезда-призрака. Эбер и Фреди слышали крики и уже выстроили монстров как на парад, чтобы хозяину было на ком сорвать злость.

— А вы чем тут занимаетесь? Один только я работаю с утра до ночи.

— Нет, шеф, просто куклы промокли и уже завоняли, вот мы и решили их чуток проветрить, — объяснил Эбер, державший в руках тряпку, которой протирал плащ Дракулы.

Бруно начал осматривать каждую, словно выбирая себе подходящую жертву, потом принялся молотить кулаками по всем подряд и ругаться последними словами. Немного успокоившись, но все еще задыхаясь от бешенства, он сел у входа в туннель, закрыл глаза и какое-то время сидел молча, теряясь в раздумьях. Потом достал сигарету и хотел закурить, только вот огонек на ее конце появился далеко не с первой попытки.

— Нет, ребята, дальше так продолжаться не может. Майтен права.

— Да уж, эти наши уроды больше никого не пугают, то ись, клиентов скорее пугаете вы, хозяин, отваживаете их своим свирепым видом, — сказал Фреди, пытаясь приставить какому-то монстру оторванную руку на прежнее место.

Тем временем Эбер вытряхивал желтую простыню, под которой обычно скрывалась фигура, изображавшая призрака.

— Вы ведь, хозяин, тоже стали совсем как вот этот призрак, хотя на самом деле под простыней-то хороший человек прячется. Пора вам наконец узреть свет и сбросить с себя все эти обманные тряпки. Пора научиться видеть Бога, — заключил он с пафосом.

Тут и Фреди подошел к Бруно, держа в руках

несколько брошюр, которые протянул ему со словами:

— Обычно Он шепчет нам свои слова на ухо, а вот здесь они, эти слова, черным по белому прописаны.

— Какой еще, к чертовой матери, свет! — прорычал Бруно, отшвыривая брошюры и прислоняясь спиной к дереву, на котором болтался висельник с вывалившимся языком. — Хватит молоть чушь! Уж как-нибудь обойдусь без вашего света! И больше ко мне не приставайте…

Теперь все трое стояли понурив головы и словно чего-то ожидали.

— Боюсь вот только, что Майтен от меня уйдет. Но что я могу поделать? Ведь дальше так продолжаться и вправду не может, — признался Бруно с тоской в голосе.

— Бабы, они все одним миром мазаны, сами не знают, чего хотят, только болтать горазды, а делать никогда ничего не делают. Держите себя с ней покруче, шеф, им нужно давать укорот, как Господь Бог велит, — посоветовал Фреди.

— Да, бабы они и есть бабы, — поддержал его Эбер, и все трое опять примолкли.

Поговорив с ними, Бруно словно воспрял духом, опять поверил в свою ярмарку и даже почув-

ствовал прилив энергии — ему сразу захотелось чем-то заняться или хотя бы начать строить новые планы. Нет, не нашлась еще такая Майтен, которая помешает ему выполнить задуманное. Он вскочил на ноги, прошелся перед строем неподвижных фигур и снова принялся их осматривать. Поправлял им волосы и что-то одергивал, прикидывая, могут ли еще кому-то внушить страх лица с полустертыми и размазанными чертами. Эбер и Фреди, как обычно, стояли в конце шеренги по стойке смирно и ждали приказов.

— Готовьтесь, пора отсюда уезжать.

— Да ведь мы только что приехали! — в один голос воскликнули братья.

— Майтен права, нет никакого смысла двигаться вниз, то есть к колонии Безнадежность, надо все-таки попробовать — а вдруг нам больше повезет на Сухой Ферме.

— Только вот другие-то могут не захотеть к нам присоединиться, что тогда? — спросил Фреди.

Бруно развернулся лицом к своему вагончику.

— Черт с ними, значит, дальше будем работать одни, — отрубил он, ища взглядом жену, и крикнул: — Майтен, у меня для тебя хорошая новость, обещаю, что больше мы вниз не поедем!

Вдалеке, над горной цепью, мчались как беше-

ные темные тучи, и ветер безжалостно трепал степной кустарник.

У Паркера был свой метод борьбы со сном, когда приходилось много часов подряд не слишком быстро ехать по прямой, поскольку монотонная езда водителя сильно укачивает. “Закрыть глаза, чтобы лучше видеть”, — прочитал он где-то, поэтому позволял себе рискованный эксперимент: какое-то время, но не слишком долго, вел машину вслепую, полагаясь на внутреннюю способность ориентироваться в пространстве. При этом он считал секунды, в течение которых ему удавалось сохранять выдержку и не поддаваться эмоциям, иначе говоря, не слетать с трассы. Его личным рекордом стали тринадцать секунд, а потом напряжение уже зашкаливало, и глаза словно сами собой открывались. Ощущение при этом было такое, словно Паркер выплывал из воды на поверхность, жадно хватая ртом воздух. Зато кровь сразу начинала бежать по венам быстрее, в голове появлялась потрясающая ясность, сонливость как рукой снимало, и мысли работали четко и слаженно.

Двигаясь по следам луна-парка, он постоянно слушал музыку, часто меняя кассеты. А еще с наслаждением погружался в сладкое оцепенение,

которое помогало обмануть время и по-новому воспринимать реальность. Мотор что-то тихо нашептывал, пока ветер мягко отрывал колеса от дороги, поднимал грузовик над холмами, и он растворялся в воздухе, а далеко внизу трасса, как ей и положено, убегала вперед. По мере того как Паркер взмывал все выше и выше, стирались отдельные детали недавно пережитого, а разные временные слои путались: прошлое сливалось с будущим, а настоящее ограничивалось лишь теми мелодиями, на которые именно сейчас отзывались струны его души.

И вдруг Паркер почувствовал, что где-то совсем рядом образовалась тонкая трещина, и какая-то нота прозвучала в кабине фальшиво, отражая разлаженность его мыслей. Ему показалось, что он находится здесь не один, что чужие аккорды проникли в его личное пространство и нахально пытаются смешаться с теми, что всегда принадлежали только ему одному. Сначала возникло ощущение сонливости, и оно постепенно сковало все тело под странный шелест, похожий на шелест полиэтилена. Вскоре появилось еще и болезненное чувство дискомфорта, даже озноба, и оно вернуло Паркера снова на землю — к горизонтальной форме существования. Что-то

непонятное кружило вокруг, грозя нарушить повседневный порядок, налаженный им самим с таким упорством. Стержень, который удерживал его на космическом циферблате, вдруг потерял устойчивость. Однако в тот же самый миг, когда что-то стало умирать в нем, что-то новое начало там же и зарождаться. Всю ночь ему чудилось, будто кто-то другой пытается занять его место, и это ощущение не покидало Паркера, пока он не решил остановиться у заправочной станции, огни которой в темноте делали ее похожей на космический корабль. Неоновые вывески, освещавшие несколько придорожных забегаловок и ночной клуб, бросали яркие металлические отблески на полутемную равнину. Паркер, как всегда, избегал нежелательных встреч и поэтому припарковал грузовик сзади, рядом с туалетами и душевыми. На обочине стояли женщины с ярким макияжем и в кричащих нарядах. Одна из них узнала Паркера и сразу подошла к нему. Это была молоденькая девушка с пышными формами и совсем еще детской мордашкой.

— Паркер! Вот так сюрприз! Снова в наших краях! Ну что, увидимся чуть попозже, любовь моя? — спросила она, подмигнув и вызвав задорные комментарии подруг. — Кажется, ты

решил как следует подготовиться ко встрече со мной? — добавила она игриво, когда заметила, что он выпрыгнул из кабины, прихватив чистое белье и пакет со всем, что нужно для душа.

Паркер обнял ее и пару раз поцеловал:

— Сегодня не получится, давай отложим до следующего раза.

— Надеюсь, ты не изменяешь мне с другой, а? Кроме того, ты обещал взять меня к себе в кабину, — сказала девушка, скроив разочарованную мину.

— Я? Обещал? Неужели? — изумился Паркер, который уже давно, по крайней мере последние десять лет, перестал что-то кому-то обещать.

— Поматросил и бросил… Вы, дальнобойщики, ведете себя точно так же, как моряки, — добавила она, поглаживая бедра.

Каждый раз при встрече с этими придорожными девушками Паркер приглашал их в бар, где они выпивали, болтая о том о сем, но теперь он не мог тратить на них время, так как боялся потерять след луна-парка.

— А ты не видела, здесь не проезжали грузовики с аттракционами? — словно между прочим спросил он.

— Здесь есть только один аттракцион — это

мы, — ответила девушка, обеими руками приподнимая свои груди. — Ты только погляди на меня: я ведь лучше любого клоуна. — И она задрала юбку, показывая ноги.

— Гораздо лучше, но я ищу вовсе не клоунов, — ответил Паркер, любуясь ее великолепным телом.

— Тогда, значит, изменяешь мне с гимнасткой?

— Послушай, я ищу луна-парк, а не цирк. Поезд-призрак.

Девушка сразу стала серьезной:

— Да? Значит, ты изменяешь мне с женщиной-призраком!

Паркер на минуту задумался, а потом часто закивал головой:

— Да, именно с женщиной-призраком, это точно…

— Все рано или поздно находят свою вторую половинку, — сделала вывод девушка и вернулась к подругам.

На заправочной станции Паркер сходил в душ, и впервые за долгое время там не было перебоев с водой и вода оказалась горячей. Пока он брился перед зеркалом, завернувшись в полотенце, мимо прошли два водителя и оглядели его с на-

смешливой улыбкой.

— Паркер! Что с тобой такое случилось, с чего это ты решил так подмарафетиться? Подцепил какую-нибудь мышку у дороги? — вместо приветствия бросил ему один из них, щеголявший в кожаном жилете с бахромой, а еще у него были кольца на пальцах и длинные волосы, собранные сзади в хвост.

С Толстым Хуаном Паркеру, к сожалению, порой приходилось пересекаться на трассах.

Он глянул на Хуана в запотевшее зеркало, где отражалось и его собственное покрытое пеной лицо, но не успел ничего ответить. Да и не слишком хотел отвечать.

— Хулио, позволь тебе представить моего друга Паркера, дальнобойщика и музыканта, — сказал толстяк бледному тощему мужчине со шрамом на лице и татуировкой вокруг шеи, похожей на шарф.

— Как жизнь, приятель? Я про вас много чего слышал, — включился в разговор Хулио, стараясь быть любезным, но Паркер по-прежнему не обращал на них внимания и не поддержал их шутливого тона. Он даже не оглянулся, не переставая вытирать полотенцем голову.

Толстый Хуан, чей потрепанный жилет пропах

вином и прогорклым маслом, подмигнул товарищу и снова заговорил, фальшиво похихикивая:

— Да, дальнобойщик, музыкант и бог знает что еще. А может, на обочине он подхватил вовсе и не мышку, а мышонка… Очень уж этот тип странно себя ведет, да и вообще он какой-то странный…

Паркер обжег его взглядом, собирая в пакет свои вещи.

— А ты глянь на себя самого в зеркало и тогда скажешь, кто из нас странный, а кто нет, — все же решил он отбить удар.

Хуан воспринял эту реплику как комплимент и захохотал еще громче, приобняв его и с силой похлопывая по плечу.

— Этот Паркер — он крутой парень, ты только послушай, что он говорит, — повернулся толстяк к Хулио, который только кивал, с любопытством наблюдая за происходящим.

Паркер через плечо смотрел, как они направились к писсуарам и занялись своим делом, обмениваясь шуточками и слегка покачиваясь вперед-назад, словно молились перед Стеной Плача.

— Паркер, радость моя, там, на станции, мы с ребятами жарим мясо. И тебя тоже будем ждать. Вот этот самый Хулио знает кучу анекдотов, очень

смешных, просто животики надорвать можно.

Паркер изобразил улыбку и кивнул, потом прихватил пакет и шагнул на улицу, пообещав, что чуть позже непременно к их компании присоединится. Но уже через несколько шагов его посетила блестящая идея. Он оглянулся на дверь, из которой только что вышел, пару минут постоял в нерешительности, а затем вернулся и дважды повернул торчавший снаружи ключ. В свою кабину Паркер сел, довольно ухмыляясь. А после первого же поворота как следует размахнулся и швырнул ключ в окно.

Через несколько дней он увидел перед собой арку — въезд в колонию Безнадежность, но ему не пришлось ехать до главной площади, чтобы понять: луна-парка тут нет. Потом он поколесил по округе и встретил лишь один хутор, который дремал среди голых отрогов, словно ненароком соскользнувших на равнину. Скелет какой-то огромной металлической конструкции возвышался над домами, и вся эта громада, казалось, вот-вот рухнет. Паркер сперва подумал, что ее раскачивает ветер, однако вскоре понял, что вверх по ней лихо карабкались люди, снимавшие балки, подпорки и стойки. А подъехав ближе, увидел длинную цепочку цыган, которые как

муравьи сновали туда-сюда, растаскивая добычу к своим машинам и повозкам. Какое-то время Паркер словно зачарованный наблюдал за ними. Потом спросил, не знают ли они чего-нибудь про бродячий луна-парк, но внятного ответа ни от кого не получил и опять вернулся в колонию Безнадежность. Там он тоже расспрашивал каждого встречного — и с тем же успехом. Кто-то, правда, вспомнил, что год назад ярмарка побывала и у них, видели они там, само собой, и поезд-призрак, а вот более свежих сведений ни у кого не имелось. Тем не менее кто-то, наоборот, утверждал, что аттракционы могут появиться здесь в любой момент, поскольку сезон для этого теперь самый что ни на есть подходящий. Все, с кем заговаривал Паркер, вели себя поначалу всего лишь вежливо и любезно, вскоре — уже гораздо приветливее, а под конец обращались с ним совсем по-свойски. Вокруг него быстро собралась небольшая группа доброхотов, и среди них разгорелись споры не только о том, приедет сюда ярмарка или нет, но даже о вероятной дате ее приезда. Одни утверждали, что как раз сейчас караван должен пересекать долину реки Килькиуе, а значит, в их колонию он прибудет через неделю, не раньше; другие полагали, что ехать

ему куда лучше было бы вдоль реки до трассы номер 245, хотя тут же им напомнили, что трасса номер 245 вот уже несколько лет как закрыта для движения, а местные власти все никак ее не починят, потому что у местных властей нет ни стыда ни совести. Споры о возможном маршруте луна-парка продолжались потом еще и весь вечер в баре на площади. И число их участников заметно выросло. Любители ночных посиделок и отъявленные бездельники вовсю чертили карты и планы, словно готовились к важной военной операции. Ближе к рассвету большинством голосов было решено перенести обсуждение на следующий день — ближе к тому часу, когда сюда прибудет автобус, который два раза в неделю совершал рейс в их колонию из столицы провинции. Его пассажиры наверняка смогут что-нибудь рассказать как о состоянии дорог, так и о маршруте нужного Паркеру каравана. Днем у бара, где как раз и была конечная остановка автобуса, собралась уже более чем внушительная толпа. Время коротали за картами. Паркера все происходящее изрядно забавляло. Автобус запаздывал, поэтому картежники стали с озабоченным видом (вернее, с видом заправских лозоискателей) выбирать защищенное от ветра место, чтобы прямо

на улице развести огонь и начать жарить мясо. Те, кто проходил мимо, охотно к ним присоединялись, внося свой вклад в общий котел. Весь день жители поселка ели и пили, рассказывали анекдоты и хохотали. Однако постепенно веселье пошло на убыль. Теперь всех больше занимал уже другой вопрос: куда подевался автобус? Может, заблудился в каком-нибудь захолустье, как и луна-парк? Неравнодушные граждане даже обратились в местную полицию, но полицейские, которых тут было раз-два и обчелся, дремали после обильного пиршества и не пожелали обеспокоиться загадкой пропавшего автобуса. Тогда неравнодушные граждане сплели целую сеть догадок по поводу столь неслыханного происшествия. Одни утверждали, что предыдущей ночью видели странные огни, бороздившие небо. Другим показались весьма необычными факты, которые еще недавно воспринимались любым и каждым как вполне естественные. Паркер отлично понимал, что этот коллективный спектакль, спонтанно разыгранный обитателями колонии, где никогда ничего не происходит, давал им ощущение, будто они, вопреки всему, еще живы, или по крайней мере помогал вспомнить, что они были живы когда-то прежде. В итоге после долгих

споров удалось выработать общее мнение: автобус похитили инопланетяне. Однако, когда он наконец прикатил в туче пыли, этому никто вроде бы не удивился, и встретили его даже как-то уж слишком равнодушно. Тотчас все, кроме родственников пассажиров, стали расходиться по домам — медленно и с разочарованным видом, а разговоры на тему, столь волновавшую публику еще недавно, как-то сами собой увяли.

Но объяснялось их поведение просто: сперва перед ними вдруг помаячила возможность пережить что-то исключительное, а теперь жизнь опять возвращалась к пресной обыденности. Паркер попытался расспросить еще и пассажиров автобуса, но никто ему толком ничего сказать не мог, зато он получил совет задержаться в поселке и спокойно ждать: если караван луна-парка находится где-нибудь в этих широтах, он рано или поздно и сам непременно отыщется. Паркер счел такой совет разумным, решил ему последовать и разбил бивак неподалеку, на одной из второстепенных дорог, окружавших колонию Безнадежность и отделявших ее от всего остального мира. На самом деле ему надо было немного отдохнуть, привести мысли в порядок и наметить план действий. Воспользовавшись хорошей

погодой, он устроил себе привал со всеми мыслимыми удобствами, выгрузив из прицепа, как обычно, стол, стулья, тумбочку с ночником, двуспальную кровать и непременный ковер. А когда покончил с устройством того, чему предстояло стать на несколько дней его домом, уже в темноте принялся готовить себе хороший ужин.

Первые дни Паркер посвятил всякого рода хозяйственным заботам, а кроме того, описал в своем путевом дневнике все, что случилось у них с Майтен в темном туннеле, хотя те события постепенно стали терять связь с реальностью. Его воспоминания вязли в плотном тумане, где уже успели перемешаться в единую массу смутные тени, таинственные фигуры и загадочные силуэты. К четвертому дню терпение Паркера, и без того небеспредельное, истощилось, да и нервы стали пошаливать. Он понял, что нет никакого смысла терять время, сидя в этом явно неправильном месте. На трассе можно будет по крайней мере положиться на собственное чутье, острое как у охотничьей собаки, и оно обязательно выведет его на нужный след. При этом шестое чувство велело Паркеру продолжать двигаться либо в ту сторону, где скоро начнется стрижка овец, либо к океану, а вот логика подсказывала, что следует

поступить совсем иначе и взять направление на юг. К тому же чутье уже не раз подводило его, поэтому он предпочел прислушаться к голосу разума — и почти без остановок помчался в порт, чтобы доставить по назначению то, что уже несколько недель возил в грузовике. А как только выполнит заказ, сможет рвануть куда угодно — хоть на самый край континента. Паркер гнал день и ночь и останавливался только для того, чтобы хотя бы несколько часов поспать, не выходя из кабины, но, когда добрался наконец до порта, узнал, что нужный корабль уже отплыл и надо ждать следующего. Неделю спустя его прицеп загрузили чем-то новым — глухой ночью и с подозрительными предосторожностями. Паркер знал: документы на груз здесь часто подделывали, чтобы скрыть незаконные перевозки, но это его мало волновало. Контрабандные сети ловко контролировали нелегальный трафик, отнюдь не все порты подвергались проверкам со стороны властей, и порой там швартовались якобы рыболовные суда, ни в каких официальных бумагах не зарегистрированные. Паркера уже давно перестали заботить людские дела, он просто хотел жить, никому не мешая, лишь бы и ему тоже никто не мешал. Когда груз оказался в машине,

он развернул карту и стал вычерчивать маршрут — на юг, туда, где бескрайние небеса сливались с океанскими просторами. Ему предстояло круто подняться к Рачьей реке — до трассы 245, потом спуститься вниз по какому-нибудь меридиану, а уж там будет видно, куда ехать дальше. Чтобы отметить принятие такого решения, он откупорил бутылку вина. Впервые в жизни его гнала вперед некая сила, ему совершенно неподвластная. И дело было не только в привлекательности Майтен, которую Паркер знал совсем мало и от встречи с которой слишком многого ждать не мог. Нет, эта сила вырастала у него изнутри. А ведь он уже смирился с мыслью, что оставшиеся ему годы проведет одиноким бродягой, скитаясь по степям и равнинам и время от времени пересекаясь с такими же неприкаянными призраками, каким стал сам. Паркер любил свое одиночество больше всего на свете и не испытывал потребности с кем-то его разделить, но теперь происходили вещи необычные: это было не столько мечтой о любви, сколько наваждением. Он не перестанет искать девушку из тира, пока не выяснит, реальной была та сцена в туннеле или нет, ведь в памяти от нее остались лишь робкие детали. А вдруг ему всего лишь привиделся сон, один из

тех снов, навеянных фантазией, которые часто прилетали к нему в непогоду, когда небосвод всей своей тяжестью давил на плечи? К тому же теперь время неумолимо бежало, размывая в памяти слова и взгляды, которыми они успели обменяться. А вдруг это было лишь миражом, болезненной иллюзией, навеянной одиночеством? Впрочем, какая разница? Зато он ясно осознал: там, где-то рядом с Майтен, пролегала граница — или некая черта, — переступив которую он мог начать новый этап своей жизни. Майтен была всего лишь оракулом, жрицей, служившей в храме и следившей за теми, кто ее храм посещает. Паркер подумал, что если судьба сулит ему еще один жизненный виток, то именно Майтен предназначена для того, чтобы вести его за руку дальше. Оставалось только определить место на карте, где удастся ее отыскать. Но сейчас ему был срочно нужен телефон, нужно было снова позвонить старику Констанцо, придумать очередную отмазку, еще более неправдоподобную, чем предыдущие, и предупредить об еще более серьезном опоздании, к которому неизбежно приведет столь радикальная смена маршрута.

Несколько часов спустя Паркер барахтался между сном и явью, сидя в своей кабине на стоян-

ке при мотеле, и тешил себя радужными планами на будущее. Внезапно его вернули к действительности громкие голоса, доносившиеся снаружи. Оказалось, что мимо грузовика проходили те самые Хулио и Толстый Хуан, которых он недавно запер в туалете, и вот теперь они узнали его машину. С ними были две эффектные девицы. Из рук в руки переходили бутылки с пивом, слышались смех и веселые крики. Паркер притаился за занавеской и приготовился выдержать бой, так как первая бутылка уже полетела в борт его грузовика, разбившись вдребезги.

— Я знаю, что ты там, шутник гребаный, — закричал Хулио, едва державшийся на ногах, и со всей силы швырнул вторую, но, к счастью, промазал.

Одна из женщин успела подхватить его самого как раз в тот миг, когда он после широкого размаха чуть не рухнул назад. Тем временем Толстый Хуан в своем неизменном жилете, приплясывая, откупоривал бутылку игристого.

— Мы с тобой еще поквитаемся, обязательно поквитаемся, просто сейчас мы заняты, — повторял он, глотая пену, хлынувшую из горлышка.

Паркер еще какое-то время слышал их крики, глядя в пустоту, и понял, что связываться с этой

парой нет никакого смысла. Дождался, пока они забудут про него и уйдут подальше, потом снова прилег, сунул в уши затычки и попытался заснуть, но сон не шел — мысли в голове вихрились, будто он попал в то место, где открываются врата в иной мир и где небо, земля и море сливаются в единое целое. Поэтому Паркер вышел из кабины и немного побродил по округе, стараясь никому не попадаться на глаза и избегать светлой зоны, делавшей стоянку похожей на выплывший из мрака остров. Паркер то и дело останавливался, всматривался в густой полумрак и наблюдал, как свет и темнота взаимно подпитывают друг друга, делаясь за счет контраста более глубокими и яркими. И вдруг понял, что по складу своего характера и сам располагался именно на их границе, то есть ему, чтобы отыскать сообразное место в мире, необходимы были и свет и мрак. Вскоре он вернулся в кабину, завел мотор — и грузовик словно сам по себе покатил под уклон. Паркер пересек долину Рачьей реки, и вперед его гнала все та же сила, мешавшая думать о чем-то другом, кроме Майтен. На одной из последних автостоянок, где дальнобойщики и путешественники запасались всем необходимым, прежде чем нырнуть в зону полного безлюдья, Паркер

тоже заправился, набрал воды, купил продукты и попытался хотя бы немного поспать. Ему предстояло провести долгие дни на долгом маршруте, проехать через суровые ущелья Блеклой Долины, вскарабкаться по склонам Снежного Лиходея и спуститься вниз по другую их сторону к болотам Грязной Воды и Святой Гробницы. А там уже и вообще заканчивался человеческий мир и начиналось ничто, безродная пустыня, где редкие поселки, похожие скорее на миражи или неровности рельефа, из года в год то возникали, то исчезали, чтобы всплыть совсем в другом месте, хотя их жители такого перемещения почему-то не замечали. Паркер не раз пересекал эту воображаемую линию, за которой расстилалась земля, навевавшая фантастические видения и грозившая неожиданными испытаниями. Оттуда можно было добраться до самых южных окраин планеты, до головокружительных скал, вертикально падающих вниз — к морским рифам, фьордам и каналам, продуваемым всеми ветрами, и к бешеным потокам, которые соединяют один океан с другим. Паркер хорошо изучил эти берега, напитанные легендами и памятью о кораблекрушениях. Там континент казался доисторическим животным, погрузившим свой

хребет в океанскую пучину, чтобы вновь вынырнуть в других землях, под другими названиями и в ореоле других мифов. Да, Паркер хорошо изучил те края, но никогда прежде не чувствовал так глубоко и всем своим существом их оторванность от прочего мира.

Поначалу природа вокруг была спокойной и приветливой, но к концу недели, по мере того как грузовик спускался все ниже, погода портилась, ветер взвинчивал тучи пыли, и это не могло не влиять на настроение водителя. Следующие полтора дня он держал курс на юго-запад, до 68-го меридиана, по которому продолжал скользить вниз, как по канату, но иногда с него соскакивал, чтобы избежать встречи с жандармами, хотя на самом деле в таком захолустье встретить можно было, и то изредка, разве что военные патрули, то есть ко всему равнодушных и ленивых солдат, которые, казалось, слонялись по равнине от безделья. Не раз и не два Паркер задавался вопросом: зачем ему все это нужно, и ответы давал сам себе разные. Но они в любом случае ничего не проясняли, поскольку были лишь попыткой заполнить огромные пустоты, порождавшие новые сомнения и острое чувство одиночества. Смысл такому безумию придавала только железная решимость

Паркера продолжать действовать и двигаться вперед. Потому что позади он не оставлял ничего, кроме никчемной жизни и облезлой рутины, гасившей любые душевные порывы. И вообще, свою прошлую жизнь он предпочел бы забыть еще до того, как ее похоронит время.

Днем грузовик медленно и упрямо катил по дорогам, которые с каждым километром становились все хуже, а могли внезапно и без всяких предупреждающих знаков оборваться, заставляя водителей поворачивать назад и выбирать другой маршрут. Мимо текли равнины, перехваченные цепочками пологих холмов, похожих на спину невиданного зверя, разлегшегося на земле под названием Патагония. Ночи вдруг падали откуда-то сверху и своей непривычной плотной тяжестью разгоняли длинные вечерние тени. Но сон не шел к Паркеру, и кровь мчалась по венам горячими потоками. Он вел машину при свете звезд, чувствуя, будто движется по каким-то таинственным линиям, став еще одной светящейся точкой на небосводе.

В таборе у цыган, рискнувших сюда добраться, его приняли как родного. Когда Паркер проезжал через такие стойбища, ребятня радостными криками приветствовала долгожданного гостя.

Цыгане никогда не устраивали привалы на одном и том же месте, поэтому встретиться с ними было делом случая. Они кочевали с одного края континента на другой, таща за собой весь свой скарб и домашних животных. Время от времени надолго куда-то исчезали, словно растворялись в воздухе. Загадочный инстинкт гнал этот народ от побережья к горам, а когда ветер переставал надувать их паруса, они задерживались на первом встречном перекрестке и затевали торговлю с соплеменниками. Обычно в честь Паркера цыгане закатывали богатый пир, и его появление служило поводом для веселого праздника длиной в целую ночь. В тот раз они тоже встретили его очень душевно, однако не смогли ничем помочь, так как про бродячий луна-парк никто ничего толком не знал, хотя все вроде бы что-то такое и видели, но двигался караван, судя по разным свидетельствам, в совершенно разных направлениях. Молодежь разожгла рядом с палатками большие костры, где жарили мясо, а взрослые выпивали и курили в большом шатре, который служил местом общей встречи. Расположившись на подушках и коврах, мужчины обсуждали дела, а женщины разносили угощение на красивых подносах и тихо переговаривались между собой.

На таких сборищах всегда присутствовали гости — члены других кланов или люди проезжие, торговавшие всем подряд — от автомобилей и запчастей к ним до продуктов и домашнего скота. Паркер пробыл у цыган пару дней и тронулся в путь, прихватив с собой кучу всякой всячины, по большей части бесполезной. Он проехал мимо каких-то деревушек и хуторов, где можно было пополнить припасы и где обитали суровые люди, которые прибились сюда из разных уголков страны. Хотя и здесь они жили в нужде и едва сводили концы с концами, берясь за случайную работу в эстансиях и на мелких фабриках. С ними тоже Паркер провел несколько дней, так ничего нового и не узнав.

Еще через пять дней он сделал остановку в поселке шахтеров и рабочих с нефтяных скважин. Вдоль дороги выстроился длинный ряд вагончиков, которые были покрыты густым слоем пыли и окружены огромными агрегатами и самосвалами, в чьих ребрах застревал ветер, словно решивший таким образом сыграть свою мелодию. Паркер с любопытством рассматривал здешних мужчин с обветренными лицами и потухшими взглядами: они двигались медленно, улыбались скупо и невесело, протягивали для

рукопожатия свои шершавые ладони и угощали его тортас фритас[5] и мате из пакетиков. Но и они ничем Паркеру не помогли, а при прощании горячо его обнимали и благодарили за то, что он побыл с ними хотя бы совсем недолго, — ведь для них это была единственная связь с миром, — и Паркер в ответ оставил им все, что приобрел или обменял у цыган. Чем ниже по карте спускался Паркер, тем угрюмей выглядели тамошние обитатели и тем резче проявлялась их покорность судьбе. Эти люди, похожие на каторжников, спали прямо в рабочей одежде, а их задубелая кожа цветом уже мало отличалась от земли. Как тут было не вспомнить веселых и неунывающих цыган! Еще через пару недель Паркер увидел за большим холмом военный городок — словно оазис в пустыне. Настоящий военный городок с казармами под красными крышами и плацем, границы которого были выложены камнями, покрашенными в белый цвет. Паркер подошел к часовому, потом поговорил с дежурным офицером и задал им свой обычный вопрос. Офицер послал кого-то навести справки. Тем временем Паркер успел рассмотреть выросшие посреди

[5] Примечания: 5

Тортас фритас — аргентинский жареный хлеб, тесто для которого готовят с большим количеством жира.

пустыни строения и флагшток с развевающимся на нем полинявшим флагом. Молоденькие солдатики-индейцы, привезенные сюда с севера, были одеты в висевшую на них мешком форму и обуты в заскорузлые сапоги. Они молча курили в ожидании часа общей кормежки, стояли вдоль стен казармы, изнемогая от безделья, и со скукой глазели на Паркера. Наконец офицер сообщил, что за последний месяц мимо них вообще никто не проезжал. При этом он смотрел на Паркера так, словно исподтишка подавал ему какие-то знаки. Они несколько минут постояли друг против друга, но им хватило и пары взглядов, чтобы прийти к негласному соглашению. Потом оба направились в караулку и там немного побеседовали, пока солдат готовил для них мате. Выбрав подходящий момент, Паркер положил на письменный стол немного денег, офицер отдал приказ ближайшему нижнему чину, а тот привлек к его исполнению уже своего подчиненного. Вскоре двое солдат на машине привезли несколько канистр с бензином и перегрузили их к Паркеру в прицеп, пока тот упрямо продолжал всех подряд расспрашивать про неуловимый луна-парк. Но, как и обычно, один показывал ему в одну сторону, другой тотчас кивал в противоположную,

потом высказывал свое мнение третий, а за ним еще кто-то — и каждый считал своим долгом снабдить Паркера совершенно бессмысленной информацией. Но это не было намеренным обманом ради предполагаемого вознаграждения, нет, просто им казалось невежливым сказать, что они ничего не видели, если человек так хочет услышать что-нибудь для него важное. Паркер от всей души поблагодарил их, а когда уже собирался сесть в кабину, явилось несколько солдат с конвертами и пакетами, прося отправить все это с ближайшей почты или вручить кому-то лично. А те, кто получил отпуск, надеялись доехать с ним до железнодорожной станции. Но Паркер терпеть не мог делить кабину с посторонними и поэтому всем им под разными предлогами отказал.

Распрощавшись с военными, он еще несколько суток ехал вниз, и настроение его все больше портилось по мере того, как дни становились короче, а воздух холоднее. Реже стали встречаться степные животные, потом они и вовсе исчезли, так что Паркеру уже не удавалось ориентироваться по поведению гуанако, или лис, или страусов нанду, а оставалось надеяться лишь на звезды и собственный инстинкт, хотя звезды от его инстинкта отделяло расстояние в миллионы

световых лет. Как-то ночью он воспользовался остановкой, решив как следует изучить небесный свод и в очередной раз убедиться, что там, наверху, все по-прежнему обстоит наилучшим образом, только вот никогда раньше ему не доводилось видеть, чтобы Южный Крест наклонился таким вот образом, почти касаясь горизонта, из-за чего Паркер сразу потерял к нему всякое доверие. А Пояс Ориона выглядел усеченным и располагался как-то подозрительно неправильно по отношению к Альдебарану. От секстанта, подаренного журналистом во время их последней встречи, пользы тоже было немного: в Южном полушарии безоблачными ночами положение звезд вроде бы причудливо менялось, под воздействием ветра созвездия прятались в неожиданных складках, а вселенная казалась скомканной, словно пустой конфетный фантик.

В этих землях с их головокружительной сменой рельефа ночные сновидения могли быть настолько яркими и осязаемыми, что человек потом несколько дней ходил как в дурмане и страдал от внутренней качки, разрушавшей его душевное равновесие. Воспоминания про Майтен и про их поцелуи в туннеле постепенно начали тускнеть. Та Майтен, которая стояла рядом с монстрами,

с каждым днем обретала все более далекие от реальности черты. По всей кабине у Паркера валялись дорожные карты, но помочь они ему ничем не могли, поскольку, чтобы ехать туда, не знаю куда, нужно было действовать спонтанно и полагаться исключительно на удачу. Если твоя цель — отыскать что-то в землях, затерянных на самом краю света, нужно было и самому тоже там затеряться. Поэтому на каждом перекрестке и на каждой развилке Паркер поворачивал наугад, слушаясь подаваемого изнутри сигнала или робкого всплеска надежды. Он забрался в такую даль, что вещный мир превратился для него в нечто совсем зыбкое. И если давнее прошлое по-прежнему оставалось неизменным и цельным, то недавние события имели вид мерцающих огоньков, разбросанных по непрерывной дорожной ленте.

Однажды он вдруг вспомнил про существование старика Констанцо: вот уже две недели — а может, и три, трудно было определить точно — Паркер не давал о себе знать, и следовало как-то объяснить свое исчезновение. Однако и об этом тоже думать не хотелось.

Как-то утром он понял, что проезжает по здешним местам уже не в первый раз и что, судя по

всему, несколько дней катает по кругу. Такое чувство потерянности усиливалось с наступлением темноты. И в голову лезли странные мысли. Прошлой ночью, например, Паркеру приснилось, будто он хватался за сеть, сплетенную из параллелей и меридианов, чтобы не упасть с небосвода и не погибнуть в грозном потоке. А там среди бешеных водоворотов его поджидали два гиганта, которые держали на своих плечах земной шар. Разбудила Паркера необычная тишина — не только необычная, но еще и очень подозрительная, так как она не сводилась к простому отсутствию звуков. Он подскочил как ужаленный, голова у него закружилась, и трудно было понять, где низ, а где верх, да еще луна заливала кабину какой-то пронзительной и переливчатой ясностью. Паркер почувствовал себя астронавтом, который в экстазе смотрит из своего корабля на нашу планету. Все вокруг выглядело замороженным и покрытым неведомым волшебным веществом, просочившимся из Млечного Пути. Сперва он подумал, что молочно-белый цвет — это цвет первого снега, который почему-то выпал в этом году раньше обычного. Паркер не раз слышал про злосчастные автомобили, которые во время снежного бурана за одну ночь оказывались похо-

роненными. Надо было поскорее ехать дальше, чтобы найти временный приют в ближайшем поселке, поскольку снегопад мог сделать дороги непроходимыми, и тогда его замерзший труп обнаружат хорошо если только весной. Чем и закончатся для него поиски Майтен.

Как только рассвело, Паркер быстро надел первое, что подвернулось под руку, потом прикинул: еды ему хватит еще на месяц, а бензин, купленный у военных, долго не даст замерзнуть. Короче, даже если он не тронется с этого места, то сможет спокойно перезимовать под толстым слоем льда, который, видимо, весьма скоро начнет покрывать грузовик. Сможет провести много-много часов в полной тишине, много-много дней и ночей просидеть в кабине, как эскимос в иглу. Будет слушать музыку и читать, зато не придется звонить хозяину фирмы и снова врать. Он будет еще более, чем сейчас, оторван от мира и полностью затеряется в безвестности, а спасательные вертолеты, пролетая над ним, не заметят побелевший грузовик на снежном фоне. Ему показалась даже соблазнительной и вполне реальной такая возможность — вообще стереть свое существование с лица земли. Было бы совсем неплохо устроить себе подобные каникулы, выпав на время из

вселенной. Если не считать старика Константцо, которого заботит исключительно судьба груза, никто не обратит внимания на исчезновение какого-то дальнобойщика.

Паркер открыл дверь кабины и сразу почувствовал едкий запах гари. Наверное, где-нибудь горит лес, подумал он. Но его опять поразила царившая вокруг потусторонняя тишина, а значит, происходило нечто из рядя вон выходящее. Да и свет был по-прежнему странным: если ночью это можно было объяснить грязью на стеклах или лунными бликами на снегу, то теперь густая светящаяся масса липла к сапогам и даже к лицу. Он вернулся в кабину и захлопнул дверь, ошеломленный этой апокалиптической картиной, и тут пыльное облачко сорвалось с потолка и зависло над головой Паркера, словно именно такую форму вдруг обрели его мысли.

Он снова вышел и сразу заметил, что ветер перестал хлестать по равнине. Потом нагнулся и зачерпнул с земли горсть снега, который был вовсе не снегом, а легкой пылью, пачкавшей пальцы. Грузовик за его спиной теперь напоминал кусок торта, обсыпанный сахарной пудрой, а следы от сапог походили на те, что первые астронавты оставляли на лунной поверхности. И

небо, и земля были покрыты слоем чего-то непонятного в несколько сантиметров толщиной. Паркер бегом вернулся к грузовику и заперся в кабине, словно за ним гнался сам черт. Включил радио и стал ждать новостей. По всем программам говорили об одном и том же: еще вчера проснулся вулкан Огненный Вождь, и высокий столб дыма и пепла, выброшенный из его чрева, всю ночь неспешно осыпался на землю. Паркер с облегчением вздохнул, но вскоре забеспокоился еще больше: значит, его найдут не замерзшим, а обнаружат археологи несколько веков спустя в позе бегущего человека, какими сохранились под слоем пепла тела жителей Помпей. Он почувствовал, что тончайшая пыль забивается ему во все поры, а при каждом вдохе — и в горло тоже. Паркер испугался, что пепел может быть ядовитым, и тогда сам он вот-вот упадет на землю и будет извиваться в страшных корчах, погибая от отека легких, поэтому решил обернуть голову полотенцем, а потом чем-нибудь заткнуть воздухозаборники двигателя.

Нет, с него хватит. Не было ни малейшего смысла продолжать путь по диким и опасным землям, где обитают лишь призраки. Он понял, что если будет следовать в том же направлении, то скоро и

сам станет таким же призраком с окаменевшим лицом, как те, что провожали его пустыми взглядами, как те, кого одиночество и оторванность от остального мира довели до полного идиотизма. Они были похожи на зомби, и если кому-то доводилось опять проехать по тому же самому месту несколько дней спустя, он находил их в той же позе и так же глядящими в никуда.

— Кажется, пора возвращаться, — сказал себе Паркер вслух. Ради собственного спасения надо было поворачивать назад, хотя он уже плохо представлял, что именно это “назад” означало.

Паркер продолжал слушать новости об извержении вулкана и узнал, что пеплом покрыты большие территории. Взяв курс на северо-восток, он ехал по дорогам, которые еще не были перекрыты. За следующие дни дожди прочистили воздух, и небо стало кристально прозрачным, так что над горами хорошо был виден темный столб дыма, газов и вулканической породы, который поднимался вверх в форме ядерного гриба. Но если небо было чистым, то на земле пепел превращался в липкую болотную грязь. Паркер приближался к районам, где располагались эстансии, и видел, что придорожные поля усеяны трупами животных: пепел оседал на

овечьих шкурах и, намокая от дождя, покрывал их плотной и тяжелой коркой. Выдержать такой груз овцы не могли, падали на землю и медленно погибали от голода. Стервятники кружили над ними, дожидаясь своего часа. Проволочные ограждения между владениями тоже прогибались под тяжестью обезумевших животных, которые застревали в них при попытке перескочить на другую сторону, чтобы добраться до воды и пищи. Паркер на большой скорости проскочил этот адский отрезок и несколько дней почти без отдыха ехал обратно, пока не выбрался на хорошо знакомые трассы. Потом загрузил фрукты, чтобы доставить их в небольшой порт Красный Маис. Майтен по-прежнему занимала все его мысли, и он был уверен — как мало в чем бывал уверен за всю свою жизнь, — что они снова встретятся. Наконец кто-то сказал ему, что видел караван луна-парка, который направлялся по засушливому центральному плато в сторону Большого Жука, а кто-то еще видел похожий караван между Пастушьей Тропой и Старым Портом.

Паркер решил попытать счастья, взяв еще круче на запад, и, чтобы сократить путь, наметил сложный маршрут с бесконечными поворотами то в одну, то в другую сторону.

— Дуй в Кабо-Альбаррасин, туда рано или поздно приезжают все парки развлечений, — посоветовал Паркеру старик, которого он подсадил на безлюдной дороге, затерявшейся между пустыней и пустыней, подумав, что тот нуждается в помощи.

— А с чего вы вдруг решили, что мне нужна помощь? — возразил старик, но все же кряхтя полез в кабину.

— Так мне показалось.

— Показалось? А вот мне кажется, что если кому и требуется помощь, так это вам самому.

— Куда вы направляетесь? — спросил Паркер, чтобы сменить тему, поскольку уже привык не только к суровости здешних земель, но и к вздорности их обитателей.

— Неужели так трудно понять, что я никуда не направляюсь? — Паркер пожал плечами и вернулся к своим мыслям, решив не обращать внимания на своего пассажира, но тот не унимался: — Разве я похож на человека, который непременно должен идти в конкретное место?

— Нет, вы похожи на человека, который просто почему-то здесь очутился.

— А если бы я даже и захотел куда-то пойти, то куда тут, черт побери, можно, по-вашему, ид-

ти? — добавил старик, злобно кивнув на степь.

Несколько часов они ехали молча, обмениваясь короткими возгласами, но внезапно Паркер все-таки рискнул спросить старика про луна-парк.

— Вам нужен Кабо-Альбаррасин. Это что-то вроде слоновьего кладбища, где находят свой конец любые ярмарки, кочующие по Патагонии.

— Но я ищу ту, что пока еще жива.

— Это вам только так кажется, вы же не случайно никак не можете ее найти.

— А что это за место?

— “А что это за место?” — передразнил его старик возмущенным и даже издевательским тоном. Потом долго и внимательно смотрел на дорогу, прежде чем желчно ответить: — Все вы, портеньо, слишком избалованы, а поэтому только и ждете, чтобы другие решали за вас ваши проблемы. Неужто и впрямь уверены, что в этой жизни все так просто?

— Я не портеньо…

— “Я не портеньо…” — снова передразнил его старик, но на сей раз уже тонким женским голоском. — Все вы твердите одно и то же и ни за что не хотите сказать правду.

— Я родился в…

— А мне нет дела до того, где вы родились. Слу-

шайте внимательно, потому что повторять я не стану. Езжайте в сторону Кордильер примерно три-четыре дня, держась сорок шестой параллели, и тогда окажетесь прямо перед нужным вам местом.

— Кабо-Альбаррасин рядом с Кордильерами? Вот уж чего-чего, а такого быть никак не может, — возразил Паркер, решив немного позлить вредного попутчика.

Старик дернулся, словно ему нанесли жестокое оскорбление:

— Почему это такого никак быть не может? Что тут необычного?

— Кабо значит “мыс”, а любой мыс должен располагаться на берегу, как, скажем, полуостров, залив или пляж…

— Понял, можете не продолжать. Думаете, я совсем тупой?

— Ну так что с этим “мысом”? — На самом деле Паркер раздумывал сейчас совсем о другом: больше всего ему хотелось избавиться от старика, высадив на первом же повороте, но он боялся тем самым обречь его на голодную смерть.

— Вот сами возьмите и проверьте, что с этим “мысом”, если считаете себя таким умником. А от меня отстаньте.

— Может, речь идет о каком-нибудь мысе на берегу озера?

— Да нет там никакого озера и никакого берега. И хватит об этом, — заявил старик, опять уставившись на дорогу, словно давая понять, что продолжать разговор не намерен.

После получасового молчания Паркер все же решился взять грех на душу — лишь бы не видеть рядом эту наглую скотину. Ну и пусть себе помирает.

— Где вас высадить?

— А разве я просил вас куда-нибудь меня везти? Нет! Вы мне велели садиться, я и сел, так что теперь решайте сами, где меня вышвырнуть, мне это без разницы.

— Ладно, тогда вылезайте здесь, — пригрозил Паркер, резко затормозив и надеясь, что тот даст задний ход и, может, даже извинится.

— Давай! Сваливай по-быстрому! — крикнул старик, спускаясь на обочину, а потом с силой захлопнул дверь.

— А вам пора было бы наконец уяснить для себя, что такое мыс, старый болван! — ответил Паркер, высунувшись в окно, и уже тронулся было с места, но увидел в зеркало, что старик делает ему знаки.

Видно, одумался, со злорадством решил Паркер, поэтому охотно остановился, ожидая, что наглец, теперь вроде бы присмиревший, будет слезно просить довезти его до какого-нибудь обитаемого места.

— Кабо[6] — это, к вашему сведению, еще и солдат, который не дорос до сержанта, то есть капрал. А теперь сами подумайте, какое отношение капрал должен иметь к берегу моря или озера! — выкрикнул старик, колотя палкой по окошку кабины, после чего развернулся и зашагал в сторону от дороги. Вскоре его фигура пропала из виду.

Паркер какое-то время сидел со включенным мотором, но человека уже проглотила та же пустота, из которой он недавно и возник. До самого конца дня Паркер чувствовал в душе неприятный осадок. И решил выкинуть из головы бредовый совет очередного призрака, однако сюрпризы на этом не прекратились. На следующий день он ехал, держа в руке бутылку пива, и слушал прыгающее со станции на станцию радио, когда заметил в зеркале автомобиль, подающий ему сигналы фарами. Автомобиль быстро догнал его,

---

[6] Примечания: 6

Кабо (от исп. *cabo*) — 1) мыс, 2) капрал.

а сидевший за рулем мужчина высунулся в окошко и стал махать рукой. Паркер не сразу узнал своего приятеля журналиста, но тотчас вспомнил, что они условились встретиться рядом с Оленьим Холмом. Только вот у него это совершенно вылетело из головы после истории с Майтен. Он остановился, а машина журналиста на низкой скорости проскочила на несколько метров вперед, пока водитель не осадил ее, подложив под колеса, как и раньше, камни, которые в пути привязывал к кузову снаружи, чтобы в случае необходимости использовать на манер якорей.

— Что, так до сих пор и не починили тормоза? Не сегодня завтра убьетесь.

— Ну, они у меня еще чуток действуют, просто я боюсь их окончательно угробить и потому решил беречь для особых случаев, — пояснил журналист, распахнув объятия навстречу Паркеру.

Час спустя уже был разбит лагерь — между грузовиком и каменистым холмом, который хотя бы отчасти защищал их от ветра. И теперь они обедали, расположившись за столом.

— Поверьте, что в Олений Холм я при всем желании приехать никак не мог, — извинился Паркер.

— Не беспокойтесь, я ведь тоже там не был. У

меня возникли куда более важные дела. Сейчас я исследую берег, пользуясь отливом.

— Неужто мидий собираете?

— Отчасти моя работа и вправду заключается в поиске редких тварей. Но я предпочитаю подводные лодки, хотя и от мидий не отказываюсь.

— Как я вижу, с последней нашей встречи в лучшую сторону ничего не изменилось.

— Ну а вы откуда едете? Ваш грузовик похож на сладкий пирог. Вас, надо полагать, тоже задел пепел Огненного Вождя?

— Да, и я спасся только чудом. А вы нашли наконец своих фашистов и ту лодку — *U* какую-то там?

— Нет, семьсот сорок пятую я уже не ищу, теперь мне нужна пятьсот восемнадцатая, та, что однажды ночью тайком ушла в море. Ушла из порта Кристиансанн пятого апреля сорок пятого года.

— Ладно, но будет лучше, если вы прибережете этот рассказ до следующего раза.

— Вы явно не в духе, Паркер. Что-нибудь случилось?

— А разве может что-нибудь случиться с человеком в этом захолустье? Нет, ничего.

Журналист продолжал есть, не поднимая глаз,

потом резко встал, достал из сумки толстую папку, набитую бумагами и картами, и положил на стол:

— Посмотрите, какая она толстая, — это и есть мое расследование.

Паркер взял папку и взвесил на руке:

— Ну и сколько вам платят за кило? Уж точно больше, чем мне за тонну.

Журналист перестал жевать. Его глаза вспыхнули от волнения. Когда он снова заговорил, голос у него дрожал и срывался:

— А сколько, по-вашему, стоит кило подлинной истории, Паркер? Она не имеет цены, только вот люди этого не понимают. И никто мне ничего не платит — я трачу собственные сбережения, свою будущую пенсию. А концы с концами вынужден сводить таким вот образом, — он вынул из сумки пачку документов, удостоверений личности и еще каких-то бумаг. Перетасовал их и принялся объяснять: — Они сделаны безупречно, отличить от настоящих невозможно. Есть, скажем, и совершенно новые варианты, если вам интересно. Вот медсправка, вот нужные бумаги от судьи или депутата, и ни один полицейский в них не усомнится. Хотите рискнуть и проверить на практике? Я сделаю вам хорошую скидку.

Паркер внимательно и без спешки перебрал документы и вернул журналисту, отрицательно мотнув головой:

— Пока у меня еще есть свои, и сделаны они не хуже этих.

— Иногда фальшивые документы выглядят более убедительно, чем подлинные.

— Кажется, вы считаете меня беглецом — ну, вроде тех фашистов, которых так упорно разыскиваете?

— Но ведь вы ведете себя очень загадочно и вечно прячетесь, так что ваши бумаги, скорее всего, не слишком надежны. Если хотите, я изготовлю вам документы и на грузовик тоже.

— Вот уж не знаю, кто из нас двоих ведет себя более загадочно.

— Ладно, Паркер, сдаюсь. Честно, сдаюсь.

— А сколько бы мне стоило отмыть документы на грузовик и получить правильные водительские права?

— Права будут моим подарком, а про грузовик сейчас ничего сказать не могу. Надо обсудить этот вопрос с нужными людьми.

— И все бумаги на машину будут чистыми?

— Как и ваши тоже, а если согласитесь вложить еще кое-какие деньги... — Журналист окинул

взглядом не слишком респектабельную сейчас фигуру Паркера, потом взял свою записную книжку и ручку. — Какое имя вы бы для себя выбрали?

— Придумайте сами.

Тот что-то пометил в блокноте, а потом решительно закрыл его, словно ставя печать на их договоре.

— Даже родная мать не догадается, что это вы. — Оба помолчали. Журналист о чем-то размышлял, глядя на дорогу. — Мы с вами во многом похожи.

— Только этого мне и не хватало.

— Но есть и одна разница: вы сами не знаете, что ищете. А я знаю.

— Еще бы! Инопланетян, заблудившиеся подлодки, фашистских главарей…

— Не смейтесь, в один прекрасный день я добуду нужные доказательства и сразу прославлюсь.

— А если не добудете, то выдумаете, — усмехнулся Паркер, кивнув на фальшивые документы, которые по-прежнему веером лежали на столе, однако журналист уже не слушал его.

Он поднял свой стакан, чтобы выпить за дружбу, которая их соединяла. Паркер последовал его примеру, но между тем в уме прикидывал, чем

мог рисковать, связываясь с подобным типом. Правда, тот был его единственным другом — во всяком случае, в эти времена и в этой пустыне. Хотя полного доверия он к нему не испытывал. И тем не менее сейчас тоже расчувствовался, но постарался этого не показывать.

— Так что вы все-таки ищете, хотел бы я знать? — снова заговорил журналист.

— Я потерял парк развлечений и вот уже не одну неделю гоняюсь за ним, но безуспешно.

— Парк развлечений? Злая судьба соединяет людей крепче, чем добрая. Наши с вами души — это две половинки одной души! — добавил он, чуть помолчав. — Неужто надумали купить карусель с подлодками? Хотя сам я ищу их, надеясь, что внутри подлодки могут храниться сокровища.

— Внутри этого парка — тоже.

Журналист от изумления широко раскрыл глаза, поставил стакан на стол и схватил Паркера за ворот плаща:

— Вы это серьезно?

— Женщина… — с невозмутимым видом бросил Паркер.

— Не валяйте дурака, женщина и сокровища — совсем не одно и то же, к тому же подобные

заблуждения бывают слишком опасными, — сказал журналист разочарованно. — Если желаете поразвлечься, ищите женщин на обочине дороги, там их более чем достаточно.

— Это совсем другая история.

Журналист вздохнул и снова наполнил стаканы:

— В нашем мире хватает людей, способных на что угодно, и вы сами мне это сказали при нашей последней встрече.

— Я доехал до Блеклой Долины, был у Грязной Воды и Святой Гробницы, где меня и застало извержение вулкана, после чего спускаться еще ниже не рискнул. Знаете, там даже звезды стали какими-то неправильными, и потому от вашей астролябии не было никакого толку.

— От секстанта, а не от астролябии. — Журналист продолжал жевать и одновременно перебирал свои бумаги, но потом не без любопытства спросил: — А все-таки скажите, каким образом можно потерять парк развлечений? Это все равно что сказать, будто от вас убежала черепаха…

— Ну, я слегка отвлекся, засмотрелся в другую сторону — и он улетучился…

— Ага, вместе с женщиной! Непростительная

беспечность! Теперь понятно, почему у вас такой грустный вид.

Они опять надолго замолчали, уставившись в пустоту. На лицах у обоих застыло схожее выражение, и, казалось, оба испытывают схожие чувства.

— Погодите! — внезапно воскликнул журналист, и во взгляде его вспыхнул огонек. — Четыре недели назад я столкнулся с караваном на северной трассе номер сто девяносто четыре, перед самым мостом. Они двигались на северо-восток.

У Паркера сильно заколотилось сердце, и он впился взглядом в журналиста:

— Что именно вы видели? Только учтите, мне сейчас не до шуток.

— Грузовик, разрисованный монстрами, несколько фургонов и домиков на колесах.

Паркер вскочил и развернул на столе карту, чтобы изучить возможные маршруты.

— Это они, наверняка они, и ехали в Сухую Ферму к началу стрижки овец. А теперь, скорее всего, стоят в Ла-Конкистаде, — рассуждал Паркер, внимательно отмечая один за другим даже самые мелкие пункты на карте. — Если я двинусь вдоль Рудниковой реки, попаду туда меньше чем за три дня, то есть еще до окончания стрижки

овец, — подсчитал он и сразу же бросился сворачивать лагерь. Он лихорадочно сновал туда-сюда, слепо подчиняясь все той же неукротимой силе.

Журналист помогал ему, стараясь не отставать, хотя понимал, что толку от его помощи мало. Он достал из кармана календарь и положил рядом с картой. Паркер между тем размышлял вслух:

— А не получится быстрее, если поехать через Веселую Долину? Или все-таки удобней будут трассы сто двадцать четыре или сто семьдесят? Остается надеяться, что наводнений там в это время не случится…

— В следующем месяце увидимся в Курносой Горе.

— Боюсь, я буду слишком занят, поэтому обещать ничего не могу.

— Где есть женщина, там обычно бывает и муж. Хотите я поеду с вами?

Но Паркер был поглощен сборами и вряд ли его услышал.

— А вот если я двинусь к Мысу Гуанако, а потом поеду по восемьдесят шестой, то сэкономлю полдня — это точно.

Журналист смотрел на него, словно не веря своим глазам.

— Но где есть муж, там может случиться мор-

добой. А где случается мордобой, там на поле битвы остаются покалеченные, — не унимался журналист.

Паркер, никак не реагируя на его слова, закончил погрузку, завел мотор и уже готов был отъехать:

— Не беспокойтесь, я умею за себя постоять. А с вами мы где-нибудь еще встретимся, ведь этот наш мир, он очень тесный, а Патагония и того теснее.

— Чем дольше я вас слушаю, тем больше за вас тревожусь. Подобную чушь изрекают только влюбленные.

Журналист пошел к своему автомобилю, достал из бардачка что-то завернутое в ткань и протянул Паркеру. Тот с опаской развернул сверток и увидел пистолет:

— Мне не нравится убивать людей.

— Не глупите, он нужен для того, чтобы не убили вас самого.

— Спасибо, но я не имею дела с оружием.

— Это не оружие, это сигнальный пистолет. Если понадобится помощь, просто пульните разок в воздух. Ночью, кстати, эффект получается еще лучше, — посоветовал журналист, пока они обменивались прощальным рукопожатием. — И

будем молиться, чтобы ваш сигнал кто-нибудь заметил.

Пять дней спустя Паркер припарковал машину на одной из боковых улиц в Ла-Конкистаде и решил пройтись по ее главному проспекту. Он узнал, что Майтен находится здесь, еще до того, как увидел расклеенные по стенам и в витринах афиши, где объявлялось о прибытии в город парка развлечений, который расположился рядом с центральной площадью, но, оказавшись у входа, Паркер понял, что от парка осталась едва ли половина. Терпеливо дожидаться открытия он просто не мог, поэтому тайком проскользнул в ворота и постарался спрятаться за пустующими аттракционами. Потом зашел в бар и, встав за ящиками с пивом, решил понаблюдать за происходящим вокруг. Впечатление упадка и развала было полным. “Летающие тарелки”, надо полагать, рискнули поискать удачи в других галактиках, а машинки на автодроме вроде бы уже раздумали двигаться. Не было ни “гусеницы”, ни качелей на цепях, ни кое-каких более мелких аттракционов, хозяева которых, наверное, решили попытать счастья в местах побогаче. Паркер не сразу нашел то, что искал, но очень скоро все же увидел тир с висящими под потолком призами, а потом

вампиров и мумий перед туннелями поезда-призрака. Рядом устроила свой прудик с рыбками все та же старуха в пончо, а за ней стояли колесо обозрения и карусель. У огромной пасти с кровавыми клыками трудились оба боливийца под руководством Бруно, который показался сейчас Паркеру куда более мощным и опасным, чем раньше. Эбер и Фреди толкали кабинки, и оба выглядели под стать картинкам, нарисованным на бортах. Только Майтен нигде не появлялась, и от мысли, что она могла тоже сбежать, Паркер приуныл. То и дело озираясь по сторонам, он направился к одному из жилых вагончиков, встал на цыпочки и заглянул в окно. Сердце у него так колотилось, что даже заныла грудь, но там все же мелькнула фигура полураздетой девушки. Изгиб спины плавно переходил в другие изгибы, а изящные бедра и высокая грудь подрагивали при каждом ее шаге. Паркер смотрел не отрываясь, как Майтен одевается, но в этот миг что-то острое вонзилось ему в икру. Из-за предательской судороги он не смог удержаться на ногах — они сразу одеревенели и стали непослушными. Он сполз на землю и лежал, чего-то дожидаясь и все еще находясь под очарованием только что увиденного, потом мускулы понемногу расслабились, а

резкая боль ушла. Паркер встал и прихрамывая пошел сперва вдоль границы ярмарки, а потом по городской улице.

На ярмарку он вернулся через несколько часов, опять надев широкие брюки, безупречно чистую, но довольно мятую рубашку, которая благодаря этому выглядела даже более модной, и потертый пиджак, только что извлеченный из тесного шкафа. Глаза он прикрыл темными очками. Повсюду уже целыми семьями расхаживали с рассеянным видом посетители. Стараясь держаться подальше и от них, и от ребячьих стаек, Паркер прошел мимо шатра с тиром, где сейчас распоряжался Эбер, и сел за столик в баре. Сунул в рот сигарету, стал искать зажигалку, куда-то, как на грех, затерявшуюся, и только тогда увидел Майтен, заключенную в четырех стенах тесной билетной кассы. Теперь она была похожа не на восточную богиню, а на Деву Марию, вставленную в деревянную раму. Когда девушка заметила его — а он так и сидел с незажженной сигаретой во рту, — это, казалось, ее ничуть не удивило. Но по лицу скользнуло выражение обреченности, а взгляд потускнел, хотя очень скоро она снова оживилась. Майтен улыбнулась ему, и этот знак загипнотизировал Паркера, хотя она тотчас

опустила глаза, заметно смутившись. Паркер уже собирался встать, когда чья-то рука застыла почти у самого его лица. И огонек зажигалки бликами заиграл на темных стеклах очков. А еще Паркер увидел золотой перстень, огромные часы, напоминавшие один из призов в тире, и мускулистые руки с татуировками в виде сердец, кинжалов и черепов, потом — золотое распятье на волосатой груди. Паркер поднес сигарету к пламени и жадно затянулся.

— Спасибо, — сказал он, кольцами выпуская дым.

— Хотите что-нибудь еще, кроме огонька? — спросил муж Майтен с улыбкой, отвратительней которой Паркер не видел ничего на свете.

— Пиво, — ответил он.

— А мы с вами не встречались раньше? Вы ведь, судя по всему, не местный, — задал очередной вопрос Бруно.

— Нет, не местный, но и не портеньо тоже.

— Тем лучше — сразу одной проблемой меньше. — Муж Майтен похлопал Паркера по плечу и засмеялся, показывая испорченные зубы. Вскоре он вернулся с бутылкой пива. — Добро пожаловать в наш парк, я угощаю, — заявил он, скроив любезную мину и наливая пиво в стакан, после

чего направился к лотку с сахарной ватой и начал громко зазывать публику в тир: — Добро пожаловать, сеньоры, заходите, ярмарка открылась! Смелей! Покажите свою меткость!

Паркер пил пиво, не сводя глаз с девушки. Он старался вести себя ненавязчиво, но исходившие от нее колдовские чары мешали думать о чем-то другом. Между ними уже наметилась тайная связь: он чувствовал на себе взгляд Майтен, даже когда она не смотрела в его сторону, и мурашки пробегали по всему телу Паркера при каждом ее движении.

Бруно давно привык к тому, что его жена притягивала к себе восхищенные мужские взгляды и будила разного рода фантазии, что, кстати сказать, только увеличивало число клиентов, но при этом он зорко следил за всем, что творилось вокруг нее.

— Смелее! Смелее! Заходите и испытайте себя, сеньоры! — продолжал выкрикивать он и не забывал крутить палочку над синим пламенем, так что тонкие нити сахара наматывались на нее, образуя рыхлый и пушистый ком.

Когда Майтен вышла из кассы и протянула Бруно коробку с деньгами, тот с неуклюжей нежностью попытался погладить жену. Он хотел

извиниться перед ней за недавнюю ссору и другого способа загладить вину просто не знал. Она увернулась с неловкой улыбкой и направилась к шатру с тиром. Однако сделала небольшой крюк — всего в несколько метров, — чтобы пройти мимо Паркера, и он успел поймать ее уклончивый взгляд, хотя смотрела она вроде бы вовсе не на него. Паркер проводил глазами удалявшуюся фигуру, и ему почудилось, что все это происходит в каком-то другом измерении.

— Ну а теперь что еще у вас там случилось? — зло спросил Бруно, увидев спешившего к нему Фреди.

— Да свет опять ахнулся, шеф.

— И решить проблему сами вы, разумеется, никак не можете, хотя вас двое и вы дни напролет пялитесь на другой свет, на божественный? — рявкнул Бруно, а потом несколько раз хохотнул, гордясь собственным остроумием.

— Не шутите так с Господом, шеф, а то с вами может случиться че-нить плохое, — отозвался боливиец, спеша к портативной электростанции.

Паркер достал бумажник и оставил купюру под стаканом. Огляделся и встал так резко, что закачалась бутылка на хлипком столике. Потом не слишком твердо зашагал к тиру. Майтен замети-

ла его издали и опять улыбнулась, но и эта улыбка в мгновение ока погасла, а лицо напряглось.

— Привет! Вы меня еще помните? — спросил он на всякий случай, однако Майтен уже поднялась на свой помост, и взгляд ее витал над его головой.

Паркер встал на цыпочки, чтобы не чувствовать себя перед ней совсем уж карликом, но тотчас опять ощутил легкий спазм в ноге и решил не рисковать. Он еще раз поздоровался снизу вверх, хотя уже не боялся выглядеть смешным, поскольку его комплексы были приглушены пивом и сейчас он казался себе сильным, смелым и готовым справиться с любой опасностью.

— Как не помнить… Мы познакомились в… — Майтен постаралась вспомнить название предыдущего городка и наморщила лоб. — Ну вот, забыла… Все здешние места слишком похожи одно на другое.

Оба пару секунд помолчали, и между ними сразу повис ярмарочный гомон.

— Ну, его название уже и не имеет никакого значения, — сказал он.

Майтен смотрела на него все так же пристально, пока улыбка, в которой теперь таилось некое обещание, не поставила точку в этой части их

диалога. Паркер не знал, что еще добавить. Но тут его посетила вроде бы удачная мысль:

— Зато этот парк, он и на самом деле парк аттракционов… А лучше сказать, соблазнов.

Она опять робко улыбнулась и посмотрела на него чуть искоса, желая понять, насколько далеко он намерен зайти. Смущенный Паркер стоял все так же внизу и не понимал, как следует вести себя дальше. Последнюю их встречу в туннеле поезда-призрака он вспоминал столько раз, что теперь и она тоже была покрыта тонкой пеленой призрачности. Хотя сам Паркер еще чувствовал вкус губ Майтен на своих губах, у него не было уверенности, что и она тоже помнит их поцелуи. Он пристально смотрел ей в глаза, словно говоря: “Это же я!” — но девушка, казалось, отталкивала от себя воспоминание о том мимолетном свидании.

Липкий пот побежал у Паркера по спине. Сколько времени он так простоял? В голову не приходило ничего, кроме пары пустых фраз или каких-то отрывочных слов… После чего придется начать отступление на прежние позиции, в бар, чтобы утопить свою неудачу в пиве.

Но именно в этот миг Майтен спустилась со своего пьедестала и, воспользовавшись тем, что

клиентов рядом почти не осталось, спросила:

— Хотите сделать несколько выстрелов? — Потом подмигнула ему и протянула три мягких мяча.

Паркер кинул их, даже не стараясь прицелиться, и, разумеется, промахнулся. А непонятно откуда возникший боливиец после каждого промаха сокрушенно качал головой и наконец сказал с упреком:

— Опять, что ли, ты, парень? А ну-ка, соберись получше, глядеть нужно только вперед!

— Я смотрю туда, куда смотреть желаю, — процедил Паркер сквозь зубы, и его мячи опять разлетелись в разные стороны, пока внутри у него закипала волна бешенства.

— А если бы ты, брат, смотрел в сторону Господа нашего, узрел бы, может, и свет, — не унимался боливиец, но Паркер так и не понял, Эбер то был или Фреди.

Тут Майтен поспешила вмешаться и велела помощнику заняться кассой, хотя он все-таки не удержался и напоследок проворчал:

— А чего этот засранец вечно пялится куда не надо, так ведь можно и всю жизнь свою прозевать. — И он двинулся к кассе, сунув руки в карманы.

Паркер хотел ответить ему подобающим образом, но девушка мягко его остановила.

— Сейчас я научу вас, как надо кидать мячи! — Она встала рядом с Паркером и взяла его руку в свою.

Он почувствовал озноб, но послушно выполнял все ее инструкции. Потом несколько раз метнул мяч, прищурив один глаз, и две-три игрушки полетели на пол.

— Ну вот, вы заработали специальный приз! Выбирайте, какой вам больше нравится.

— Какой мне больше нравится? Честно?

Паркер понял, что настал очень важный миг: блюдо было подано, и ему оставалось лишь протянуть руку и взять желаемое. Ведь для правильного ответа существовал всего один-единственный набор слов, и нельзя было пренебречь им. Любой другой прозвучал бы теперь смешно, и после такой ошибки Паркер провел бы остаток своих дней, куда бы ни забросила его судьба, сокрушаясь об упущенном шансе. И уже не имело значения, услышит кто-то их разговор или нет.

— Включая и вас тоже?

Майтен ничего не ответила и поднялась на свой помост, явно все еще борясь с сомнениями. И тогда Паркер указал на приз, лежавший на самой

верхней полке:

— Но до поры до времени меня устроит и вон тот.

Майтен встала на табуретку и потянулась вверх, при этом юбка ее задралась, открывая красивые ноги. Она достала пластмассовую оленью голову, завернутую в целлофан, и вручила Паркеру.

— Я ищу тебя вот уже несколько недель, — сказал он тихо, оглядываясь по сторонам. Голос его дрожал.

Она на миг застыла, и в ее темных глазах вспыхнул упрек.

— А я решила, что ты никогда не приедешь, — прошептала она.

— Я ездил в колонию Безнадежность, а потом объехал еще полмира.

— Мы в самый последний момент поменяли маршрут, и у меня не было никакой возможности предупредить тебя, — объяснила она печально. Почему-то сейчас Паркер показался ей совсем другим человеком, не таким, каким был несколько недель назад в темном туннеле. — И давай на этом остановимся, не стоит так рисковать, — попросила она, но попросила как-то не слишком твердо, словно надеясь, что он ее не послушает.

— Слишком поздно, остановиться у нас уже не получится. Давай уедем вместе, — предложил он еще тише, однако в тоне его прозвучала вескость судебного приговора.

— Это безумие. Что мы станем делать?

— Нам с тобой нужно поговорить наедине. Где? — спросил он, пытаясь взять ее за руку, но она пугливо отпрянула назад.

При этом лицо Майтен словно осветилось изнутри, едва на нем вспыхнула беспомощная и испуганная улыбка.

— Где мы сможем поговорить наедине? — переспросила она, и оба поняли, что есть только одно место во всем мире, где им дозволено встретиться, не боясь посторонних глаз.

Паркер опять хотел взять ее за руку, но уже не для того, чтобы ласково погладить, а чтобы убедиться, что перед ним стоит живое существо из плоти и крови, а не призрак.

Пока Бруно с Эбером занимались электричеством и ни на что другое не обращали внимания, Майтен и Паркер стояли в тире, глядя в глаза друг другу и словно надеясь, что вот-вот произойдет некое событие, которое раз и навсегда решит их судьбы. На самом деле судьба Паркера была решена уже давно, и оставалось только ждать,

пока сожжет свои корабли Майтен. А она уже перестала озираться по сторонам, она смотрела внутрь себя и быстро прокручивала в мыслях всю свою жизнь — и ту, что была прожита, и разные варианты той, что замаячила впереди. Ее руки крепко сжимали книжку с билетами, как будто Майтен боялась, что роковой порыв ветра вырвет их и унесет прочь. Паркер хотел было что-то сказать, но девушка жестом его остановила, а сама мягко прикрыла глаза. Эти секунды показались ему вечностью. А когда она наконец глаза открыла, мир вокруг уже начал меняться. Майтен оторвала билет, протянула Паркеру и подбородком указала в сторону поезда-призрака. Прямо туда он и зашагал, держа под мышкой оленью голову в целлофане. Боливиец в потертой форме и фуражке железнодорожника стоял у входа и встретил его равнодушным замечанием:

— Здесь тебе, парень, по крайней мере, не придется никуда целиться.

Паркер покачал у него перед носом пальцем и пригрозил:

— Лучше меня не зли, Эбер. Понял?

— Нет.

Паркер в ярости обернулся:

— Что значит “нет”?

— Только то, что я не Эбер, а Фреди, — сказал он, взял как автомат билет и вернул Паркеру половину.

Тот лихо запрыгнул в кабинку и уселся, вцепившись обеими руками в поручень, так как знал, что в любой момент может последовать предательский рывок.

Фреди опустил рычаг, приводивший поезд в движение, и сразу же исчез, подчинившись знаку Майтен, которая теперь следила за происходящим из кассы, как из диспетчерской башни в аэропорту. Глухой и хриплый голос, прерываемый развязными смешками, поприветствовал Паркера. Поезд мягко тронулся, и через несколько секунд его единственный пассажир исчез за джутовым занавесом. При резких поворотах Паркер невольно задевал монстров, грозивших ему своими топорами и гарротами. В туннелях раздавались жуткие завывания и крики, которые послушно подхватывало эхо. Он крепко держался за поручень, но голова все равно моталась туда-сюда. Вдруг поезд стал снижать скорость и уже совсем медленно прорезал зону густого мрака. Когда глаза Паркера привыкли к темноте, он осторожно спустился на землю. Потом, все еще слегка покачиваясь, прошел вперед и остановил-

ся недалеко от скелета с косой в руках. Паркер чуть подождал, готовясь к чему угодно и прислушиваясь к скрипу кабинок, которые с важной неторопливостью проезжали мимо. Но тут из темноты выплыла какая-то тень и двинулась к нему. Он узнал свою драгоценную Майтен, и оба протянули руки навстречу друг другу. Паркер нежно, не говоря ни слова, привлек ее к себе, и их тела слились, образовав еще одну неподвижную фигуру среди безмолвных свидетелей этой сцены. Они целовались, утратив представление о времени, а еще обменивались суматошными обещаниями и клятвами. Паркер попытался сунуть руку Майтен под блузку, но она быстро отвела ее.

— Хватит прятаться, давай уедем куда-нибудь вместе, — наконец выдавил он из себя.

— Но мы едва знакомы.

— Для знакомства у нас будет достаточно времени. Да и вообще: я такой, каким ты меня видишь.

— Нет, Паркер, этот билет годится только на одну поездку.

И тут Майтен впервые в жизни захотела отмотать время назад — хотя бы на пару секунд, — чтобы ответить ему совсем иначе. А виной всему

были слепое упрямство и рабская верность раз данному слову, которые когда-то превратили для нее эту ярмарку в тюрьму — или даже в могилу, абсурдную и нелепую могилу. Если бы текучее время оставляло за собой хвост или шлейф, подобный хвосту кометы, за который можно было бы ухватиться и время притормозить, Майтен это непременно сделала бы. С другой стороны, достаточно было чуть-чуть подумать, чтобы понять: бегство с незнакомым мужчиной будет самым безрассудным поступком в ее жизни. Да и думать тут было, собственно, не о чем… Что они станут делать, куда отправятся?.. Два человека, почти случайно встретившихся в мрачном лабиринте дешевого аттракциона, пытались вот так, с бухты-барахты, изменить свою судьбу, хотя ничего более бредового и вообразить было нельзя. Единственное, что они могли себе сейчас позволить, — это целоваться до умопомрачения.

А снаружи, где-то на краю ярмарки, Бруно и Эбер уже закончили ремонт электрической панели и шагали к аттракционам. Фреди сидел на стуле перед тиром и спал, откинув голову назад, как будто ему только что перерезали глотку. Бруно стукнул ногой по ножке стула, и боливиец испуганно подскочил, потом хозяин окинул

цепким взглядом свои владения и увидел пустые кабинки, которые выезжали между джутовых полотен, чтобы тотчас опять за ними скрыться. Это показалось ему странным, внутри у него сразу встрепенулось шестое чувство. Он медленно, как охотник, который боится упустить дичь, положил инструменты на землю и дальше действовал уже по наитию.

Тем временем Паркер и Майтен в туннеле, забыв об осторожности, то с судорожными вздохами пытались разойтись, то в отчаянном порыве опять соединялись. Но тут ей почудился какой-то новый шум, и она отпрянула от Паркера, напрягая слух, хотя непонятный звук, возможно, раздавался лишь у нее в голове.

— Хватит, больше не приходи, пожалуйста, больше не приходи, — взмолилась она.

Паркер погладил Майтен по волосам, нежно взял за подбородок и поискал в темноте ее взгляд. У него в запасе еще оставалось несколько секунд, только вот не приходили на ум нужные слова, чтобы уговорить ее уехать вместе с ним. К тому же он не знал, что в трех поворотах от них джутовый занавес медленно раздвигается и на светлом фоне вот-вот появится крепкая мужская фигура. Зато оба уже понимали, что надо смириться с

тем, что их ждет разлука и что они переживают последние мгновения в истории этой мимолетной любви. Еще одно прощальное объятие — и после него каждый вернется в свой прежний мир. Майтен растворится в том же мраке, из которого возникла, как хрупкий предрассветный сон. Паркер запрыгнет в первую попавшуюся кабинку, вылетит из пасти чудовища и затеряется на улицах Ла-Конкистады. У обоих душа разрывалась на части, и у обоих слегка дрожал голос, но тут вдруг один из монстров как будто ожил. Мощная, покрытая татуировками рука выхватила косу из костлявых рук смерти, и новая фигура четким шагом двинулась туда, откуда доносился приглушенный шепот. Майтен и Паркер уже начали прощаться, когда она краем глаза уловила необычное движение и тотчас увидела косу, которая медленно поднималась над их головами, пока Паркер в горьком отчаянии искал глазами кабинку, чтобы уехать от Майтен навсегда.

— Спасите! — крикнула она, метнувшись вбок. Но еще успела дернуть за руку Паркера и потащила за собой по туннелю.

Поэтому мощный удар косы пришелся по Дракуле и отсек ему голову с кровавым оскалом, а заодно коса задела стаю летучих мышей, висев-

ших на потолке. Но в тот же миг где-то наверху произошло короткое замыкание — похожие на змей провода заискрили и засверкали быстрыми молниями. Из громкоговорителя неслись вопли и жуткий хохот, отскакивая от стен злобным эхом. Майтен и Паркер успели заскочить в одну из кабинок за секунду до того, как те рванули с места, словно табун обезумевших лошадей. А разъяренный Бруно крушил все, что попадало ему под руку. Кости скелетов разлетались в разные стороны и теперь больше напоминали китайские палочки для еды, а черепа бойко скакали по полу. Фреди, услышав грохот, опять проснулся, подбежал к завесе и столкнулся с Эбером, который в ужасе уставился на него.

— Не иначе как там, внутри, все ж таки заварились бесовские игры, — дрожащим голосом проговорил тот и перекрестился.

Мгновение спустя боливийцы увидели, как самый что ни на есть дьявольский ветер разметал в стороны джутовый занавес. Кабинки выскочили из туннеля. В одной из них стоял Паркер, повернувшись лицом назад, одной рукой он держался за поручень, а в другой зажал топор, позаимствованный у палача.

— Спасите! — почти в истерике кричала Май-

тен, обняв Паркера за талию, чтобы не вылететь наружу при очередном повороте.

За ними с безумным видом мчался, размахивая косой, Бруно, но уже через несколько секунд все трое опять исчезли в туннеле. Эбер и Фреди ошарашенно смотрели на эту жуткую сцену словно на катастрофу воистину библейского масштаба, не в силах сообразить, что следует делать им самим. Изнутри по-прежнему неслись вопли, вся конструкция ходила ходуном, потом раздалось что-то похожее на выстрелы, и наконец прогремел взрыв. Электричество окончательно вырубилось. Еще какое-то время слышались скрип колес по рельсам, так как поезд продолжал по инерции двигаться, глухие удары, проклятья, суматошный топот, рыдания и грохот падающих предметов. Потом наступила плотная тишина. До смерти напуганные боливийцы осторожно направились к пасти туннеля, откуда выбежали, взявшись за руки, Майтен и Паркер, который теперь размахивал уже не топором, а завернутой в целлофан оленьей головой. Братья отскочили в сторону, давая им дорогу, и вскоре пара исчезла. Но тотчас завеса опять распахнулась, пропуская ползущие кое-как кабинки, и в одной из них лежал без сознания Бруно с окровавленной головой.

Поезд застыл перед боливийцами, а те в страхе бросились к кассе и спрятались там.

— Давай, помоги хозяину, слышь, скорей помоги ему, — велел Фреди брату.

— Там, внутри, дьявол лютует, уж лучше поостеречься и посидеть тут, пока его не унесет, — ответил Эбер.

Майтен и Паркер добежали до входной арки, но она вдруг решительно повернула назад и кинулась к своему вагончику. Паркер как верный часовой остался ждать снаружи. Девушка побросала в сумку немного одежды и еще какие-то вещи, а потом достала из шкафа жестяную коробку, вытащила оттуда пачку денег, разделила ее, не считая, пополам и одну половину вернула в коробку. Однако, прежде чем навсегда покинуть то, что годами служило ей домом, Майтен на миг задумалась и вернулась к шкафу, чтобы положить взятые было деньги обратно.

Тем временем два боливийца делали вид, будто пытаются навести хотя бы относительный порядок на опустевшей ярмарке, хотя и не для того, чтобы обмануть хозяина, который все еще лежал в кабинке, рыдая и рыча как раненый зверь, а чтобы хоть чем-то отвлечься от горьких мыслей о собственной участи. Кое-кто из тех, кто обслу-

живал другие аттракционы, предлагал Бруно свою помощь, но тот, даже оказавшись в столь унизительном положении, еще находил в себе силы, чтобы гнать всех прочь, размахивая косой.

Несколько часов спустя грузовик Паркера бойко катил по пересеченной мягкими холмами степи. В небе плыли предвечерние облака, окрашенные в желто-оранжевые тона. Он был очень серьезен и время от времени напряженно вглядывался в зеркало заднего вида. Майтен, всхлипывая, сидела рядом и все еще держала свою сумку на коленях. Третьим пассажиром кабины стала оленья голова в целлофане, и только она одна могла позволить себе чему-то молча улыбаться.

Несколько часов спустя Эбер и Фреди, сидя рядком, обменивались мрачными прогнозами на будущее. Иногда они подходили к Бруно, чтобы убедиться, что он еще дышит. Солнце клонилось к закату, готовясь спрятаться за холмами, но низкие тучи уже сгрудились над площадью, где воцарилась кладбищенская тишина.

Трасса, по которой следовал грузовик, разрезала равнину на две части: в одной, западной, находились Паркер и прошлое, в другой, восточной, — Майтен и будущее, но достаточно было одного легкого поворота, чтобы все это безна-

дежно смешалось, как карты в колоде. И тогда с одной стороны оставались Майтен, прошлое и океан, а с другой — Паркер, будущее и горы. Короче, составные части двух этих половин то и дело соединялись в разных пропорциях, как ингредиенты в тесте, из которого мог получиться пышный хлеб, а могло — и что-то совсем несъедобное.

Грузовик пару раз мотнуло по асфальту, затем он со змеиной ленцой наклонился вперед и начал скользить вниз, петляя вместе с дорогой между пологих холмов. Паркер смотрел то на бегущий рядом пейзаж, то в зеркало — чтобы убедиться, что никто их не преследует. Сумка Майтен все еще лежала рядом с ней на сиденье. Девушка не отрывала взгляда от окна и не выпускала из рук бумажный носовой платок. Оленья голова теперь стояла на приборной доске, как ростральная фигура на носу корабля, и порой казалось, что только она одна из них троих знает, куда они направляются.

Какое-то время спустя грузовик опять выехал на равнину. И мчался по прямой, гонясь за горизонтом, как стрела, устремленная к цели. Паркер, встревоженный грустным видом Майтен, погладил ее по голове, но она приняла его ласку как-то

отстраненно и безучастно. И он снова уставился на дорогу, пока они вдруг не оказались на распутье. Паркер глянул в одну сторону, потом в другую, заколебался и сперва решил свернуть направо, потом, чуть подумав, — налево и только в последний миг увидел знак “Опасная дорога”. И поехал именно туда — по извилистой и усеянной рытвинами асфальтовой ленте. Солнечные лучи пробивались сквозь облака, раскидывая по небу разноцветные полосы. Паркер то и дело посматривал на свою спутницу, боясь, как бы она вдруг не превратилась в совсем другую женщину. Он аккуратно взял у нее из рук бумажный платок, швырнул на пол, а ей протянул новый.

— Раз слезы высыхают, значит, они уже не нужны, — изрек он, но фраза сразу же показалась ему более плоской, чем в тот момент, когда он ее придумывал.

Майтен глянула на Паркера с удивлением, а когда до нее дошел смысл его слов, собрала смятые платки, валявшиеся по всей кабине, скомкала вместе и выбросила в окно. Ветер собрался было их унести, но не успел — и платки мигом снова залетели в кабину. Майтен повторила попытку несколько раз, пока наконец не увидела в боковое зеркало, как маленькие шарики, кувыркаясь в

воздухе, стали то вяло падать на асфальт, то цепляться за желтые придорожные кусты. И только тогда Паркер заметил фиолетовые пятна у нее на руках, но тотчас отвел глаза, чтобы не вторгаться в столь деликатную сферу. Он постарался подбодрить ее какими-нибудь милыми шутками — она постаралась изобразить улыбку, и лицо ее немного расслабилось, хотя вскоре Майтен опять молча повернулась к окну. Позднее, уже погрузившись в черную бездну ночи, они пили кофе и беседовали, сидя в жаркой полутемной кабине, а эта обстановка располагала к откровенности и ласкам. Но время от времени, хоть и довольно редко, их покой нарушали огни летящих навстречу машин, тогда кабина освещалась, и было видно, насколько их обоих утомила долгая дорога. Они проезжали мимо дремлющих поселков, мимо какой-то заправки и ночного заведения с неоновыми вывесками, украшенными красными сердечками и винными бокалами. У дверей стояли мужчины и женщины, смеясь и выпивая.

Наконец наступило утро. И тут Паркер внезапно увидел в зеркало, что их пытается обогнать грузовик, он моргал фарами, а потом начал еще и настойчиво сигналить короткими гудками. Паркер старался припомнить, куда сунул пистолет,

оставленный журналистом, но ситуация быстро прояснилась. Он узнал машину Турка, своего старого приятеля, с которым судьба уже давно их не сводила. Значит, тревога была ложной. Теперь обе машины ехали бок о бок, занимая всю ширину шоссе, словно оно принадлежало им одним, затем снизили скорость и уже могли перекрикиваться через открытые окна. Увидев Майтен, Турок удивленно поздоровался и глянул на Паркера, ожидая объяснений. Тот весьма церемонно, но не вдаваясь в детали, представил их друг другу, после чего стал ждать, что Турок уедет вперед и на этом завершится их встреча. Однако тот предложил отметить приятное знакомство и перекинул в окошко Паркера бутылку пива, которую тот ловко поймал, и, в свою очередь отцепив кусок колбасы, свисавшей с потолка кабины, тем же способом отправил в подарок Турку. Майтен ошарашенно наблюдала за необычным обменом. Оба грузовика проехали еще какое-то расстояние, почти соприкасаясь бортами, пока водители ели, пили и оживленно болтали.

— А почему бы вам не остановиться для этого на обочине? — спросила Майтен, которая с трудом верила в реальность происходящего.

— Зачем? — ответил Паркер, искренне удивив-

шись такому вопросу.

Беседа водителей продолжалась на протяжении еще десяти или пятнадцати километров, но тут закончились и пиво, и темы для обсуждения. Перед расставанием они подарили друг другу по бутылке вина, а также поделились сыром и фруктами, и только после этого грузовик Турка прибавил скорость, посигналил на прощание и быстро скрылся из виду.

Вскоре Майтен прилегла, рассыпав темные волосы по сиденью, и мгновенно заснула. Глядя на нее, Паркер почувствовал такое острое желание, какого не испытывал уже давно, и его разом перестало волновать, на какой стороне после очередного поворота могут остаться их прошлое, а на какой — будущее, Майтен и он сам, восток и запад, надежда и разочарование. Он решил оставаться за рулем еще несколько часов, но ближе к вечеру, воспользовавшись хорошей погодой и тем, что бояться погони вроде бы уже не стоило, отыскал подходящее место для стоянки, чтобы Майтен, не привыкшая к столь утомительным перегонам, наконец ощутила под ногами твердую почву. Паркер остановил грузовик и принялся выгружать мебель, стараясь делать это без лишнего шума. Затем вернулся к кабине, где Майтен спала,

свернувшись клубочком, взял ее, бормотавшую что-то невнятное, на руки и отнес на кровать. Развел большой костер, чтобы огонь отпугивал диких зверей, погасил ночник и лег в постель рядом с ней. Прежде чем заснуть, он посмотрел на утыканное звездами небо и еще какое-то время бродил взором от созвездия к созвездию. Что-то переменилось там, в вышине, и Паркеру опять почудилось, будто очертания мироздания слегка исказились. Эта последняя мысль врезалась ему в сознание, но на ней он словно споткнулся. После чего тоже провалился в сон.

Майтен начала просыпаться с первыми рассветными лучами, едва почувствовав на лице дуновение свежего ветра. Она позевывая повернулась на бок и увидела перед собой степь цвета сепии, как на старинных фотографиях. Первым, что бросилось ей в глаза, пока она лениво потягивалась, были сухие ветки, которыми ночной ветер засыпал все вокруг. Потом — цепочка горбатых холмов. Потом — грузовик. Потом — дымящийся костер и расставленная прямо на земле мебель, невесть откуда в таком месте взявшаяся. А еще Майтен обнаружила спящего рядом Паркера и только тут начала просыпаться по-настоящему. Всем телом она ощутила легкую дрожь — такого

рассвета в ее новой жизни еще не было, будто она еще только рождалась и только открывала для себя окружающий мир. То, что случилось на ярмарке, а также подробности их бегства отчетливо всплыли в памяти — и эти быстро менявшиеся сцены сразу объяснили, как она здесь оказалась. Оставалось узнать одну очень важную вещь. Где, черт возьми, они теперь находятся? И что это еще за гостиная под открытым небом? Майтен приподнялась на локте и поняла, что лежит в кровати, а кровать стоит на ковре — у обочины дороги, рядом с грузовиком. Что это? Какой-то немыслимо изысканный отель? Мираж, сон? Ответить на эти вопросы мог только Паркер, а он продолжал крепко спать. Она одним пальцем с опаской коснулась его плеча — скорее для того, чтобы убедиться, что этот мужчина существует на самом деле, а не чтобы его разбудить. Но тот открыл глаза, повернулся к ней и тоже не сразу вспомнил, что они тут делают и как сюда попали. Он хотел поцеловать ее, но Майтен все еще была слишком ошарашена увиденным.

— Где мы? — спросила она, так и не поверив, что всю ночь провела под открытым небом.

— В моем доме. Добро пожаловать! — ответил Паркер, скидывая с голого тела теплое одеяло и

вставая.

Она рассматривала его, пока он оживлял огонь в костре и что-то доставал из холодильника, больше похожего на каменный валун. Но разве такое возможно?

— Ты прямо здесь и живешь?

— Да, прямо здесь, пока мы находимся в пути, а потом — нет.

— Не поняла.

— Когда мы позавтракаем, тебе будет легче со всем этим освоиться.

Майтен еще шире распахнула глаза:

— Позавтракаем?

— Да, и к тому же прямо в постели.

Она снова огляделась, и вид у нее был еще более растерянный, чем прежде.

— Вот только в этом твоем доме немного холодновато, — заявила она, натягивая одеяло до подбородка. Но мрачная тень, не сходившая с ее лица все последние годы, вдруг растаяла. Зато появилось недоумение. — Никак не могу поверить, что это я нахожусь тут, — добавила она и засмеялась, в то время как прежняя печаль тоже улетала куда-то далеко, за горизонт.

— И виды тут, прямо скажем, очень даже недурны, — добавил Паркер.

Вскоре они и вправду завтракали в постели, держа в руках дымящиеся чашки с кофе. А вокруг них застыл упругий и кристально чистый утренний воздух.

— И как тебе такое пришло на ум?

— А оно туда и не приходило, а получилось как-то само собой. История длинная, и я даже не знаю, когда она завязалась.

— Никогда бы не подумала, что все может кончиться вот так, — выдохнула она, опустив голову.

Паркер серьезно посмотрел на нее.

— Это еще только начало, — сказал он, но девушка, не поднимая глаз, пробормотала:

— Я впутала тебя в серьезные проблемы.

— Остается только мечтать, чтобы все мои проблемы были такими.

— Но ведь ты меня почти не знаешь.

— Разумеется, но в самом худшем случае ты можешь оказаться вампиршей, сбежавшей из туннелей поезда-призрака.

— А могу оказаться и чем-то похуже, скажем, дополнительным и лишним грузом, за перевозку которого тебе никто не заплатит.

— Тогда я выгружу тебя в первом же порту.

Она на миг задумалась, а потом добавила:

— Ты, надо думать, хороший человек.

— Напрасно ты так думаешь, ведь я собирался тебя похитить.

— И куда бы ты меня отвез?

— Вот сюда и отвез бы, — твердо ответил он.

— Я не хочу стать тебе обузой, поэтому при первой же возможности избавлю тебя от своего присутствия.

— Там, в луна-парке, я просил тебя уехать со мной, только забыл сказать, куда именно. Вот это и есть то самое место. Понимаешь, вдали от мира я чувствую себя лучше, привольней. Здесь можно забыть свое имя и свою историю.

— Я тоже предпочла бы забыть свою историю, а вот имя — нет, никогда. Зачем надо забывать свое имя?

— Ну, это я так, для красного словца, просто здесь ты — и никто, и одновременно — все сразу.

Майтен посмотрела на него изумленно, но и с недоверием:

— Ты какой-то странный, я не всегда тебя понимаю.

Паркер буквально выпрыгнул из кровати, сходил к грузовику, взял бутылку коньяку, пару стаканов и вернулся к Майтен.

— Прямо с утра? Нет, — заявила она сухо.

Паркер секунду наблюдал за ней, пытаясь разгадать, какая связь существует между утром и коньяком. Майтен смотрела в другую сторону, потом повернулась к нему, чтобы что-то сказать — и передумала. Но Паркер сразу понял, в чем дело, глянул на стаканы и поставил их на тумбочку.

— А тебе не кажется, что тут как-то уж слишком одиноко? — спросила она.

— Зато здесь с человеком не может случиться ничего плохого.

— Почему? Тебя могут похитить, и ты, хочу тебе напомнить, тоже вроде бы собирался совершить похищение, — засмеялась Майтен. — Знаешь, сама-то я всегда жила именно в таких краях, но юг — печальное место, люди здесь диковатые и несчастные, поэтому алкоголь для них — главная компания.

— Но в городе одиночество — гораздо хуже, — возразил он.

— А тут ты всем доволен?

— Да, вернее нет, зависит от многого, не знаю, иногда да, иногда нет.

Майтен оглядела его с любопытством:

— А у тебя есть дом или что-то вроде дома? Хотя бы где-нибудь?

— У меня был дом. И машина, и собака, и жена.

— Именно в таком порядке?

— Нет, в обратном порядке: первой ушла жена, потом меня покинула собака, потом украли машину.

— А дом у тебя тоже украли?

— Мне пришлось продать его тем самым людям, которые украли у меня машину.

— И жену тебе тоже пришлось продать? — спросила она весело, но тотчас раскаялась, что задала такой вопрос.

Паркер в ответ лишь улыбнулся:

— Жена ушла сама, не дожидаясь, пока я ее продам.

— Она была плохой?

— Она поступила правильно — плохим был я. — Паркер снова встал с кровати, взял охапку хвороста, подкинул в костер и уставился на огонь, а Майтен посмотрела на футляр с саксофоном, стоявший на кресле. — А еще у меня была музыкальная группа, — добавил он.

— Я обожаю музыку, а что вы играли?

— Джаз и блюзы, немного кантри, но с этим покончено навсегда.

Майтен чуть растерялась, так как не слишком понимала, о какой музыке он говорил. А он продолжал, уже попав в плен к своим воспоми-

наниям:

— Я никогда и никому об этом не рассказывал, хотя с тех пор прошло много лет. Боюсь, что, если начну, буду говорить очень долго.

— Ну, времени у нас более чем достаточно, ты только подумай, сколько этого времени здесь вокруг. — Она махнула рукой на степь.

Паркер немного помолчал. Ему понравились ее слова, понравилось, что можно вообразить, будто окружающее их раздолье — это еще и время, а не только пространство. И он подумал, что с этой женщиной, кажется, сможет найти общий язык, поэтому рискнул продолжить свой рассказ:

— Мы с ударником были компаньонами, у нас был свой бар, и мы играли там каждый вечер… Ну, ты сама знаешь, какой бывает такая жизнь.

— Откуда мне это знать, если всю свою жизнь я провела в глуши?

— Ночная жизнь, женщины, наркота. Жена была беременна и не хотела, чтобы у ее ребенка был такой отец, как я. Когда он родился, она оформила опекунство и ушла. Хочешь слушать дальше?

— До конца дня я свободна, — бросила она, пожав плечами.

Паркер снова посмотрел на нее и почувствовал, как что-то еще начинало ему нравиться в этой

девушке по мере того, как он ближе ее узнавал.

— Я уже и так слишком долго говорил. Теперь твоя очередь.

— Да мне особенно и нечего рассказывать. Я всегда хотела жить в большом городе, иметь свой дом, как у нормальных людей, но не получилось. Семья у нас была ужасная, поэтому я вышла замуж, можно сказать, за первого встречного. И я ненавижу эту землю, эту степь, этих людей. Все здесь отвратительно и очень грустно. — Она разговаривала словно сама с собой. — Мой дед приехал сюда из Италии, уж не знаю, почему он не остался на родине, ведь надо было совсем лишиться рассудка, чтобы перебраться сюда, на край света. Он был контрабандистом, потом искал золото, занимался и другими вещами, о которых я никогда ничего так и не узнала. У него было много детей, но при нем остался только один сын, мой отец. Под конец дед нашел приют среди индейцев — и мальчик с ним заодно. Хочешь слушать дальше?

— Времени у нас более чем достаточно, — ответил Паркер, повторив ее же слова, и ненароком подумал, что такие истории можно было бы выгодно продать его другу журналисту.

— Знаешь, ведь кроме сумки, которую я сейчас

оставила в грузовике, у меня ничего нет. Моя мать умерла несколько лет назад, а по какой дорожке пошли сестры, даже и думать не хочется.

— Но теперь ты со мной, и вот это — твой дом, — попробовал утешить ее Паркер.

Майтен окинула потухшим взором все, что было вокруг, и решила, что он над ней подшучивает.

— Вот и хорошо, спасибо, — сказала она вяло. — Бруно работал на заводе, пока его не уволили, потом стал хозяином спортзала, но прогорел, а потом купил часть луна-парка. Он стал грубым и озлобленным. А может, всегда таким был — просто я этого не замечала. — По щеке у Майтен поползла слеза, и она попросила у Паркера платок, но платка у него не нашлось. — Неужели закончились? Надеюсь, ты не слезы ими вытирал? Мужчины ведь редко плачут.

— Я плачу в душе, а это сухой плач. И не слишком полезный для здоровья, потому что слезы, они помогают очистить взгляд, — ответил Паркер, направляясь к кабине. Вернулся он с пластмассовым бидоном, который показал Майтен так, словно там была святая вода. — В случае острой необходимости я пользуюсь вот этими слезами — они чистые, их набирают в Соляном озере, а

еще используют как природный антибиотик и антисептик. — Он тонкой струйкой налил воду в ложку и поднес девушке к самым глазам. — Теперь мы можем поплакать вместе, хочешь?

— Нет, не хочу, мне вполне хватает и своих слез, — ответила она, пробуя воду на вкус.

— К тому же можно варить на ней картошку и лапшу, — продолжал объяснять Паркер.

Но очень скоро они начали целоваться и следом нырнули под одеяла.

— Подожди, а если здесь кто-нибудь появится? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Дверь заперта на ключ, — ответил он, не отнимая рук от ее мягкого и смуглого тела.

Паркер и Майтен возили фрукты от плодородных долин к диким берегам Атлантики, где иностранные корабли стояли на рейде и ждали часа отплытия. И он, и она начали понемногу забывать про Бруно, а также про те обстоятельства, которые заставили их жить вместе такой вот кочевой жизнью. Они побывали в разных поселках, в разных гаванях, на разных заправочных станциях, и Майтен успела выкинуть из памяти большую часть тех лет, что провела в луна-парке, хотя и будущее рисовалось ей территорией весьма зыбкой, на которую рано или

поздно им предстояло ступить, и зависело это главным образом от решений Паркера. Майтен словно витала в облаках — уже далеко от прошлых невзгод, но не менее далеко от исполнения своих надежд и желаний. Она заблудилась во времени и пространстве словно под воздействием странного препарата, который медленно проникал в кровь. Впервые за все последние годы тяготы и неудобства бродячего быта были заслонены неведомой ей доселе формой счастья. Новая жизнь началась для нее после встречи с Паркером, принеся не только огромную радость, но и чувство безмятежности, когда день за днем ровно текут между безлюдными просторами. Иногда Майтен и сама не могла понять, как выдерживает то, что раньше всегда ненавидела, и тем не менее ей было хорошо. Но ответов на свои вопросы не находила, и ее это мало волновало: достаточно было просто плыть по течению, не обращая внимания на происходящее вокруг, вернее, плыть и плыть, подчиняясь Паркеру и словно попав куда-то за пределы здешнего мира. Мало-помалу она начинала постигать, почему сам он выбрал именно такой образ жизни, сперва казавшийся ей эксцентричным и сумасбродным. Со временем она стала находить его по-своему

естественным и даже почувствовала вкус к нему. Во всем, что их окружало, царило несокрушимое спокойствие, все следовало особому ритму повседневных действий, который, в свою очередь, следовал ритму, заложенному в этом скудном и бесплодном пейзаже. Для Майтен было не так уж важно, можно или нет считать нынешний покой счастьем, ей хватало того, что он был похож на счастье, а на большее она и не рассчитывала. Она словно зависла во времени — зато получила краткую передышку, что было ценой вполне сходной, так как жалеть о чем-то утраченном вряд ли стоило. В их повседневных отношениях с Паркером как-то сам собой установился простой порядок: оба старались подстраиваться друг под друга, и это придавало их совместной жизни плавность и гармонию. В основном она зависела от природных циклов: после долгих часов в пути, когда солнце собиралось нырнуть в землю, они подыскивали для стоянки место потише, что было не всегда просто. Им встречались воздушные коридоры, где ветер мчался как бешеный, и вдруг совсем рядом, на расстоянии всего в несколько метров, он не только менял направление, но и терял напор. Казалось, его осатанелые вихри сражались между собой за власть над каким-нибудь

отдельным куском земли. Майтен с детства знала, как можно укротить ветер или защититься от него — достаточно полагаться на свое чутье, присматриваться к типу и форме растительности, движению пыли и едва заметным следам на земле. И теперь, перед тем как остановиться на ночевку, они вдвоем искали именно такие островки безопасности, и благодаря Майтен Паркер учился тайному искусству ладить с природой, которое ему, человеку городскому, было прежде неведомо. Потом Майтен готовила ужин, а он довершал устройство лагеря, стараясь сделать его как можно удобнее. Ужинали они у костра или при свечах и вели долгие разговоры, пока ночь не входила в силу. Тогда можно было отправляться в постель, с головой накрыться одеялами и передавать друг другу тепло своих тел. Если шел дождь, Паркер растягивал поверху навес из кусков брезента и полиэтиленовой пленки, а если погода портилась безнадежно, они прятались в кабине. Иногда под настроение Паркер брал в руки саксофон, но никогда не играл дольше получаса, поскольку его пронзительные звуки и непонятные мелодии нервировали Майтен и доводили до головной боли.

Жизнь Паркера после их встречи не слишком

изменилась, а Майтен приспособилась к новому укладу. Если им не хотелось ехать дальше и не было особой спешки, они оставались в постели, читали до завтрака книги или старые журналы, а потом находили себе хозяйственные дела. В таких случаях Паркер вытаскивал из грузовика металлическую ванну, добытую у цыган, наполнял водой из канистр, грел воду на костре, и они могли часами лежать в этой ванне. Дни тянулись один за другим, как нанизанные на нить бусины. Иногда приходилось делать остановки в поселках, чтобы запастись провизией, водой и всякими мелочами. Майтен всегда ждала этого, каким бы нищим и маленьким ни казался поселок. Ей было в радость просто посмотреть на дома, на нормальное освещение, а также перебросится хотя бы парой слов с кем угодно. Ее всегда забавляли такие разговоры, пусть они были обрывочными, а случайные собеседники — не слишком общительными. Даже простой обмен приветствиями и дежурными репликами грел ей душу. А вот Паркер всегда стремился как можно скорее от людей отгородиться.

Однажды жарким солнечным днем после долгого ненастья Паркер что-то чинил в грузовике, а Майтен лежала в ванне и мыла голову, по грудь

погрузившись в пенную воду. Ветер колыхал выстиранные и развешенные на веревках простыни и наволочки. Вдруг Паркер услышал шум мотора, и в голове у него вспыхнул сигнал тревоги, поскольку в любой миг можно было ждать появления Бруно. Правда, иногда случалось, что кто-то просто хотел устроить себе ночевку по соседству с ними — ради безопасности или соскучившись по человеческой компании. На сей раз автомобиль проехал немного вперед, но тотчас сбавил скорость и остановился. Паркер, не выпуская из рук прихваченного на всякий случай пистолета, осторожно обошел свой грузовик и слегка высунулся из-за кабины. Однако мужчина тихо подкрался к нему совсем с другой стороны. Майтен и вовсе ничего не заметила, так как лежала закрыв глаза. Когда незнакомец увидел ее, он на миг заколебался и хотел было повернуть назад, но потом все-таки двинулся дальше. И только тогда Паркер, у которого нервы были на пределе, услышал шаги по гальке у себя за спиной и стремительно обернулся. Он поднял пистолет, прицелился и, тяжело дыша, застыл в этой позе.

— Эй, аккуратней, я просто хотел устроить вам сюрприз, — крикнул мужчина, который в

руках держал пакет с продуктами, а под мышкой — несколько бутылок вина.

— Ну вы меня и напугали, черт побери, — ответил Паркер, опуская оружие. — Что еще за шуточки! Я чуть вас не застрелил, — продолжал он ворчать, пока журналист раскладывал на земле свои дары.

На сей раз их объятие было более долгим, чем Паркер мог вытерпеть независимо от того, мужчина его обнимал или женщина. А если речь шла о мужчине, то он и вообще предпочитал, чтобы дело ограничилось легким прикосновением подбородка к плечу и двумя-тремя хлопками по спине. Дружеские поцелуи и поглаживания казались ему чем-то лишним и неуместным, а пылкие проявления чувств он приберегал для совсем других ситуаций.

— И с чего это вы так завелись? Неужто не узнали мою машину?

— Машину я узнал, только она почему-то сумела притормозить, а не вела себя так же, как всегда.

— Я же говорил, что берегу тормоза для крайних случаев — как раз вроде нынешнего. К тому же, если помните, мы с вами договорились встретиться в Курносой Горе еще неделю назад.

— Помню, но я тогда же предупредил вас, что ничего не могу обещать наверняка, да и сейчас, в общем-то, занят.

Журналист слушал друга, хотя на самом деле внимание его больше привлекало происходившее у Паркера за спиной. Ему хотелось протереть глаза и убедиться, что он не спит. Даже в этих краях, полных чудес, картина, которую он наблюдал, казалась скорее галлюцинацией. Между тем Майтен из-за расстояния не услышала их голосов, поэтому прямо голая поднялась из пены и спокойно пошла за висевшим на веревке полотенцем. Журналист смотрел на нее раскрыв рот и уже не сомневался, что вся эта сцена ему пригрезилась. Но тут Майтен заметила гостя и быстро кинулась к кабине, прыгая по гальке, словно по горячим углям. Журналист перевел взгляд на ванну с водой и нисколько не удивился бы, если бы из пены следом за ней вышла еще одна женщина.

— Не надейтесь, больше там никого нет, — бросил Паркер.

— Теперь я понимаю, почему вы такой нервный, — сказал журналист, оглядываясь по сторонам, потом повесил плащ на стоявшую тут же вешалку и решительно сел за стол.

— Ну а что делаете тут вы? Вроде бы собирались

ехать на побережье и разыскивать там эти ваши *U?* — спросил Паркер.

Но тут из кабины появилась Майтен. Благоухающая и принаряженная, она подошла к столу и стала извиняться.

— Таких цветов в здешних степях я еще не видел, — произнес гость, не сводя с нее глаз.

— Журналисты, как правило, говорят много лишнего, а этот может запросто переплюнуть любого из них, — поспешил предупредить ее Паркер, разводя костер.

— Да, вы правы, я как раз сейчас выясняю, куда могла подеваться *U*-986, пропавшая в ноябре сорок четвертого года, и есть у меня подозрение, что она тайком задержалась у этих берегов.

Майтен, сгорая от любопытства, наблюдала, как он выкладывает на стол толстые папки. Паркер повернулся к ней и многозначительно покрутил пальцем у виска, но она с завороженным видом ждала, пока незнакомец вытащит еще что-нибудь чудесное из своей сумки, которая казалась ей цилиндром фокусника.

— А чем именно вы занимаетесь? — спросила она робко.

— Я расследую всякого рода необычные вещи, я историк. В самом конце войны немецкие под-

лодки…

— Не бойся, это не опасно, — быстро перебил его Паркер, но Майтен слушала журналиста как зачарованная.

Паркер продолжал заниматься костром и время от времени с досадой закатывал глаза.

— Тайну моих изысканий мало кто знает, и я прошу вас никому ничего не рассказывать, поскольку некий риск тут все-таки присутствует, — добавил журналист, понижая голос. — А сами вы, сеньорита, местная? Вы отсюда?

Но, прежде чем она успела ответить, Паркер быстро сел на стул между ними и снова вмешался в разговор:

— Нет, сеньорита не местная, она вон оттуда. — Он махнул рукой куда-то в сторону, а потом поспешил переменить тему: — Ну а чем вы намерены заняться теперь, сеньор историк?

Тот глянул на него, словно не поняв вопроса:

— Буду продолжать поиски, чем, собственно, занимался и всегда.

— Я хотел спросить, чем вы намерены заняться прямо сейчас?

— Прямо сейчас? Отпраздновать возможный выход в свет моей будущей книги. Поэтому я и запасся мясом и вином.

Пока Паркер жарил мясо, гость распинался перед Майтен, описывая свои поразительные открытия, большая часть которых не имела никакого отношения к реальности.

— Сколько же вы всего знаете! Как это здорово! — воскликнула она, накрывая на стол.

— Я знаю еще и много всего другого, но, как правило, речь идет о вещах совершенно бесполезных, то есть практического применения им найти невозможно. Хотя знание — это груз, и груз тяжелый.

— А вот мне хотелось бы знать столько же, пусть и непонятно для чего.

— Да, хорошо иметь целое море разных познаний, только вот море это глубиной не должно быть больше одного сантиметра. Я же, наоборот, знаю, к примеру, как зовут убийцу эрцгерцога Франца Фердинанда, хотя было бы куда полезней научиться ремонтировать неисправные тормоза в своей машине.

— Не стройте из себя великого ученого. А ну-ка скажите, как звали убийцу этого самого герцога или графа? — накинулся на него Паркер.

— Ни за что не скажу. Ступайте в библиотеку, поройтесь как следует в книгах и тогда сами узнаете. А то вам все подай готовенькое на блю-

дечке с голубой каемочкой. Так ничему нельзя научиться.

— Все ваши выдумки — жалкое болото глубиной в тысячу метров.

— Зато я знаю фамилию румынского вратаря, принявшего участие в чемпионате мира тридцатого года, но и это имя вам тоже не назову.

— А я могу спокойно жить дальше, не зная таких вещей, хотя, думаю, и вы тоже вряд ли их знаете.

Майтен почувствовала неловкость и знаком попросила Паркера сбавить тон, но оба мужчины уже не могли остановиться и еще какое-то время пускали друг в друга стрелы, пока не прикончили третью бутылку вина. Майтен молча и с досадой слушала их бессмысленную перепалку, которая на самом деле приняла вид легкой дуэли, устроенной как раз из-за нее. То и дело кто-нибудь из соперников обращался к девушке, чтобы она выступила в роли судьи или секунданта. Майтен догадывалась, что дала повод для чисто мужского соперничества, и это ей льстило, но весьма скоро с разочарованием поняла, что присутствует всего лишь при пьяной перепалке.

— Нет, спасибо, — отказалась она раздраженно, когда ей собрались налить еще вина, и быстро

придумала повод, чтобы их покинуть.

Паркер посмотрел приятелю в глаза и сказал с нажимом:

— Очень сомневаюсь, что Майтен могла бы пригодиться для вашей книги, она слишком смуглая, а немки такими не бывают, лучше выкиньте всякие такие мысли из головы и перестаньте на нее пялиться.

Журналист поднял свой стакан:

— За здоровье!

— И за ваше тоже!

— За ее здоровье, хочу я сказать. А до вашего мне дела нет. Эта девушка — настоящее чудо, и вы правильно делаете, оберегая ее, поскольку в здешних краях водится много хищных птиц, так что доверять никому нельзя. Где вы такую добыли, Паркер? В этом захолустье найти подобное сокровище нелегко.

— Хотите узнать? Тогда ищите, расследуйте, выясняйте, только вот вряд ли вы чему-то научитесь, попивая винцо, — осадил его Паркер.

— Но я хочу дать вам один совет: увезите ее куда-нибудь, где она сможет немного проветриться, увезите куда угодно из этой проклятой пустыни. Знаете, совсем недалеко отсюда, в Обезьяньем Ущелье, сейчас затевается какой-то праздник.

— Не помню, чтобы я просил у вас совета…

— Там будут всякие танцы и так далее. Устройте ей развлечение, иначе она от вас сбежит. Зато на любое развлечение ответит благодарностью. Ну а вы будете благодарны мне.

— Я уже сказал, что мне не нужны ваши советы, — отрезал Паркер, но потом задумался. — Обезьянье Ущелье? На побережье?

Журналист указал какую-то точку вдали, потом нарисовал рукой в воздухе круг:

— Поезжайте прямо по национальной трассе, послезавтра сверните налево, в понедельник — направо, а дальше — опять прямо. Там нет другого океана, так что заблудиться невозможно.

— А иначе туда никак не попасть?

— Вы по-прежнему предпочитаете второстепенные дороги?

— Не предпочитаю, а вынужден выбирать исключительно такие. Вы же, как я понимаю, забыли привезти мне то, что обещали.

Журналист напряг память и стукнул себя ладонью по лбу:

— Чистые документы! Забыл, но в следующий раз привезу обязательно. Вам надо будет проехать по двести десятой трассе до поваленного дерева. Если прождете там меня больше трех дней,

поворачивайте назад. Значит, вы промахнулись с местом. На перекрестке поверните налево, в итоге потратите дня на полтора больше, или даже на два, если пойдет дождь, зато проверок там никогда не бывает. А в Обезьяньем Ущелье скажите, что вы мой приятель. Там меня очень хорошо знают.

Остаток ночи они провели, попивая вино, прогуливаясь и беседуя на темы, которые уже через пару минут и сами не могли бы вспомнить. Утром Майтен нашла их лежащими в траве среди пустых бутылок, и больше всего Паркер и журналист напоминали двух павших на поле боя солдат. Вскоре все сидели за завтраком — ели тортилью и пили кофе под тусклым утренним солнцем.

— Могу я задать вам один вопрос? — обратилась Майтен к журналисту, который со смущенным видом созерцал степь, держа чашку в руке.

— Только если это вопрос сугубо личного свойства, — ответил тот с вялой улыбкой.

— А куда вы намерены ехать теперь?

— В Буэнос-Айрес, где займусь публикацией своей книги.

Майтен не без грусти вздохнула:

— Ах, как мне хотелось бы увидеть Буэнос-Ай-

рес! Людей, бары, магазины, тротуары, автомобили…

— Если хотите, присоединяйтесь ко мне… — предложил он, с трудом поднимаясь на ноги и слегка покачиваясь. Потом стал собирать свои бумаги, рассыпанные по столу.

— Нет, я хочу поехать туда с Паркером. А вы уверены, что сможете вести машину? — спросила Майтен.

Журналист ответил, еле ворочая языком:

— А здесь ее вести и не требуется, дорога сама тебя куда надо доставит, совсем как верный конь.

Чуть позже Паркер, тоже с трудом передвигавший ноги, проводил друга, легонько его подталкивая и поддерживая. Мужчины кое-как скоординировали свои движения, чтобы обняться на прощание, но на этот раз их объятие было не таким долгим. Журналист остановился посреди дороги, бросил взгляд вперед, потом назад и, чуть поколебавшись, зашагал направо. Ни в одну, ни в другую сторону трасса, казалось, не имела конца и разрезала планету ровно пополам. Паркер проводил его взглядом, дал пройти два-три метра и свистнул:

— Эй, вы вроде бы что-то забыли! — Он указал

пальцем на автомобиль.

Журналист развернулся и поплелся назад.

— Спасибо, вы это на удивление вовремя заметили, — сказал он, потом прикрыл один глаз, вытянул вперед палец и сделал вид, что целится. После чего повторил тот же жест, прикрыв другой глаз и вытянув палец другой руки. — Знать бы еще, какая из сторон мне нужна.

— А вот это понять уже совершенно невозможно.

— Здешняя трасса слишком прямая для человека, который все вещи видит перекрученными. — Журналист по-прежнему целился в Паркера то одним, то другим пальцем. — Вернее, видит именно такой всю свою жизнь, а не только дорогу.

Когда он сел в машину, Паркер подошел ближе. Гость высунул голову в окошко.

— Гаврило Принцип. Дарю его вам, — сказал он серьезно и торжественно.

— Это венгерский вратарь?

— Нет, убийца эрцгерцога. Никогда бы не подумал, что его имя может всплыть на самом краю земли, и знаете, в этом что-то есть.

Фары грузовика сверлили ночную тьму, оставляя сзади молочно-белый след, но он быстро растворялся во мгле. А ночь по краям дороги обо-

рачивалась черным потоком ветра, который со свистом прочесывал степь, где глаза ночных животных казались звездами, упавшими на землю. Майтен и Паркер, утонув в теплом сумраке кабины, словно плавали в водах плодного пузыря. Их лица едва освещались огоньками с приборной панели. И если весь день они только и делали, что разговаривали, то теперь, устав от слов, позволили тишине убаюкать их и даже старались держаться подальше друг от друга. Общими для них были только звучавшие по радио сигналы и голоса тех редких станций, что добирались сюда, прыгая по шкале. Голоса были далекими, а музыка такой старой и заезженной, будто она прилетела из другого времени, запутавшись в клубке электрических разрядов. Паркеру переменчивые сигналы слабых радиоволн казались пальцами, оставлявшими серебристые следы по всей кабине, а вот Майтен они выводили из себя. И вдруг она услышала отчетливый голос, рассказывающий про гороскопы и знаки зодиака, и прежде чем этот голос исчез, закрепила его на шкале. Паркер вздрогнул: задержку на одной станции он воспринимал как сбой в хорошо смазанном и отлаженном механизме. И не представлял себе другого способа слушать радио,

кроме постоянных скачков. Он стал поглядывать на аппарат, хмуря брови, а потом все-таки нажал на кнопку, и станции опять начали сменять одна другую резкими прыжками, как молодые гуанако. Майтен обиделась и, скрестив руки на груди, уставилась в окно, но потом все-таки не выдержала и спросила, почему ей нельзя послушать радио, как это принято у всех нормальных людей. Паркер принялся объяснять что-то про те ни с чем не сравнимые ощущения, которые дают ему переключения с волны на волну, когда он словно пролетает над всем этим — над танго, кумбиями или концертами классической музыки. Пять секунд — и новый перелет, и уже звучит фанатичная проповедь пастора-евангелиста, еще пять секунд — торговая реклама, или прогноз погоды, или кулинарные рецепты, или новости, или дурацкая болтовня радиоведущих, которым на самом деле совершенно нечего сказать, или фальшивый смех любителей анекдотов, или отрывки мыльных опер… Короче, все, что свойственно людям, можно найти здесь, на этих радиостанциях, которые рьяно спорят между собой за место в эфире. А он, Паркер, получает возможность наблюдать, как прямо перед ним стройными рядами проходят самые разные представители рода

человеческого со всеми их причудами, тщеславной суетой и пустыми претензиями. Но каждому он может уделить лишь секунд пять — и этого более чем достаточно.

— Целый океан станций, но любая глубиной всего лишь в пять секунд, — добавил он, вспомнив слова журналиста.

— И тебя это забавляет? — с сомнением спросила Майтен, а потом опять уставилась в пустоту, бежавшую за окном.

Между тем Паркер принялся с жаром рассказывать ей, какое удовольствие получает, проезжая через поселки и городки, где люди обречены жить и умирать, в то время как сам он волен ехать дальше, оставляя их на милость судьбы.

— Но ведь и они, пожалуй, говорят то же самое про тебя, видя, как ты проезжаешь мимо, — возразила его спутница, и Паркеру эти ее слова тоже пришлись по вкусу. Он собрался было что-то добавить, когда металлический радиоголос стал передавать частные сообщения.

Только на эти программы Паркер мог потратить чуть больше времени: например, выслушать целиком сообщение для семьи некоего Пало Мочо с просьбой забрать в полицейском участке пакет, оставленный ему кузенами; или извеще-

ние такого-то своему шурину такому-то о том, что в это воскресенье он не сможет навестить его; или приглашение родственникам от Эваристо Кальфулена на праздник по случаю пятнадцатилетия его дочери, которое будут отмечать в клубе, а не в приходской церкви, поскольку не удалось договориться со священником; или искренние соболезнования от общины Лос-Арбустоса по случаю кончины Дона Пангилефа.

Майтен слушала Паркера недоверчиво, потом долго смотрела на него, чтобы убедиться, что он и не думает шутить.

— Знаешь, у тебя что-то не в порядке с головой, — сказала она наконец и снова отвернулась к окну.

Весь тот вечер они ехали молча, к тому же их укачивали плавные извивы дороги. Девушка задумчиво прислонилась лбом к стеклу, и степь казалась ей сейчас враждебной, хотя наплывавшая оттуда угроза только усиливала ощущение безопасности и комфорта, которые Майтен испытывала рядом с Паркером. Ей нравилось их убежище — словно здесь, в кабине грузовика, можно было не бояться никаких новых бед. К тому же благодаря ему она научилась ценить еще одну особенность такой вот жизни, вроде бы ли-

шенной всякой цели: возможность остановиться в незнакомом месте, разбить бивак, провести там ночь и утром опять двинуться в путь. Порой Майтен спрашивала себя, появилось ли у нее настоящее прочное чувство к этому странному мужчине, который так внезапно вторгся в ее судьбу. Но ответа не находила. Хотя в ней самой что-то точно переменилось: вот уже несколько недель, как она ощущала полное умиротворение, помогавшее глубже понять себя. Их образ жизни был далек от идеала, зато и новый взгляд на будущее все убедительнее доказывал свое право на существование по мере того, как мимо пролетали часы и километры. Подобные мысли внушали Майтен необъяснимый оптимизм, хотя радиостанции продолжали свои скачки, а все вокруг обретало легкое свечение по контрасту с ночным мраком. Между тем радио успело объявить о том, что в западных районах ожидаются аномальные для этой зоны ветры, из-за которых в течение нескольких месяцев сохранятся как сильные отливы, так и низкий уровень воды во время приливов. Правда, дальнейших подробностей услышать не удалось, поскольку прогноз погоды был перебит истеричным женским голосом, возвещавшим скорый приход ангела Апокалипсиса,

который принесет с собой хаос и разрушения.

“Даже море решило сбежать отсюда”, — подумала Майтен, и в этот миг по кабине вдруг разнеслась ритмичная фольклорная музыка, сразу взорвав царивший там покой. Внутри у Майтен что-то встрепенулось, и тело начало с милой грацией покачиваться. Она быстро прибавила громкость и зафиксировала станцию. А вот Паркеру эти резкие звуки сверлили мозг, и он уже собрался вернуть в мир прежний порядок, но его остановил ледяной взгляд спутницы. Паркер посмотрел ей в глаза, и неожиданная улыбка смягчила его черты. Теперь уже оба они покачивались — сперва медленно, потом все быстрее и быстрее — в движение пришли плечи и голова, а музыка завладела всем их существом.

Остаток вечера Паркер и Майтен громко, фальшивя и теряя голос, распевали песни, которые выбирала она сама. Затем почувствовали голод и нарезали мясо, оставшееся со вчерашнего дня, и он открыл по бутылке пива ей и себе. Они ели и пили, испытывая полное блаженство, несмотря на то, что снаружи бушевала непогода. Что-то совсем новое сумело проклюнуться в их отношениях — впервые за недели, прошедшие после бегства из луна-парка. И тут Паркер, вспомнив со-

вет журналиста, достал карту, разложил и ткнул пальцем в какое-то место:

— А тебе хотелось бы завернуть в город под названием Обезьянье Ущелье? Только сначала нам придется доставить груз вот сюда, в Пуэрто-Энкарнасьон. И это жуткая дыра. Потом, неделю спустя, — еще вот сюда, но между ними мы сможем устроить себе пару дней отдыха.

Майтен посмотрела на карту растерянно, так и не поняв, куда он собрался ее везти.

— Обезьянье Ущелье? А что это такое?

— Город, — повторил он, и в голосе его прозвучал обычно несвойственный ему задор.

— С таким названием? Оно больше подходит для зоопарка, и учти, что я ненавижу обезьян, — предупредила она не без опаски.

— Там сейчас праздничные дни, сплошные танцы и так далее.

Майтен подпрыгнула от радости. Паркер протянул ей туристический путеводитель, и она начала его листать, пока не нашла нужное.

— Так… Вот… Приморский город… и так далее, расположенный… и так далее… Население… — читала вслух Майтен, но вдруг разочарованно осеклась: — Пятьсот жителей. Что-то этот город не слишком велик.

— Просто это старый путеводитель, сейчас там, кажется, людей стало гораздо больше. Наверняка больше. В его окрестностях работы мало, семьи большие, детей полно, поэтому люди перебираются туда, и число жителей быстро растет, — начал выдумывать Паркер, хотя и чувствовал некоторое смущение из-за своей лжи.

Той ночью они спали в грузовике, потому что прогноз пообещал сильные ветры и ливни, а когда проснулись, снаружи моросил мелкий дождик и сверкали молнии. Оба еще долго слушали раскаты грома, которые почему-то не подхватывало эхо. Но к утру появилось солнце, и Паркер предложил Майтен немного прогуляться. Она охотно согласилась, потом, глянув в окно, решила, что ее спутник пошутил. Неужели он собрался шагать по дикой степи без всякой цели и всякого смысла?

— Ну и куда мы пойдем? — спросила она.

Паркер пожал плечами и нарисовал рукой широкий круг, обозначивший то воображаемое пространство, в которое они были сейчас вписаны.

— А еще я ненавижу лис и нанду, — добавила она, все еще не решаясь принять его предложение.

Они взяли с собой корзинку с едой и теплую одежду, наполнили термос горячей водой, словно речь шла о долгом путешествии, и покинули кабину. И шли все время прямо, постепенно превращаясь в две крошечные и едва заметные точки на желтоватом фоне.

— И все-таки, куда мы идем? — решила узнать Майтен время спустя, видя, что вокруг ничего не меняется, картина остается прежней — те же редкие сухорукие кусты, те же блеклые цветы и мелкие камни под ногами. И не за что было зацепиться взглядом, чтобы не дать ему утонуть в бескрайности. Паркер ничего ей не ответил, так как все это время о чем-то напряженно раздумывал. Между тем их грузовик тоже превратился в едва различимое пятно.

— Мы прошли два километра, теперь надо повернуть на девяносто градусов, — вдруг заявил Паркер.

Майтен все это забавляло — ей, как ни странно, нравились его чудачества.

— Значит, мы все-таки идем не просто так, а куда-то? — снова спросила она.

— Надо двигаться все время вокруг грузовика, но держась от него обязательно на одном и том же расстоянии. Этот трюк придумал журналист,

чтобы не заблудиться в степи.

— Так просто? Наверное, я должна была догадаться и сама. А сколько еще нам идти?

— Радиус два километра, диаметр — четыре, умножаем четыре на три целых четырнадцать сотых, то есть на число *пи,* — получаем периметр в двенадцать километров с небольшим. Если мы будем сохранять прежнюю скорость и прежнее расстояние от центра, то сможем вернуться в начальную точку часа через два, успев дважды пересечь трассу.

Майтен покорно вздохнула и зашагала по воображаемой окружности.

— Общая площадь круга, который мы обходим, равна, по моим подсчетам, двенадцати с чем-то квадратным километрам, — сообщил Паркер, чувствуя, что именно это пространство определяло не только точное место, но и конкретный момент времени, в котором они сейчас находятся. Потом он стал рассуждать о том, что за пределами этого круга обитают пумы и гуанако, они перепрыгивают через проволочные ограждения, чтобы попытаться вырваться из космической пустоты, где обречены жить и умирать.

— Пумы? — вскрикнула Майтен, не поняв, о чем он вообще толкует.

— Это метафора.

Майтен не знала, что предпочесть: пуму или метафору, пума ее пугала, метафора будила тревогу, как и любое слово с ударением на третьем слоге от конца, если плохо понимать его значение. Вдруг Паркер принялся подскакивать на месте, словно перед ним был глухой забор, а он хотел разглядеть что-то за ним. И с этой минуты Майтен опять стала бояться пум. Но вскоре уже была пройдена половина пути — прямо перед ними появилось шоссе, сейчас чем-то напоминавшее реку. Они сели на камень и уставились на темный асфальтовый поток, который медленно тек перед ними и отделял их от другого берега. Паркер предложил устроить завтрак прямо здесь, хотя можно было сначала пересечь трассу, то есть отправиться, по его словам, к антиподам. Майтен предпочла второй вариант, хотя слово “антиподы” добавило ей тревоги.

— Ну что, готова? — спросил Паркер очень серьезно.

— Я не умею плавать, — соврала она, целиком включаясь в игру и в мир Паркера, а он взял ее на руки и перенес через асфальтовую реку. Два часа спустя, завершив круг и уже еле передвигая ноги, они вернулись в пункт отправления. В тот

же вечер за ужином Майтен поняла, что открыла для себя совсем другого человека, мало чем похожего на того, с которым познакомилась в парке аттракционов, хотя теперь ей казалось, что с тех пор прошли годы. “Одного сумасшедшего я сменила на другого — видно, проблема кроется во мне самой”, — подумала она, пока он подробно описывал ей, какие еще геометрические фигуры можно вычертить, шагая по белому листу равнины. Майтен ничего ему не отвечала, а только с любопытством слушала эти рассуждения. Потом увидела, как Паркер достает из футляра свой саксофон, похожий на неправильную трубу. Его тоскливые стоны выводили ее из себя, и, решив, что на сегодня с нее достаточно, она, сломленная усталостью, провалилась в сон. Паркер укрыл ее одеялом и отошел подальше в надежде, что теперь, благодаря присутствию Майтен, а также полной луны сможет наконец вернуться в старые времена и извлечь из саксофона что-нибудь сносное. Он начал играть с большим подъемом, но после виртуозного начала музыка вдруг куда-то пропала, а немногие оставшиеся звуки медленно поползли по земле, пока бесследно не рассеялись в ночи.

Грузовик Паркера вспарывал воздух и под-

прыгивал на рытвинах, а брезент над прицепом вздувался под ударами невидимой руки. Ко второй половине дня равнина осталась позади, и теперь они ехали по скалистому берегу, а внизу лежал океан — огромный синий ковер, украшенный белыми полосками мягкой пены. В одну сторону вдоль берега на многие километры растянулись каменистые ущелья, с другой стороны лежали дюны, которые вздымались, подражая волнам, и постоянно передвигались в каком-то первозданном ритме, неуловимом для человеческого глаза.

Майтен и Паркер слышали несмолкающий стук песка в стекла кабины и лихорадочный шелест брезента. Вскоре грузовик остановился на одном из береговых уступов. Температура понизилась, а ветер, прилетевший откуда-то издалека, из-за океана, медленно добрался и до них тоже. Они подошли к самому краю скалы и услышали его хриплое дыхание, словно он застревал в каменных трещинах. Необъятные просторы всегда вызывали смятение в душе Майтен, поскольку взгляд летел к горизонту, ни на чем не останавливаясь. Тело охватывала дрожь, и она закрывала глаза, словно боялась, что эта безмерность вот-вот засосет и ее саму. Майтен

ненавидела размашистую ширь равнины, но еще больше ширь океана — и чувствовала, как в прозрачном воздухе растворяется все ее существо. Ей захотелось немедленно спуститься вниз и спрятаться в одной из пещер или за каменным уступом — лишь бы иметь твердую опору за спиной.

Они шли по самому краю дороги, завернувшись в пледы и согнувшись почти пополам, чтобы снизить сопротивление ветра. Но вскоре обнаружили внизу что-то необычное. И сперва даже не поняли, что там произошло: вода ушла так далеко, что берег выдвинулся в открытое море, словно рванулся к той части горизонта, которая ему никогда не принадлежала. Небывалые для этого сезона ветры повлияли на силу отливов, из-за чего оголялись огромные подводные территории. Майтен и Паркер еще какое-то время подивились на эту поразительную картину, но потом поспешили вернуться к грузовику, так как пора было ехать дальше.

Чуть позже, по мере того как грузовик спускался к берегу, бешеные вихри сменялись легким морским бризом, принесшим с собой запах селитры. Затем дорога опять пошла вверх, и несколько часов они ехали среди огромных каменных глыб,

словно упавших сюда с неба. Еще через полчаса на асфальте стали вырастать песчаные барханы. И вскоре словно из ничего нарисовалась кучка домов, хотя некоторые выглядели заброшенными, по крайней мере двери и окна у них были заложены кирпичом. Однако там же работал магазин, стояли маленькая бензоколонка и что-то вроде гостиницы. Все дома были квадратными, из неоштукатуренного кирпича, и на дорожках между ними виднелись лужи морской воды.

— Ну что, пошли? — предложил Паркер, останавливая грузовик. Его явно приводила в восторг редкая или даже единственная в своем роде возможность прогуляться по морскому дну.

Майтен огляделась по сторонам, словно ища путь к спасению, но потом пожала плечами и кивнула. Оба босиком побежали по темному мокрому песку. Шум волн едва доносился сюда с расстояния в несколько километров и вроде бы не имел никакого отношения к действительности. Паркер в качестве навигационного прибора использовал собственный большой палец, чтобы измерить расстояние, на которое убежал океан, но по мере того, как они удалялись от твердой земли, терялось и представление о том, где они находятся. Ориентирами могли служить лишь да-

лекий гул океана и силуэты нескольких машин, которые на большой скорости мчались обратно к берегу. Вскоре Майтен и Паркер остались в одиночестве, совсем как жертвы кораблекрушения, и Майтен охватил настоящий страх.

— Давай вернемся. Пожалуйста! — жалобно попросила она.

Паркер взял ее за руку и стал высматривать обратный путь, но быстро понял, что это не так-то просто: они явно заблудились, попав в своего рода лабиринт, только без стен и запутанных коридоров. Непонятно откуда бравшиеся потоки воды мешали им повернуть строго назад, заставляя то и дело петлять и менять направление. С каждой минутой угроза становилась все очевидней: своевольный прилив мог отрезать их от берега и даже утянуть в глубину, хотя, по расчетам Паркера, до возвращения воды осталось еще несколько часов. Тут справа возник силуэт машины, но она ехала, не замечая их криков, а также знаков, которые оба подавали руками. И вскоре машина исчезла из виду. Тогда Паркер решил возвращаться по следу ее колес, и какое-то время спустя они, стараясь огибать большие лужи, дошли до камней, взобравшись на которые можно было лучше оценить обстановку. Не

слишком далеко, на юго-востоке, из песка торчали остовы и мачты когда-то затонувших здесь баркасов. Майтен и Паркер припустили туда и с облегчением обнаружили, что среди ржавых корпусов стояло несколько автомобилей, а вокруг них расположились целые семьи. Вновь появившуюся пару тотчас пригласили присоединиться к неслыханным пикникам, устроенным прямо на морском дне.

— Это сколько же надо теперь пройти, чтобы добраться до моря! Я вот за всю свою долгую жизнь ни разу не сталкивался ни с чем подобным, — сетовал один мужчина, по виду самый старший из всех.

— Да ладно тебе, будто раньше здесь не случалось приливов и отливов, — возразила на это женщина, судя по всему, его жена.

— А виноваты арабы с той стороны океана! Они забирают все больше воды для опреснения, — высказал свое мнение еще кто-то.

— Ежели так пойдет и дальше, океан совсем высохнет, — добавил следующий, протягивая Майтен и Паркеру стаканы с газировкой.

Старик в знак согласия очень часто закивал головой.

— А вон те подводные камни — они страшно

опасны для рыболовных судов, в этой бухте их уже много затонуло, — повернулся он к Майтен, махнув рукой в сторону острых зубцов, торчавших из песка. — Раньше-то мы и знать не знали, сколько тут залегло этих корабельных обломков, а теперь вот они, повылезали наружу. Надо думать, это сам дьявол постарался.

Неподалеку подростки играли в футбол. Границы поля они обозначили кучками водорослей и деревяшками, а воротами им служили ржавые трубы и прутья, торчавшие теперь из песка. Дети помладше тотчас прибежали туда же со своими лопатками и ведерками и принялись копать песок вокруг ворот, пока вратарь решительно их не прогнал. Малыши отбежали на приличное расстояние и стояли, перешептываясь и дожидаясь окончания матча. Но со всех сторон по песку уже бежали маленькие ручейки — и спешили соединиться в ручьи покрупнее, а это значило, что начинался прилив. Взрослые сразу засуетились и стали спешно готовиться к эвакуации. В считаные минуты вещи были собраны. Моторы заработали. Осталось только проверить, не забыт ли кто случайно. Для Майтен и Паркера нашлось место в микроавтобусе, куда набилось довольно много народу. Караван двинулся к безопасному

месту, старательно объезжая водные потоки, похожие на щупальца осьминога.

— Все-таки опасно забираться так далеко, прилив — вещь коварная, оглянуться не успеешь, как вода хлынет сразу со всех сторон. Несколько лет назад целую семью вода застигла врасплох, их машина потонула, — стал мрачным голосом рассказывать водитель.

— И как же они вернулись? — спросила Майтен.

— А они не вернулись, так до сих пор где-то здесь и остаются, — ответил мужчина после красноречивой паузы, бросив быстрый взгляд на незнакомку.

Паркер хотел было вмешаться в их разговор, но не успел, так как водитель свой рассказ продолжил:

— И до сих пор в тихие ночи можно услышать их стоны и мольбы о помощи.

Испуганная Майтен посмотрела на других пассажиров, ища на лицах подтверждения услышанному, но все ехали молча, очень серьезно глядя перед собой, и явно старались избежать участия в обсуждении такой темы. Паркер шепнул ей на ухо, что не следует верить подобным историям, но она захотела непременно узнать

подробности.

— Вы сказали, что по ночам в море раздаются их голоса? — спросила она, не обращая внимания на своего друга, который еще несколько раз мягко толкнул ее в бок.

— Да, раздаются, но тут происходят вещи и похуже.

Паркер лишь досадливо вздыхал, поскольку привык к такого рода нелепым выдумкам, и они всегда выводили его из себя. Жизнь в этих краях была унылой и однообразной, это заставляло местный народ сочинять разные небылицы, чтобы было о чем поболтать вечерком. Паркер во время своих разъездов успел услышать кучу подобной ахинеи — какой угодно, на любой вкус. Он считал эти сказки частью небогатого местного фольклора, формой устного творчества, когда каждый, кто повторял их, непременно добавлял что-то и от себя, чуть меняя изначальный вариант. Они столько раз переходили из уст в уста, что люди в конце концов поверили в истории про крушения испанских галеонов с невиданными сокровищами или про корабли-призраки, обреченные на вечные скитания в морях и океанах.

— А вот, скажем, о тринитариях вы что-нибудь слышали? — спросил водитель.

Майтен посмотрела на него с удивлением, готовясь узнать очередную легенду, но тот почему-то не спешил ее рассказывать.

— Вашему другу это точно будет не интересно, он, видать, портеньо, — добавил водитель с кривой ухмылкой.

Паркер собрался было его осадить, но Майтен успела тоже толкнуть своего спутника локтем.

— Да, он действительно похож на портеньо, но внешность часто бывает обманчивой. Нет, он не из столицы. К тому же ему очень хочется услышать ваш рассказ. Правда ведь? — сказала она, пронзая Паркера грозным взглядом.

— Да, конечно, продолжайте, пожалуйста, — попросил тот, не очень удачно изображая любопытство.

Водитель немного помолчал, а потом снова заговорил:

— "Святая Троица" — так назывался испанский корабль, который затонул у этих берегов во время бури.

Казалось, Майтен так расстроилась из-за судьбы тех моряков, словно катастрофа случилась только вчера.

— А кто-нибудь из них выжил?

Мужчина опять сделал паузу, чтобы подхлест-

нуть интерес к своему рассказу, и с непонятной горечью ответил:

— Весь экипаж добрался до берега.

— Слава богу!

— Но там их сожрали индейцы.

— Что ж, по крайней мере, хоть кому-то удалось пообедать, — не удержался от язвительного комментария Паркер, но его реплика повисла в воздухе.

— Только вот, на беду, те моряки еще раньше были прокляты, и в индейцев вселились их погибшие души.

— А потом? Что было потом? — не терпелось узнать Майтен.

— Потом? Дети и внуки тех индейцев из поколения в поколение появлялись на свет, неся на себе то же самое проклятье. И даже лицами они были похожи на сожранных когда-то моряков. Только представьте себе: индейцы с рожами галисийцев… Ужас и кошмар! И таких в Патагонии до сих пор полно, только вот всем им приходится скрываться в самых невообразимых местах.

— И чем же они занимаются?

— А занимаются они тем, что творят зло. Их все время мучит голод. Ловят диких животных, грабят эстансии, воруют скот и жрут мясо прямо

сырым. Тринитариями их называют по имени того корабля — “Сантиссима Тринидад”, “Святая Троица”.

Паркер попытался сменить тему и спросил про прогноз погоды на ближайшие дни, но Майтен во что бы то ни стало хотела узнать продолжение истории, которая показалась ей самой интересной из всех, что она слышала за последние годы.

— Тут надо знать, что, если их убивают, они всегда тотчас воскресают. Это наполовину люди, наполовину призраки.

— А вы хоть одного такого своими глазами видели?

— Одного? Да сколько угодно! И разговаривают они на старом кастильском языке, так что разобрать ничего нельзя. Этих одержимых боялись даже индейцы, а потому изгоняли из своих племен — куда-нибудь подальше. Пришлось им прятаться в солончаках, в пещерах или заброшенных шахтах, где они до сих пор и обитают.

— Не верь ему, это чистое вранье, — опять прошептал Паркер.

Между тем водитель продолжал рассказ, но сильно понизив голос, словно открывал страшную тайну, так что Паркер едва его слышал:

— Они поедают наших овец. Иногда мы устраи-

ваем облавы на шахтах и ловим их.

— И убиваете?

— Я же сказал, что они никогда не умирают. Есть только один способ их уничтожить… — Водитель опять сделал паузу. — Остальные пассажиры в разговоре участия по-прежнему не принимали, словно погрузившись в свои мысли. — Надо съесть их самих — только тогда они не воскреснут, — закончил он, — и съесть непременно в пасхальное воскресенье, иначе человек и сам подцепит от них проклятую заразу, то же самое проклятье, — и станет таким же извергом, как и они.

Майтен широко раскрыла глаза и схватилась руками за щеки. Она так и сидела, пока впереди не показались выстроенные в ровную линию домики. Остаток пути в микроавтобусе царило полное молчание.

— А про “высадку”, например, вы что-нибудь слышали? Много лет назад, то есть во время Второй мировой, в этой бухте появились… — под конец опять подал голос водитель.

Паркер схватил Майтен за руку, и они быстро вышли из микроавтобуса, едва тот остановился, и даже не поблагодарили разговорчивого мужчину за помощь.

— Почему ты не дал мне дослушать эту историю? — возмутилась Майтен и попыталась вырвать свою руку из руки Паркера.

— Потому что я ненавижу такие россказни. Неужели ты не поняла, что все они там просто потешались над нами? А ты хотела остаться… Кроме того, как раз сегодня вечером устраивают праздник в Обезьяньем Ущелье, и мы можем опоздать.

Они вернулись к своему грузовику и сразу же поехали дальше. Майтен всерьез обиделась на Паркера и дулась до конца дня. Но близость города вернула ей хорошее настроение. Уже подъезжая к Обезьяньему Ущелью, они увидели придорожное святилище, украшенное, как заведено, кусками ткани и выцветшими красными флажками. Фигурки местных святых были окружены погасшими очагами, а внутри самодельных часовен каким-то чудом продолжали гореть красные свечи, и воск стекал вниз, как лава по склону вулкана. Майтен попросила Паркера остановиться, чтобы принести подношение дорожным богам и помолиться о защите от тринитариев. Паркер ее просьбу без возражений выполнил. Шагая туда вместе с другими паломниками, они увидели большой плакат с приглашением на

ежегодный местный праздник. Паркер несколько секунд смотрел на него, отказываясь верить собственным глазам, потом схватился руками за голову и вдруг разразился потоком ругательств, у которых на самом деле был вполне конкретный адресат — его друг, чертов журналист, который обманом заманил их сюда. Прямо перед ними, на расстоянии в несколько метров, рабочие, взобравшись на лестницу, крепили рекламный щит, где готическим шрифтом было написано: “Добро пожаловать на Национальный праздник немецкой подлодки!” Когда они вернулись к грузовику, Паркер принялся молотить кулаками по бамперу, не понимая, как мог выставить себя полным дураком, приняв за чистую монету совет приятеля. Однако до Майтен не сразу дошло, что его так взбесило.

Прямо на въезде в Обезьянье Ущелье они заметили памятник из черного кирпича, изображавший подлодку с башенкой и перископом. Рядом с памятником расположились пастухи — они что-то варили в большом котле на костре. Вокруг разбрелось стадо овец, опасливо дожидавшихся, пока их куда-нибудь наконец поведут. Паркер притормозил, так как праздник, судя по всему, начинался уже на самом краю городка.

Перед ними тянулись ряды низких белых домов, разделенных немощеными улицами, которые теперь были украшены пестрыми гирляндами, флажками и фонариками. По всей длине улиц стояли торговые киоски.

— Лучше это, чем ничего, — сразу утешилась Майтен.

В отличие от Паркера, ей хотелось остаться здесь и посмотреть, о каком празднике идет речь, потолкаться среди людей, послушать какую-нибудь музыкальную группу, съесть что-то новое в ресторане и поучаствовать в общих развлечениях. К тому же она сразу прониклась царившей сейчас повсюду легкой атмосферой — совсем не такой, как на унылых и тусклых ярмарках у Бруно. Майтен стала уговаривать Паркера задержаться здесь, и он не смог ей отказать, хотя у него самого непонятный праздник вызывал отвращение и смутную тревогу: он даже ходил, как-то странно покачиваясь, и всем существом своим постоянно чувствовал враждебную близость обрывистых скал. Ему были привычны степные просторы, а эти кручи таили в себе угрозу, и казалось, что они могут в любой миг обрушиться и навсегда похоронить под собой любого. Угнетала его и другая мысль: через несколько часов солнце начнет

садиться, но горная громада наверняка заслонит собой последние лучи, обрекая землю на преждевременные сумерки. А ночью в этой каменной тюрьме он не сможет заснуть, видя повсюду зловещие знаки. И Паркер сказал Майтен, что на ночь им лучше будет вернуться на самую высокую часть скалистого берега: это займет лишнее время, зато они как следует отдохнут, покинув здешнюю песчаную дыру. Девушка слушала его и кивала, так и не поняв причину вялой тоски, которую вызывала у ее приятеля праздничная суета. В конце концов она решила, что речь идет еще об одной из его странных причуд — причуд человека, привыкшего к одиночеству. Но хотя бы этот вечер и следующий день, настаивала Майтен, они должны провести в Обезьяньем Ущелье, а потом можно будет ехать куда ему угодно.

— Горы не падают на людей, это люди падают с гор, — сказала она.

И Паркеру пришлось уступить, так как он не знал, что можно возразить на столь убедительный довод. Ладно, он постарается сбросить эту каменную тяжесть со своих плеч.

Ежегодный Праздник подлодки был единственным заметным событием в жизни Обезьяньего Ущелья, так как в остальное время мало кто за-

глядывал в этот маленький рыбачий городок, да и половина его обитателей постепенно успела разъехаться. И тем не менее он умудрялся выживать, упрямо цепляясь за береговые скалы, чтобы не дать отливу утащить себя в океан. Майтен и Паркер шли по украшенным улицам, но при этом почему-то часто озирались по сторонам, словно опасаясь засады. А еще они напоминали пару стародавних деревенских жителей, которые, принарядившись по-воскресному, явились на местное торжество и шагали под ручку, приветливо кивая каждому встречному. На главной улице развесили немецкие знамена. В киосках продавцы, наряженные матросами, предлагали шоколадные подлодки и торпеды, картины на темы морских сражений, монеты, награды, морскую форму, книги по истории, а также то, что выдавалось за военный антиквариат. Майтен и Паркер смешались с толпами гостей, прибывших из соседних поселков, хотя иногда там встречались и европейские туристы. В отдельных ларьках торговали едой — в первую очередь местными деликатесами, а также сладостями непонятного происхождения. На центральной площади высился главный здешний монумент, и на пьедестале были видны квадратные следы от

табличек, которые из года в год кто-то воровал, так что каменный герой остался без имени, а городок — без памяти о нем. Около стелы с национальным флагом и гербом стояли две пары молодых велосипедистов — они отважно путешествовали по континенту в соответствующей экипировке, привлекая к себе огромное внимание уже только потому, что были иностранцами, к тому же светловолосыми. Одной рукой каждый из них удерживал свой велосипед, нагруженный рюкзаками, палатками и спальными мешками, а другой давал автографы не только ребятишкам, которые дрались между собой за место в очереди, но и взрослым. Туристы иногда отвлекались, чтобы сфотографироваться, но им приходилось поскорее снова хвататься за ручки, потому что очередь начинала нервничать: все были уверены, что группа на велосипедах — это тоже своего рода аттракцион. Паркер решил поговорить с иностранцами и узнать подробности об их маршруте, но не тут-то было.

— Эй ты, портеньо! Решил всех перехитрить и пролезть первым? — кричали ему с возмущением, в то время как очередь становилась все длиннее.

Паркер стал разглядывать тех, кто, сгорая от

нетерпения, рвался к иностранцам, сжимая в кулаке клочки бумаги. Он отвлекся буквально на несколько минут — и тотчас потерял из виду свою подругу. Нигде поблизости ее не было. Пришлось вернуться на главную улицу. Майтен стояла у киоска, в котором хозяйничали двое пожилых хиппи, и с интересом разглядывала их изделия. В руке она держала маленькую подлодку, вылепленную из раскрашенных хлебных крошек. Старики что-то говорили по-английски, но ей с трудом удавалось их понять, хотя все-таки выяснилось, что оба они европейцы и вот уже несколько лет разъезжают по Патагонии, живя в трейлере. Под конец новые знакомые пригласили Майтен с Паркером к себе на ужин, но Паркер от приглашения вежливо отказался. А Майтен его упрекнула за то, что он почему-то все решает и за нее тоже.

— А ты подумай сама! Ну сидели бы мы в этом их фургоне… Неудобно, неуютно и непонятно, как себя вести, — стал оправдываться он.

Но Майтен не сдавалась и перегородила ему дорогу со словами:

— А мне кажется, что ты просто боишься людей.

— Ну хорошо, а если это пара убийц? Тут ведь

сейчас кто только не крутится, нельзя быть такой доверчивой, — придумал новую отговорку Паркер.

— Мне просто хотелось с ними поближе познакомиться.

— Да? И на каком же языке ты стала бы их о чем-то расспрашивать?

— Нам вполне хватило бы жестов.

— Знаешь, а я, например, жестами могу изобразить всего пять-шесть слов, не больше… После чего это будет уже никакой не разговор, а сплошные кривлянья.

— Но для нормальных людей в таком общении нет ничего особенного. И вообще, дело не в этом. Видно, ты просто страдаешь комплексом неполноценности, — бросила она мрачно, развернулась и пошла дальше.

Паркер ничего не ответил, но Майтен обогнал и прибавил шагу, так что и ей тоже пришлось идти быстрее, чтобы не отставать. Ее слова задели его за живое, но избавиться от неприятного осадка можно было лишь одним способом — доказать, что она неправа.

— Зато ты, судя по всему, испытываешь комплекс превосходства. И вообще, что ты обо мне знаешь? — выпалил он, глядя в сторону.

Правда, при этом успел подумать, что Майтен — женщина не слишком образованная, росла в дикой глуши, вдали от цивилизации, представление о жизни получала из сериалов… И в людях, разумеется, разбирается плохо. Он совсем уже собрался изложить ей свое мнение, но медлил, отыскивая подходящий тон и подходящие слова, чтобы это прозвучало убедительно, но Майтен, казалось, прочитала его мысли и заговорила первой:

— Чтобы разбираться в людях, не требуется больших знаний, надо просто уметь наблюдать. Тебе, например, что-то мешает сходиться с окружающими, поэтому ты вечно держишься особняком, избегаешь новых знакомств и сидишь в своем грузовике. И оправдания этому находишь в своем прошлом, только ведь ты и раньше был точно таким же. Что-то сломало тебя, а что именно, ты и сам не знаешь и всю жизнь будешь пытаться разгадать эту загадку. — Майтен все никак не могла успокоиться и снова перегородила ему дорогу.

Между тем на них уже с любопытством поглядывали прохожие.

— Я свободный человек и делаю то, что хочу, а до других мне дела нет, — сказал Паркер, но

таким тоном, словно пытался убедить в этом в первую очередь себя самого, а вовсе не ее.

И ему вдруг захотелось уйти от Майтен, чье присутствие начинало его раздражать. К тому же она говорила так спокойно, что это заранее лишало смысла каждую ответную фразу, мало того, каждая звучала лишь как повторение избитых истин. Привычные доводы выглядели в данной ситуации пустыми отговорками, и Паркер с тоской вспомнил свои неспешные разговоры с зеркалом в кабине грузовика, когда любой аргумент казался несокрушимым, а все они вместе идеально объясняли окружающий мир и складывались в безусловную истину. Ему было нужно как можно скорее вернуться туда, взяться за руль и почувствовать, как под простым нажимом ноги машина приходит в движение или, наоборот, останавливается, хотя эта громада весит в тысячу раз больше, чем он сам. Но теперь рядом с ним была девушка, которая вознамерилась осложнить ему жизнь, и он проклял тот миг, когда встретил ее. Паркер знал, что может тем же вечером оставить Майтен в Обезьяньем Ущелье, но знал и то, что ее образ, уже поселившийся в кабине между ним самим и его слишком сговорчивым отражением в зеркале, оставить

где-нибудь будет не так-то просто.

— Неужели ты полагаешь, что твои причуды и выверты — это и есть свобода? Неужели свобода, по-твоему, — это слушать марсианское радио или гулять по кругу, как гуляют узники на тюремном дворе?

— Хватит! Надоело! Все вы здесь горазды трепать языком и нести околесицу, только бы не молчать, — взорвался Паркер.

Майтен было больно видеть его таким, и в то же время эта сцена показалась ей настолько нелепой, что она вдруг рассмеялась:

— Зато для всех вас, портеньо, главное, чтобы все помалкивали, лишь бы не услышать правду.

— Я уже говорил тебе, что я не… — заорал он, но сразу осекся, поняв, что смеялась Майтен совершенно искренне.

— Когда ты злишься, ты бываешь очень милым. И это немного примиряет с твоими завихрениями. Иначе ты был бы похож на тех двух дальнобойщиков, о которых рассказывал, твоих приятелей…

— Никакие они мне не приятели! — уже перестал сдерживаться Паркер и почти готов был попросить, чтобы она оставила его одного, но в самый последний миг какие-то шестеренки в

его мозговом механизме пронзительно скрипнули. Пока он смотрел на сияющее и чистое лицо Майтен, на ее безуспешную попытку перестать смеяться и придать лицу серьезность, ему вдруг пришла в голову мысль, что это странное и невесть откуда взявшееся создание, эта девушка могла быть в какой-то степени и права, хотя и в очень малой, конечно, степени. Паркер тяжело вздохнул, в очередной раз придя к убеждению, что любые убеждения, как и многое другое в этих проклятых краях, не менее изменчивы, чем погода, — достаточно повернуться другим боком, чтобы их унесло ветром.

— Хотя, если хорошенько подумать, то кого еще я могла встретить там, в поезде-призраке? Только призрака… — наконец с покорным видом признала Майтен и снова расхохоталась, так как ситуация и вправду казалась ей смешной.

— На самом деле там нашли друг друга два призрака, из которых невозможно сложить и одного целого, — поправил ее Паркер, опять слегка обидевшись, но она взяла его за руку и положила голову ему на плечо, так что он сразу почувствовал аромат ее волос. А еще, как всегда, почувствовал жар от близости ее тела или только оттого, что она была здесь, рядом с ним. Его

накрыло волной чувств, каких он не испытывал никогда прежде. Не смущало даже то, что они выглядят глупо, шагая в обнимку мимо ларьков и киосков. В конце улицы был натянут экран, перед которыми в несколько рядов стояли стулья. Начинался показ фильма про подлодки, но Майтен увлекла Паркера прочь, пока он опять не выкинул какой-нибудь фокус.

— Ну и где тут устраивают танцы? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

Паркер пожал плечами и для виду тоже покрутил головой. Меньше всего его сейчас интересовало место, где можно потанцевать, но следовало как-то загладить вину за свое инфантильное поведение. Он отошел, чтобы навести справки, потом вернулся к Майтен и сообщил:

— Никаких танцев не будет, зато мы сможем посмотреть спектакль.

Майтен и без того уже поняла, что здесь не найти того, чего ей больше всего хотелось, но театр — тоже неплохо.

— И о чем он будет?

— О жизни подводников во время плавания, то есть о жизни под водой.

— Лучше давай поищем еды, — предложила она. Ей захотелось непременно что-нибудь

купить, но она сама не знала толком, что именно. — Главное, чтобы это не было похоже на подлодку или корабль.

Они еще немного побродили по улицам, и каждый думал о чем-то своем. Но вскоре оба окончательно поняли, что здесь им больше делать нечего. Купили шоколадные торпеды и какие-то продукты в дорогу, после чего Майтен чуть повеселела. Потом пара, устало передвигая ноги, направилась к своему грузовику — мимо стоявших на окраине приземистых домов. Паркер шел с отсутствующим видом, сунув руки в карманы и насвистывая, словно недавнего неприятного разговора между ними не было. Он пытался решить, как дальше поступить с этой девушкой, но мысль о разлуке отдавалась у него в душе острой болью.

Майтен вроде бы тоже забыла про их перебранку, она прижалась к Паркеру и раздумывала над тем, как ей удалось прожить столько времени в местах, похожих на этот городок, растрачивая лучшие годы и ровно ничего не получая взамен. Ее лицо сразу помрачнело. За время, проведенное рядом с Паркером, она начала подводить некоторые итоги, оценивая, чем была — а вернее, чем так и не стала, — ее жизнь. Сколько она себя

помнила, выбирать ей особенно не приходилось, или в лучшем случае выбор был совсем невелик. Приходилось подчиняться обстоятельствам и довольствоваться скудными подачками серой рутины. Собственно, и решение бросить мужа с его аттракционами она тоже приняла не сама — все случилось с бухты-барахты и напоминало скорее глупую шутку судьбы. Просто какая-то часть Майтен вдруг умерла в том туннеле, неотделимом от их неприкаянного луна-парка, — так змеи в положенное время сбрасывают и оставляют среди камней свою старую кожу. И хотя Майтен порой думала, что ей уже поздно начинать жизнь с чистого листа, кожу она все равно меняла, и вокруг ее оголившейся плоти нарастало что-то новое. Именно это она с очевидностью поняла, пока они шли к грузовику по дурацкому праздничному Обезьяньему Ущелью. А вся предыдущая жизнь показалась Майтен дешевым романом или пьесой, какие она видела девочкой, когда случайная бродячая труппа добиралась до их захолустья.

— Здешняя земля убивает человека, очень медленно, но убивает, и если он даже в какой-то миг вдруг спохватится, уже ничего нельзя будет поправить, — сказала Майтен, размышляя вслух.

Паркер ответил в том же тоне:

— Просто начинает вечереть, а в такие часы всегда становится грустно.

— Мои мечты умирали день за днем, и теперь я даже не помню, какими они были, — снова заговорила она, отстранившись от Паркера и шагая по самой середине пустой улицы.

— У тебя впереди еще много жизней. Во всяком случае больше, чем у меня.

Паркер успел поймать легкую улыбку на лице Майтен, хотя глаза у нее распухли от слез, а с ресниц потекла тушь. Оба немного помолчали, и это молчание помогло им лучше понять друг друга, но тут они увидели картину, целиком завладевшую их вниманием. Здешние земли считались бесплодными и скупыми на многие вещи, однако они были более чем щедрыми на всякого рода чудеса и неожиданности. Четыре здоровенных парня — в татуировках, налысо обритых, в черных кожаных куртках с заклепками и цепями — бурно спорили, крича друг на друга и размахивая кулаками. Грудь их украшали железные кресты, черепа и сатанинские символы. Увидев Паркера и Майтен, они с угрожающим видом двинулись к ним. Паркер сжал кулаки и прикинул, сумеет или нет быстро достать нож. Вряд ли. Один из типов уже стоял перед ними с бутылкой

в руке — и его одежда, и все его движения были пропитаны острым запахом алкоголя. Он заговорил, но то ли заикался, то ли это был совершенно незнакомый им иностранный язык, понять его речь было невозможно. Потом парень достал из кармана мятую карту, а его приятели, не прекращая спора, сели в машину, припаркованную поблизости. Тип, увидев, что машина вот-вот отъедет, кинулся следом. Он, надо думать, боялся, что они запросто прямо тут его и бросят, но все-таки успел на ходу открыть дверь и запрыгнуть внутрь. Через несколько секунд фургон умчался, выделывая на дороге такие зигзаги, словно за рулем сидел сумасшедший. Майтен и Паркер стояли ошарашенные, не зная, что и подумать.

— Нет, пора отсюда убираться, это место меня все больше бесит, — сказал он тихо, понемногу приходя в себя, однако тотчас вспомнил еще и про то, каким зловещим было дыхание скал у них за спиной.

Паркеру хотелось поскорее вернуться на плоскогорье, чтобы скинуть внутреннее напряжение, из-за которого его даже наяву одолевали кошмарные сны.

— Знаешь, а я все равно не раскаиваюсь в том, что недавно сказала тебе. И могу, если хочешь,

остаться здесь, — предложила Майтен, прежде чем сесть в кабину.

— Ни за что! — отрезал он.

Вскоре грузовик проезжал мимо берега, где мальчишки опять играли в футбол, но теперь уже совсем близко от дороги, на краю новой границы, отмеченной приливом, а их прежнее поле осталось где-то там, далеко, посреди обломков затонувших кораблей, и было снова похоронено под водой. Фигуры игроков резко вычерчивались в предвечернем свете, а грузовик тем временем продолжал карабкаться наверх, туда, где еще виднелись последние солнечные лучи.

В дороге дни текли для Майтен каким-то особенным образом, к тому же время, проведенное на колесах, заставляло переживать все, что с ними случалось, гораздо острее. Реальность то и дело менялась, а отсчет часов словно бы зависел от некой очень зыбкой основы. Майтен училась улавливать даже самые незначительные детали из того, что встречалось им на пути: перемену запахов и звуков, связанную с направлением ветра; разные оттенки в одноцветной, на первый взгляд, степи; скорость, с которой облака таяли в небе. Если поначалу такая жизнь пугала ее своей тягучей скукой, то теперь, сидя в кабине, она

открывала для себя совершенно новый мир. Ей нужна была тишина застывшего времени, чтобы опереться головой о стекло и унестись взором вдаль — туда, куда сама она попасть никогда не смогла бы. Майтен уже освоилась почти со всеми привычками Паркера, кроме его манеры слушать радио, когда на каждой частоте он задерживался не больше чем на несколько секунд. Это мешало Майтен тихо смотреть в окно, и ей казалось, будто кто-то за волосы оттягивает ее от окошка. Даже с ужасными звуками саксофона она успела примириться, хотя они ей по-прежнему не нравились. Но главное, начала воскрешать те счастливые моменты из своего детства, которые долго прятала в дальних закоулках памяти, чтобы не отравлять их событиями, случившимися позже. Теперь эта опасность вроде бы миновала, и перед глазами отчетливо вставали сцены, когда Майтен играла с сестрами, теперь можно было опять переживать те радостные мгновения, не слишком задумываясь, было это на самом деле или родилось в ее воображении уже сейчас. Да и какая разница! Зато она снова вернула себе какую-то часть той жизни и не позволяла ей исчезнуть. А еще благодаря Паркеру училась включаться в новую для нее игру, когда ты по

собственному желанию изменяешь ореол реальности, изначально присущий каждой вещи. Кроме того, останавливаясь на ночлег, они, если позволяла погода, непременно играли в прятки или жмурки. Майтен убегала в степь. Паркер крался за ней как хищный зверь и ждал, не выдаст ли хрустнувшая ветка или громкое дыхание ее убежище. А когда находил свою подругу, хватал на руки и нес к постели. Там они забирались под одеяла и занимались любовью.

В тот вечер разделительная полоса выплывала под фарами грузовика из темноты блестящей лентой. Майтен и Паркер ехали молча, иногда их лица освещались огнями встречных машин. Время от времени Паркер поглядывал на свою спутницу, словно желая убедиться, что она не растаяла в воздухе. А Майтен неотрывно смотрела вперед, слегка наклонившись, поставив локти на колени и подперев руками щеки. Но почему-то чувствовала себя не в своей тарелке — то ли из-за пустоты вокруг, то ли так на нее действовали луна и густой мрак… Причину она и сама не смогла бы объяснить. Тем не менее вздохнула с облегчением, когда наконец смолкла музыка, которую Паркер слушал на протяжении вот уже нескольких часов. Но он снова подкрутил пленку

концом ручки и вставил кассету в магнитофон. Минуту спустя Майтен решительно убавила звук со словами:

— Сколько еще дней мы будем это слушать? Проклятая труба просверлила мне все уши.

— Эта труба называется саксофон, — отозвался Паркер, вынимая кассету и включая радио, которое принялось, как всегда, метаться с одной станции на другую.

— А можно остановиться на чем-нибудь одном?

— Все равно ничего хорошего найти не удастся. Везде будут все те же чушь и ерунда.

Пока они спорили, радио, словно беспардонный пассажир, упрямо вмешивалось в их разговор и перебивало его то рекламными объявлениями, то прогнозом погоды. Потом слышались звуки электрических разрядов, обрывки бесед и музыка, но почему-то непременно одна и та же. Этот безудержный гомон, застрявший в эфире, бросал наглый вызов изначальному молчанию вселенной. Но то, что Паркеру казалось кощунством, для Майтен было способом обнаружить формы жизни в каких-нибудь далеких галактиках.

— А разве получается лучше, когда ты слушаешь все это разом? — насмешливо спросила она.

— Но ведь остается надежда: а вдруг в какой-то момент проклюнется и что-либо стоящее?

— Я хорошо знаю, что передают здесь по радио — все программы друг друга стоят. Достаточно выбрать любую — и на ней успокоиться.

Паркер попытался поймать взгляд Майтен, но она опять отвернулась к окну. Потом он перебрал несколько программ, наконец нашел какую-то, которая показалась ему сносной, и нажал на кнопку. Кабину заполнила ритмичная тропическая музыка, привязчивая, как дешевые духи, и Паркеру с большим трудом удалось перекроить свою досадливую гримасу в сдержанную улыбку. Но он напрасно старался, так как Майтен по-прежнему смотрела в окно — серьезно и даже хмуро.

— Так нормально? — спросил он примирительным тоном.

Однако благосклонного ответа дождался только час спустя, когда дорога пересекала холмистую область и кабину мотало из стороны в сторону, а их обоих слегка потряхивало вместе с кабиной. Наконец трасса выровнялась, но Майтен продолжала покачиваться — теперь уже в ритме музыки. Еще через полчаса на ее лице проскользнула первая и почти невольная улыбка. Паркер

следил за девушкой в зеркало — ему нравилось наблюдать за ней, когда она либо погружалась в свои мысли, либо спала. В полном молчании они ехали еще пару часов, а потом открыли бутылку вина, разложили на приборной доске продукты, купленные в последнем поселке, и остаток ночи под вино распевали песни, запустив музыку на полную громкость. Даже чуть пританцовывали на сиденьях.

А утром остановились на первой встречной заправочной станции, зная, что другой в тот день им уже не найти. Там скопилось много грузовиков, и водители сновали туда-сюда. Майтен явно обрадовалась неожиданной встрече с цивилизацией и спешно переоделась, привела в порядок прическу и подкрасилась, чтобы выглядеть поэлегантнее. Ни одного свободного столика в ресторане не было, и она пошла к киоску, где продавали сигареты и журналы. А Паркер, прихватив записную книжку, встал в очередь перед телефонной кабиной, пальцем быстро перелистывая истрепанные страницы, куда без всякого порядка заносились имена и номера телефонов, которые потом иногда перечеркивались или исправлялись. Он краем глаза поглядывал на свою спутницу, но не забывал присматривать-

ся и к тем, кто входил в зал. Наконец сделал несколько звонков, но все время попадал не туда, а какие-то номера, как выяснилось, и вовсе уже не обслуживались. Паркер набрал последний из намеченных номеров, хотя стоявшие за ним люди уже начали терять терпение. Прозвучало несколько гудков, и, к его удивлению, голос на другом конце провода не только ответил, но и узнал звонившего, сразу назвав по имени. Майтен между тем успела занять освободившийся столик у окна и не отрывала глаз от Паркера, заинтригованная разговором, который при всем желании не могла услышать. Когда он вернулся к ней и сел, отодвинув в сторону журналы, она ждала от него объяснений, но приставать с расспросами не хотела. Они завтракали под оглушительный звук телевизоров, передававших последние новости. Паркер то и дело озирался по сторонам, но избегал встречаться с кем-нибудь взглядом. И очень скоро почувствовал себя неуютно в этом слишком людном месте. Особенно смущало его присутствие знакомых дальнобойщиков за столом неподалеку. Кто-то даже поздоровался с ним, но Паркер опустил глаза и притворился, будто приветствия не слышал. И тут Майтен все-таки спросила, не со старым ли Констанцо он разго-

варивал.

— Нет, я звонил другому человеку, — сухо ответил Паркер, даже не стараясь вести себя вежливо.

Она хотела что-то добавить, но он нервно перебил ее:

— Давай побыстрее уедем.

Девушка уже собралась возмутиться, но все-таки сумела изобразить покорную улыбку и мягко предложила:

— Я бы еще немного побыла здесь, а ты, если хочешь, подожди меня в кабине.

Майтен не планировала заводить новые знакомства или включаться в общие разговоры, ей просто хотелось посидеть среди людей и послушать шум голосов хотя бы в качестве фона — ведь несколько дней они не видели никого, кроме степных нанду и гуанако. Паркер кивнул, хотя не очень уверенно, а потом двинулся к двери, но, проходя мимо стола, где сидела компания водителей, понял, что они слишком откровенно пялятся на Майтен и обсуждают ее. Поэтому тотчас повернул назад, решив не оставлять свою подругу одну.

— Ну вот, теперь ты убедился, что просто жить без меня не можешь? — пошутила она, вставая,

чтобы сходить еще за одной чашкой кофе.

А Паркер глянул в окно и почувствовал непонятную тревогу. Сперва ему показался знакомым один из грузовиков, потом увидел, как в дверь ресторана входят те самые водители, которых он не так давно запер в туалете в Старшем Лейтенанте Лопесе. Первым появился Толстый Хуан в кожаном жилете с бахромой, делавшем его похожим на героя ковбойского фильма. За ним следовал мрачный Хулио со шрамом на лице. Они с наигранным энтузиазмом кинулись здороваться и обниматься со знакомыми дальнобойщиками, а потом стали искать свободный столик. Паркер взял один из журналов и закрыл им лицо, притворившись, что внимательно читает, хотя это еще больше привлекало к нему внимание. Толстый Хуан скроил удивленную гримасу, подошел и тронул Паркера сзади за плечо.

— Гляди-ка, Хулио, а вот здесь и место для нас есть, — крикнул он приятелю так громко, что многие с любопытством повернули головы в их сторону.

Паркер протянул ему руку с напускным дружелюбием, Хуан энергично ее пожал, только вот потом долго не отпускал, сжимая все крепче и крепче.

— Ни за что не угадаешь, кого мы тут встретили, — добавил он, угрожающе покачивая указательным пальцем. Потом долго хохотал и в конце концов закашлялся.

Хулио тоже подошел и кивнул Паркеру, но с весьма сердитым видом, потом широко улыбнулся беззубым ртом:

— Да это ведь наш друг, известный шутник! Как тесен мир, а?

Оба сели, не дожидаясь приглашения, — просто придвинули еще один стул.

— Эй, собирается кто-нибудь нас обслужить? А то мы ужас какие голодные! — крикнул Толстый Хуан, вытягивая шею в сторону барной стойки и отыскивая взглядом официантку. — А ты, видать, считаешь себя очень большим забавником, — повернулся он к Паркеру и снова поднял вверх указательный палец.

Тот швырнул журнал на стол и теперь смотрел на него в упор, не спеша с ответом. Хулио, который, судя по всему, не чувствовал себя очень уж сильно обиженным, решил было вмешаться, чтобы дело не дошло до крупной разборки, но не успел.

— Я знаю, что это сделал ты, и твоя шутка почему-то совсем меня не развеселила, — продолжал

Хуан.

— Это был всего лишь дружеский прикол, — улыбнулся Паркер.

— И я этого так оставить не намерен, — заявил Хуан, все больше и больше заводясь, и быстро наклонился в сторону Паркера.

Хулио все-таки попытался спасти положение, для чего довольно неуклюже решил сменить тему:

— Хуан направляется к Мутной Реке за углем, сам я позавчера забрал рыбу в Маленьком Порту. А ты по-прежнему возишь фрукты? За такой груз очень мало платят, лучше иметь дело с каким-нибудь дешевым барахлом.

Между тем Хуан, уже теряя терпение, искал взглядом официантку и громко требовал, чтобы к ним наконец кто-нибудь подошел.

— Как я вижу, тебе нравится еще и почитывать всякие женские журнальчики? Небось правду про тебя говорят, что ты слегка странный, — продолжал он цепляться к Паркеру.

Хулио весело засмеялся, но тотчас снова повторил попытку спасти положение:

— Ну как идет работа? Поговаривают, будто ты живешь прямо на трассе и в города почти не заглядываешь.

— Да, обычно у меня бывают долгие рейсы.

— Небось занимаешься темными делишками и возишь контрабанду, коли прячешься от жандармов. — Хуан сильно хлопнул Паркера по плечу.

— А уж это мое дело, — отрезал тот, но сразу замолчал, едва увидев, что к столу возвращается Майтен, неся на подносе пару чашек кофе. Она поставила поднос рядом с Паркером, а оба водителя встретили ее аплодисментами.

— Ну вот, наконец-то ты, детка, явилась. Мы тебя уже давно дожидаемся. И что ты нам предложишь на завтрак? — спросил Хулио, приняв Майтен за официантку и шаря глазами по ее фигуре.

— Почему-то мне кажется, что тут много всего аппетитного, — подхватил Хуан, толкнув приятеля локтем в бок.

Паркер сухо пояснил:

— Это моя подруга, и мы сидели с ней здесь вдвоем.

Хулио и Толстый Хуан мигом примолкли, потом дружно вскочили и в знак приветствия слишком уж пылко кинулись целовать Майтен. Хулио уступил ей свой стул, а себе придвинул другой — от соседнего столика, потом внимательно посмотрел на девушку:

— А ваше лицо вроде как мне знакомо. Мы, случайно, не встречались где-нибудь раньше?

— Вполне возможно, — ответила Майтен, даже не взглянув на него.

— Ты мог бы предупредить нас, что не один и что с тобой такая красивая девушка. Очень уж ты скрытный, а ведь вон какую подружку себе отхватил, — бросил Толстый Хуан, подмигивая Майтен.

Паркер одним глотком выпил свой кофе и посмотрел на часы:

— Нам пора.

— Уже уходите? А то посидите с нами, мы угощаем, — предложил Хулио.

— Уговори его остаться, ведь сразу видно, что он не привык с тобой спорить, — добавил Хуан с двусмысленной ухмылкой.

Хулио тем временем в упор рассматривал Майтен, которая сидела, не поднимая глаз от стола. Он пытался припомнить, где видел ее раньше. Паркер собрал свои вещи, взял девушку за локоть, оба встали, быстро попрощались и двинулись к двери под свист и шутки мужчин. Хулио и Толстый Хуан, которые никак не могли смириться с тем, что рядом с Паркером появилась такая женщина, молчали. Наконец Хуан не без зависти изрек:

— Не думаю, что это у них надолго. Слишком она красивая, не сегодня завтра уйдет от него — бросит посреди дороги как собаку.

Хулио все еще смотрел на дверь, хотя Майтен уже скрылась за ней, и напрягал память. Он пытался сопоставить ее лицо с лицами женщин, которых видел в придорожных барах и кабаре, в поселках и на заправках, где побывал в последние месяцы, но Майтен не была похожа ни на одну из них. А получше расспросить ее саму не удалось, так как коварный Паркер постарался побыстрее увести свою подругу.

— Кто же она такая? — повторял Хулио, прикрыв глаза.

— Послушай, а не работала ли она на той ярмарке, которая обычно останавливается в Старшем Лейтенанте? — вдруг спросил Толстый Хуан.

Хулио хлопнул себя ладонью по лбу:

— Точно! Билетерша! Это жена хозяина аттракционов, бывшего боксера.

— Ладно, мы еще разведаем, что у них там произошло, поскольку в этих краях все всегда всё знают, — сказал Хуан, изучая перечень дежурных блюд в меню.

— У него перед нами был один должок, а теперь их будет уже два, — заключил Хулио, следя в окно

за парой, исчезающей за грузовиками. Но он и вообразить не мог, что очень скоро у Паркера появится перед ними еще и третий долг.

Едва Паркер и Майтен вышли из ресторана, он велел ей запереться в кабине и подождать его там. А сам отыскал грузовик Толстого Хуана, открутил крышку у бака с питьевой водой и опорожнил туда мочевой пузырь, то и дело оглядываясь по сторонам. Закончив, закрутил крышку и присоединился к ожидавшей его подруге.

Тем утром Паркер проснулся в прекрасном настроении. Накануне вечером они приготовили отличный ужин и азартно обсуждали планы на будущее. Даже выпили бутылку шампанского, охладив его в реке, на берегу которой разбили лагерь, а потом занимались любовью под звездами, пока первые рассветные лучи не потянулись над холмами. По мере приближения к полудню длинные тени, которые поначалу вычерчивало ленивое солнце, стали укорачиваться. Майтен все еще крепко спала, и Паркер воспользовался этим, чтобы исполнить то, что уже долго откладывал. Сначала он сел в кровати и почувствовал, как утренний холод острым клинком царапнул ему голую грудь. Потом сделал несколько первых неуверенных шагов босиком по покрытой

камешками и колючками земле. Потом, мелко подпрыгивая и обхватив себя руками, добрался до асфальта, потом — до белой разделительной полосы и побежал по ней, уверенно набирая скорость. Рядом с ним бежала его тень, напоминавшая разболтанную марионетку, которая могла вот-вот и совсем рассыпаться. Паркер мчался, впитывая каждым миллиметром кожи утреннее солнце и легкий чистый воздух. Энергия земли, которую он чувствовал босыми подошвами, служила еще и каналом для изгнания внутренних демонов. При этом Паркер кричал во все горло, чтобы наполнить легкие кислородом. Он несколько раз подпрыгнул, потом сделал несколько кувырков и под конец растянулся на черном асфальте, опьяненный незримым соком планеты. И только час спустя, охрипший и падавший с ног от усталости, он вернулся к грузовику, где его в тревоге ожидала Майтен. Она боялась, что с ним случилось что-то ужасное, но, когда увидела его совершенно голым, испугалась еще больше, решив, что либо у ее друга случился приступ степного безумия, либо на него кто-то навел порчу. Однако лицо у Паркера было расслабленным и взволнованным. А улыбался он так, словно сумел наконец избавиться от невыносимого напряжения, ко-

торое накопилось за долгие часы, проведенные за рулем.

— Это моя утренняя зарядка, — объяснил он Майтен, но та его объяснения словно не услышала.

В отличие от Паркера, она проснулась в паршивом настроении и чувствовала себя неважно. Беда в том, что стоило ей выпить лишние полрюмки, как это кончалось головной болью, а от желудка поднималась вверх противная кислота. И был только один способ поднять настроение и привести себя в норму — немедленно заняться уборкой и наведением порядка, только тогда все, что пошло в ее жизни наперекосяк, сразу вставало на нужное место.

— Костер погас, дров больше нет, кабина заросла пылью, а ты бегаешь как очумелый, — раздраженно бросила она.

— Вытирать пыль нет никакой необходимости, ведь она как сама прилетела, так сама и улетает. И вообще, в природе не бывает ничего окончательного и бесповоротного.

Майтен глянула на него растерянно и одновременно со злобой. А он продолжал свои рассуждения, одурманенный свежим утренним воздухом:

— Пойми: путь этой пыли действительно пролегает через наш грузовик, только вот потом она полетит дальше, а не останется там навсегда. Как и мы сами, ведь рано или поздно и нам тоже придется куда-нибудь отсюда уехать.

— А запахи, они тоже сами улетучиваются?

— Нет, запахи способны изменяться, но до конца не исчезают.

Майтен еще несколько секунд молча смотрела на него, не находя ни малейшего смысла в продолжении этого разговора, но потом все-таки повторила свои претензии. А так как Паркер явно не воспринимал ее аргументы всерьез, пошла собирать одежду, раскиданную по кабине, потом сняла с кровати наволочки, простыни и покрывала и кучей бросила собранное на землю.

— Пора заняться стиркой, — заявила она, после чего, вооружившись щеткой и веником, принялась мести и чистить все подряд — от ящиков в шкафу до последнего уголка в кабине, приговаривая: — Значит, по-твоему, пыль сама улетает… Ну а полотенца, они тоже сами себя выстирают?

— Полотенцами вытирают досуха то, что было перед тем вымыто, а значит, теоретически уже чистое тело. Но тогда чем они будут пачкаться?

Майтен обожгла его взглядом и спросила, сам

он все это придумал или где-то вычитал. Она не могла понять подобного отношения к миру, поскольку для нее вообще не существовало каких-то промежуточных состояний: вещи были либо чистыми, либо грязными, люди были либо хорошими, либо плохими, полицейские были полицейскими, а воры — ворами.

— На ярмарке ты жаловалась на работу — теперь опять жалуешься. У каждого из нас есть свои пунктики, чистота — один из твоих, — сделал он вывод, расхаживая вокруг кучи белья.

— Зато твой пунктик — грязь.

— Просто я не трачу время на то, чтобы пачкать вещи, а даю им возможность испачкаться самим.

— Да, а еще ты не желаешь тратить время и на то, чтобы понять точку зрения другого человека.

Паркер, разозлившись, зажег сигарету при помощи вытащенной из костра головешки, отошел от грузовика и стал мочиться, не позаботившись о том, чтобы найти для этого более укромное место.

— Ты настоящий дикарь и даже не сознаешь этого, — тотчас крикнула она.

Вернувшись, он немного постоял в глубокой задумчивости. Для него такая обстановка выгля-

дела настолько привычной, что упреки Майтен казались нелепыми. Беспорядок? Но беспорядок может образоваться только в доме, то есть там, где есть крыша и стены, а не посреди степи, где вещи располагаются в любом месте и по своему усмотрению, поскольку никакого *своего* места у них просто нет и быть не может.

Но тут Паркер вспомнил минувшую ночь, вспомнил, как они ужинали под забрызганным звездами небом, а рядом потрескивал костер, вспомнил лучшие мгновения их с Майтен любви.

— Неужели, по-твоему, так живут только дикари? Ведь в нашей теперешней жизни есть своя гармония, поэтому я не понимаю твоих придирок и твоей мании вечно твердить о порядке или беспорядке.

— А неужели так трудно понять мое желание иметь, скажем, туалет?

— В городе — конечно, кто бы спорил, но здесь все воспринимается иначе, — ответил он, делая широкий круг рукой.

Она покорно опустила голову:

— Да, ты прав. Это твой дом и твоя жизнь, а я вторгаюсь в них со своими правилами.

Паркер быстро вскочил на ноги, схватил ее за

плечи и заговорил очень мягко:

— Пойми, это не мой дом, и это вообще никакой не дом. Просто мы с тобой сейчас находимся в пути.

— А я не хочу ни вторгаться в твой дом, ни мешать тебе на этом твоем пути, только вот, на беду, я уже нахожусь внутри, — сказала она, стряхивая со своих плеч руки Паркера.

Он подождал какое-то время, потом умылся холодной водой из бака, надел чистую одежду, сходил за хворостом, вымыл тарелки и стал наводить так называемый порядок — исключительно для того, чтобы доставить удовольствие Майтен. Она тоже что-то делала, хотя прекрасно понимала, что их старания не имеют ни малейшего смысла, поскольку в доме, лишенном стен, и вправду невозможно определить, что следует считать порядком, а что нет. Кроме того, ее представления о чистоте были с детства связаны с потоками мыльной воды, бегущей по выложенному плиткой полу.

Майтен в отчаянии рухнула на диван. Обежала взглядом степь, где обитала вот уже столько дней — или недель, или веков, — и задалась вопросом: как долго ей удастся выдержать все это? А что они будут делать зимой? После бегства от Бруно на

нее впервые накатила жуткая тоска, и захотелось решить для себя, не лучше ли было продолжать жить прежней жизнью в парке аттракционов. Но нет, хватит малодушничать, ведь стоит уступить мрачным мыслям хотя бы крошечное место в голове, как они совьют себе там прочное гнездо и станут плодиться, после чего с ними будет уже невозможно справиться. Поэтому Майтен постаралась забыть про неудобства, которые вряд ли останутся с ней навсегда, хотя сейчас они казались ей именно что вечными. И как все-таки ей быть? Потерпеть еще немного или попробовать начать жить своим умом? Все еще может измениться, и они еще сумеют наладить нормальную жизнь, такую, какой она и должна быть.

Между тем Паркер отошел от грузовика с лопатой на плече и принялся копать яму. Майтен молча стирала белье, наклонившись над водой и время от времени с любопытством поглядывая в ту сторону.

— Ну и что ты про это скажешь? — спросил он, закончив работу и явно гордясь результатом.

Майтен развесила белье и медленно подошла к нему.

— Скажу, что ты выкопал яму в земле, — ответила она, скроив такую мину, словно присут-

ствовала при похоронах родственника и ждала, пока кто-нибудь произнесет наконец прощальную речь.

— Ты только представь себе: если мы отыщем нефть, можно будет открыть заправочную станцию и осесть прямо тут, — объяснил Паркер, а потом начал строить вокруг ямы стенки из прутьев и веток, переплетая их между собой. Для надежности прикрепил растяжки из веревок к воткнутым в землю колышкам. И закрыл оставленный проем куском ткани.

Майтен пыталась остановить его, но тщетно: Паркер работал с таким азартом, что любые слова отскакивали от него как от стенки горох. Подозрения Майтен подтвердились.

— Насколько я понимаю, это туалет. Гениальная идея, — бросила она язвительно.

Однако Паркер был настолько увлечен своим замыслом, что не уловил в ее тоне издевки: эта яма означала особый договор со степью и новый вид отношений с землей, по которой он изо дня в день перемещался, не оставляя за собой другого следа, кроме почерневших камней и пепла на кострищах. Никогда раньше он не посягал на эту почву, зато отныне тут сохранится свидетельство его пребывания на ней, его личная отметина на

поверхности планеты.

— Да, именно туалет, — объявил он важно.

Майтен совсем сникла и молча разглядывала это подобие индейской хижины, которая косо стояла посреди равнины и напоминала скорее игрушечное бомбоубежище. А Паркер, по всей видимости, был уверен, что эта постройка — величайшее достижение человеческой мысли, поэтому проезжающие мимо люди просто умрут от зависти, если только успеют ее заметить. Майтен устало слушала его пафосные рассуждения, и ей хотелось громко разрыдаться — но в первую очередь оттого, что ситуация опять выглядела, вопреки всему, еще и жутко смешной. Паркер воткнул лопату в землю и попытался утешить Майтен, хотя не понимал причины ее слез, ведь теперь у них был настоящий — как у нормальных людей — туалет. Майтен мягко кивнула, изобразив благодарность, и сразу опустила глаза, поскольку вдруг по-настоящему испугалась того смертельного объятия, которым ее уже начинала душить степь.

— Господи, а дальше-то что со мной будет? — прошептала Майтен, но быстро взяла себя в руки.

Меньше всего ей хотелось быть похожей на тех

женщин, которые вечно охают, ноют и причитают. Ее хорошо закалили пустыня, беспросветное одиночество, снегопады и ураганные ветры, но сейчас с ней происходило нечто странное. Прежде она мало с кем могла поделиться своими чувствами — на нее почти не обращали внимания ни отец, пока жил с ними, ни мать, суровая женщина, занятая борьбой за выживание. Только к сестрам девочка была по-настоящему привязана, однако теперь время и расстояние перетерли и эту связь. Сколько Майтен себя помнила, она ненавидела сумерки, и стоило им опуститься на землю, как внутри у нее что-то умирало, а в груди открывалась рана, которая делалась глубже и глубже по мере того, как мрак покрывал все вокруг. А уж если еще прилетал ветер, порой не утихавший неделями, сердце у нее щемило от чувства беззащитности. Детство Майтен прошло в переездах из поселка в поселок, из эстансии в эстансию, в места без названия, по которым люди блуждали стадами, подчиняясь тем же природным циклам, что и степные животные. Унять ее печаль в мире, лишенном всяких границ, могли лишь стены очередного временного жилища, так или иначе напоминавшего дом, где пахло дровами и только что приготовленной едой, где

она играла с сестрами на постели, пока снаружи лил дождь и лютовал холод. Вот почему она сразу оживала, оказавшись среди людей: с ними ей было уютно. Вот почему она так охотно знакомилась с теми, кто приехал откуда-нибудь издалека и рассказывал разные занятные истории. В переполненных барах и ярко освещенных магазинах она чувствовала себя защищенной, а не брошенной на произвол судьбы, и начинала верить, что ничего плохого с ней больше не случится.

Вот о чем поведала она теперь Паркеру, а он слушал, не произнося ни слова, и только теперь начал понимать, что таилось у нее в душе, только вот понимать исключительно от противного, а не ставя себя на ее место, на что он был не способен, так как сам воспринимал мир совершенно иначе. Он и она были двумя формами, которые почти идеально повторяли друг друга, хотя первая представляла собой полное отрицание второй, будучи, по сути, ее тенью или даже изнанкой.

Майтен замолчала. И по выражению их лиц можно было прочитать еще и то, что ни он, ни она не отваживались произнести вслух.

— Мы с тобой оказались в тупике, и будет лучше, если я сяду на первую же встречную машину и уеду. Чем скорее, тем лучше — лучше для нас

обоих, — наконец проговорила она с глубокой печалью, но твердо.

Ее признания, как казалось Паркеру, связали их еще крепче, даже если считать, что услышал он их слишком поздно. Он долго смотрел в степь, но ничего достойного внимания там не обнаружил. И перевел взгляд на Майтен, которая тем временем начала собирать свои вещи в кабине. Она делала это очень медленно, и все равно ей понадобилось лишь несколько минут, чтобы сложить их в пару сумок, а потом она повесила сумки на плечи и зашагала по дороге. Паркер кинулся следом, кляня себя за глупость, раскаиваясь в том, что приводил такие нелепые доводы, которые сейчас казались ему еще более нелепыми, чем всегда. Словно извиняясь, он объяснял ей, что когда человек живет в изоляции, сознательно отгораживаясь от людей, он почти автоматически привыкает выполнять некие ритуалы и невольно потакает своим чудачествам. Майтен слушала его со смесью горечи и обреченности, но продолжала идти, хотя и не понимала, куда, собственно, идет. У нее было всего две возможности: двигаться все по той же дороге либо направо, либо налево. Паркер несколько раз повторил, что такие решения нельзя принимать сгоряча,

и обещал раз и навсегда отказаться от своих эксцентричных выходок. Однако на Майтен, судя по всему, никакие уговоры уже не действовали. И если иногда она вдруг останавливалась, то только для того, чтобы с видом загнанного в клетку зверя повернуть в противоположную сторону. Тучи над их головами уплотнились и больше не напоминали дикое стадо. А кусты, которые еще недавно нервно колыхались, внезапно застыли и с напряженным вниманием следили за происходящим.

— Скажи хотя бы, где находится ближайший поселок — там или вон там? — спросила Майтен.

Паркер сел на асфальт, схватился руками за голову, затем огляделся, пытаясь сориентироваться:

— Близко нет ни одного.

— Но куда ты мне посоветуешь идти?

— Без разницы. Пешком ты отсюда никуда не дойдешь. Зато уже завтра мы сможем доехать до железнодорожной станции, — предложил Паркер, и никогда еще собственные слова не казались ему столь противными его желанию.

— Лучше уж покончить с этим одним махом, — возразила она, чувствуя, что тело больше не слушалось ее и стало будто чужим. Она сбросила

сумки с плеч и села на обочину, ожидая непонятно чего. Вероятно, появления какой-нибудь машины.

Паркер сел с противоположной стороны, заложив руки за шею. И у него тоже внутри все пошло трещинами, но он этого не замечал. А как только понял, что теряет Майтен, ему сразу стало трудно дышать.

Два часа спустя они по-прежнему сидели у дороги, так и не увидев никого, кроме стаи птиц и семейства нанду, пронесшихся мимо. Паркер точно знал, что больше здесь ни одна живая душа не появится. Он встал, пересек дорогу и хотел сесть рядом с Майтен, но она жестом остановила его.

— Давай поговорим, — сказал он.

— Давай, но только ты будешь сидеть там, а я здесь.

И они опять повторили друг другу то же самое, что уже сказали раньше, и каждый сидел на своем краю дороги, пока равнодушное солнце двигалось по небу. Все вокруг словно застыло — все, кроме двух темных силуэтов, распластавшихся по асфальту и медленно менявших очертания. Паркер с отчаянием думал, что любые слова сейчас не только не помогают исправить положение, но еще больше его усложняют. Он лег на обочину.

Их оглушила неправдоподобная тишина — даже птицы куда-то исчезли. Паркер долго лежал с закрытыми глазами, а когда наконец открыл их, увидел, что Майтен сидит на том же месте и в той же позе. Капризная погода теперь принесла мелкий дождик с его мраморными разводами, который падал на них обоих и словно превращал в статуи.

— В этих местах расставаться трудно, мы все время чего-то ждем и ждем, но ничего так и не происходит, — произнес Паркер.

— А мы все-таки попробуем, — ответила она как-то вяло и словно продолжая надеяться, что с неба опустится гигантская рука и поставит каждого на предназначенный лично ему путь.

Они увязли во времени как в стоячем болоте. Поэтому любое, даже самое ничтожное движение требовало напряжения всех сил, и любая мысль застревала в какой-нибудь извилине мозга. Да и вокруг них тоже ничего не двигалось, ничего не дышало, только волны степной травы мерно пульсировали, как медуза, выброшенная на берег. Вскоре дождь закончился, солнце опять слепило глаза и раскаляло землю, которая от зноя глухо потрескивала. И тогда Майтен с досадой подняла с земли свои сумки и зашагала обратно

к грузовику.

— Паркер, пожалуйста, давай поедем на ту железнодорожную станцию, — упавшим голосом попросила она, решив, что нельзя бесконечно затягивать смертельную агонию.

Паркер догнал ее, но ничего не ответил. И вскоре они оба снова сидели в кабине.

Железнодорожную станцию, о которой говорил Паркер, можно было скорее назвать полустанком, приткнувшимся посреди голой степи. Одинокий каменный дом был построен примерно век назад англичанами, а платформой служил длинный деревянный настил. Рядом стояло несколько полуразрушенных сараев, и были видны тупиковые пути, где медленно умирали уже давно брошенные здесь вагоны и паровозы. Шлагбаум на переезде уставил свой конец в небо. На покосившемся столбе были прикреплены звуковой и световой сигналы, а также плакат: “Внимание. Впереди железнодорожный переезд. Остановись, смотри и слушай”. Вокруг не было видно ни одной живой души — ни человека, ни животного. Вообще не наблюдалось никакого движения, и только свист ветра говорил о том, что речь идет не о фотографии, а о куске реальной действительности.

Паркер, оставив Майтен в кабине, пошел выяснять, когда можно ждать ближайший поезд. Он несколько раз постучал в дверь станционного помещения, потом похлопал в ладоши, но никто ему не ответил. Старое растрепанное объявление, повешенное, судя по всему, еще несколько лет назад, сообщало, что работа поездов прекращена до составления нового расписания. Паркер решительно толкнул дверь, вошел и в одной из комнат обнаружил пожилого мужчину, который дремал, сидя в кресле-качалке.

— Вы на этой станции главный?

— Нет, я Красная Шапочка, — ответил мужчина словно нехотя и посмотрел на него сонными глазами.

— А вы разве не слышали, что я вас звал? — спросил Паркер, чувствуя, как к горлу подступает кислый ком.

— Да слышал я, прекрасно все слышал, только вот как раз в эти часы у нас на станции бывает перерыв.

— А почему же вы не откликнулись?

— А зачем, если вы так или иначе все равно меня отыскали бы?

Паркер сосчитал до десяти и лишь потом рискнул продолжить:

— И когда же ожидается следующий поезд?

— Я же сказал вам, что на станции перерыв, а значит, пассажиры не обслуживаются. К тому же за дверью весит расписание.

— Да, только там говорится, что все поезда отменяются до нового объявления.

— Ну а тогда какие еще могут быть вопросы? Вы, портеньо, почему-то считаете, будто все вокруг только и думают о том, как бы вам услужить.

Паркер собрался снова сосчитать до десяти, но дошел только до трех:

— Кто, черт возьми, сказал вам, что я портеньо?

— А кто сказал вам, что я дежурный по станции? Или даже начальник станции…

Паркер развернулся и пошел к двери, не простившись и тихо изрыгая проклятья, но радость оттого, что поездов не будет и поэтому Майтен не сможет уехать, перевесила злость, вызванную необходимостью иметь дело с подобным типом.

— Эй, погодите! Позавчера сюда пришла телеграмма с новым расписанием, если вам это интересно, — крикнул ему дежурный, хватая со стола какую-то бумагу.

Паркера новость не обрадовала, так как она могла означать, что разлучиться им с Майтен все

же придется.

— Ну и что там сказано? — нервно спросил он.

— Что движение поездов по-прежнему отменено.

— Вы здесь все такие идиоты? — взорвался Паркер, окончательно выйдя из себя.

— А вот на этот вопрос мне трудно ответить, потому как сам я не здешний, — ответил мужчина позевывая.

— Ну и откуда же вы тогда? — спросил Паркер, но лишь из желания узнать, какой ответ тот даст на такой простой вопрос.

Однако мужчина не спешил удовлетворить его любопытство. Он вытянул ноги, сложил руки на груди и закрыл глаза. Правда, сперва мотнул головой, указывая какое-то место вдалеке, за мертвыми рельсами, а может, и за линией горизонта.

— Я вон оттуда, хотя это вряд ли должно вас касаться.

— На вашем месте, Красная Шапочка, я бы не забывал про Серого Волка, — пригрозил ему Паркер, но тот уже опять заснул, судя по громкому храпу.

Паркер вернулся к грузовику, испытывая смешанные чувства.

— Поездов не будет, их все отменили еще несколько лет назад, — сообщил он Майтен.

— Правда?

— Правда, так что нам придется еще какое-то время терпеть друг друга.

Несколько часов спустя они по-прежнему молча сидели в кабине и ждали, пока случится что-нибудь, что поможет им одолеть паралич и принять то или иное решение. Но вдруг на железнодорожном переезде раздался сигнал и замигал красный свет.

— Поезд! — крикнула Майтен.

Паркер недоверчиво уставился на шлагбаум, который стал медленно и с печальным скрипом опускаться, а потом замер в горизонтальном положении.

— Ты что, решил пойти на обман, чтобы удержать меня? — сказала она резко, явно обидевшись на него за такую примитивную уловку. — Вот уж не ждала от тебя ничего подобного.

— Клянусь, я тут ни при чем! — Паркер выскочил из кабины, добежал до переезда, остановился на рельсах и покрутил головой, глядя то в одну, то в другую сторону. Кроме предупредительного сигнала и свиста ветра, ничего слышно не было — вокруг по-прежнему царила мертвая тишина.

Видно, поезд был еще очень далеко. Майтен взяла свои сумки, поднялась на платформу и села на скамейку, приготовившись ждать. Паркер тем временем опять двинулся к станционному зданию, чтобы потребовать объяснений у дежурного — или кем там был этот придурок.

— Почему вы сказали мне, что поездов нет? Вон ведь какой-то едет!

Мужчина по-прежнему дремал в своем кресле-качалке, но теперь положил ноги на письменный стол. Увидев Паркера, который как смерч ворвался в комнату, он лениво потянулся, чуть нагнулся вперед, сверился со своими часами и встал. Потом, не переставая зевать, двинулся к приборной панели, нажал на какую-то кнопку, и звонок на переезде разом смолк.

— Нет там никакого поезда, — буркнул он.

Паркер выбежал на платформу и снова посмотрел направо и налево, а шлагбаум тем временем с прежним скрипом поднимался вверх, чтобы опять уткнуться концом в небо. Над станцией повисла еще более напряженная, чем прежде, тишина. Паркер вернулся в служебное помещение, хотя и сам не знал зачем, но ему почему-то было просто необходимо что-то еще выяснить. Мужчина уже успел натянуть на голову формен-

ную фуражку и сидел за столом, держа в руках расписание. Он не дал Паркеру времени на новые вопросы:

— Это был вовсе не поезд, если вам интересно знать. Это прозвенел мой будильник — дал сигнал, что сиеста закончилась и пора открывать станцию.

— Будильник… — почти беззвучно повторил за ним Паркер.

— Так чем я могу вам помочь, приятель? — спросил дежурный с самой приветливой улыбкой.

— Но если все поезда отменены, то что вы тут делаете?

— А вам-то какое дело? Я ведь не сую нос в ваши дела!

— И такая работа не кажется вам совершенно дурацкой и бессмысленной? — спросил Паркер, стараясь его хоть чем-нибудь задеть или расшевелить.

— А здесь никто никогда не знает, что может вдруг произойти. Например, может появиться какой-нибудь чужак вроде вас, чтобы спросить, когда придет ближайший поезд.

Паркер вышел и сел рядом с Майтен. Оба поняли, что им придется продолжать жить вместе, находя опору в том немногом, что еще сохрани-

лось от чувств, которые заставили их убежать из луна-парка. Шлагбаум открывал им путь вперед, и это выглядело перстом судьбы, во всяком случае, так хотелось думать Майтен. Да, пока все останется по-прежнему, иного варианта у них не было, а выход из положения, возможно, нарисуется когда-нибудь потом. И они решили попробовать найти приемлемую для обоих форму сосуществования, которая позволит установить на ближайшее время что-то вроде перемирия. К тому же в поведении Паркера наметились явные перемены, и это тоже помогало наладить ситуацию. Майтен меньше грустила, и ее меньше угнетали как неизбежные в пути неудобства, так и ночевки в поле, которые теперь чаще чередовались с остановками в мотелях.

Однажды она, заинтригованная частыми телефонными звонками Паркера, захотела все-таки узнать, с кем он то и дело разговаривает. Он отвечал уклончиво и, казалось, что-то скрывал от нее, но наконец сдался и объяснил, что звонил в Буэнос-Айрес другу, который может уступить им на несколько дней свою квартиру в самом центре города. От неожиданности Майтен резко выпрямилась, а потом бросилась обнимать Паркера. И засыпала его вопросами: как и когда

они туда поедут? Но Паркер больше ничего не мог ей сказать наверняка, поскольку должен был уточнить некоторые детали. Оба знали, что это не решит возникших между ними проблем, но поможет, по крайней мере, выиграть время. Они сделают вид, что отправляются, скажем, в отпуск, ну а там будь что будет.

— И мы что-нибудь обязательно придумаем, ведь ничего по-настоящему непоправимого не случилось, — добавил Паркер, постаравшись придать голосу уверенность, хотя прекрасно понимал, что ситуация была взрывоопасной.

Вот уже несколько дней, как он обдумывал варианты выхода из кризиса, но ничего дельного ему изобрести не удавалось. Он не был готов менять свою жизнь и отказаться от свободы ради переезда в город, где сразу придется искать работу, любую работу, которую он, разумеется, сразу же и возненавидит. Но и отказаться от Майтен он не мог, к тому же уже стал благодаря ей отчасти другим человеком, хоть в чем-то, но другим. Так что вряд ли имело смысл и дальше размышлять об этом. Если получится, что старый приятель, единственный оставшийся у него приятель, уступит им на короткое время жилье в Буэнос-Айресе, это станет для Майтен великолепным

прощальным подарком. Однако суета городской жизни уже заранее нагоняла на Паркера тоску: достаточно было вообразить клубящиеся на улицах толпы людей, или столичный транспорт, или переполненные магазины. Но и ему тоже будет полезно сменить обстановку. Хотя бы для того, чтобы освежить в памяти причины, побудившие его покинуть город, и чтобы по достоинству оценить здешние пустынные места, где ему одному принадлежало все — от мельчайшего камешка на земле или кустика в степи до самого далекого облака на горизонте.

Только вот Майтен ни о чем другом думать уже не могла, и с того дня веселое оживление не сходило с ее лица. Надежда на то, что вот-вот исполнятся самые заветные ее мечты, легко разгоняла тучи, еще недавно омрачавшие их с Паркером жизнь. И будущее казалось более светлым. На следующий вечер, сидя у костра, оба почувствовали, что такая уютная обстановка располагает к откровенности. Паркер откупорил вторую бутылку вина и поведал еще одну историю из тех многих, что составляли его прошлое. Глядя на огонь, он рассказал, как открытый им с приятелями музыкальный бар начал прогорать, поскольку дела они вели неумело и спустя рука-

ва. Долги стали расти до того быстро, что, когда компаньоны спохватились, было уже поздно. Пришлось брать серые кредиты, поставившие их в зависимость от страшных людей, которые как воронье кружили вокруг ночных заведений: сперва сулили помощь, а потом вдруг становились их совладельцами, ловко состряпав все нужные документы. Короче, Паркер со своими друзьями-музыкантами уже шагу не могли ступить без позволения этих весьма нечистоплотных типов, а тем музыкальный бар был нужен для прикрытия, ведь торговля наркотиками приносила куда более солидный доход, чем музыка. Итак, заведение бесповоротно оказалось по ту сторону закона. Правда, деньги сразу потекли рекой, а дела вроде бы наладились. Группа преступников соединилась с группой музыкантов, к тому же благодаря артистам бар обретал особую привлекательность и дополнительную прибыль, к тому же такую завидную, что однажды ночью их ударник сбежал, прихватив с собой огромную сумму, то есть исполнил свой самый удачный концертный номер. А так как за эти деньги ответственность перед наркодилерами нес Паркер, ему они уже на следующее утро предъявили счет — и в весьма жесткой форме.

Майтен слушала эту невероятную историю, широко распахнув темные глаза, словно смотрела детективный фильм. Она плохо понимала некоторые детали, но чувствовала, насколько все это было серьезно.

— А ты не мог обратиться в полицию?

— Бессмысленно, потому что те типы сами и были из полиции.

Майтен не могла такого понять и ждала объяснений, но он ничего объяснять не стал. Если она до сих пор не уяснила для себя, кого следует считать хорошими парнями, а кого плохими, то суть дела до нее все равно не дойдет. А уж если одни и те же парни оказывались и хорошими, и плохими, то она только окончательно запутается.

В первый раз — и, возможно, в последний — Паркер решился рассказать о событиях, которых по-настоящему стыдился. Он не утаил даже самых мелких подробностей и чувствовал, как в душе у него при этом что-то менялось: ведь и самому себе он тоже в первый раз внятно, все раскладывая по полочкам, излагал ту историю, которую после бегства из столицы постарался похоронить где-нибудь поглубже и забыть. Ему пришлось за бесценок продать квартиру, но эта сумма была во много раз меньше повисшего на

нем долга, тем не менее она дала возможность жене Паркера с их новорожденным сыном спешно уехать из Буэнос-Айреса в какую-то глушь, начать там новую жизнь, а по сути, спастись. Паркера объявили в розыск, и его фотография несколько раз появлялась в газетах. После чего он и предпочел попросту исчезнуть.

— То есть и у меня тоже был свой момент славы… И вот теперь я тут — сколько уж лет мотаюсь по дорогам. Короче, в жизни я не преуспел, но одно утешение все же осталось — с той дорожки я соскочил.

Он слушал собственный голос, свой рассказ о давно минувшем и словно избавлялся от страшной тяжести, лежавшей у него на совести. Теперь, после того как он какое-то время прожил с Майтен, те его воспоминания окрасились в блекло-желтый цвет.

— Только не слишком тоскуй о прошлом, Паркер. А вдруг тебя сейчас и здесь кто-нибудь разыскивает?

— Здесь им меня не достать…

— Я имела в виду моего мужа.

— Ну, видно, такая уж у меня судьба. Но и он тоже вряд ли нас найдет. Дело в том, что в этих местах никогда не находишь того, что ищешь.

Эта земля богата только на неожиданности.

На другой день после обеда они устроили себе сиесту, а потом Паркер нагрел воды и погрузил в мыльный раствор кучу одежды, полотенца и простыни. А еще они выстирали занавески из кабины, вытерли приборную доску, вымыли стекла, вычистили обивку сидений и все до одного ящики в шкафах. Хаос, издавна царивший в хозяйстве Паркера, постепенно преображался в порядок. А Майтен вытряхивала и аккуратно укладывала все, на что падал ее взгляд, и очень скоро мир показался Паркеру не только более светлым, но даже лучезарным. Мало того, благодаря такому нехитрому чуду и пейзаж, и облака, и сам воздух на равнине стали совсем прозрачными, да к тому же еще и настолько близкими, что их хотелось потрогать руками. Машину Паркер вел теперь так, будто его гнало вперед неслыханное чувство полноты — оно внушало оптимизм, желание действовать и строить планы. К нему снова вернулось нечто вроде куража, интереса к жизни.

На ближайшей заправке было всего две старых колонки, напоминавшие женщин, которые стоят, уперев руки в боки. Паркер направился к служебному домику, для чего приходилось то и дело перепрыгивать через лужи и масляные

пятна. Заправщик, маленький индеец с наглым лицом, распахнул перед ним исцарапанную и грязную стеклянную дверь.

— Телефон у вас работает? — спросил Паркер, кивнув на кабину, где стояли стул и стол с телефонным справочником, который, судя по всему, уже несколько веков был открыт на одной и той же странице.

Индеец глянул на водителя свысока и ответил сухо:

— Работал.

Паркер снял трубку, но гудка не услышал.

— Так работает он или нет?

— Я ведь сказал “работал” — то есть было это месяц назад.

Паркер шепотом выругался. Ему надо было сделать два звонка — старику Констанцо и другу в Буэнос-Айрес.

— И ближайший телефон можно будет найти в Колченогой Зашибени? — спросил он.

— Нет, сеньор, вы ошибаетесь, — твердо ответил парень.

— Что значит — ошибаюсь? Ведь Колченогая Зашибень — ближайший поселок, если ехать на север.

— Да, только вот ближайший телефон — он

здесь, у нас, сеньор, — заявил индеец, вытаскивая из ящика стола аппарат, почерневший от долгой службы.

Паркер вошел в кабину, подключил телефон к розетке и набрал номер друга, но тот не ответил. Потом он позвонил Констанцо, зная, что застанет его в конторе со стаканом виски в дрожащей руке и что тот, как всегда, сидит в окружении пустых бутылок, ведерок с уже растаявшим льдом и календарей с фотографиями голых баб. Услышав его гнусавый голос, Паркер на одном дыхании выпалил заранее приготовленную речь про задержанное жалованье, про то, что пора бы это жалованье повысить, и про условия их договора, которые хозяин никогда не выполнял. Затем он сказал, что хочет взять отпуск. Кроме того, грузовик требует ремонта, а также надо бы пересмотреть размер выплат на дорожные расходы.

— С кем я говорю? — вдруг спросил старик.

Паркер ответил залпом ругательств, которые раскатились по тесной телефонной кабине. И снова повторил все уже сказанное, повышая голос на каждом пункте, чтобы пробиться сквозь пары алкоголя, которые плотной стеной окружали старика. Тот, видимо, поднял стакан, потом с громким стуком поставил его на стол, расплескав,

надо полагать, содержимое.

— А, так это ты наконец объявился! Тебя уже давным-давно ждут в колонии Обетованной! — заорал он.

Они еще какое-то время пререкались, хотя ни один не слышал другого. Прежде чем повесить трубку, Паркер повторил, что Констанцо должен найти ему замену, иначе Паркер просто возьмет и бросит где-нибудь грузовик, то есть отпуск он устроит себе в любом случае.

— Ладно, — наконец согласился хозяин и пообещал, что сам заменит его на какое-то время.

Паркер вышел из кабины, слегка успокоившись. Разговором он был доволен.

Майтен пила кофе и с интересом листала только что купленные в киоске журналы с яркими фотографиями и рекламой, которые давали ей уютное ощущение принадлежности к человеческому сообществу.

— Какие новости? — спросила она, но Паркер ничего не ответил, занятый своими мыслями. Он не забывал того, что сказал ему журналист: чтобы удержать Майтен при себе, надо ее все время чем-нибудь развлекать.

— Мы могли бы поехать к морю, искупаться и так далее, — предложил он, видя, что она пребы-

вает не в самом благостном настроении.

Девушка посмотрела на него недоверчиво, но тотчас вообразила, как прекрасно они проведут день на солнечном пляже, растянувшись на горячем песке и подремывая под мерный шум волн.

— Нам надо доставить груз в Песчаную Гавань, а по пути туда есть хороший пляж.

— Значит, завтра — весь день на море! — воскликнула она.

— Нет, не завтра, а на следующей неделе, — объяснил он и добавил таким тоном, словно его вдруг озарила блестящая идея: — И мы могли бы заехать еще в одно место. В те же дни где-то там будут отмечать Национальный праздник патагонского динозавра.

— Праздник динозавра? Неужто и такое бывает?

— Да, бывает, к тому же обычно там готовят отличное мясо, — пояснил Паркер с самым серьезным видом.

Грузовик остановился на краю песчаной косы. Океан яростно ревел, соленые пенные волны взлетали над дюнами, и ветер сразу разбивал их на мелкие брызги. Паркер и Майтен шли согнувшись в три погибели, а под их ногами змейками вились песчаные ручьи, чтобы прилипнуть свет-

лыми нитями к прибрежным скалам. Паркеру хотелось поговорить с Майтен, но ветер уносил каждое слово, едва оно срывалось с уст. К тому же он нес им навстречу колючие ветки, от которых приходилось уворачиваться. Паркер и Майтен взяли с собой корзинку с едой, два складных стула и пляжный зонт, ножку которого Паркер время от времени втыкал в песок на манер посоха. Наконец они оказались на мысу, прикрытом скалами, где уже можно было хотя бы разговаривать. Чтобы подстилки из парусины не унесло, их сразу же закрепили камнями, но спокойно полежать все равно не удалось — песок лупил прямо в лицо. Паркер раскрыл зонт и повернул его так, чтобы под ним можно было сидеть, пусть и сжавшись в комочек. Несмотря ни на что, оба были счастливы и довольны. Он обнял девушку, и какое-то время они наслаждались мощной энергией, которой делился с ними океан. Недавний прилив разбросал по песку кости морских львов. На волнах каким-то непонятным образом застыли, сохраняя полную неподвижность, стаи чаек.

Самую неприятную часть пути Паркер и Майтен уже проделали, теперь оставалось набраться храбрости, чтобы скинуть одежду и добежать до воды. Они уже стояли в ней по колено, взявшись

за руки, когда на них обрушилась и сбила с ног бешеная волна. Вторая попытка оказалась более удачной — им даже удалось немного поплавать, хотя волны крутили их туда-сюда и сталкивали друг с другом, но потом течение подхватило обоих и выкинуло обратно на берег. Повторить этот подвиг или отплыть подальше они не рискнули. Майтен хорошо знала, какие угрозы таило в себе штормовое море, и увела Паркера за один из рифов, образованных выступавшей из воды скалой. Там можно было относительно спокойно покачаться на волнах. Только вот поплавать океан им все-таки не дал: он нес их по своему усмотрению то в одну, то в другую сторону, поднимал вверх или ронял вниз… Так они провели около получаса, пока не замерзли и не решили, что лучше всего будет закончить день в грузовике за надежными стеклами кабины. Они кое-как собрали вещи и двинулись обратно, с головой завернувшись в свои подстилки и став похожими на привидения. За это время вокруг грузовика уже образовались песчаные горки и кучи сухого кустарника. Пока Паркер кипятил воду для чая, Майтен энергично вытирала волосы полотенцем. Он включил радио и стал искать какую-нибудь музыку. Вдруг раздался голос диктора, который рассказывал о

последних событиях, но радио не удержалось на этой волне и мигом перескочило на другую.

— Паркер, я сейчас сойду с ума! Оно не может ни секунды постоять на месте! — закричала Майтен в бешенстве и постаралась вернуть прежний голос.

И он действительно вернулся:

> …Лучшая южная музыка – квартет “Удар ножа”, в пятницу и субботу – в Сухом Углу, в воскресенье – в Обезьяньем Ущелье…

Но тотчас снова утонул в гуле голосов и треске электрических разрядов.

Майтен несколько раз повернула ручку и нашла прежнюю станцию:

> …Большой тропический праздник с танцами – завтра в Песчаной Гавани… Эксклюзивная программа… Карибская музыка… Оркестр “Крутой берег” в ресторане “Дюны”, где обслуживать клиентов будут лично его хозяева… На главной площади завтра в девять вечера, дамы и господа… не пропустите…

Паркер налил чай в две большие кружки, и они устроили перекус, чихая от холода. Майтен вот уже несколько лет как мечтала поучаствовать в настоящем “тропическом празднике”. Поэтому, когда Паркер сообщил, что нынче же ночью они должны будут ночевать в Песчаной Гавани, чтобы там разгрузиться, почувствовала себя на седьмом небе. И, не успев как следует одеться, они начали снова раздеваться, а потом нырнули под одеяла, которые после недавней стирки пахли свежестью и чистотой.

Чтобы попасть в Песчаную Гавань, им пришлось свернуть с трассы на широкую дорогу, бежавшую между скалами и дочиста выметенную ветром. Поселок расположился вокруг квадратной площади с высокой горой песка, засыпавшего почти по пояс памятник какому-то моряку: в одной руке он держал штурвал, а другой ухватился за мачту с выцветшим флагом. Там же имелись заправка, бар, гостиница и два ресторана, где по вечерам собирались портовые рабочие, таможенники, моряки и дальнобойщики. А еще на площади стояли банк, церковь, здание муниципалитета и несколько небольших магазинов. С некоторых пор Песчаная Гавань снова процветала благодаря тому, что сюда каждую неделю

прибывало по нескольку иностранных кораблей. От площади к причалу вел бульвар — его роль играл длинный бетонный пирс, служивший еще и для променадов. Конец пирса утопал в песчаных холмах словно хребет доисторического чудовища. Вдоль причала выстроились в линию складские помещения и ангары, там же тянули свои крюки в небо огромные подъемные краны. По воскресеньям туда, на самую верхотуру, целыми семьями поднимались местные жители, чтобы полюбоваться окрестностями, а если погода не позволяла устроиться на маленькой площадке под открытым небом, сидели в пустых кабинах. И там проводили целые часы, до самых сумерек, попивая мате и слушая радио.

На следующий день Паркер оставил Майтен в одном из магазинов, а сам проехал по пирсу и встал в очередь на разгрузку. Он доставил сюда груши и яблоки, забрать же должен был тропические фрукты, прибывшие из-за океана. Очередь была длинной, поэтому он запер кабину и вернулся в магазин к Майтен, которая перед зеркалом за занавеской без конца меняла платья ярких расцветок, пока продавщица приносила ей все новые и новые. Паркер еще никогда не видел свою подругу такой сияющей и возбужденной.

— Что ты думаешь вот про это? Похоже на тропический стиль? — спросила она, крутясь туда-сюда.

— Лучше было бы что-нибудь с пальмами, цветами и синим морем, — высказал он свое мнение.

Надев последнее платье, Майтен поняла, что придется остановиться скорее на чем-нибудь “субтропическом”, но и это в степной Патагонии выглядело достаточно экзотично.

Остаток дня она провела в кабине грузовика: перед боковым зеркалом накручивала волосы на бигуди и прикидывала, какой макияж больше подошел бы к такому празднику. При этом в ход пошел тот самый набор косметики, который Паркер подарил ей когда-то на ярмарке. А он, в свою очередь, с трудом отыскал чемодан, где лежала его одежда из прошлой жизни: в том числе поношенный костюм, в котором он играл в баре, несколько рубашек и галстук с узлом, завязанным как раз перед самым последним выступлением их группы. Обнаружить чемодан было не так-то просто, поскольку новый порядок, устроенный Майтен, Паркеру казался полнейшим беспорядком, поэтому то одна, то другая вещь безнадежно терялись. Наконец пыльный

чемодан объявился — правда, в самом неожиданном месте. И Паркер принялся извлекать на свет божий его содержимое, словно эксгумируя трупы из могилы. Костюм все еще сохранял форму тела своего хозяина и теперь словно оживал по мере того, как тот раскладывал его перед собой, хотя ткань немного задубела. Чтобы пробудить костюм от спячки, Паркер начал вытряхивать из него пыль, но очень легкими похлопываниями, боясь, как бы сукно не разлохматилось.

К нужному часу оба они, старательно принаряженные, шли по опустевшим улицам к площади. Ликующая Майтен опиралась на руку Паркера, так как отвыкла от высоких каблуков. На голову она накинула косынку, чтобы уберечь прическу. Короткая и узкая юбка подчеркивала стройную фигуру и открывала красивые ноги. Паркер рядом с ней выглядел похуже. Ему пришлось буквально проскальзывать в свой старый костюм. Белый тугой воротничок рубашки крепко стягивал шею, но на хорошо выбритом и гладком лице играло горделивое выражение. Мятые манжеты удалось скрыть весьма хитроумным способом: он завернул их повыше локтя, поэтому теперь та часть рук казалась неестественно мускулистой. Майтен с Паркером вошли в ресторан и пере-

секли едва освещенную цветными лампочками танцплощадку, где редкие пары уже танцевали под грустную музыку, текшую из динамиков. Привыкнув к полумраку, можно было различить повсюду нелепые гирлянды, пластмассовые цветы и пальмовые ветки. Официант проводил новых гостей к столику со свечами, и свет от них, усиленный мягким пламенем укрепленных на стенах факелов, отбрасывал по всему залу ломкие тени. Паркеру этот праздник напомнил скорее готическую вечеринку, чем тропический бал, который, в его представлении, требовал зажигательных ритмов и яркого освещения. А вот Майтен все здесь очень понравилось, и обстановка полностью отвечала ее ожиданиям, особенно когда вспыхнули софиты и стала видна сцена с нарисованными на заднике солнцем и ярко-синим морем. Ведущий, наряженный в бермуды и рубашку с пестрыми цветами, поприветствовал “избранную публику” и начал вечер с шуток и пародий. Оркестр “Крутой берег” заиграл популярную сегидилью, которую присутствующие встретили аплодисментами и веселым свистом.

На некоторых мужчинах были костюмы спасателей, на женщинах — легкие пляжные туники, другие щеголяли в чем-то пестром, смешав в

своих нарядах индейские и гавайские мотивы.

Паркер и Майтен заказали шампанское и приступили к ужину, но тут оркестр заиграл мелодию, отдаленно похожую на болеро. Паркер взял Майтен за руку и вывел в самый центр танцпола. В тот вечер их тела идеально понимали друг друга. Майтен опустила голову Паркеру на плечо и закрыла глаза.

— Спасибо, только не вздумай в меня влюбиться, — сказала она.

Паркер танцевал, двигаясь очень легко, хотя лицо его оставалось почти неподвижным. Но тут оно сразу напряглось.

— Ты слишком опоздала с предупреждением.

— Давай не поедем в Буэнос-Айрес, ведь это опасно.

Паркер стал убеждать ее, что бояться им нечего и что он почти все предусмотрел. Она снова положила голову ему на плечо, улыбнулась повлажневшими глазами, и ее грустный взгляд пробежал по другим парам. Паркер и Майтен продолжали танцевать с закрытыми глазами, погрузившись в свой собственный мир. Пока не зазвучали совсем иные, уже по-настоящему зажигательные ритмы. Шумная публика ринулась на площадку и заполнила ее с явным намере-

нием веселиться до самого рассвета. Паркеру сразу же захотелось спастись оттуда бегством, но было, разумеется, поздно. Он покорно обнял Майтен за талию и начал мягко покачиваться. Очень скоро они уже были опутаны бумажными гирляндами и лентами серпантина, а вокруг летали воздушные шары и конфетти, похожие на снежинки. Всю ночь Майтен и Паркер танцевали под колумбийские кумбии и доминиканские меренге, которые перемежались другими мелодиями, неподвластными определению. Она словно не знала усталости и вынуждена была чуть ли не поддерживать Паркера, у которого уже подкашивались ноги. Под конец в лотерее разыгрывались несколько бутылок шампанского, маракасы и два барабана конга. На прощание по залу разлилась медленная навязчивая музыка, и большая часть публики потянулась к выходу. Паркер, Майтен и еще несколько пар танцевали, подчиняясь ленивым аккордам, которые теперь скорее вызывали зевоту. Когда рассветные лучи стали проникать сквозь шторы, последние гости ушли следом за музыкантами, а эти двое все еще оставались на опустевшей площадке, двигаясь больше по инерции, в ритме, который шел уже не со сцены, а звучал у них внутри. Официанты

принялись подметать зал и сдвигать столики и стулья к стенам. Один подошел к Паркеру и тронул его за плечо.

— Праздник закончился, сеньор, — сказал он, а потом извинился за то, что, возможно, слишком непочтительно прервал их танец.

Майтен и Паркер разом раскрыли глаза и разъединились, словно их застали за каким-то постыдным занятием. Они оглядели пустой зал и увидели работников ресторана, которые ждали у дверей, когда им будет позволено отправиться по домам. Вернулись к столику, забрали свои вещи и вышли в утро, уже начавшее вычерчивать силуэты домов. Пока морское солнце поднималось все выше и выше, они, обнявшись, шли к порту, слегка покачиваясь и стараясь не заблудиться среди одинаковых построек. Майтен быстро поняла, что теперь бразды правления должна взять в свои руки она. Поэтому забрала у Паркера бутылку шампанского, но так деликатно, что он этого даже не заметил, и поставила на тротуар. Они не без труда добрели до пирса и отыскали свой грузовик. Пока Майтен помогала Паркеру раздеться, к ним подошел грузчик с пачкой бумаг. Голый по пояс Паркер вылез из кабины.

— Возникла одна проблема, поэтому разгрузить

вашу машину мы не можем, — сказал мужчина.

Паркер попытался поймать взглядом лицо грузчика и вникнуть в смысл услышанного, но у него ничего не получалось. И тому пришлось еще несколько раз повторить то же самое.

— Почему не можете? В этом порту не любят работать? — наконец выговорил Паркер, с трудом ворочая языком.

— Ваш корабль ушел еще в прошлом месяце, сеньор.

— Но ведь должен быть какой-нибудь другой, а? В океане всегда полно кораблей… — промычал Паркер, указывая куда-то вдаль.

— А кроме того, не хватает сопроводительных бумаг, таможенной декларации и разрешения на вывоз, — добавил грузчик.

— Хватит болтать, разгружайте машину, я спать хочу, — теряя терпение, бросил Паркер.

Мужчина куда-то ушел, чтобы еще раз проверить бумаги, и скоро вернулся с плохими новостями. Но Паркер из кабины больше не вышел. Он спал. Майтен достала деньги, которые прятала среди своих вещей, отделила часть и протянула грузчику, умоляя как-нибудь решить эту проблему.

— Ладно, попробую, но отвечать за все будете

сами, — предупредил тот, зажав деньги в руке.

Майтен накрыла Паркера парой одеял и сняла со своего лица перед зеркалом макияж. Потом решила задвинуть шторки на окнах. Очень скоро явились грузчики и начали разгрузку, так что несколько часов спустя машина уже была забита новыми ящиками и коробками с тропическими фруктами.

Еще через неделю Паркер и Майтен двигались вглубь континента, петляя по второстепенным трассам. Они пересекли раскаленные плато и снова спустились к пологим степным холмам. После праздника в Песчаной Гавани любые обсуждения планов на будущее были как-то сами собой на несколько дней отложены. А значит, на это время исчезли поводы и для размолвок, и для выяснения отношений.

— А что мы будем делать с этим грузом? Он ведь у нас совсем никак не оформлен? — спросила Майтен.

Паркер ответил очень уверенным тоном, словно сообщая хорошую новость:

— А мы продадим его где-нибудь по дешевке. Нужных людей я знаю, так что еще и подзаработаем немного. Пусть это будет в счет того, что задолжал мне Констанцо.

Но его доводы не слишком убедили Майтен: манго и папайи не пользовались особым спросом у местных жителей, однако больше она к этой теме не возвращалась. В их кабине теперь царила легкая и беспечная атмосфера. С рассвета до заката они наблюдали, как менялся пейзаж за окнами. И в тот день Паркер тоже вел грузовик с улыбкой на лице, покачивая головой в такт музыке и постукивая пальцами по приборной доске. Майтен сидела рядом и о чем-то напряженно раздумывала, не сводя глаз с дороги. Иногда она наклонялась к нему и трогала за плечо, иногда, наоборот, отодвигалась и прислонялась лбом к стеклу. И спрашивала себя: а вдруг будущее — это и есть такое вот движение по трассе, такое вот зависание над степью и над всем, что встречалось им по пути. Но она не хотела сдаваться, не могла променять прежние мечты на такую малость. К тому же не обманывала себя и не верила, что их вынужденное перемирие растянется надолго. Все эти мысли закручивались у нее в голове клубком, отчего на лбу появилась едва заметная морщинка. Может, поэтому она не давала убаюкать себя ни плавному движению грузовика, ни его мерным покачиваниям из стороны в сторону при подъемах и спусках? Что-то внутри у нее вдруг

начинало бунтовать, и тогда от сонной апатии не оставалось и следа. “Нет, жить так дальше нельзя”, — твердил ей незнакомый голос. Майтен нервно дернулась, ей захотелось, чтобы Паркер остановил грузовик, тогда она выйдет из кабины, сделает хотя бы несколько шагов в одиночестве, почувствует под ногами твердую почву, прочность и надежность планеты, каждой жилкой ощутив живую реальность камней и покрывавшей дорогу пыли. Но она не успела ни о чем его попросить, поскольку что-то внезапно легло между ними — у нее зародилась уверенность, будто все это уже не имеет никакого смысла, а виноват во всем Паркер с его пофигизмом и убогим спокойствием, Паркер, который был вполне доволен уже тем, что сумел приручить своих внутренних демонов, которые теперь мирно толклись где-то в сторонке, как овцы, запертые в загоне. А вот ее демоны резвились на воле и отличались непоседливостью. Поэтому самые разные чувства бередили ей душу и самые разные желания приходилось решительным образом укрощать.

В последующие дни музыку выбирала только Майтен, а Паркер молча терпел, хотя мелодии часто казались ему слишком назойливыми и сильно его раздражали. Как-то раз они останови-

лись на перекрестке, и надо было быстро принять решение, от которого зависело очень многое: двинуть в сторону Кантерарской горы мимо Господня Клинка, где вряд ли можно будет найти хотя бы одну заправку, или поехать в сторону Северного Пройдохи, где заправок тоже, скорее всего, нет, зато будет короче путь и меньше шансов столкнуться с придирчивыми жандармами. В итоге они остановились на втором варианте. К тому же там наверняка найдется телефон, чтобы позвонить в столицу.

Паркер чувствовал вину за то, что не может обеспечить сносные условия для своей спутницы, которая выглядела все более усталой и раздраженной из-за бесконечных бытовых неудобств. Ему казалось, что, погостив в Буэнос-Айресе, они найдут какой-нибудь выход из положения. Надо хотя бы на время сделать перерыв, отдохнуть от жизни на колесах, а там будет видно. На следующее утро в Северном Пройдохе тоже обнаружилась заброшенная железнодорожная станция — сохранились лишь несколько навесов, бараки, цистерна с водой, покосившийся домик, продуктовая лавка и заправка. Грузовик сделал несколько кругов, словно пес, который ищет, где бы ему поудобней улечься, и наконец остановил-

ся перед бензоколонкой.

— Нет, здесь я ни за что не выйду, даже на минуту не выйду, — сразу заявила Майтен.

Паркер выпрыгнул из кабины и велел заправщику, мальчишке в шароварах и спешно накинутом пончо, наполнить бак, а сам направился к телефонной кабине. Когда он вышел оттуда полчаса спустя, парень ждал его, держа шланг в одной руке, а крышку от бака — в другой.

— Сколько я должен? — спросил Паркер, доставая бумажник, но тот смотрел на него, словно не понимая вопроса, и Паркеру пришлось повторить.

— Ничего не должны, — после паузы ответил парень.

— Так ты наполнил бак или нет?

— Нет.

Паркер еще несколько раз попытался добиться от него внятного ответа, но с тем же результатом. У мальчишки был такой вид, словно объяснения должен был дать ему Паркер.

— Нет бензина, — еще немного подумав, ответил заправщик.

Паркер грубо выдернул шланг у него из руки и закричал:

— Ну и где тогда можно найти бензин в этой

чертовой деревне?

— Вон там! — с каменным спокойствием кивнул парень на колонку, стоявшую в нескольких метрах от них.

Только присутствие Майтен помешало Паркеру сказать все, что он о нем думает.

— Ну что, дозвонился? — спросила она.

— Да, и друг готов приютить нас в своей квартире, так что мы едем в столицу!

За завтраком они развернули на столике карту и стали намечать маршрут. Паркер водил по ней пальцем, выбирая самые безлюдные дороги.

— Вот это — опасный отрезок, его мы постараемся проскочить ночью, когда там наверняка никого не будет.

Майтен изучала в путеводителе все достопримечательности и составляла в своем блокноте список мест, которые ей хотелось непременно посмотреть в Буэнос-Айресе, — чтобы получилась программа на каждый день. И таким образом каждая дата, попадая на страницы блокнота, обретала конкретные очертания, превращаясь в адреса и названия. А Паркер содрогался при одной только мысли о людях, которые целыми семьями или, лучше сказать, целыми стадами расхаживают по улицам, что-то жуют и тупо

глазеют по сторонам. При одной только мысли о воскресных толпах, которые выстраиваются в очереди, чтобы посетить популярные туристические приманки, или в очереди на транспорт, чтобы проехать из одного конца города в другой. И он пытался думать о чем-нибудь другом, боясь испортить настроение своей подруге, но так и не смог избежать панических приступов, вдруг накрывавших его. Поэтому счел за лучшее помалкивать и целиком отдаваться музыке, ведь только музыка и могла отвлечь его от кошмарных предчувствий.

Вскоре Майтен с довольным видом закрыла блокнот, уставилась на дорогу, которую километр за километром алчно пожирал грузовик, и заснула. Они ехали всю ночь, пока вокруг не начал робко разливаться прозрачный свет, вычерчивая извилистую линию горизонта. Майтен и Паркер быстро позавтракали, предвидя, что день будет утомительным. Она рвалась вперед, потому что какая-то часть ее мечтаний должна была вот-вот исполниться, а он — потому что считал часы до момента, когда с этим приключением будет покончено. Правда, Паркер вроде бы не догадывался, что и сам тоже в какой-то мере заразился восторгами Майтен и что его

ненависть к городу и городской жизни после нескольких лет изгнания слегка поостыла. И теперь он не исключал, что, вернувшись из столицы, они смогут где-нибудь прочно обосноваться и завести общий дом, хотя пока было еще рано строить какие-то планы на будущее — в первую очередь требовалось разобраться с запутанным настоящим. Где-то ближе к полудню Майтен вдруг испуганно вскрикнула. Паркер, который вел машину в полудреме, решил, что ей привиделся дьявол. Он резко крутанул руль, и грузовик пару раз мотнулся вбок. Метрах в ста перед ними возник мобильный контрольный пункт — две забрызганные грязью патрульные машины. Там же стояли полицейские. Один из них вышел на середину дороги и энергично замахал руками, веля им остановиться.

— Я так и знала, что они нас сцапают… Это моя вина, — прошептала Майтен, в полном отчаянии схватившись руками за голову.

Паркер высунул руку в окно и жестом поприветствовал полицейских, хотя ей такое поведение показалось совершенно неуместным.

— Паркер! Сколько лет, сколько зим! Как живешь? Давай тормози, выпьешь с нами мате, — крикнул полицейский, кивнув в сторону

обочины, где двое других кипятили воду в почерневшем чайнике, повесив его над костром прямо на дуло винтовки.

— Не могу. Еду в Буэнос-Айрес, — ответил он таким тоном, словно сообщение о том, что он направлялся в столицу, сразу добавило его персоне важности.

Полицейский вскочил на подножку, чтобы заглянуть в кабину.

— А, теперь понятно, — бросил он, увидав Майтен, которая поздоровалась с ним дрожащим голосом.

— Не хотите выйти и выпить с нами мате, сеньорита? — повторил свое приглашение патрульный, но на сей раз еще радушнее.

Она промолчала, решив дождаться от Паркера объяснений и понять, впутались они в какие-то неприятности или нет.

— К следующей встрече жарьте мясо — вот тогда мы обязательно к вам присоединимся, — ответил он.

Полицейский пожал ему руку, потом подмигнул, изобразив всем лицом полный восторг.

— У меня имеется несколько тонн манго и папайи. Ты не знаешь никого, кто бы захотел их купить? — спросил Паркер.

Полицейские тихо посовещались.

— А что такое эти твои манги? — спросил тот, что придерживал винтовку с висящим на ней чайником.

— Они похожи на яблоки, только сильно от них отличаются, — стал очень серьезно объяснять Паркер, на что полицейский покачал из стороны в сторону пальцем:

— Ну а папайи?

— Папайи тоже похожи на яблоки, но тоже на вкус совсем-совсем другие.

— Трудно будет их тут продать… Здешние люди не едят такие непонятные фрукты, нет у них к ним доверия. Даже бананы у нас плоховато идут, — сказал полицейский, не сводя глаз с Майтен.

Паркер попрощался с ними и снова положил руки на руль.

— Эй, Паркер, думаю, этих фруктов тебе хватит на много лет. Хорошо, что у тебя есть помощница, — закричал другой полицейский им вслед.

— Это мои друзья, — ответил Паркер на вопросительный взгляд Майтен.

— А почему же мы не посидели с ними?

— Пойми, тут дружить нужно и со всеми — и ни с кем. Главное — не переусердствовать.

— Но дружба — это ведь совсем другое.

— На дороге действуют свои правила — не такие, как в обычной оседлой жизни. В пути ты всегда один, везде бываешь лишь проездом, но в любой миг тебе может понадобиться чья-то помощь.

— То есть к людям надо относиться чисто практически?

— Точно, и ты уже начинаешь понимать, как живут в здешних краях, — заключил он с довольным видом, но его назидательный тон почему-то обидел Майтен.

— Я лучше тебя знаю, как живут в здешних краях. Люди заводят друзей и помогают друг другу, ничего не прося взамен. — Теперь Паркер глянул на нее недоверчиво, а она продолжала: — Правда, я имею в виду обычных людей, а не тех, что обитают за пределами нашего мира, то тут, то там, и только потому, что просто и сами не понимают, где им лучше приткнуться.

— Опять та же песня? Пойми, это и есть мой мир! — раздраженно бросил Паркер, кивнув на степь за окном. — И я вжился в него гораздо прочнее, чем ты в свой, если, конечно, ты знаешь, каков он на самом деле, этот твой настоящий мир.

— Мой мир — это еще и другие люди, и я считаю себя их частью.

— Пустые слова. Вот скажи, разве у тебя есть друзья?

— Нет, но я хотела бы с кем-нибудь познакомиться и подружиться.

— Ну а я чувствую себя слишком взрослым для подобных вещей.

— Ты не взрослый, ты старый. У тебя был когда-нибудь настоящий друг?

Паркер не нашелся с ответом, к тому же ее доводы слишком смахивали на рассуждения героев из дешевого сериала.

— Не знаю, наверное, был.

— Друзья, они или есть, или их нет. Разумеется, если это настоящие друзья, а не случайные приятели, с которыми ты время от времени пересекаешься, чтобы поесть, напиться, попеть и на следующий день — распрощаться.

— Такого друга у меня не было.

— Что посеешь, то и пожнешь. Да и зачем заводить друзей, если ты вечно в пути? Но именно из-за этого люди становятся пустыми внутри — совсем как эти степи.

— А тебе кажется, что в городе лучше?

— Хуже, чем здесь, нигде быть просто не может,

одиночество разрушает любые человеческие чувства.

— Зато здесь все проще и основательней, и наши чувства — они именно такие, какими кажутся. А там, где люди живут кучно, как лучшие, так и худшие чувства растут словно сорная трава — смешиваются и перепутываются, — стал рассуждать Паркер, но не довел свою мысль до конца, так как увидел новую развилку — уже без намека на указатель. Пришлось притормозить. Он попробовал сориентироваться по линии гор, потом попросил Майтен посмотреть, сколько им осталось ехать до национальной трассы. Она взяла большую карту, с трудом разложила и пару раз перевернула туда-сюда, отыскивая номер нужной трассы где-то у самого края:

— Тут написано Парагвай.

— Спускайся ниже, юг — это внизу, — терпеливо объяснил Паркер, пока она переводила взгляд с карты на степь за окном, словно дожидаясь подсказки оттуда.

— Эта карта, наверное, неправильная. В какой мы сейчас провинции?

— В той же самой, что и неделю назад, — ответил он, а потом указал нужную точку, но Майтен интересовал только результат — когда и куда они

попадут, а не каким путем. Выстраивать маршрут — дело мужское. — Мы поедем на восток, у следующей развилки повернем направо, потом будем двигаться вот по этой линии, потом соскочим на второстепенную дорогу. Видишь? Надо, чтобы горы были все время слева, ну а после моста будет поворот…

— А еще через несколько дней… Буэнос-Айрес! — Майтен захлопала в ладоши, но сразу же опять нахмурилась. Через несколько дней — это через сколько? Ведь скорость — тоже понятие очень условное, это, конечно, в первую очередь отношение расстояния ко времени, но нельзя не учитывать и другие составляющие. Ведь тут можно ехать со скоростью трех рек в день, двух провинций в месяц или пяти поселков в неделю.

— С какой скоростью мы едем?

— Со скоростью восьми гуанако в час, — без заминки ответил Паркер, бросив быстрый взгляд в окно.

Потом надолго задумался о том, чем обернется для него возвращение через столько лет в город, где прежде на него обрушились такие беды. И та часть этой истории, которая до сих пор крепко спала, сразу зашевелилась в его памяти, просыпаясь. Там, в столице, должны сейчас жить

его бывшая жена и сын. Нужно будет или нет позвонить им? Чтобы сказать что? И как их отыскать? Расстались они очень нехорошо, и за все это время он ничего о них не слышал. Можно, конечно, навести справки у ее родственников или у общих знакомых, но и сам процесс поисков представлялся Паркеру не менее удручающим, чем личная встреча. Все подробности тогдашнего бегства из столицы сейчас обрушились на него лавиной, и от воспоминаний перехватывало дыхание. Перед ним всплыло лицо укравшего деньги ударника, рядом с ним нарисовались главарь банды и тот полицейский-головорез, который, вполне возможно, до сих пор разыскивает Паркера, чтобы получить с него долг. Пожалуй, пришло время разобраться и с вором, ведь как раз его-то не так уж и трудно найти в одном из ночных клубов — наверняка играет и сейчас в какой-нибудь группе. Когда все это случилось, то есть по горячим следам, Паркеру не хватило смелости поквитаться с ним за то, что тот предал их многолетнюю дружбу. Кто-нибудь из старых приятелей что-нибудь о нем непременно знает. И однажды вечером Паркер явится и застанет мерзавца врасплох, чтобы в лицо сказать ему все, что в свое время сказать не получилось. Он вой-

дет в переполненный зал и увидит этого подонка за ударной установкой. Кинется на него и начнет бить. Мысли о мести взвинтили Паркера, и он почувствовал бешенство, какого раньше никогда не испытывал. Вообразил, как колотит лежащего на полу ударника — на глазах у публики, которая не знает, как на это реагировать. Потом, когда уже до полусмерти измочаленный тип взмолится о пощаде, Паркер крикнет ему, что тот может подавиться украденными деньгами и что сам он явился лишь для того, чтобы назвать подлеца подлецом. А главный бандит? Ему отомстить будет сложнее, но какой-нибудь способ непременно тоже найдется.

— О чем ты думаешь? — спросила Майтен, заметив, как помрачнело и напряглось лицо Паркера.

Но он ничего не ответил, а только крепче ухватился за руль, так как знал, что ничего подобного никогда не сделает, ведь прошлое осталось далеко в прошлом и с той историей безвозвратно покончено. Та история его больше не волновала, а значит, не стоило о ней и говорить, лучше промолчать. Только через несколько минут Паркер оторвал взгляд от дороги и посмотрел на свою спутницу, которая наблюдала за ним, не понимая причины его нервозности.

— Я думал, как хорошо мы будет проводить там время, — соврал он и широко улыбнулся, а потом завел речь о планах на их совместную жизнь: можно будет взять кредит, перекупить фирму у старика Констанцо, иногда перевозить грузы, но не слишком часто, а в основном жить в каком-нибудь городе, не очень крупном, но все-таки городе, где есть асфальтовые улицы и люди ходят по тротуарам, где имеются высокие дома, центр с магазинами и, разумеется, автовокзал, откуда автобусы разъезжаются по всей стране. Майтен затаив дыхание слушала его, и по венам ее разливались горячие потоки радости, хотя она уже давно приучила себя не слишком доверять чужим словам и обещаниям.

Грузовик мчался мимо безлюдных просторов и безымянных поселков. Но вдруг, когда уже начали сгущаться сумерки, Паркер после очередного поворота увидел впереди странные мигающие огни и несколько светящихся неземным светом человеческих фигур. Он подумал было, что это космический корабль прилетел из другой галактики и сел на трассу, однако ему не пришлось спешно изобретать язык, чтобы поприветствовать инопланетян, так как быстро открылась печальная реальность. Паркер нервно спрятал

под сиденье бутылку вина, велел Майтен убрать с приборной панели тарелки и остатки еды, приглушил музыку, сел поплотнее и положил руки на руль. Невдалеке перед ними расположился мобильный блокпост, и два жандарма в светоотражающих куртках знаками приказали грузовику остановиться.

— А эти, они тоже твоя друзья? — спросила Майтен.

— Боюсь, что нет, — очень серьезно ответил Паркер.

За время отсутствия Майтен луна-парк стал напоминать судно без руля и ветрил, которое стихия мотала по океану. Он переезжал с места на место, и наконец его жалкие остатки нашли пристанище на холмах у какого-то городка с невнятным названием. И сейчас, когда последние лучи солнца стелились почти параллельно земле, колесо обозрения, с некоторых пор годное скорее для созерцания конца света, чем окрестностей, скособоченным овалом высилось на фоне закатного неба. Рядом с ним замерли американские горки, только чудом еще не развалившиеся.

Мимо луна-парка, открытого всем ветрам, вела к городку пыльная тропинка, которая упиралась в руины толстой стены. Повсюду валялись

ржавые конструкции, перевернутые машинки с автодрома, а также карусельные лошадки, танки и кареты. Фреди стоял на страже у входа в туннель поезда-призрака и нервно поглядывал в сторону городских домов. Потом вдруг с опаской, грозно размахивая палкой, приблизился к занавесу. Он вытягивал шею, чтобы получше услышать звуки, доносившиеся изнутри, но полосы джута мешали различить происходящее за ними. Отчетливей всего до него доносился стук жестяных листов, которые были плохо прилажены и колотились друг о друга в одном и том же безумном ритме. Он почувствовал озноб, словно из пасти туннеля повеяло тлетворным духом. От мощного порыва ветра все строение задрожало, как при землетрясении. Фреди попятился назад и застыл под аркой, служившей, как и прежде, входом в парк. Час спустя появился Эбер. Он шагал по тропке с сумкой через плечо и нес двух куриц, привязанных за лапы к палке. Эбер сразу направился к билетной кассе, открыл дверь и выпустил свою добычу туда.

Фреди уставился на его сумку.

— Ну и что еще тебе удалось отхватить? — спросил он, едва брат начал демонстрировать ее скудное содержимое. Но там лежали главным

образом бутылки с разного цвета газировкой.

— Неужто только это и дали за плащ Дракулы?

— Да ведь он был сильно потрачен молью, так что я, считай, еще много выручил за сплошные-то дырки, — объяснил Эбер и принялся раздувать угли в почти погасшем костре рядом с будкой. Потом добавил туда обломки стула и стал ждать, пока появятся первые языки пламени, чтобы привесить над ними большой котелок. После чего братья сели на ящики и затеяли игру в карты. Время от времени то один, то другой делал щедрый глоток из своей бутылки с газировкой, поставленной между колен, и вытирал рот рукавом. Карты приходилось прижимать к ящику камешками, чтобы не унес ветер.

Рядом с боливийцами валялись куклы, похожие на павших в бою солдат. Выпученные глаза глядели в небо, будто тоскуя о временах былой славы. Скрюченный Франкенштейн лежал среди мешков с мусором, а Дракула, уже без плаща и с отломанными клыками, запутался в мотках кабеля и мечтал только об одном — как бы поскорее снова очутиться в туннеле.

— Ладно, выиграл я, и будить хозяина, выходит, тебе идти, — сказал Эбер, делая последний ход. Голос его порой заглушался свистом ветра,

который метался среди хлипких конструкций и нес с собой ветки, обрывки полиэтилена и даже мелкие камешки.

— А всю прошлую неделю кто туда ходил? Нет уж, теперь твой черед, — ответил Фреди.

— Я не могу, потому как варю еду, — сказал Эбер, доставая пакет с рисом и высыпая его содержимое в кипящую воду.

— Уж лучше иди ты, братец, — не сдавался Фреди.

— Нет, лучше ты! — Эбер вытащил из сумки какие-то овощи и кусок мяса, завернутый в испачканную кровью газету. Все это по очереди он бросал в котелок и помешивал вместо половника ножкой стола.

Фреди лениво поднялся и еще немного постоял, глядя на бурно кипящее варево, от которого поднимались клубы пара.

— Ну ладно, что ж, тогда пойду я, — буркнул он наконец.

Они уже несколько дней толком ничего не ели, и даже один только вид варящейся похлебки немного приглушал голод. Фреди снова взял палку и с опаской двинулся в сторону входа в тоннель, а другой рукой он на всякий случай сжимал распятие, висевшее у него на груди. Потом палкой

раздвинул завесу. И заглянул внутрь, готовясь достойно ответить на любые козни дьявола, если тот и вправду засел там, во мраке.

— Эй, хозяин! — крикнул Фреди пару раз, но никакого отклика не последовало. — Эй, еда вот-вот поспеет! Хозяин! Слышь меня?

Тем временем Эбер присоединился к брату.

— Придется тебе все ж таки туда войти, — сказал он.

— Совсем спятил? Ни в жисть не войду, сам давай, коли такой смелый.

— В карты проиграл ты, братец, и теперь твой черед входить.

Фреди и Эбер несколько минут стояли, глядя на занавес, словно дожидаясь, а вдруг что-нибудь избавит их от необходимости лезть в страшное нутро.

— Эй, хозяин, еда готова! — кричали они теперь уже в два голоса, хотя их крики терялись в мрачных лабиринтах и там тотчас снова воцарялась прежняя тишина.

Фреди направился к билетной будке и открыл дверь. Вверх взлетело облако перьев, и куры выскочили на волю, отчаянно хлопая крыльями. Потом он достал из ящика рукоятку рубильника и вернулся к приборной доске.

— Ты че задумал-то, чудило? — заорал на него Эбер. — У нас уж которую неделю нет электричества!

Фреди несколько раз двинул какие-то рычаги и замер, навострив уши. Но в туннеле по-прежнему все было тихо, если не считать ударов ветра по шатким стенам.

— Никогда ничего нельзя знать наперед, и наш Господь умеет творить чудеса, — флегматично ответил он брату, поднимая и опуская рычаги.

— Ладно, пошли вдвоем, — предложил Эбер, решив больше с ним не спорить.

— Ага, только ты иди первым, — неохотно согласился Фреди и недолго думая позаимствовал косу у скелета, который переживал уже вторую смерть, но теперь уже лежа на земле.

Братья, как два средневековых рыцаря перед сражением, медленно и дрожа от страха вошли в туннель, однако на их обветренных суровых лицах не осталось и следа от прежних колебаний. Они шагали по рельсам и краем глаза поглядывали на редкие фигуры, которые еще стояли во мраке, выполняя роль последних стражников этого мира. Там же застыли кабинки поезда-призрака — одни были опрокинуты набок, другие с гордым видом держались на рельсах в нужном

положении, хоть и были слегка покалечены. Братья дошли до центральной площадки. Отыскать Бруно им труда не составило. Он спал в одной из кабинок — развалившись и свесив до земли руки. Рядом валялась бутылка из-под виски. Братья слегка приободрились и, спотыкаясь о них, подошли поближе. Эбер несколько раз тронул Бруно за плечо, твердя, что обед, первый за несколько последних дней, уже готов, но их шеф не подавал признаков жизни. Тогда Эбер кое-как смахнул с рельсов мусор, встал сзади и начал медленно толкать кабинку, опасаясь, как бы один из монстров, охранявших лабиринт, не решил, что они задумали умыкнуть у них пленника. Фреди шагал следом, подняв вверх косу и как бы прикрывая отход. По мере того как они двигались к свету, скрип колес становился все пронзительней, и вскоре братьев охватила жуткая паника. Им казалось, будто они и на самом деле попали в преисподнюю. Мощное тело Бруно сейчас напоминало студенистую массу, а кабинка при каждом повороте могла опрокинуться или сойти с рельсов. Как только перед ними вырастала очередная фигура, якобы грозившая перекрыть им дорогу, Фреди бросался на нее, пуская в ход кулаки и даже ноги, хотя чаще промахивался,

чем попадал в цель.

Поднятый ими шум заставил Бруно кое-как выплыть из алкогольного тумана, в который его то и дело затягивало на протяжении последних недель. Он захлопал глазами, стараясь понять, что происходит. И с изумлением увидел полосы дневного света, пробивавшиеся сквозь щели, пока сам он непонятным образом двигался к выходу. Еще несколько секунд — и огромная пасть выплюнула их наружу. Ослепленный солнцем Бруно пару раз перевернулся, отыскивая положение поудобней, чтобы вновь провалиться в сон, коль скоро кошмар вроде бы рассеялся, но что-то до него все-таки начало доходить, и остававшийся еще открытым правый глаз помог ему оценить ситуацию. Бруно с трудом приподнялся, ругаясь последними словами и требуя, чтобы его вернули назад, в темноту, где можно спрятаться от всех бед, какие обрушила на него судьба.

— Обед готов, хозяин, — сказали ему в один голос братья, довольные тем, что вышли целыми и невредимыми из проклятого лабиринта, хотя сердца у обоих продолжали бешено колотиться.

Бруно какое-то время смотрел на своих помощников, распахнув правый глаз уже во всю ширь. И тут же память стала возвращать ему события

последних дней, недель и месяцев. Наконец он отчетливо понял: это пустынное место, эти развалины и ржавые железки — все, что осталось от его луна-парка, а этот дрожащий тип с помраченным рассудком — все, что осталось от него самого. Бруно снова откинул голову назад и велел отвезти его обратно в туннель. Он вопил, что не желает больше ничего знать про проклятую ярмарку — и пусть ему дадут помереть спокойно. Фреди и Эбер начали толкать кабинку опять к пасти чудовища, которое смотрело на них с еще большей алчностью, но хозяин вдруг решился приоткрыть еще и левый глаз, а ноздри его раздулись, почувствовав запах варева.

— Стойте! — завопил он, и братья разом притормозили. — Ну и что вы там приготовили?

— Картошку с рисом, — сказал Фреди, в то время как Эбер схватил Бруно за руку и помог выбраться на землю.

— Опять? — спросил тот, разминая затекшие руки и ноги, отчего у него захрустели кости. Казалось, он скорее умрет с голоду, чем прикоснется к стряпне боливийцев.

— Нет, шеф, в прошлый раз у нас были просто рис с картошкой, а теперь там есть еще и немного мяса, которое удалось раздобыть в городе.

Слово “мясо” явно обрадовало Бруно, и вскоре все трое, рассевшись на ящиках, громко и с удовольствием жевали. При этом одной рукой они прикрывали свои миски от песка и пыли, вихрями крутившихся вокруг.

— Ну и что мы будем теперь делать, хозяин? Ить ведь никто сюда к нам не приходит, — завел разговор Эбер.

— Да кто же сюда придет? Сами разве не видите, во что тут все превратилось! А вы оба при этом целыми днями ни черта не делаете.

— Ну а что мы должны делать-то? Нет ни электричества, ни денег, ни еды, вообще ничего нет, — стал жалобно перечислять Фреди.

— Вот и уходите, ежели желаете, мне это уже без разницы. Пусть все провалится в тартарары.

— А нам и уходить-то некуда, здесь у нас как-никак хотя бы есть крыша над головой, — ответил Эбер, махнув рукой в сторону домиков на колесах, которые каким-то образом еще сохранились, пережив все катастрофы.

— А еще мы не хотим оставлять вас здесь одного. Потому как в туннеле вас непременно сожрут привидения.

— Беда в том, что живете вы в потемках, но едва приблизитесь к Богу, сразу для вас просияет

свет, — завел прежнюю песню Эбер.

— Хватит! Единственный свет, который мне нужен, это тот, от которого начнут работать аттракционы, а на любой другой мне плевать.

— Только как раз его-то у нас и нету.

— Но и другого света я что-то на ваших лицах тоже не замечаю, — отрезал Бруно.

— Свет Господа искать надобно, его просто так не разглядишь. Он должен у каждого в душе сиять.

— Где мои шахматы? — вдруг спросил Бруно, покончив с едой.

Эбер сходил к вагончику и вскоре появился, неся пыльную коробку. Бруно взял ее осторожно, двумя руками, словно речь шла об очень хрупкой вещи. Только это и осталось у него от Майтен — единственный материальный след того, что жена на протяжении нескольких лет находилась рядом. Бруно открыл коробку, чувствуя, что на отполированных фигурах еще что-то от нее сохранилось, и теперь брал их одну за другой, пытаясь разглядеть воспоминания, прилипшие к блестящей поверхности. Например, слабый отпечаток ее пальцев, мягко передвигавших их с клетки на клетку. Бруно освободил ящик, заменявший им стол, от мисок, бутылок и колоды

карт, после чего принялся расставлять шахматы, но делал это опять по-своему: ладьи в центре, пешки по вертикальным линиям, а высокие фигуры, которые Майтен упорно называла королем и королевой, чередовал с конями и слонами. Именно эта часть игры нравилась ему больше всего — когда он выстраивал фигуры по своему усмотрению, а потом и двигал их тоже как ему заблагорассудится. И когда никто его не поправлял и не указывал, как и что надо делать. Ему было плевать на установленные кем-то правила, он всегда желал руководствоваться только своими собственными. И теперь, без сидевшей напротив Майтен, мог играть, ни перед кем и ни в чем не оправдываясь, хотя все-таки было нужно, чтобы напротив кто-нибудь сидел, а теперь в его распоряжении имелись только два боливийца.

— Вы спрашиваете, хозяин, умеем ли мы играть в эти фигурки? Еще как умеем! — заверил его Эбер.

— У нас эта игра называется чапак чункана, а придумали ее, кажись, гринго, только сейчас тут все неправильно стоит: сюда надо ставить инку и варми, сюда — две пукары, сюда — кавалью, а сюда — пийюна, — принялся объяснять Фреди, но до конца договорить не успел.

— А мне нет дела до того, как играют инки, мы находимся на юге, и здесь каждый играет по-своему.

— Только вряд ли мы сумеем начать игру, если сперва не условимся, что фигура кавалью ходит на две клетки вперед и на одну вбок, пукара всегда идет в одну или в другую сторону, но никогда — наискосок, — не унимался Эбер.

— С вами иметь дело еще хуже, чем с Майтен, вы хитрите, потому что вам надо непременно меня обыграть, — взвился Бруно, оскорбленный столь дерзким к нему отношением, но потом, после долгих пререканий, все-таки пошел на попятную.

Эту партию они вели по всем правилам, хотя иногда Эбер и Фреди делали ему поблажки, так как испытывали к хозяину большое почтение. Особенно теперь, после того как с беднягой так подло поступила жена. Партия продолжалась до вечера, и боливийцы как могли тянули время, желая доставить Бруно удовольствие, а еще чтобы снова увидеть на его лице хотя бы тень надежды. Однако он по-прежнему оставался угрюмым и немного рассеянным. Наконец шахматы его утомили, и он отправился к билетной кассе, которая стояла рядом с разломанной каруселью. Когда

Бруно распахнул дверцу, оттуда, хлопая крыльями, выскочили две курицы. Бруно отогнал их ногой и стал искать очередную бутылку виски. Но вскоре вышел с пустыми руками, опять изрыгая страшные проклятья. Фреди взял сумку, с которой вернулся из городка, достал оттуда виски и протянул Бруно:

— Вот, берите, только подумайте еще и о том, чего нам дальше-то делать. Те злые демоны из туннеля, они из вас всю душу высосут. — Он говорил приниженно, и маленькая фигура боливийца рядом со здоровенным хозяином выглядела его робкой тенью.

Бруно в знак благодарности лишь подмигнул ему и тотчас жадно приложился к бутылке.

— Если бы вы начали искать истину Господа и свет, которые исходят от нашего Спасителя, все бы еще можно было поправить. И поправить прежде, чем придет зима и нас накроет снегом, — добавил Фреди.

Бруно сделал новый глоток и с презрением посмотрел на своих помощников.

— У меня осталось не так уж много идей. Вернее, есть только одна, последняя, — сообщил он и принялся расхаживать по площадке. Но через каждые несколько шагов останавливался,

смотрел непонятно куда, разворачивался и опять шел. Боливийцы не отставали от Бруно, как два его телохранителя. — А мой мотоцикл? — вдруг спросил он, словно очнувшись.

— Да он, кажись, уже и не заводится. С чего это вы о нем вспомнили, хозяин?

— Отыщите его и подремонтируйте. Я на несколько дней отлучусь, а вы останетесь присматривать за всем этим хозяйством до моего возвращения, — велел им Бруно, после чего отправился в свой вагончик.

Эбер и Фреди молча переглянулись и двинулись следом.

— Ну и куда же вы поедете? — наконец в один голос спросили они, и вопрос их прозвучал очень жалобно.

Но Бруно не удостоил их ответом. На следующее утро он позавтракал остатками вчерашней еды, отшвырнул прочь грязную миску и подошел к боливийцам, которые возились с мотоциклом, не без труда найденным на автодроме среди опрокинутых машинок.

— Вон, гляньте-ка, шеф, совсем как новенький стал, только вот с места он навряд ли сдвинется, — гордо заявил Фреди.

Бруно несколько минут смотрел на мотоцикл,

обреченно качая головой:

— Идиоты, разве это мой мотоцикл? Он ведь на карусели стоял между фургоном скорой помощи и пожарной машиной, — принялся объяснять Бруно с непривычным для него терпением. — Я вам велел найти настоящий. Давайте ищите — и чтобы к полудню был на ходу, — гаркнул он и опять скрылся в вагончике, где принялся кидать в сумки свои нехитрые пожитки.

Братья потратили на поиски целое утро, пока не обнаружили пропажу на другом краю площадки под кусками брезента и пластика. В баке еще осталось немного бензина, и пару часов спустя на мотоцикле уже можно было ехать.

— А вы так и не скажете нам, куда отправляетесь? — спросил Эбер все так же жалобно, но Бруно ничего не ответил, пристраивая сзади свои сумки.

— Лучше бы вам забыть про эту вашу Майтен, она, видать, теперь уже далеко, а вы только новые беды на свою голову притянете, — подал голос Фреди.

Однако Бруно их явно не слышал и еще меньше был расположен принять во внимание чьи-то увещевания.

— Ну а нам-то что делать, ежели вы не верне-

тесь?

— Если не вернусь через месяц, делайте что хотите, я вам все это дарю. Поезжайте куда угодно — главное, чтобы в том месте не было ветра, — сказал Бруно, доставая из кармана пачку денег. — Вот, берите. Самому мне много не нужно, — сказал он напоследок и несколько раз с силой повернул ручку газа, хотя она, как и следовало ожидать, никак на это не отреагировала.

Пришлось толкать мотоцикл до начала спуска с холма, откуда Бруно легко покатился вниз, пока мотор с кряхтением и дрожью не завелся.

— Подождите! — закричал Эбер, хватая косу, которой обычно пользовался для защиты от вампиров и людей-волков. — Возьмите хотя бы это, вдруг пригодится! И берегите себя, хозяин!

Бруно сунул рукоять косы сзади за ремень, застегнул шлем под подбородком и сорвался с места, обдав боливийцев тучей пыли.

Паркер остановился на обочине, глядя на огни непрерывно мигающих патрульных машин, так что все это напоминало сцену из старого научно-фантастического фильма. Его грузовик тотчас окружили фигуры в светоотражающих куртках, и вокруг забегали лучи фонариков.

— Полицейские? — спросила Майтен.

— Очень хотелось бы надеяться, что это и вправду инопланетяне в форме жандармов, — ответил Паркер.

Он высунулся в окно, один из офицеров по-военному отдал ему честь и начал сурово, но достаточно вежливо задавать вопросы, не переставая водить фонарем по кабине. Паркер и Майтен чувствовали себя униженными под его бесцеремонным взглядом, который вторгался в их личное пространство.

— Куда направляетесь?

Паркер попытался улыбнуться, но у него это плохо вышло. И вообще, в безжалостном свете фонаря небритое лицо и темные круги под глазами делали его похожим на преступника, чей портрет полиция вывешивает на улицах вместе с объявлением о розыске.

— В Буэнос-Айрес, хотели провести там несколько дней и…

— Груз имеется? — строго перебил его жандарм, продолжая изучать внутренность кабины.

Паркер чуть замешкался и сначала сказал, что да, имеется, потом, что нет, потом, что есть немного, но офицер уже перестал его слушать.

— Предъявите водительские права, страховку, свои документы, документы пассажиров и бума-

ги на груз, пожалуйста.

Паркер кивнул и сделал вид, будто ищет все это, хотя на самом деле лихорадочно старался придумать какой-нибудь способ выкрутиться из весьма опасной ситуации.

— Сколько человек в машине? — продолжал свои расспросы жандарм, пока Паркер дрожащими руками протягивал ему пакет с документами.

Ни одна спасительная идея в голову не приходила, к тому же он знал, что собранные в пакете бумаги никуда не годятся.

— Нас тут, как вы сами видите, двое — она и я.

Луч опять скользнул по их лицам.

— И больше вы ничего не можете мне предъявить? — удивился жандарм, мельком глянув на документы.

— Есть у меня кое-что еще и вот здесь, — добавил Паркер неестественно беспечным тоном, открывая бумажник, но лицо стража порядка сразу окаменело, и он посоветовал Паркеру не усугублять свое положение такими вот фокусами.

— С тем, что вы мне предъявили, нельзя управлять грузовиком, — заявил он грозно, держа в одной руке просроченные и потрепанные водительские права, а в другой — несколько

сложенных листков бумаги, уже изрядно пожелтевших, так что было трудно разобрать, что там написано.

Майтен через плечо Паркера с улыбкой протянула жандарму свои документы, но он даже не повернул в ее сторону головы.

— Тут у вас далеко не все в порядке. Сами-то вы откуда?

Но и на этот вопрос Паркер не смог толком ответить. Откуда он сам? Вот уже не один год он катался по дальним окраинам континента, не всегда имея точные сведения о пунктах отбытия и прибытия. Порой достоверно не зная, где должен начаться его маршрут и где закончиться — любой имел скорее форму круга, хотя доводилось ему вычерчивать бесконечные кривые или зигзаги, которые нередко пересекались между собой, так что, если перенести подобные плутания на карту, получилась бы бессмысленная пачкотня — клубок непонятных линий.

— Скажи им поскорее хоть что-нибудь, скажи что угодно, только не молчи, — шепнула ему на ухо Майтен, но Паркер словно онемел, поскольку был совершенно не способен изъясняться на необходимом сейчас официальном языке. Да и что мог ответить на подобный вопрос человек,

который водил машину, ориентируясь по звездам, и привык мириться с непредсказуемыми капризами природы?

— Да ответь же ему! — опять шепнула Майтен, но уже настойчивее, в то время как Паркер оцепенело смотрел на жандарма, не находя ни одного нужного слова.

— Беда в том, что я и сам не знаю, откуда приехал, — пробормотал он наконец еле слышно.

Офицер глянул на него холодно, с профессиональной суровостью и по-прежнему вежливо приказал:

— Выходите, пожалуйста, и следуйте в пункт контроля.

Контрольный пункт состоял из нескольких вагончиков и трейлеров, которые служили чем-то вроде штаба с собственным центром связи. Во всяком случае, на крышах имелись антенны и радиолокаторы. Рядом была устроена парковка, где жандармы как раз сейчас проверяли несколько грузовиков. Паркер и Майтен при свете мигающих синих и красных огней шли по обочине дороги в сторону главного вагончика.

— И откуда только их черт принес? Ничего подобного я ни разу не видел, — буркнул Паркер.

— Мне очень страшно, — отозвалась Майтен,

еще теснее прижимаясь к нему, и тихо добавила: — Хотелось бы надеяться, что и эти тоже пригласят нас отведать жареного мяса, только вот плохо в такое верится. — Потом она уже совсем другим тоном попросила его поскорее что-нибудь придумать, хотя сам он знал, что на сей раз вряд ли сумеет отмазаться.

— Мы везем что-нибудь запрещенное? — спросила она.

Паркер задумался и не слишком уверенно ответил:

— Нет, думаю, что нет… Манго, папайи… Могло быть и хуже…

В вагончике офицер пригласил их сесть к столу, пока оператор передавал куда-то информацию о Паркере и его грузовике. Эти звуки действовали Паркеру на нервы, и особенно когда он услышал, как металлический голос повторяет его данные. Тем временем снаружи другие люди занимались проверкой их груза, вскрывая выбранные наугад коробки и ящики. Паркера прошиб озноб, едва он представил, как эти алчные псы обнюхивают каждый закуток в грузовике. Он словно воочию видел, как они осматривают его домашнюю утварь, мебель, как затянутые в перчатки руки роются в простынях и шкафах, листают книги,

записи и глазеют на фотографии. Как острые лучи фонарей выдергивают отдельные фразы из записей в его личном дневнике. Скоро от теплой и легкой атмосферы, царившей в кабине, которую они делили с Майтен, не останется и следа. Никогда еще Паркер не чувствовал себя до такой степени униженным. Он окончательно пал духом и не мог переломить себя, чтобы попытаться хоть что-нибудь объяснить жандарму. Угадав его состояние, Майтен решила вмешаться. Она встала и начала во всех подробностях описывать положение дел — с большой готовностью и очень чистосердечно. Если поначалу офицер, уткнувшийся в бумаги, вроде бы никак не реагировал на ее пылкую речь и выглядел непрошибаемым служакой, то постепенно в нем стало просыпаться что-то человеческое. Майтен чувствовала себя виноватой в случившемся и старалась сделать все возможное, чтобы вызволить Паркера из беды. Ее мягкие манеры и теплый тон явно подействовали на неприступного с виду жандарма, привыкшего неукоснительно исполнять свои обязанности, и в конце концов он обещал в меру своих возможностей им посодействовать.

Они молча сидели, курили и ждали. Наконец жандарм вернулся к столу с бумагами в руках.

Он перечислил все непорядки, обнаруженные в документах, и объявил: пока ехать дальше им запрещается. Хотя про себя Паркер поносил жандармов последними словами, они с Майтен понуро слушали его и кивали в знак согласия, словно им зачитывали приговор суда, а их судьба зависела лишь от того, смогут они или нет вызвать сочувствие у палача. Паркер, старательно изображая полное спокойствие, пообещал, что, если их отпустят, хозяин фирмы на следующий же день решит все проблемы. Жандарм в ответ грозно помахал папкой и заявил, что это исключено, поскольку до сих пор не удалось отыскать никаких сведений про ту фирму, которая якобы занимается грузоперевозками, а соответственно и про ее владельца. Поэтому грузовик и груз подлежат аресту.

— Дело в том, что мой шеф — человек немного неаккуратный в делах, — попробовал возразить Паркер.

— Не только ваш шеф, но и вы тоже, ведь ваша лицензия не дает вам права управлять грузовиками, а кроме того, срок ее истек еще два года назад. И для вас же будет только лучше, если я не стану копать глубже, — добавил жандарм, захлопнув папку.

Майтен быстро встала между ними и выпалила самым трогательным тоном:

— Это я во всем виновата, а сеньор всего лишь помогает мне выбраться из очень неприятной ситуации.

Жандарм посмотрел на нее с любопытством и даже начал снова сравнивать лицо Майтен с фотографией на ее документах.

— Кажется, с вами действительно случилось что-то серьезное. Если бы это зависело только от меня, я бы вас отпустил, но — не могу. Грузовик останется здесь до составления соответствующего акта, который мы передадим в суд. Звоните хозяину фирмы, пусть явится сюда как можно скорее, — посоветовал он. Но, прежде чем они вышли, посмотрел на Паркера и спросил, есть ли у него с собой хотя бы сменная одежда.

— Грузовик — мой дом, я в нем живу.

Такой ответ вызвал у жандарма явное недоумение, и после минутного колебания он добавил, что в порядке исключения разрешает им там оставаться. Оказавшись у себя в кабине, Паркер и Майтен не обменялись ни словом и улеглись под одним одеялом. А проснулись оба в тот миг, когда первые лучи окрасили в золотистый свет странное поселение, образованное их грузовиком

вместе с вагончиками жандармского блокпоста и патрульными машинами. Жандармы уже пили мате и грелись около костра. А Паркер с Майтен сразу начали разбивать себе лагерь с той стороны трассы, откуда начиналась степь. Под любопытными взорами военных они закрепили проволокой брезентовый навес и расставили под ним мебель. Несколько стражей порядка подошли к ним поближе и стали с улыбками задавать вопросы, на которые Паркер не отвечал, так что те вскоре удалились, изумленно покачивая головами и сделав бог весть какие выводы. Паркер и Майтен между тем закончили устройство стоянки, позаботившись о максимально возможных удобствах, так как не исключали, что застрянут здесь надолго. Потом приготовили сытный завтрак. Паркер ел, устремив взгляд вдаль, словно надеялся получить хотя бы оттуда срочно нужный ему совет. А Майтен с унылым видом то и дело ставила на стол что-нибудь еще.

— Я втянула тебя в эту историю, поэтому сама должна и вытащить из нее, — повторяла она время от времени.

— От нас тут ничего не зависит. Во всем виноват проклятый старик Констанцо. Когда я с ним встречусь, выскажу ему все начистоту.

— Нет, Паркер, ты и сам прекрасно понимал свое положение, ведь жил так не один год, и что-то в этом роде должно было когда-нибудь да случиться. Сейчас тебе еще повезло, поскольку зацапать тебя могли и с настоящей контрабандой. Опять оказался бы в роли дурачка, который расплачивается за чужие грехи. И повторилась бы прежняя история, — сказала она не без вызова.

Паркер ел, медленно жуя и низко опустив голову.

— Да, вполне возможно, вполне возможно, что ты права, — вяло согласился он.

Она хотела что-то добавить, но Паркер ее перебил. На смену первоначальной прострации пришло желание действовать. Он вскочил из-за стола и зашагал туда-сюда по их стоянке, словно в ожидании нужного импульса.

— Послушай, тебе в любом случае надо ехать дальше — до самого Буэнос-Айреса. А я останусь тут, — выпалил он наконец.

— Нет, я тебя ни за что не покину, об этом не может быть и речи.

— А кроме того, твой муж, скорее всего, все еще ищет тебя, и задерживаться здесь, как если бы наш корабль сел на мель, просто опасно.

— Бруно наверняка и думать обо мне забыл,

нашел себе новую подружку. Лучше давай вместе соображать, как выпутаться из этой западни.

Паркер остановился, погладил ее по голове и предложил немного прогуляться, а заодно и проветрить мозги. Они прошли несколько километров вдоль шоссе, но бессмысленная ходьба им в конце концов надоела. Днем, так ничего и не придумав, оба устроились в кровати, укрывшись одеялами. И не вставали до самого вечера, а жандармы тем временем поглядывали в их сторону и отпускали вольные шутки.

На следующее утро Паркеру просыпаться не пришлось по той простой причине, что всю ночь он и так не смыкал глаз. Соорудив себе что-то вроде пончо из нескольких покрывал и оставив снаружи лишь руку с сигаретой, он ходил кругами вокруг их лагеря, освещенного пепельно-серым лунным светом. Иногда шел к очагу, который горел рядом с мобильным постом, и пытался согреться. Там сидели жандармы, уже начавшие привыкать к соседству необычного грузовика. Они угощали Паркера мате, а еще он выслушивал их советы, узнавал новости о погоде и состоянии дорог и присоединялся к общему разговору, чтобы войти к новым знакомым в доверие: они могли оказаться ему в чем-то по-

лезными, поэтому не следовало настраивать их против себя.

Паркер подождал, пока солнце оторвется от линии горизонта, приготовил завтрак и юркнул в постель к Майтен под теплые одеяла. Потом сказал ей, что должен найти способ связаться со стариком Констанцо и попросить, чтобы тот как-нибудь вызволил их отсюда. А Майтен пусть подождет его здесь. Она долго смотрела на него и повторила, что пойдет с ним куда угодно, даже если им придется прошагать до самой ночи и возвращаться в полной темноте и под проливным дождем. Несколько часов спустя они собрали сумку, проверили, надежно ли укреплен лагерь, и попросили жандармов помочь им найти машину, которая подбросила бы их до ближайшего поселка.

В итоге Майтен и Паркер оказались на захудалой заправке в Долине Мертвых, где имелись бар и продуктовая лавка. В баре несколько человек пили джин и разговаривали вполголоса — кто за столиками, кто у стойки. Мужчина в сдвинутом набок берете, чей точный возраст определить было трудно, но явно преклонных лет, указал им на телефон, скрытый за мешками с рисом и зеленью. Констанцо на сей раз был трезвым и

соображал нормально.

— Я не нашел тебе замену, а сам не имею лишнего времени, чтобы скакать по дорогам, так что ничего у тебя с этим твоим отпуском не выйдет, — сказал он как отрезал, узнав голос Паркера.

Но тот быстро перебил его, пока старик не начал по своей привычке жаловаться, что могло растянуться надолго.

— Сейчас у нас другая проблема, меня задержали жандармы, — сообщил он и, пока вкратце рассказывал о случившемся, слышал, как Констанцо непрерывно кашлял и отплевывался, хотя это было лишь способом потянуть время. Паркер повторил сказанное, несколько сгустив краски, так как боялся, что хозяин плохо его понял.

— Я не верю ни одному твоему слову, — заявил тот, не скрывая бешенства. — В последний раз ты придумал что-то про поломку грузовика, чтобы смотаться невесть куда с бабой, подхваченной на дороге. И вообще, ты вечно изобретаешь какие-то несчастья, лишь бы не работать.

Тут Паркер громко выругался, и клиенты бара настороженно примолкли, а бармен поспешил к нему, чтобы узнать, не случилось ли с ним чего. Майтен попыталась его утихомирить, но Паркер отстранил ее рукой. Перепалка продолжалась

еще несколько минут, пока он не заорал так, что задрожали стены:

— Подлая скотина! — И, бросив трубку, какое-то время молча сидел и глядел в пустоту.

Посетители бара вернулись к своим разговорам, а бар — к своему обычному ритму. Паркер попросил стакан джина, выпил залпом и тотчас заказал второй. Чтобы сумерки не застали их в поселке, они решили не мешкая пуститься в обратный путь, расплатились и вышли на улицу, где бушевал ветер, из-за которого было невозможно идти не спотыкаясь. Но они надеялись, что вот-вот появится какая-нибудь машина и довезет их до места.

— Я хочу домой, — прошептала она.

Паркер глянул на нее с изумлением:

— Домой? У нас нет дома!

Майтен сделала еще несколько шагов и преградила ему путь со словами:

— Есть, пока еще есть.

— Но мы там застряли накрепко и не можем двинуться с места.

— А нормальные дома и не должны никуда двигаться.

— Неужели ты хотела бы остаться там жить, имея в качестве соседей инопланетян?

— Дом — это ты и я, а вовсе не грузовик. Именно это и называется домашним очагом.

Паркер надолго задумался, с интересом поглядывая на Майтен, а потом признался:

— Домашний очаг… Никогда раньше мне не доводилось использовать такого выражения.

Майтен пристально посмотрела ему в глаза, словно утверждая свое присутствие не только на этих дорогах, но и в его жизни.

— Привыкнешь, — сказала она, а потом они двинулись по шоссе и шли, пока очертания заправки не пропали из виду.

Примерно через час Паркер услышал за спиной шум мотора, вышел на середину дороги и раскинул руки в стороны. Машина ехала очень быстро и, ловко вильнув, обогнула его и помчалась дальше. Еще час спустя они все еще шли: она — еле передвигая ноги и накинув на голову платок, а он — подняв воротник плаща, поворачиваясь к ветру то одним, то другим боком и держа во рту погасшую сигарету.

— Никогда еще мне не случалось пройти столько ради одного телефонного звонка, — сказала Майтен, лишь бы что-то сказать, хотя на шутки сил у нее уже не осталось.

Паркер вздохнул:

— А ведь сейчас мы могли бы гулять по центру столицы.

— Давай забудем про Буэнос-Айрес и подумаем, что станем делать завтра, — бросила она, не отрывая глаз от разделительной линии на асфальте, которая напоминала сейчас слабо натянутый канат.

— Давай забудем про завтра и подумаем, где проведем ночь, если никто нас не подберет, — в тон ей ответил Паркер.

Бруно вонзался в равнину с неудержимостью пущенной из тугого лука стрелы. Он пригнулся к самому рулю, чтобы обмануть ветер, который упрямо толкал его назад и хлестал по лицу, так что кожа сделалась упругой, и лицо от этого словно помолодело. У Бруно не было намечено определенного маршрута, он вел себя как зверь, который преследует добычу, подчиняясь исключительно своему чутью. Дорожные указатели он игнорировал и вообще не слишком задумывался, куда едет — на юг или на север, повернет на развилке в ту сторону или в другую, увидит впереди озеро или пустыню. Когда дорога шла вверх, мотор жалобно кряхтел. Бруно вез с собой две канистры с бензином, висевших по бокам, а также бутыль с питьевой водой и сум-

ки, а свернутые в рулон покрывала подложил на сиденье. Одет он был в потертую кожаную куртку, перетянутую ремнями с привязанными к ним компасом и биноклем. За спиной висел рюкзак и торчала полученная от боливийцев коса. Во время этой безрассудной гонки Бруно останавливался только для того, чтобы запастись продуктами или навести справки. Всякий раз, завидев на очередной стоянке грузовики, он сворачивал к ним и, как взявшая след собака, рыскал вокруг и вынюхивал, нет ли среди них того, что нужен ему. Он, подобно хищной птице, сужал круги и осторожно заглядывал в окна кабин. Если водителям это сильно не нравилось — а порой они откровенно выражали свое недовольство и даже кидали в него камни, — возвращался на трассу и продолжал бессмысленную погоню. А если дальнобойщики встречали его приветливо, он устраивал мотоциклу передышку, словно речь шла о верном коне. Ходил туда-сюда, разминая затекшие ноги, подсаживался к компаниям у костров и спрашивал, не видел ли кто девушку, похожую на Майтен. Мужчины смотрели на него с любопытством, воображая самые невероятные истории, которые могли крыться за подобными вопросами, но при этом вся его фигура, весь его

взбудораженный и диковатый вид внушали им уважение. В итоге Бруно получал много всяких сведений — иногда ложных, иногда точных, но в любом случае помочь ему хотели искренне и от чистого сердца, цель же у всех была одна — подбодрить и обнадежить этого одинокого человека, на лице которого застыла неизбывная печаль.

Как-то раз он сделал остановку в цыганском таборе, а цыгане, благодаря своему кочевому образу жизни, знали все, что происходило на просторах Патагонии. От них Бруно услышал следующее: грузовик, в котором ехала красивая женщина, они видели у Темной горы, а направлялся он к побережью и теперь вот уже несколько дней стоит неподалеку от Конфлуэнсии. Бруно сразу догадался, что беглецы направлялись в столицу, и, значит, медлить было нельзя. Ему посоветовали сперва ехать до солончака Отчаяние — два дня пути отсюда, за следующий день обогнуть солончак, перебраться на другой берег реки, подняться по южному склону Темной горы до Адской Пампы и уже оттуда спуститься к побережью. Бруно на пальцах посчитал, сколько времени это у него займет, и решил, что слишком много, а потому выглядит рискованно.

— Только и остается, что лететь по воздуху, —

заключил он угрюмо.

Цыгане, заметив его уныние и не задавая лишних вопросов, поскольку и так все отлично поняли, объяснили, что да, действительно, существует такая возможность — пролететь это расстояние все равно что по воздуху. Бруно посмотрел на каждого из них по очереди и сразу им поверил.

— Да, для этого надо пересечь солончак, но сам я, к примеру, на такое никогда бы не отважился. Слишком опасно, — предупредил его старый цыган.

— А мне терять нечего, я и так уже считай что покойник, — сказал Бруно, и цыгане тоже сразу ему поверили.

Они указали Бруно ведущие через огромное соленое озеро потаенные пути, которыми сами пользовались на протяжении вот уже нескольких поколений, когда занимались контрабандной торговлей и когда другие дороги были для них закрыты. Речь шла о ровной белой пустыне, бескрайней и коварной, где небо сливается с землей и где нет ни троп, ни следов, как нет вообще никаких признаков жизни — ничего, кроме фонтанов соленой воды. И тут опять заговорил старый цыган. Он начертил палкой на земле

маршрут, отмечая как сухие зоны, так и полностью затопленные, переправы и переходы между островками, а также впадины, в которых воздух застаивается и творит невесть что, вызывая у человека головокружение и галлюцинации.

— Если ты двинешься через солончак вот здесь, сможешь избежать самых сырых мест и попадешь в проклятую зону, зато до цели доберешься за считаные часы; а если пойдешь вот с этой стороны, избежишь проклятой зоны, но и времени потратишь гораздо больше. Если ты там заблудишься, то уже никогда оттуда не выберешься и к людям не вернешься, во всяком случае, я искать тебя не пошел бы, — заявил старик, нацелив палку в лицо Бруно, который был как никогда полон решимости пренебречь любой опасностью, коль скоро всего несколько часов будут отделять его от Майтен.

— А что такое проклятая зона? — спросил он вдруг, но цыгане быстро переглянулись и молча разошлись. Только старый цыган ответил ему:

— У индейцев есть одна легенда, которую я не стану тебе пересказывать, иначе ты ни за что туда не сунешься. Говорят, что в той части солончака обитают необычные люди, и когда к ним забредает чужак, у них слюнки начинают течь. Но вовсе

не из-за соли, которой там все пропитано…

— Тринитарии? — спросил Бруно, слышавший эту легенду, однако старик откинул голову назад, выставил вперед подбородок, изображая полную невозмутимость, и добавил:

— Не знаю, о ком ты говоришь, только советую тебе держаться подальше от старого месторождения селитры, а если увидишь, что кто-то шагает по солончаку, беги от него со всех ног.

“Глупости”, — подумал Бруно и пообещал себе больше таких сказок не слушать. Он перерисовал на лист бумаги маршрут, начерченный цыганом на земле, запасся водой и едой и вскочил на мотоцикл. По грунтовой дороге добрался до берега мертвого моря, где и начиналось бескрайнее белое поле, которое было видно издалека, поскольку оно превращало яркую синеву неба в блеклую голубизну. Серая лента, по которой ехал Бруно, внезапно оборвалась, и он на своем мотоцикле сразу превратился в крошечную темную точку, воткнутую в абсолютную пустоту. Бруно глянул на компас, потом на план, отыскал юго-юго-запад и нырнул вперед. Надо было ехать на постоянной скорости и точно по прямой линии, ни в коем случае никуда не сворачивая. Даже едва заметный сдвиг в сторону мог стать гибельным,

поскольку в глубинах солончака Отчаяние не было ничего, что послужило бы ему ориентиром. После первого часа пути на горизонте должно будет появиться маленькое серое пятно, которое постепенно превратится в далекую вершину Темной горы. И следовать надо будет только туда, даже если компас, облака или шестое чувство станут указывать другое направление. Там у старого месторождения селитры заканчивался солончак, и уже на противоположном его берегу снова появится дорога, ведущая к Адской Пампе. Только тогда можно будет сказать, что Бруно крупно повезло. А оттуда до Конфлуэнсии уже рукой подать, и там он отыщет Майтен — похищенную у него и заточенную в крепостную башню.

Бруно надел темные очки и постарался, чтобы на теле не осталось ни сантиметра, доступного солнечным лучам, похожим на стрелы. Он без труда проехал еще полчаса, пока не произошла первая неприятность: ему вдруг почудилось, что мотоцикл взлетел и ворвался в груду облаков. Линия горизонта исчезла из виду, а ее место заняли черные тучи, почему-то растянувшиеся еще и по земле. Тучи и небо были сверху, тучи и небо были снизу, а также со всех сторон — это вполне соответствовало легендам о здешних предатель-

ских и волшебных миражах. Бруно остановился, почувствовав дурноту и ахнув, словно в грудь ему вонзили кинжал. И это стало его первой ошибкой. Он увидел повсюду воду, хотя глубина ее не превышала нескольких сантиметров. Но та часть мира, что была сверху, и та, что была снизу, теперь слились воедино, и куда бы он ни посмотрел, вверх или вниз, никакой разницы уже не замечал. Бруно сошел с мотоцикла, и ему показалось, что он мигом перевернулся вниз головой, но потом все-таки зашагал по этому огромному зеркалу, искажающему реальность, окруженный со всех сторон водой и небом, по щиколотки в соленом растворе. Однако вскоре вернулся к мотоциклу и сел в седло, чтобы снова обрести чувство равновесия. Только тогда мир вокруг вроде бы сразу пришел в норму. Бруно стало немного легче, поскольку мотоцикл был единственным надежным и очевидным предметом, сохранившим верность себе в этом пространстве, которое утратило четкие формы и затягивало в себя человека, перекрывая ему воздух. Хотя Бруно всю свою жизнь провел на огромной равнине, нынешняя безмерность расплющивала его как насекомое и сокрушала любые внутренние опоры. Ехать приходилось очень медленно, и теперь

он не знал, не сбился ли с пути, к тому же уровень воды под колесами заставил его свернуть к более высоким местам. И это стало его второй ошибкой. Очень скоро он понял, что движется по кругу — или вычерчивает какие-то иные геометрические фигуры, а через час это были уже и не круги вовсе, а сферы, поскольку в здешнем аду, лишенном понятия о верхе и низе, круг мгновенно становился сферой, а геометрические вывихи — непреложными законами. Бруно опять попробовал свериться с компасом, но серого пятна, то есть Темной горы, так нигде и не увидел. Он вернулся туда, где вода доходила до щиколоток, а солнечные лучи падали вертикально, и двинулся, как ему казалось, по первоначальному маршруту, но горизонт опять тянулся вдали совершенно ровной линией, и даже намека на гору там не наблюдалось. И тут подобно искре прожектора во мраке — а вернее наоборот — появилось четкое черное пятно на фоне абсолютного света. “Темная гора, наконец-то!” — подумал Бруно, воспряв духом, и поспешил в ту сторону. Но время шло, и это сомнительное пятно как-то подозрительно долго не превращалось в желанную гору. Бруно остановился и попытался получше, миллиметр за миллиметром — насколько позволяли истер-

занные солнцем глаза — изучить его. Однако и теперь, и чуть позже пятно оставалось всего лишь пятном. Еще какое-то время спустя он заметил, что оно начало сжиматься у самого своего основания, потом плавно закруглилось и оторвалось от линии горизонта, чтобы взлететь вверх, как пузырек воздуха. Темная гора, единственный его надежный ориентир на все триста шестьдесят градусов, поднималась в небеса! Он почувствовал озноб, окончательно убедившись, что вершина, к которой он вот уже несколько часов стремился, была всего лишь тучей, то есть скоплением летучих паров, и теперь они принимали разные формы, соединялись с другими тучами, бросая его в отчаянном одиночестве. Он опустил голову на руль и заплакал — впервые в жизни горько заплакал. Вода солончака могла показаться пресной по сравнению с его слезами. “Это была туча, всего лишь туча, будь она проклята!” — повторял Бруно, колотясь лбом о руль. Он вспомнил теплый мрак туннелей в луна-парке, дружелюбную компанию монстров, в том числе Дракулы и Франкенштейна, а также двух своих боливийцев. Он клял себя за то, что покинул все это, и вот теперь огромный злой мир распластывал его в пустоте. “Может, лучше умереть?” — обреченно

подумал Бруно и, не унимая слез, снял куртку, а потом и остальную одежду, которую медленно стал уносить водный поток. Бруно остался совсем голым под лучами палящего солнца и побрел куда глаза глядят, пока не попал в более сухое место. Тогда он растянулся на шершавой соленой поверхности и решил ждать, пока его тело растворится во влаге. Но тут его окутало неземное свечение.

— Боливийцы были правы! Вот он — свет! — шептал Бруно, теряя последние силы. — Я узрел свет! — повторял он, то смеясь, то плача. И голос его становился все тише и тише, пока не смолк окончательно.

А за много километров оттуда, в безымянном городке, среди полузасыпанных песком аттракционов Эбер и Фреди играли в карты, сидя в покосившемся вагончике, где они проводили теперь дни и ночи.

— Уж целый месяц прошел с тех пор, как хозяин-то уехал. Ну и что нам теперь делать? — причитал Эбер.

Фреди молча вышел, прошествовал мимо разбросанных повсюду монстров, потом — мимо ведущей в туннель пасти и оказался рядом с билетной кассой, превращенной теперь в курят-

ник. Наугад протянул руку внутрь, нащупал там пару только что снесенных яиц, а другой рукой крутанул рычаг, приводивший в движение поезд-призрак. Он знал, что ничего не произойдет, но все равно каждый день повторял этот жест, надеясь на помощь небес.

— Ну вот, и сегодня тоже Господь не дал нам света! — пробормотал Фреди.

— Ты, братец, совсем с ума съехал или что? — отозвался вышедший следом за ним Эбер. Он всегда так комментировал его бредовые попытки.

— И ведь никакой еды у нас уже не осталось, только два яичка вот этих — и все. Надо, выходит, что-то делать.

Фреди пересек ярмарку, вышел на тропу, ведущую в городок, и вскоре пропал за крайними домами. Эбер проводил брата взглядом, потом метнулся к одному из вагончиков, похожих на дикарские шлюпки, вынесенные на берег после шторма, сел у двери и уставился в пустоту.

Три дня спустя он дремал, оседлав карусельную лошадку, но, случайно открыв глаза, увидел странный обоз. Эбер распахнул глаза пошире и невольно пришпорил свою лошадку. Это были цыгане. Их караван состоял из старого, примерно

пятидесятых годов, грузовика, а также из фургонов и повозок, запряженных быками. Фреди ехал на одной из них рядом с главой табора. Мужчины разных возрастов, вооруженные всеми необходимыми инструментами, мигом рассыпались по площадке и начали демонтировать один аттракцион за другим. Они работали слаженно, но без спешки, и грузили на свой транспорт как то, что еще можно было использовать, так и то, что уже ни на что вроде бы не годилось. Всего за несколько часов колесо обозрения, шатер с тиром и лабиринты поезда-призрака оказались разобранными. Куклы и монстры были уложены в ряд, словно павшие на поле боя солдаты, не имевшие ни имен, ни родины. Эбер и Фреди сами вызвались отнести их останки на повозки и там с ними простились, отдав им подобающие воинские почести. Ведь вместе они провели немалую часть своей жизни — с момента расцвета ярмарки и до ее бесславного конца. С карусели были сняты санитарные и пожарные автомобили, танки и конные упряжки, а также корабли инопланетян, тракторы и патрульные фургоны. Все это цыгане скрепили цепями и сволокли вниз по склону холма. Эбер и Фреди молча наблюдали за тем, как караван исчезал вдали. В руках

боливийцы сжимали пачки денег. Потом они сложили свои скудные пожитки в единственную кабинку, оставшуюся от поезда, тоже спустились вниз, дружно впряглись в нее и зашагали неведомо куда.

— Ну и что мы с ними станем делать? — спросил Эбер, кивнув на деньги, от которых оттопырились его карманы.

— Отдадим нашему хозяину, мы ведь должны отыскать его с Божьей помощью, — отозвался Фреди, с трудом переводя дух. Из кабинки на него сокрушенно смотрел облупившийся Франкенштейн.

День за днем брели братья по дороге, не обмениваясь ни словом, и тени, которые ближе к вечеру удлиняло заходящее солнце, преследовали их по пятам, зато первые утренние тени, тоже длинные, наоборот, бежали перед ними.

— Давай вернемся в бар и попросим приютить нас на ночь, найдется же там у них какой-нибудь угол, — предложил Паркер девушке, уже не веря в то, что в обозримое время здесь проедет хотя бы одна машина.

Они молча сели на обочину, так как давно исчерпали запас слов, рассчитанный на день, и только ждали, чтобы и сам этот день закончился

— как угодно, но лишь бы закончился. Паркер погладил Майтен по голове и долго смотрел на нее. Она сидела неподвижно, закрыв глаза.

— Кто-нибудь нам непременно поможет, ведь хорошие люди притягивают к себе хороших людей, — бесхитростно отозвалась Майтен, и мгновение спустя до них донесся далекий шум мотора. На дороге между холмами то терялась, то вновь возникала машина, и шла она в нужном им направлении.

— Все равно никто не остановится, — сказал Паркер.

Но Майтен быстро встала, вышла на середину дороги и замахала руками. Фургон темного цвета, необычной формы и со странными символами на капоте, медленно, совсем как корабль-призрак, проехал чуть вперед и затормозил.

— Я же сказала тебе, что добрые люди еще не перевелись! — радостно воскликнула она.

Фургон стоял в нескольких метрах от них, и они попытались разглядеть, кто находится внутри, но окошки были наглухо закрыты шторками. Секунду спустя распахнулась дверь, и здоровенная рука с татуировками знаком пригласила их садиться. Они схватили свои вещи и заняли места на расположенных одна против другой скамейках.

В нос им ударил резкий запах алкоголя и плохо переваренной пищи. Два передних сиденья занимали крепкие парни довольно зловещего вида, во втором ряду за ними сидели еще двое, мало чем отличавшиеся от первых. Все четверо были, скорее всего, блондинами, только вот с обритыми наголо головами.

— Я их где-то уже видел, — шепнул Паркер удивленной Майтен.

Фургон рванул с места. Новые пассажиры разглядывали тех, кто пришел им на помощь, и постепенно улыбки благодарности сползли с их лиц. На любые приветствия парни отвечали хриплыми фразами, больше похожими на собачий лай. Черную футболку водителя украшала надпись, сделанная готическими буквами, которую держал в когтях двуглавый орел: *Deutschland über alles*. Тип обернулся и оглядел их с мрачной миной. И тотчас рыгнул, показав желтоватые зубы. У сидевшего рядом с ним здоровяка в ушах висели кельтские кресты. Он тоже рыгнул. Что ж, подумал Паркер, если на их варварском языке это являлось своеобразной формулой вежливости, то, наверное, следует ответить им в том же духе, чтобы не показать себя невежами.

— Почему-то очень добрыми они мне не кажут-

ся, — шепнул Паркер.

Майтен пихнула его локтем в бок, стараясь скрыть свой страх. На парнях были кожаные куртки с железными крестами, черепами и остроконечными заклепками. Они не обращали никакого внимания на Партера с Майтен и продолжали бурно спорить на языке, который, скорее всего, был немецким или сродни немецкому. При этом передавали из рук в руки карту. Один тыкал пальцем в какую-то точку, другой вырывал у него карту и указывал другое место — и так без конца. Паркер и Майтен лишь растерянно переглядывались, думая о том, как бы при первой же остановке улучить момент и выбраться из фургона, чтобы потом не пришлось выпрыгивать на ходу.

— Я знаю, где мы их видели раньше! — вдруг вспомнил Паркер с некоторым облегчением, но не слишком сильным.

— В том ужасном поселке с подлодками? — спросила Майтен, которой с трудом верилось, что кто-то мог добраться из такой дали в эти края, где не имелось ничего примечательного или привлекательного.

— Да, в Обезьяньем Ущелье. Уже тогда мне показалось, что они сбились с пути, а теперь, судя по

всему, заблудились окончательно. Вот расскажу про эту встречу моему другу журналисту — ни за что не поверит! — продолжал удивляться Паркер, и Майтен тотчас снова толкнула его в бок.

Водитель в гневе изрыгал что-то похожее на проклятья, потом скомкал карту и швырнул в окно. Все четверо продолжали спорить и, судя по всему, никак не могли прийти к согласию по поводу маршрута или времени, которое придется потратить на дорогу в нужное им место. И тут парень, сидевший рядом с водителем, повернулся к Паркеру и, вперив в него тяжелый взгляд, произнес что-то невразумительное, явно пытаясь воспроизвести нужное название по-испански. Паркер вежливым жестом изобразил, что не понимает его. Тип несколько раз повторил ту же фразу, перейдя почти на крик.

— Они заблудились и хотят разобраться, где находятся, — объяснила Майтен, руководствуясь скорее здравым смыслом, нежели языковыми познаниями.

Тут парни опять стали наперебой что-то кричать, но один из тех, что сидел во втором ряду, очень грозно велел им заткнуться. На лбу у него красовалась татуировка *Sieg Heil,* которая сейчас то сжималась, то растягивалась.

– *Verstanden, verstanden?*[7] — кричал теперь он.

— Что это значит? — с тревогой спросила Майтен.

— Им надо попасть в Ферншта́нден. Наверное, это одна из немецких колоний у самых Кордильер, — ответил Паркер очень уверенным тоном. — У меня появилась идея. Давай поможем этим ребятам доехать до Ферншта́нденa.

Паркер обратился к тем двоим, что сидели впереди, повторяя *verstanden, verstanden,* потом жестами стал показывать, что ехать надо в сторону городка под названием Полковник Сагастуме, там повернуть направо и еще два с половиной дня ехать до Ферштандена. Его указания были лишены всякого смысла, даже если допустить, что какой-нибудь Ферштанден и вправду существует, зато Паркер и Майтен таким образом оказались бы рядом со своим лагерем. Когда неонацисты поняли, что путешествие их удлиняется, они снова начали ругаться между собой. Паркер попытался их успокоить, но парень, которого вроде бы звали Дитрихом, решительно похлопал его по спине, велев не лезть не в свое дело.

— Но ведь Кордильеры находятся совсем в

---

[7] Примечания: 7
Понятно, понятно? *(нем.)*

другой стороне, — удивилась Майтен, которая от природы умела безошибочно ориентироваться на этой земле. — Неужели ты направил их туда нарочно, потому что так удобнее нам самим? Хотя это может стоить нам жизни?

— Они уже несколько недель не могут отыскать нужную дорогу и вряд ли именно сейчас сообразят, что к чему, — ответил он. Но тотчас предупредил Майтен: если его обман обнаружится, надо быть готовыми сразу же уносить ноги.

Однако в этом фургоне эмоции вспыхивали и угасали без малейшей логики, и теперь все неожиданно притихли. За окошками окончательно стемнело.

— Еще несколько километров — и мы спасены, — заявил Паркер, заметив, что сидевшие впереди обсуждают надписи на указателях, словно заподозрив какой-то подвох, но так как карты у них уже не было, проверить свои подозрения они не могли.

Когда фургон наконец почти доехал до контрольного пункта, опять разгорелись споры, и на Паркера парни поглядывали уже с нескрываемой злобой. Вдруг тот, что сидел рядом с водителем, развернулся к нему всем телом и что-то крикнул, но предполагаемый Дитрих швырнул в того бан-

ку пива, которая ударилась о ветровое стекло, расплескав свое содержимое. Водитель резко затормозил, и всех швырнуло вперед. Майтен и Паркер быстро выпрыгнули на шоссе, словно парашютисты из охваченного пламенем самолета. Они остановились поодаль и наблюдали за дракой, не понимая, из-за чего она разгорелась и кто там был против кого. Удары сыпались направо и налево, но одному из четверки все-таки доставались чаще.

— Тот, с татуировкой на лбу, он вроде бы нас защищает, а трое других хотят нас прикончить, — догадалась Майтен.

Но вряд ли стоило ждать, чем завершится потасовка, поэтому пара припустила в ту сторону, где находился их грузовик. Оба то и дело оглядывались назад, проверяя, не надо ли прибавить шагу, или чтобы вовремя увернуться от чего-нибудь брошенного им вслед. Вскоре крики стихли, а фургон рванул с места и уехал.

— А вот и наш дом, наконец-то! — выдохнула Майтен.

— Да, только это у нас теперь и осталось, — буркнул Паркер.

— Наш дом там, где находимся мы сами, а так как дома и не должны двигаться с места, теперь

это еще больше, чем прежде, наш дом, — отозвалась Майтен и пошла готовить ужин.

Паркер поднялся чуть свет, так и не сумев заснуть, и сел в кресло, чтобы понаблюдать за появлением первых рассветных лучей, пока Майтен спала, зарывшись под одеяла. Его не отпускали те же мысли, что терзали и всю ночь. Потом он вернулся в постель, продолжая обдумывать способы спасения. А перед глазами бесконечной чередой проплывали картины, виденные за время, проведенное на этих дорогах. И прежде всего ему теперь вспоминались животные, которые погибали на проволочных заграждениях. Паркер опять встал и, чтобы разогнать дурные предчувствия, прогулялся вокруг лагеря, собирая вещи, разбросанные ветром за время их с Майтен отсутствия. Свою подругу он разбудил только после того, как приготовил завтрак. Чуть позже, сидя за столом, они оживленно беседовали, а потому не смотрели по сторонам и не заметили, как что-то зашевелилось под грузовиком. Но когда наступил черед кофе, Паркер краем глаза вдруг уловил в той стороне какое-то странное движение. Ничего не сказав Майтен, он стал быстро прикидывать, что из лежавшего под рукой можно было бы использовать в качестве оружия. Вспомнил и про

подаренный журналистом пистолет, который жандармы, кажется, не конфисковали, но тот находился слишком далеко, как и бейсбольная бита. Короче, в пределах досягаемости не было ничего, кроме тяжелого камня. Паркер поставил чашку на стол, медленно взял его обеими руками, подошел сбоку к грузовику и поднял камень над головой, готовясь атаковать незваного гостя. Майтен, увидев, как странно повел себя Паркер, сжалась от ужаса. Но он жестом велел ей сидеть и едва слышно произнес: “Это твой муж”. Она закрыла руками рот. Но тут шевеление под грузовиком прекратилось. Паркер еще несколько секунд постоял в той же позе, затем нагнулся и увидел мужчину, лежавшего в спальном мешке.

— Эй, кто там? — повторил Паркер несколько раз.

Мужчина проснулся и, извиваясь как гусеница, пополз наружу. Вскоре показалась бритая голова с татуировкой на лбу. Паркер опустил камень, а Майтен не могла понять, кого предпочла бы сейчас увидеть — Бруно или этого дикаря.

— Будь осторожен, ему вроде бы не нравится, что мы его разбудили, — быстро сказала она.

Немец открыл глаза и, как только привык к дневному свету, посмотрел на каждого из них по

очереди, попытавшись скроить любезную мину, что мало соответствовало его воинственному виду. И только тут они разглядели следы побоев на его лице.

– *Schlaffen*[8], — решил объяснить он и широко зевнул, отчего лоб его сморщился и буквы из готических сразу превратились в арабские.

“Ну вот, теперь он желает ехать в Шлаффен”, — подумал Паркер, знаками прося того вылезти наконец из-под грузовика, но сам освободиться от камня все-таки не спешил. Немец с трудом выполз, волоча за собой зеленый рюкзак, потом поднялся на ноги и отряхнулся. Паркер пригласил его сесть за стол, где еще оставалось что-то от их завтрака. Майтен недоверчиво следила за происходящим и пыталась понять, как намерен поступить дальше ее друг.

— А не опасно ли завтракать вместе с таким типом? — спросила она по возможности нейтральным тоном.

— С беднягой надо быть поласковей, — ответил Паркер так, словно при этом гладил по спине собаку.

— Если ему так нужна ласка, то займись этим,

---

[8] Примечания: 8
Спать *(нем.).*

пожалуйста, ты, — отозвалась она, готовя новую порцию кофе.

Паркер изобразил церемонию знакомства, пока изголодавшийся немец уплетал за обе щеки хлеб, поданный ему Майтен.

— Дитрих, Германия, — произнес парень с полным ртом, потом встал, щелкнул каблуками и взметнул вверх правую руку.

— У меня появилась еще одна идея, — сказал Паркер.

— Остается надеяться, что она будет удачней, чем предыдущая, — мрачно бросила Майтен, глядя на него все более недоверчиво.

— Мы усыновим этого придурка, и сейчас нам это придется очень даже кстати, — стал объяснять Паркер, пожимая немцу руку.

Майтен нахмурилась:

— В качестве домашнего питомца я предпочла бы собачку.

— А он и будет выполнять роль сторожевого пса. И заодно роль мажордома.

Дитрих с помощью неуклюжих жестов попытался рассказать им свою историю, то и дело вставляя какие-то английские и испанские слова. Как можно было понять, их компания приехала из Германии, где они потеряли работу на ме-

таллургическом заводе. А получив выходное пособие, решили купить на него фургон и объехать вот эту далекую часть планеты. Они на протяжении уже нескольких недель спускались к Магелланову проливу, но общими деньгами распоряжались бестолково, из-за чего между ними то и дело возникали стычки. Вернее будет сказать, что приятели обманывали Дитриха и поэтому сочли за лучшее под любым предлогом избавиться от него. В итоге избили и бросили на дороге совсем без денег.

Паркер дал ему понять, что если он согласен помогать им, то получит жилье и еду. Дитрих просиял и в знак того, что принимает предложение, три раза со всей силы шарахнул Паркера по плечу. Улыбаясь, он показывал рот, лишенный зубов — видно, из-за постоянных драк.

— Дом — где? — с энтузиазмом спросил немец, озираясь по сторонам.

— Вот здесь, — ответил Паркер, кивнув на грузовик.

Дитрих разочарованно осмотрел лагерь, с трудом ассоциируя все это со словом “дом”, но потом решил, что неправильно его понял.

— Ну, теперь ты убедился, что не я одна иначе представляю себе дом? — съязвила Майтен.

Ее не слишком привлекала мысль делить стол с этим типом. Во всяком случае, она не была уверена, что они поступают правильно. Но потом решила, что будет давать немцу уроки испанского, поскольку общий язык вроде бы должен сближать людей.

— Знаешь, а он умнее, чем кажется, — заключила она после первого же занятия.

Паркер поселил нового помощника в прицепе, где отвел ему складную кровать и шкаф. Потом погнал собирать хворост и разжигать костер, чтобы Майтен могла приготовить обед. Чуть позже показал немцу ящик с инструментами, и оба дружно работали до середины дня, взобравшись на грузовик и не обращая внимания на любопытные взгляды жандармов.

Они открутили от прицепа несколько деревянных щитов и сняли какие-то доски, чтобы соорудить из всего этого некое подобие прилавка с полками и навесом сверху. В итоге у них получилась придорожная фруктовая лавка. Время спустя к ним медленно и с весьма недоверчивым видом подошел главный здешний жандарм. Паркер был к встрече готов, так как с самого начала ждал, что тот непременно проявит интерес к их затее. Офицер, засунув пальцы под ремень,

несколько раз обошел вокруг непонятного сооружения и щелкал каблуками всякий раз, когда останавливался, чтобы рассмотреть его получше. Паркер пригласил жандарма присесть вместе с ним за стол.

— Хочу напомнить вам, что и грузовик, и весь груз находятся под арестом, — заявил тот, вежливо отклонив приглашение.

Паркер отвел его в сторону, и оба стали прохаживаться неподалеку от новенькой лавки, стараясь при этом держаться подальше от любопытных глаз.

— Понимаете, мы везем тропические фрукты, манго и папайи.

— Манго и?..

— Папайи.

— Ага. И это можно есть?

— Конечно. Хотите попробовать?

— Нет, спасибо. Я верю вам на слово.

— Но долго фрукты храниться не могут. Еще немного и… — проговорил Паркер таким тоном, словно открывал ему страшную тайну.

— Да, будет очень жаль, если они сгниют, — кивнул офицер, доставая сигарету и оглядываясь по сторонам.

Паркер помог ему закурить, сложив ладони

экраном. Тем временем были названы некие цифры. За несколько минут договор был достигнут и скреплен рукопожатием.

— Ну что, можно начинать, — сказал Паркер своей подруге, когда они сели обедать и Дитрих с явным удовольствием уписывал только что сваренный ею суп.

В тот день, как бывает всегда по выходным, машин на дороге прибавилось, и Паркер решил этим воспользоваться. Они с немцем выгрузили из прицепа ящики и аккуратно разложили фрукты на прилавке. Затем добавили на видные места картонки с названиями и ценами, придавив их пакетиками с песком, чтобы не унес ветер. Майтен между тем резала пополам манго и папайи, выскребала середину, измельчала ее и снова наполняла получившиеся плошки, создавая некое загадочное тропическое блюдо. Ближе к вечеру все было готово. Три машины остановились перед прилавком, и несколько человек подошли к нему, заинтригованные невиданным в пустыне зрелищем.

— А что это у вас здесь такое? — спрашивали они с любопытством, но объяснений Паркера им было мало, и приходилось устраивать дегустацию.

Люди недоверчиво смотрели, как он ест кусочки непонятных фруктов, хохотали, потом разворачивались и уезжали.

— Ладно, а теперь позволь заняться этим мне, — решительно заявила Майтен и стала расхваливать выставленный товар, прежде нарядившись в облегающее платье, что каким-то неведомым образом сразу сделало более соблазнительными и тропические плоды тоже.

На следующий день торговля пошла неожиданно бойко благодаря дальнобойщикам и людям, которые целыми семьями двигались на выходные к побережью. Экзотический товар стал пользоваться просто немыслимым спросом, и скоро слух о нем дошел до ближних поселков и городков, где еще никогда не видели ни манго, ни папайи, но главное — такой девушки, как Майтен, кроме как на журнальных обложках или по телевизору. Ближе к вечеру, когда тени над лагерем сгустились, Майтен, Паркер и Дитрих, устав до изнеможения, отмечали свой успех, сидя вокруг огромного костра. После полуночи к ним присоединились жандармы с гитарами и большими бутылями вина, и вся компания пела и пировала до самого рассвета. Дитрих сперва расположился на ящике поодаль и с интересом

наблюдал эти странные для него обычаи, стараясь их усвоить, поскольку полагал, что именно в этом найдет для себя спасение. Но вскоре, привлеченный обильным угощением и выпивкой, присоединился к общему хору, не всегда удачно пуская в ход только что выученные испанские слова.

В силу загадочных правил здешней дорожной жизни, которые обычно управляют передвижением людей и животных, количество машин непонятно почему все росло и росло, что заставило жандармерию работать не покладая рук. Десятки легковушек и грузовиков стояли теперь по обе стороны поста охраны, дожидаясь разрешения на проезд. Проверка документов и грузов проводилась так же тщательно, как на пунктах пограничного контроля между разными государствами, хотя в данном случае речь шла исключительно о внутренних перевозках, а также о внутренней и совершенно произвольно установленной границе, которая, по сути, ничего не разграничивала, то есть пролегала между двумя равнозначными территориями.

За неделю Паркер, Дитрих и Майтен распродали все фрукты. Но теперь новый офицер, возглавивший отряд жандармов вместо прежне-

го, запретил своим подчиненным участвовать в ночных пирушках, чтобы создать впечатление строгого порядка, хотя Паркер продолжал отстегивать ему определенную сумму, которая потом делилась между стражами мнимой границы. После тропических фруктов Паркер начал распродавать и вещи, что накопились у него за последние годы в просторном прицепе, хотя по большей части они были старыми или уже мало на что пригодными. Но и эта новость быстро разнеслась по округе. Дышащий на ладан грузовик превратился в рынок под открытым небом, где можно было найти не только всякую ерунду, но и вполне занятные предметы. Прослышав про необычную торговую точку, сюда съезжались туристы, коллекционеры и просто любопытные. Паркер и Майтен трудились с рассвета до заката, Дитрих занимался еще и тем, что постоянно разгребал песок и землю, которые иначе могли похоронить под собой грузовик, так как осенний ветер крепчал и погода с каждым днем все заметнее портилась. Паркер понимал, что такая неожиданная популярность не может длиться вечно, и старался использовать ее по полной. А еще он знал, что это рано или поздно обернется неприятными сюрпризами — их стоянку уже

нельзя было считать достаточно надежным убежищем для Майтен, хотя представители закона и находились всего в нескольких шагах отсюда.

Все, что передвигалось по здешним землям, подчинялось определенному ритму и стихийным силам, не подвластным никакому контролю. Степные животные, птицы и полиция неуклонно следовали по своим миграционным маршрутам, равно как и пеоны, цыгане или коммивояжеры. Какие-то трассы могли вдруг, всего за одни сутки, загадочным образом опустеть, потому что потоки людей и животных меняли направление и устремлялись в другие широты. Это было легко заметить, но невозможно заранее предугадать: если такие изменения происходили, они просто происходили — и все тут.

А тем временем ветры начали сходить с ума: тот, что дул с севера, неся с собой землю и раскаленную пыль, вторгался во владения степного ветра, который пытался защитить свои территории, формируя зоны низкого давления, что влияло и на поведение всего сущего. Потом налетали ураганы, заряженные океанским буйством, они завивались вихрями и обрушивали потоки воды на сухую почву. Стало понятно, что скоро по этим местам уже никто не сможет передвигаться,

ледяная ночь проворно накроет все вокруг и даже отряд жандармов будет переброшен куда-нибудь подальше. Но как это повлияет на судьбу Паркера и какие неожиданности приготовит им всем насмешливая природа, угадать было невозможно.

Лагерь Паркера постепенно становился местом, малопригодным для обитания, хоть над ним и был устроен навес из подручных материалов, но он уже казался не слишком надежным. Вокруг грузовика скапливался песок, а ящики из-под фруктов, которые еще не попали в костер, валялись там и сям. Однажды ненастным утром несколько машин остановились перед контрольным пунктом и беспрерывно мигали фарами в ожидании разрешения на проезд. Паркер с Дитрихом, вооружившись молотками, пытались закрепить служившие с некоторых пор крышей фанерные листы, которые грозили вот-вот обрушиться. Оба, чтобы защитить глаза, соорудили козырьки из кусков пластика или натягивали на голову тканевые мешки с узкими прорезями. Вдруг из облаков пыли возникла смутная фигура человека, который перешел дорогу, обогнул грузовик и медленно двинулся к ним, неся на плече тяжелую сумку. Майтен первой увидела его и на миг окаменела. Она не раз воображала, что

именно таким образом должен появиться Бруно, и даже перебирала в уме варианты собственной реакции, хотя реакция на самом деле могла быть только одной — испуганно вскрикнуть. Но теперь, пока мужчина подкрадывался к Паркеру сзади, ей не удалось выдавить из себя ни звука. Поэтому, когда она наконец закричала, было уже поздно: незнакомец сперва навис над Паркером, а затем кинулся на него, широко распахнув руки, словно нырял в воду. Успевший обернуться Паркер молнией отскочил назад и стал нащупывать палку, которую недавно видел где-то рядом, но схватить ее так и не успел. Тогда он прыгнул на незнакомца, и оба покатились по покрытой галькой земле. Только тут Майтен закричала.

— Вы что, совсем спятили? — с трудом выговорил мужчина, пытаясь освободиться из рук Паркера.

Тот узнал голос журналиста, помог ему встать и начал оправдываться:

— Разве можно так подкрадываться? Я принял вас за совсем другого человека, и ведь этот фокус вы проделали уже во второй раз.

Журналист ответил, отряхиваясь:

— Мне хотелось застать вас врасплох. Я заехал, чтобы посмотреть, как идут у вас дела, и теперь

сам вижу, как они идут.

Майтен не сразу справилась с испугом. Но потом кивнула гостю. Вскоре они втроем сидели на диване и беседовали.

— Насколько можно понять, вы процветаете. На сей раз найти ваш грузовик было легче легкого. Повсюду только и болтают о том, что вы здесь устроили. Правда, говорят больше не о вас, Паркер, а о девушке, — сообщил журналист, поднимая стакан.

Паркер снова разлил вино, помолчал, а потом кивнул в сторону жандармов:

— Думаю, мы застряли тут надолго.

— Нельзя быть таким жестоким! Вы же не позволите этому цветку увянуть в пустыне? — отозвался его друг, не сводя глаз с Майтен.

— Они нас не пропускают.

— Эти? Я их всех знаю, если желаете, переговорю с тем, кто у них сейчас главный.

Тут появился Дитрих, он нес блюдо с яичницей и жареным мясом, которое не слишком ловко водрузил на стол. Журналист открыв рот смотрел на немца, пока тот раскладывал еду по тарелкам.

— Это Дитрих, мой помощник. Пожалуй, он может вас заинтересовать.

— У вас появился мажордом?

— Рад познакомиться, — не без запинки произнес немец.

Журналист крепко пожал ему руку, стараясь понять, как подобный тип мог сюда попасть. Потом встал и внимательно изучил татуировку у него на лбу.

— Настоящий нацист, как и те, кого вы ищете, — гордо пояснил Паркер.

Но журналист снова сел и был явно разочарован. Все принялись за еду.

— Нет, эти нынешние нацисты, они уже совсем не того разлива. Но, боже мой, какая деградация! Ведь они наряжаются таким образом только для того, чтобы пугать черных. А вы, смею предположить, купили его в качестве сувенира на Празднике подлодки?

— Нет, мы подобрали его брошенным на дороге. У него любопытная история, дарю ее вам для очередной статьи. А за это вы мне кое в чем поможете.

Журналист поставил стакан на стол и снова в упор начал разглядывать немца, пока тот, сидя на ящике, поглощал один кусок мяса за другим.

— Меня перестали интересовать как подлодки, так и связанные с ними досужие вымыслы, — заявил журналист, скроив презрительную мину,

потом достал из сумки несколько папок. — Я несколько лет потратил на расследования, которые теперь можно отправить на помойку. Не сегодня завтра явится какой-нибудь умник и напишет дешевый романчик или снимет фильм о фашистах в Патагонии, — с досадой изрек он, подбросив вверх папку, из которой во все стороны полетели листы бумаги. — Раньше сюда, на юг, никого невозможно было заманить, а нынче тут полно туристов. Немецкие подлодки! Я был полным идиотом!

— И чем вы намерены заняться теперь? — спросила Майтен, накидывая на голову платок, чтобы защитить волосы от пыли, которая кружила вокруг них как бездомная собака.

— Тяга к писательству — болезнь трудноизлечимая. Вернее, существует один-единственный способ излечиться от нее, и знаете какой? — Паркер и Майтен молчали, ожидая ответа, но журналист с ответом медлил, подогревая их любопытство. — В данном случае единственное лекарство — это продолжать писать.

— Ну, коль скоро вы уже втянулись в такую игру со словами, которые на поверку мало что значат, то попробуйте заняться марсианами! — посоветовал ему Паркер.

— Нет, марсиане — тема для полных дебилов. А вы когда-нибудь слышали про чудовище, которое обитает в одном из озер в Кордильерах? — спросил журналист тихо, словно боясь, что кто-нибудь посторонний узнает его тайну.

— Чудовище? — завороженно воскликнула Майтен, наклоняясь к нему, чтобы не пропустить ни одной детали из нового рассказа.

Зато Паркер лишь тяжело вздохнул, наблюдая, как его простодушная подруга реагирует на очередную бредовую историю. Он хотел было вернуться к прежней теме, но Майтен жаждала поскорее услышать подробности:

— И что же вы обнаружили?

— Что вы с каждым днем только хорошеете.

— Эй, лучше вам на этом притормозить, — резко бросил Паркер, но Майтен быстро дернула его за рукав.

— Еще рано рассказывать о сути моих открытий, однако обещаю, что, как только я напечатаю эту книгу, сразу же вручу ее вам с дарственной надписью.

Майтен несколько сникла, хотя одна только мысль о том, что она получит от кого-то книгу с автографом, вернула девушке хорошее настроение.

— Кстати… — сказал журналист, доставая из сумки пачку документов и протягивая их Паркеру.

— Вы опоздали, — ответил тот, — мне это уже не поможет.

— А вы думайте не о сегодняшнем дне, а о завтрашнем, когда они вам наверняка очень даже пригодятся.

Паркер взял документы и раскрыл их веером. Между тем Майтен поинтересовалась, куда теперь направляется журналист.

— А я никогда толком не знаю, куда на сей раз еду, но вполне возможно, что мне захочется стряхнуть с себя дорожную пыль и побывать в столице. Я имею в виду ту пыль, что покрывает нас изнутри, а не ту, что вьется вокруг. Если захотите присоединиться ко мне, буду только рад.

— Я же сказал вам: притормозите, — снова одернул его Паркер.

Майтен откинулась на спинку кресла и печально прошептала:

— Без Паркера я никуда не поеду.

— Вот это и называется любовью. Лучшая из болезней, которыми можно заразиться.

— Любовь — это никакая не болезнь, — возразила она, окинув его ледяным взглядом.

Но журналист продолжал гнуть свое:

— Если это не болезнь, то, значит, это и не любовь. А знаете, что будет лучшим лекарством от нее? Продолжать любить.

— Просто теперь он решил заделаться поэтом, не обращай на него внимания, — сказал Паркер, рукой отгоняя от лица какую-то мошку.

— Поэзия — худшее из всех зол.

— Интересно, платят вам за то, что вы пишете такие банальности, или вы делаете это даром?

— Перестаньте ссориться! — шикнула на них Майтен, поднимаясь, чтобы приготовить кофе.

Паркер воспользовался ее отсутствием и тихо заговорил с приятелем:

— Мне нужно от вас одно одолжение, а взамен я готов отдать этого фашиста. Знаете, он способен толкать машину, если она у вас вдруг встанет посреди дороги.

— Это чучело? Нет уж, спасибо, что-то он не внушает мне особого доверия.

— Он тихий и не кусается, а еще умеет ловить рыбу, так что пригодится, если вы затеете охоту на то чудовище из озера, о котором недавно упомянули.

— Я готов помочь вам чем угодно, но при условии, что вы оставите немца себе, вам же

нужен телохранитель. Я, кстати сказать, недавно слышал, что муж девушки кружит где-то поблизости.

Паркер собирался объяснить ему, о каком одолжении идет речь, но к ним уже возвращалась Майтен.

— О чем вы тут секретничаете? — спросила она.

Гость быстро нашелся с ответом:

— Мы? Восхищаемся вашей красотой.

Она с подозрением перевела взгляд с одного на другого, давая понять, что ее не так-то просто провести. Но решила повременить с расспросами, поскольку заметила, что к их лавке подъезжает несколько машин. В тот день движение на трассе, к счастью, вроде бы опять оживилось, и нельзя было упускать столь благоприятную возможность. Так что они занялись продажей того немногого, что еще оставалось в грузовике. Журналист с их одобрения отправился на переговоры к командиру жандармов, чтобы узнать, в каком положении находятся дела Паркера. Вскоре он вернулся и увел друга в степь, где они могли поговорить без помех. Вдалеке громыхали раскаты грома, напоминая шум боя. Паркер и журналист долго смотрели на черные тучи, которые мчались

по небу и обещали неминуемый потоп. Наконец журналист заговорил:

— Командир жандармов сказал, что сделать ничего не может. И проблема не столько в грузовике, сколько в водителе. Уже есть ордер на ваш арест.

— История становится весьма занятной, — отозвался Паркер задумчиво, хотя он и ждал чего-то подобного.

На некотором расстоянии от них силуэт неподвижного грузовика то пропадал в озверевших пыльных вихрях, то снова выплывал. Пока они беседовали, листы бумаги из папки журналиста пролетали мимо подобно огромным белым бабочкам, нервно взмахивающим крыльями. Но сам автор с полным равнодушием отнесся к гибели своих трудов, мало того, ему такое зрелище вроде бы даже доставляло удовольствие. Паркер продолжал рассуждать вслух:

— Ну что ж, значит, я не смогу спастись даже на одной из ваших подлодок.

— У этих жандармов есть передо мной кое-какие долги, и я с ними договорился. Они прикинутся слепыми, то есть сделают вид, что ничего не видят, а вы должны отсюда исчезнуть. В самом скором времени им предстоит сняться с места и

ликвидировать этот контрольный пункт, так как через несколько недель все здесь занесет снегом.

— Выходит, я в очередной раз должен пуститься в бега.

— Зато таким образом вы поддерживаете себя в форме, — воскликнул журналист, измученный ветром, который теперь не только нес пыль, но и холодными спиралями проникал под одежду. — А вы позволите мне описать вашу историю?

— Мою историю могу описать только я сам.

— Вряд ли у вас будет на это время, насколько я понимаю. Вам надо скрываться еще и от ее мужа, а это враг весьма опасный.

— И еще один из тех, кто нуждается в любви.

— Ваш грузовик и фруктовая лавка привлекли к себе слишком много внимания.

— Да, но ведь степь, она большая.

— Степь-то большая, а вот людей тут маловато, и рано или поздно ветер заносит человека в самое неожиданное место.

— Так вы готовы помочь мне или нет?

— Мое единственное оружие — слова, а у мужа вашей подруги от такого оружия, думаю, имеется надежная броня.

— Ну, на такой случай у меня есть телохранитель. Сейчас речь идет не о муже, а о ней самой:

я не хочу, чтобы она продолжала жить так, как живет сейчас.

— Вы мне ее дарите? И я, разумеется, выбрал бы девушку, а не немца.

Паркер с журналистом еще долго разговаривали, стоя друг перед другом на фоне непоседливых туч. Они спорили, размахивали руками и наконец, когда план был утвержден во всех деталях, вернулись в лагерь, где их с нетерпением ждала Майтен.

— Опять что-то затеваете? — с подозрением спросила она и, не получив ответа, достала из кармана плаща пачку денег, которую протянула Паркеру. Он взял их и прибавил к заработанным раньше. Денег набралось довольно много, и мятые купюры беспорядочной кучей лежали в картонной коробке. Паркер жестом велел журналисту оставить их с Майтен наедине, и тот под каким-то предлогом удалился.

— Вряд ли я теперь смогу вернуться в столицу… Мало того, я лишился и того немногого, что еще недавно мог предложить тебе. Ты должна пойти своим путем. Ты не обязана и дальше оставаться со мной, — принялся объяснять Паркер, пытаясь приладить крышку на коробку с деньгами.

Майтен словно не понимала того, что он гово-

рит, и просто не восприняла его слова всерьез.

— Тогда давай бросим все и куда-нибудь уедем. Ведь можно жить и как-нибудь иначе. Есть и другие варианты.

— Боюсь, что все свои я уже истратил.

— Значит, мы останемся здесь. Превратим грузовик в лавку и будем готовить еду на продажу. До сих пор дела у нас шли очень даже неплохо, — сказала она, кивнув на коробку с деньгами.

Паркер почувствовал, будто оказался на одной из тех развилок, где не существует ни верных, ни ошибочных решений. Зато он был твердо уверен, что никогда не согласится стать причиной жизненного краха Майтен, никогда не допустит, чтобы она принесла ему в жертву свои надежды, ведь в обмен он может дать ей слишком мало.

— Оглянись по сторонам: такого убогого существования ты ни в коем случае не заслуживаешь. Это моя территория, но для тебя она означает смерть при жизни, ты не должна губить здесь свою молодость. Сейчас у тебя есть возможность уехать в Буэнос-Айрес и какое-то время ждать меня там.

— Мне это уже не нужно. Без тебя я никуда не поеду, такая разлука никогда ничем хорошим не заканчивается. Мы с тобой еще успеем побывать

в столице — если не этой зимой, то следующей, когда нынешние проблемы удастся разрулить.

Между тем близилась буря, и последние солнечные лучи спрятались за тучами. Паркер смотрел на девушку несколько минут, но мешкать было нельзя, время поджимало, и следовало немедленно принять какое-то решение. В такой миг он просто не мог дать волю чувствам — любая форма искренности на деле обернулась бы обманом. Майтен слепо верила в благополучный исход истории с жандармами и тем самым губила собственное будущее. Вот почему он был вынужден солгать — ради ее же спасения, даже если потом до конца жизни станет жалеть об этом. Паркер, пока говорил, с трудом заставлял себя смотреть ей в глаза. И это было невыносимо. Он знал, что прямо сейчас ставит точку на очень важном для них обоих жизненном этапе. Кто знает, возможно, следовало считать удачей, что их здесь задержали и поэтому продолжить путь вместе им не удалось. То счастье, которое они оба себе вообразили, было лишь мечтой, возможностью тешить себя ею до поры до времени, хотя они знали, что реального будущего за пределами здешних пустынных трасс у них нет. И этот неподвижный, полузанесенный песком грузовик следовало счи-

тать четкой разделительной вехой.

Паркер набрался смелости и предложил Майтен воспользоваться приглашением журналиста — то есть отправиться с ним в столицу. Ему можно вполне доверять, и он доставит ее к друзьям Паркера, которые их все еще ждут. Там она сможет жить столько, сколько нужно, пока они не воссоединятся и не решат, где им лучше обосноваться — в Буэнос-Айресе или в каком-нибудь другом месте. Словно острая игла вонзилась ему в горло, когда он увидел Майтен — такую несчастную и покорную, такую одинокую посреди проклятой степи, которая заглатывала людей и превращала в пустые скорлупки, лишенные сердцевины. Майтен молча слушала Паркера, и для нее его слова звучали жестоким приговором.

— Нет, нет… — едва слышно пробормотала она.

А он указал на свинцовое небо и на тучи, похожие на обезумевшее стадо. Потом напомнил, что очень скоро эти места станут непригодными для жизни из-за холодов и снегопадов, а ветер будет как острый нож вспарывать все, что попадется ему на пути. Вышедшие из берегов реки сделают половину дорог непроезжими, земля превратится в полузамерзшее болото, дни съежатся, и на

несколько месяцев воцарится тоскливый полумрак. Но Майтен и сама лучше, чем кто другой, знала все это, потому что здесь она родилась и выросла. Ее не пугали ненастье, безлюдность, тяготы суровой жизни и даже отказ от того, о чем мечталось с самого детства, от переезда в настоящий город. А вот мысль о том, что она больше никогда не увидит Паркера, разрывала ей душу.

— Нет, нет… — твердила она, едва сдерживая слезы. — А когда мы снова встретимся?

— Очень скоро, — ответил он, не давая себе расчувствоваться.

И Майтен наконец приняла его доводы, хотя и с сердечной болью. На какое-то время им действительно надо расстаться — иного выхода не было. Она сказала, что верит ему на слово, что найдет в столице работу и будет ждать его сколько потребуется. Паркер понял, что ложь сработала, и ему опять показалось, будто в грудь его вонзился кинжал. Он достал из коробки деньги, кое-как запихал их в пакет и протянул Майтен, но она, не раздумывая ни секунды, решительно отказалась:

— Тебе они понадобятся больше, чем мне.

Майтен хорошо знала характер своего друга: если она согласится принять эти деньги, больше

они с ним никогда не увидятся.

Пока пара продолжала строить хлипкие планы на будущее, на землю обрушился настоящий водопад, и мужчины кинулись снова укреплять листы фанеры и куски брезента, которые теперь вели себя как непокорные корабельные паруса. Дитрих с журналистом тащили тяжелые камни и пытались насколько возможно помешать разрушению лагеря. Потоки воды хлестали во всех направлениях, под ногами быстро образовались лужи. Майтен дрожала от холода и накрылась плащом Паркера. Журналист спешно запихивал в папку какие-то листы бумаги, а какие-то отбрасывал прочь.

— Нам надо уехать, пока мы не утонули в грязи и пока еще остались неперекрытые дороги. Этот дождь не сулит ничего хорошего на ближайшие дни, — приговаривал он, готовясь к отъезду. Потом долго изучающе смотрел на Паркера, словно ожидая последних распоряжений.

— Вы можете довезти Майтен до столицы? — спросил тот, хотя вопрос был уже решен ими несколько часов назад.

Майтен молчала, пытаясь улыбнуться сквозь слезы. Она пошла к кабине грузовика и принялась складывать вещи. Вот и опять ей приходилось

умещать всю свою жизнь в тесное нутро пары сумок. Наконец они с Паркером обнялись и долго стояли так, чувствуя, что оба дрожат. И с трудом оторвались друг от друга. Но с этого мига уже перестали быть прежними, поскольку ни он, ни она не могли даже вообразить, что произойдет с ними дальше. В любом случае это не будет зависеть от их воли — отныне тень судьбы встала между ними. Дальнейшие несколько минут показались им долгими часами. Паркер и журналист обменялись беглыми обещаниями встретиться снова в каком-то непонятном месте. Майтен села в машину с прозрачной улыбкой на лице. Машина рванула вперед и стала удаляться, скользя по блестящей асфальтовой полосе, а потом и вовсе пропала из виду за падающей с неба водной завесой.

Паркер смотрел им вслед. Он застыл посреди дороги и ждал, что вот-вот случится что-нибудь еще, но карты игрокам были розданы и ставки сделаны — ничего другого случиться уже просто не могло. Паркер принялся нарезать круги рядом с грузовиком, с каждым разом расширяя их. У него получалась спираль, которая выталкивала его все дальше и дальше в темную гущу грозы. А вода проникала в каждую пору на теле. Он поду-

мал, что плачет, но так и не сумел понять, были то слезы или дождевые струи. И знал точно только одно: больше ему уже никогда не понадобится бидон с соленой водой, к которому он прибегал, когда хотелось всплакнуть.

Бруно услышал непонятные звуки, которые показались ему голосами то ли ангелов, то ли еще каких-то небесных созданий. Все его существо было залито лучами света, которые слепили сознание. Он попробовал открыть глаза, но помешал внезапный страх. Где он находится? Неужели это и есть та самая пресловутая смерть, но только без всяких чудовищ, черепов или скелетов с косами? Мысли в голове у Бруно путались, и он не мог вспомнить ничего, кроме белого облака, которое постепенно всасывало его, а потом растворило в невероятном покое, какого он не испытывал никогда в жизни. Жутко было подумать, что ему довелось попасть в потусторонний мир, откуда прежде повылезли монстры, заполнившие туннели поезда-призрака. Но наконец он все-таки рискнул оглядеться и увидел мягкие отсветы солончака и сияющий океан, в котором заблудился по вине цыган. Голоса, звучавшие рядом, становились все более отчетливыми, но понять, о чем шла речь, Бруно не мог. “Свет!” —

внезапно вспомнил он. В любом случае все это имело некую связь с Богом, так что боливийцы, возможно, не так уж и ошибались, донимая его своими советами. Наконец-то он отыскал свет! А ведь всю жизнь прожил в потемках! Бедняга принялся ощупывать свое тело, стараясь удостовериться, что пока еще находится в земном мире, и тотчас обнаружил, что лежит на чем-то вроде кушетки и его рассматривают странные типы в темных очках, у которых голова и все тело были замотаны тряпками.

— Кто ты такой и что ищешь в этих местах, сеньор чужестранец? — спросил один из них с акцентом, которого Бруно никогда раньше не встречал. Ему даже почудилось, что говорят на каком-то другом языке, хотя все было понятно. Он приподнялся, пораженный неожиданной мыслью, что изъясняться так мог один только Бог.

— Это я, Господи, твой сын Бруно. Наконец-то мне дано узреть Тебя, — воскликнул он смиренно и со слезами на глазах, а необычные люди, стоявшие рядом, посмотрели на него с еще большим любопытством.

— Да будет вам известно, что спастись вам удалось буквально чудом, в самый последний миг мы подобрали вас и вернули в мир жи-

вых, — объяснил второй, который цедил слова со слюнявыми призвуками и при этом разглядывал самые мясистые части его тела.

— Благодарю тебя, Господи! — произнес Бруно, складывая ладони у груди.

Третий тип грел воду в огромном котле, пользуясь системой зеркал, которые усиливали жар солнечных лучей. Он сказал первому:

— Ваша милость, этот человек безумен, он перегрелся на солнце и совсем лишился рассудка.

— Дайте ему мате, вдруг очухается, а мы подождем, пока закипит вода, — приказал первый, потом вознес к небесам какие-то древние молитвы и только потом добавил: — Провидение вспомнило о нас и послало нам пищу насущную. Да будут благословенны наши предки!

Когда умиравшему от жажды Бруно подали мате и несколько тортас фритас, он сделал жадный глоток, но его передернуло от отвращения. Он тотчас изверг из себя выпитую жидкость, хотя и после этого во рту продолжало нестерпимо гореть: мате было приготовлено на соленой воде.

— Мне жаль, что наше угощение вам не по вкусу, но ничего другого у нас тут нет, — стал извиняться первый мужчина, помогая Бруно встать на ноги.

Тот подошел к дверному проему и увидел, что находится в доме с соляными стенами и с крышей, сделанной из соломы и веток. Снаружи лежали горки соли, стояли блоки соли и мешки с солью, а с другой стороны расположились ровными линиями резервуары с чистейшей голубой водой. Бруно понял, что находится на берегу солончака Отчаяние среди тех, кто промышляет добычей селитры. Это они нашли его полумертвого и уже без сознания.

Бруно стал понемногу вспоминать, кто он такой и как здесь очутился, а главное — куда направлялся. Тут же у стены стоял его мотоцикл и лежали его вещи. Все было в целости и сохранности. Он кинулся к рюкзаку, дрожащими руками отыскал там бутылку с пресной водой и прилип к ней под изумленными взглядами негаданных спасителей. Лицо Майтен возникло у Бруно перед глазами яркой вспышкой, хотя оно и казалось слегка расплывчатым, а не таким четким, каким являлось в первое время после ее бегства. А еще Бруно наконец-то увидел впереди Темную гору. К нему сразу вернулись и бешенство из-за пережитого унижения, и здравый рассудок, и силы, нужные для продолжения погони. Он сел на мотоцикл и поблагодарил своих благодетелей,

которые были явно разочарованы его отъездом.

— Побудьте с нами, ваша милость, ведь мы люди добрые, вы можете нам полностью довериться, — попробовал убедить Бруно один из них, но тот этих слов уже не услышал.

— Счастливого вам пути и хорошей дороги, — добавил другой, а потом обреченно и с печалью во взгляде махнул ему на прощание рукой. Он подошел к котлу, где вода уже начинала закипать, и вылил ее на землю. Теперь она им была ни к чему.

— Будь счастлив во всех твоих начинаниях, и удачи на всех твоих путях, — крикнул второй, и они еще некоторое время следили за тем, как мотоцикл Бруно таял в просторах солончака.

— Благодаря Господу мы позволили спастись еще одной нашей добыче, а у меня уже слюнки текли, — с грустью молвил первый.

— И ваша милость полагает, что мы поступили правильно? Видно, мы просто уже не те, какими были прежде, раньше мы удержали бы его силой и не позволили бы уехать.

— Да уж, только одному Богу известно, когда мы снова увидим человеческое мясо.

— С такими рыцарскими манерами нам придется поститься еще несколько веков, — вздохнул

второй, допивая мате, оставшееся от их пленника.

Тем времени Бруно — отощавший, с воспаленными глазами и обожженным лицом — снова мчался по следу своей бывшей жены. Он сумел-таки пересечь солончак Отчаяние, выиграв несколько дней, и назавтра увидел пару грузовиков, стоявших на обочине. Бруно сбавил скорость и сделал несколько кругов, чтобы оценить обстановку. Хулио и Толстый Хуан с удивлением следили за его маневрами, но потом узнали хозяина парка развлечений, чью историю в тех краях слышали теперь уже все. Им не понадобилось задавать вопросы, чтобы понять, кого искал этот человек с потерянным взором, похожий на призрака. Бруно притормозил, и оба дальнобойщика переглянулись с довольным видом. Пришел их час поквитаться с Паркером. Они могли бы многое простить ему: и то, что он запер их в туалете на заправочной станции, и то, что испортил запас питьевой воды, но только не то, что именно он завоевал любовь такой невероятной женщины. Этого простить было никак нельзя. Они точно знали, где находится Паркер, знали, что его грузовик арестован и стоит неподалеку от Конфлуэнсии. Новость успела облететь половину

Патагонии, и оставалось только указать заплутавшему Бруно самый короткий путь туда. Но водители не признались, что в курсе его бед, зато не без злого умысла сообщили, что с Паркером живет красивая девушка, самая красивая на юге, и зовут ее Майтен. Они надеялись, что он сразу помчится в указанное место, но Бруно теперь почти не думал о мести, а только вяло кивал в ответ на их советы. Он принял приглашение пообедать с ними и что-то бурчал, словно не понимая двусмысленных намеков, с помощью которых они старались подзадорить его. После обеда Бруно надел шапку, защитные очки и помчался дальше.

Время спустя он под проливным дождем пересекся с машиной, на которой ехали в сторону столицы Майтен и журналист. Однако запотевшие очки мешали ему различать что-нибудь, кроме расплывчатых линий и отдельных пятен на горизонте. А Майтен сидела, закрыв глаза и погрузившись в свои мысли. Тоска разрывала ей душу, и в обещание скорой встречи верилось все меньше. Журналист никогда прежде не видел Бруно, но теперь, глянув на пролетевшего мимо мотоциклиста, заподозрил, что этот бешеный снаряд имел конкретную цель, и нельзя было исключить, что целью его были Майтен и Пар-

кер. Он хотел было поделиться своей догадкой с девушкой, но вовремя удержался. Однако Майтен что-то все-таки почувствовала и быстро открыла глаза, во всяком случае, ей показалось странным напряжение, с каким журналист глядел в зеркало заднего вида.

— Что случилось? — спросила она, словно ее кольнуло неприятное предчувствие.

— Ничего, спите себе дальше, — ответил он.

Тем временем Паркер и Дитрих без устали работали, торопясь распродать то, что у них еще оставалось из хоть сколько-нибудь ценного. После отъезда Майтен Паркер всю ночь до рассвета бродил вокруг лагеря, курил одну сигарету за другой и пил виски. Старый дождевик делал его похожим на сыщика из старого черно-белого фильма. Жандармы постепенно сворачивали свой контрольный пункт, и последние несколько офицеров только ждали приказа, чтобы окончательно сняться с места. По радио обещали продолжительные дожди, и в тот год, судя по прогнозам, они могли побить все рекорды, поэтому уже была организована большая оперативная группа для эвакуации населения и помощи пострадавшим.

Пока верный Дитрих спал рядом с кроватью,

завернувшись в одеяла и куски брезента, Паркер проверял веревки и камни, крепившие навес, уже с трудом выдерживавший потоки воды. Потом решил хоть немного поспать, не обращая внимания на храп немца. Но прежде прихватил из кабины несколько завалявшихся там книг, чтобы попробовать чтением отвлечься от безрадостных мыслей. Тщетно. Он все время видел перед собой Майтен, махавшую ему на прощание рукой, и ее грустные глаза. А еще чувствовал трепет ее тела, как во время их последнего объятия. Тут храп Дитриха стал совсем невыносимым, хотя Паркер несколько раз пинал ногой эту бесформенную тушу. Настроение его окончательно испортилось. И дело было не только в тоске по Майтен.

Днем, пока немец сражался с лужами и потоками грязи, заливавшими лагерь, Паркер заглянул в каждый уголок грузовика, проверяя, не завалялось ли там что-то еще из его личных вещей, что-то, что напоминало бы о прошлой жизни. Он больше ничего не хотел о ней знать. Дитрих помог разложить последние вещи на теперь уже почти пустом прилавке. Там же оказались саксофон, астролябия, старая коллекция трубок, о существовании которой Паркер давно успел позабыть, а также подаренные журналистом пи-

столет и секстант. Потом он взял в руки пистолет, несколько минут оценивающе разглядывал его и решил придержать для себя. Бывшая фруктовая лавка какое-то время назад превратилась в лавку старьевщика. Там уже побывали чемоданы с поношенной одеждой, картины, одеяла и покрывала, инструменты и даже пластмассовая оленья голова, по-прежнему завернутая в целлофан и когда-то полученная Паркером в качестве приза из рук Майтен. Все это было следами проигранной им жизни, которая теперь, казалось, уже не имела к нему никакого отношения.

Дитрих тоже выставил на продажу часть своей жизни: коллекцию военных сувениров, погоны, знаки отличия, копии железных крестов, паспорт и членский билет одной из нацистских организаций. На сей раз торговля шла веселее, нежели накануне, но, наверное, еще и потому, что движение на дороге заметно оживилось из-за угрозы наводнения. Машины выстраивались в длинные очереди, дожидаясь свежих новостей о том, какими дорогами пока еще можно воспользоваться. Чтобы убить время, водители и пассажиры наведывались к лавке Паркера, надеясь случайно наткнуться там на что-нибудь любопытное. Дитрих на своем языке расхваливал предлагаемый

товар, и хотя доходчивой такую рекламу назвать было трудно, его потуги придавали лавке еще более экзотический вид. За несколько дней Паркер избавился не только почти от всей своей мебели, но и от самодельного подъемного крана, с помощью которого доставал ее из прицепа. Под конец он собрал то, что никого не заинтересовало, и швырнул в железную бочку, где уже догорали обломки досок, ненужные бумаги и тряпки.

А Бруно был уже совсем близко от них. Он летел на своем мотоцикле, сложившись почти пополам, чтобы выдержать удары ветра. За спиной у него торчала коса. Перед самыми сумерками он оказался рядом с остатками блокпоста и сразу увидел грузовик Паркера, тускло освещенный пламенем костра. У него задрожали коленки при мысли о скорой встрече с потерянной Майтен, однако, прежде чем вот так сразу вторгнуться в их жизнь, он на полной скорости въехал на вершину одного из соседних холмов и в бинокль принялся изучать лагерь Паркера. Грузовик, который он разыскивал столько времени, стоял теперь без колес, наполовину разобранный, с открытыми дверями и поднятым капотом. Бруно подумал, что эта машина похожа на то, что осталось от зверя, сожранного муравьями. Когда застрявшие

у контрольного пункта автомобили продолжили путь, а жандармы вернулись к себе в вагончики, Бруно, оставив свои вещи на холме, грозно выставил косу вперед и под защитой густых сумерек уверенным шагом начал спускаться вниз. Он нисколько не волновался, мало того, ему казалось, будто то, что он собирался совершить, было не один раз совершено им раньше, а его появление здесь означало пустую формальность. Пока он крался к лагерю, Паркер и Дитрих подсчитывали и раскладывали на кучки мятые купюры. Оба они одновременно услышали шаги по песку, но отблески костра помешали им рассмотреть, кто это — пьяный жандарм или ночной зверь, рыскавший вокруг в поисках объедков. Паркер несколько раз крикнул, спрашивая, кто идет, потом зажег факел и поднял вверх. Сначала он увидел лишь очертания сгорбленной фигуры, которая медленно к ним приближалась, затем — осунувшееся лицо Бруно.

— Где моя жена? — спросил тот, взмахнув косой.

Паркер ждал, пока он подойдет поближе, и жестом велел Дитриху не вмешиваться.

— Ты опоздал, друг, тут уже пусто, — спокойно ответил Паркер, чувствуя жалость к этому одино-

кому и сломленному человеку, потом отвернулся от него и стал подбрасывать палки в огонь.

Бруно шарил взглядом по сторонам, пытаясь отыскать какой-нибудь след Майтен, и на несколько минут трое мужчин застыли словно каменные изваяния, вдруг выросшие в бескрайней ночи Патагонии. Дитрих плохо понимал суть происходившего, но все-таки почувствовал угрозу, поэтому выпятил грудь и скрестил на ней руки, готовясь защитить хозяина с решимостью сторожевого пса.

— Что ты сделал с Майтен, черт бы тебя побрал? Она моя жена, а ты ее у меня украл.

— Майтен уехала и больше никогда сюда не вернется.

— Это ты во всем виноват, — простонал Бруно, и по лицу его потекли слезы, смешиваясь с дорожной пылью.

— Такая жизнь не принесла ей счастья. И Майтен уехала, так что придется тебе с этим смириться, — повторил Паркер, продолжая отправлять в огонь то одно, то другое.

— Надо быть полным болваном, чтобы от тебя сбежала женщина, — крикнул Бруно, а когда увидел, что Паркер собирается бросить в костер грязного плюшевого мишку, задохнулся от бе-

шенства. Он ударил бывшего соперника по лицу так внезапно, что ни тот, ни Дитрих не успели среагировать. Игрушка полетела в сторону, Бруно протянул руки, чтобы поймать ее, но промахнулся — она свалилась в огонь и тотчас вспыхнула. Тут мускулистая рука, покрытая татуировками, схватила Бруно за горло и швырнула на землю. Дитрих, вопя что-то на каком-то дьявольском наречье, быстро и без труда справился с ним, только вот не заметил, как Бруно завладел пистолетом Паркера. Незваный гость несколько секунд смотрел на оружие, решив, что само провидение пришло ему на помощь, потом вскочил на ноги и прицелился прямо в лицо своему сопернику.

— Надо было прикончить тебя раньше, а теперь от этого уже не будет никакого толку, — проговорил он, резко поднимая пистолет вверх и нажимая на спусковой крючок.

Послышался сухой щелчок, а через несколько секунд над ними вырос огромный сияющий шар, разогнавший мрак, а потом голубоватые искры стали медленно, бросая на землю причудливые тени, опускаться вниз. Паркер с облегчением вспомнил, что пистолет журналиста был сигнальным, в то время как Бруно в полном изумлении воззрился на волшебное свечение над их голо-

вами.

— Свет! Опять свет! — воскликнул он, падая на колени.

Меньше чем за неделю свет явился ему во второй раз. И это после целой жизни, прожитой во мраке безверия. Теперь божественное сияние показалось Бруно знаком, посланным небесами, пренебречь которым было уже никак невозможно. Он разом забыл и про свое унижение, и про погубленную жизнь, после чего возблагодарил боливийцев за науку и мысленно попросил у них прощения за то, что вовремя не внял их словам. Волна надежды легкой дрожью пробежала по всему его телу и озарила каждый уголок погрязшего во тьме сознания. Одурманенный этим сокрушительным счастьем, он решил отдаться на волю благосклонной судьбы — и снова потерял сознание.

Паркер с Дитрихом отыскали несколько веревок и сочли за лучшее до поры до времени накрепко привязать Бруно, все еще погруженного в мистический бред, к грузовику. Однако рассвет застал всех троих у огня — они жарили насаженные на проволоку куски мяса и передавали из рук в руки бутылку вина. Паркер освободил Бруно, так как был уверен, что тот больше для них не

опасен. Когда они покончили с мясом и не осталось больше вина, хозяин лагеря взял спальный мешок и залез в кабину. Дитрих и Бруно устроились рядом с костром, кое-как завернувшись во все, что попало им под руку, так как дождь после ночной передышки полил с новой силой. Днем по радио передали, что многие реки вышли из берегов и затопили большинство дорог. Пункт охраны в мгновение ока исчез. Последние жандармы увезли свои вагончики, и на том месте остались лишь черные пятна от костров. Дорогу они успели перекрыть камнями и бревнами, а специальные знаки и плакаты извещали, что пути на север нет. Целый регион оказался разделенным пополам огромной воображаемой трещиной, которая тянулась с востока на запад. Водители редких машин, сумевших добраться сюда, выходили на трассу и, быстро оценив ситуацию, в полном отчаянии взмахивали руками и поворачивали назад.

Майтен медленно открыла глаза и сперва увидела лишь запотевшее стекло, по которому снаружи колотили упрямые капли дождя. Она приподнялась, и растрепанные волосы упали ей на лицо, так что пришлось откинуть их рукой, потом слегка опустила окошко. Мокрая степь

тянулась до самого конца вселенной. Девушка несколько раз поменяла позу, усаживаясь поудобней, и каждый раз с сиденья поднималась сухая пыль, похожая на облачко мелких насекомых. Сидевший рядом журналист напевал что-то вроде танго и старался попасть в ритм четко работавших дворников. Майтен скинула с себя покрывало. Журналист пожелал ей доброго утра. Глаза у него покраснели, так как он всю ночь провел за рулем. Майтен глянула на него, все еще не понимая, где она и как оказалась в одной машине вместе с этим мужчиной. Потом решила уточнить, сколько времени им еще предстоит ехать. Но он ничего не ответил. Девушка мечтала только об одном: поскорее попасть в столицу и начать отсчет дней, которые будут отделять ее от новой встречи с Паркером. Хотя, возможно, не дней, а недель или даже месяцев. И она вдруг подумала, что ведет себя глупо и нелепо. Возможно, Паркер действительно выполнит обещание и отыщет ее, как только решит свои проблемы, но нельзя было исключать и другой вариант: просто он нашел такой вот щадящий и деликатный способ избавиться от нее. Поэтому весь день, сидя в машине, она то верила ему всей душой, то мучилась сомнениями. Ну а если они с ним

оба обманывали друг друга и приняли участие в этой игре, чтобы раз и навсегда покончить с безнадежно тупиковой ситуацией? Да, когда-то случилось так, что линии, управлявшие их судьбами, пересеклись в одной точке, но потом опять разбежались. И уже никакого значения не имели ни слова любви, ни обещания — жизни Паркера и Майтен с каждой минутой все больше отдалялись друг от друга. Майтен еще несколько раз спросила журналиста, где они сейчас находятся, но мало что поняла из его уклончивых ответов. Своей причудливой и шутливой манерой описывать их маршрут он вроде бы старался развлечь ее, но на самом деле только еще больше вгонял в тоску. И она перестала его слушать. Вроде бы они могли добраться до столицы за несколько дней, если позволит состояние дорог, но радио предупреждало, что практически все трассы пострадали от наводнения, а это неизбежно заставило бы делать солидные крюки. Майтен уже не пыталась вникнуть в такие объяснения и молча прикидывала варианты своих дальнейших действий.

— Каким будет следующий населенный пункт? — спросила она. Теперь ее раздражали и голос журналиста, и само его присутствие рядом.

— Кажется, Старый Обрыв, а может, Горная Ко-

лония, а может, мы и вовсе попали в необитаемые края, то есть тут нет ничего, что существовало бы в реальности.

— Меня ваши шуточки не забавляют, высадите меня у первого же поселка.

— А кто вам сказал, что я шучу?

— Дальше я с вами не поеду.

— Послушайте моего совета и не делайте глупостей: путь назад уже отрезан. Если мы не успеем пересечь Рио-Гранде, то окажемся в западне, — стал втолковывать он своей спутнице, наклоняясь к ветровому стеклу, чтобы лучше видеть дорогу.

— А я не хочу пересекать ни Рио-Гранде, ни любую другую реку, я хочу вернуться в грузовик к Паркеру, — твердила она.

Теперь журналист заговорил совершенно серьезно:

— Чтобы вернуться, надо пересечь Рио-Бланко, которая совсем недавно тоже вышла из берегов. А она, если уж начинает буйствовать, ведет себя куда хуже, чем Рио-Гранде.

Майтен тем временем сложила свои вещи и сидела, держа сумки на коленях, готовая при первой же возможности покинуть машину. Когда они проезжали мимо маленького поселка, ей

пришлось опустить стекло, чтобы хотя бы бегло оценить это место, но в окно брызнули дождевые струи, и она поспешила снова его поднять.

— Высадите меня, пожалуйста. Должен же здесь ходить какой-нибудь автобус.

— Да нет здесь никаких автобусов. Здесь вообще ничего нет.

— По крайней мере, найдется место, где можно перекусить.

— Я же вам сказал: здесь ничего нет. Позже мы сделаем остановку, чтобы заправиться. Там будет и еда тоже, — сказал он, ударив рукой по рулю, чтобы объехать глубокую лужу.

Из-за потоков воды автомобиль то и дело сбавлял скорость, а потом на несколько секунд становился словно невесомым и взлетал над дорогой. После чего его сносило то к одной, то к другой обочине, однако в конце концов водителю удавалось вернуть ему устойчивость. Майтен в ужасе хваталась за переднюю панель. Они ехали еще несколько часов вместе с другими машинами, которые двигались в том же направлении.

— Как видите, люди стремятся именно туда, и это не пустая блажь. В таких случаях надо поступать как все, а глупое упрямство может стоить человеку жизни, — объяснял журналист.

Майтен чувствовала к нему необъяснимую неприязнь и даже начала подозревать, что попала в ловушку, подстроенную не без его участия. С Паркером она рассталась как-то слишком уж внезапно, и, судя по всему, этому предшествовал некий заговор.

— Я уже не один год провел в здешних местах, и поверьте: порой проходят недели, прежде чем реки возвращаются в свои берега, и месяцы, прежде чем удается отремонтировать дороги.

— Напрасно вы так кичитесь своим опытом и своим всезнайством, — отозвалась она, снова отворачиваясь к окошку.

На улице температура с каждой минутой опускалась все ниже, и в кабине тоже стало холодно. Журналист несколько раз поворачивал ручку обогревателя, но из решетки вылетала лишь пыль, заставившая обоих долго откашливаться. Майтен решила достать плащ с заднего сиденья, и, пока шарила под папками, кучами бумаг и одежды, ей на глаза попалась коробка, где Паркер хранил накопленные ими деньги. Почему они оказались в машине? Майтен потребовала у журналиста объяснений, но тот от неожиданности стал что-то мямлить и никак не мог придумать внятного ответа. Майтен смотрела на него в упор

и ждала, но на самом деле уже и сама поняла, что к чему.

— Паркер попросил меня передать вам эту коробку, когда мы окажемся в столице, никак не раньше. А раз уж вы сами ее обнаружили, то берите сейчас.

Майтен поглядела на него растерянно:

— Но почему?

— А вот это вопрос не ко мне.

— Не валяйте дурака, все это было заранее подстроено — и не без вашего участия.

— Эти деньги — для вас.

— Эти деньги не мои. Они принадлежат Паркеру.

Во время этой перепалки Майтен почувствовала приступ бешенства, но очень скоро ему на смену пришли тупое безразличие и ощущение полной безысходности. Паркер обманул ее: он вовсе не собирался приезжать за ней в столицу. И коробка с деньгами служила тому доказательством.

— Наверное, он попросил, чтобы вы избавили его от меня, завезя куда-нибудь подальше?

— Я всего лишь точно выполняю его указания.

— Теперь-то я понимаю, о чем вы так долго шептались, — со вздохом добавила она.

— Это ради вашего же блага, — робко вставил журналист.

— О моем благе позвольте позаботиться мне самой! Но я должна получить объяснения от самого Паркера.

Тут впереди замаячили смутные очертания заправочной станции. Вскоре девушка с удивлением увидела невероятное скопление людей и всякого транспорта. Это было похоже на настоящий библейский исход: военные грузовики и частные легковушки, машины горняков и шахтеров, битком набитые автобусы и фургоны. Целые семьи со своими пожитками за спиной. Все искали возможности добраться хотя бы до первых городов, не пострадавших от разлива рек. Казалось, эти толпы спасались от страшной катастрофы, и, пока журналист безуспешно пытался найти место для парковки, потрясенная Майтен наблюдала, как люди что-то куда-то грузили или, наоборот, что-то откуда-то выгружали под мощными струями дождя, которые теперь били горизонтально. Никогда в жизни она не сталкивалась ни с чем подобным, даже когда вулкан Три Пасти на протяжении целой зимы извергал тучи пепла.

Солдаты в непромокаемых накидках пере-

таскивали на грузовики ящики и коробки с продуктами для жителей отрезанных территорий, и у солдатских цепочек не было ни начала, ни конца.

— Теперь мы столкнулись с новой проблемой, — нервно пояснил журналист.

Очередь из машин беспорядочно вилась в ожидании заправки. Измотанные водители громко переругивались, стараясь не потерять свое в этой очереди место. А еще они обменивались слухами, и каждый приправлял их своими собственными фантазиями и опасениями.

— Ну так что, вы по-прежнему желаете вернуться в грузовик Паркера? Хотя надо будет благодарить Господа Бога, если нам удастся продолжить путь, — сказал журналист, не скрывая сильной тревоги, так как не был уверен, что бензина хватит и ему тоже, когда он окажется у колонки.

Но Майтен уже без всякого доверия относилась к таким доводам, подозревая его в новых хитростях и уловках. Она почувствовала себя предметом, который двое мужчин перемещают туда-сюда по своему усмотрению. И теперь ее одолевало желание взбунтоваться и даже отомстить Паркеру, что она поклялась непременно

исполнить.

— Я пойду поищу какой-нибудь еды, — раздраженно объявила она, вышла из машины и пропала в толпе.

Проходя мимо туалетов, Майтен решила туда зайти, но тотчас чья-то рука легла ей на плечо: служащая кивнула на длинную очередь, терпеливо стоявшую под дождем. Попав наконец внутрь, Майтен увидела в зеркале свое мокрое лицо, протерла покрасневшие глаза, причесалась и попыталась придать себе божеский вид, не обращая внимания на крики снаружи и нетерпеливый стук в дверь. В ресторане Майтен пришлось тоже выстоять очередь, но, когда уже пора было что-то выбирать, вдруг поняла, что аппетит пропал и проглотить она ничего не сможет, пока не прояснится ситуация, в которую она попала. Тем временем на улице из-за плотных туч совсем стемнело, и сразу зажглись фонари и неоновые вывески. Сумерки, наступившие среди дня, а также цветные огни, создававшие что-то вроде совсем неуместной сейчас праздничной атмосферы, довели Майтен до полного отчаяния. И заставили принять твердое решение: она вопреки всему двинется против течения, туда, где остались Паркер и тот кусок ее жизни, от кото-

рого она не собиралась отрекаться. Ей было надо непременно и любой ценой поговорить с Паркером и потребовать у него объяснений. И только услышав их, можно будет начать восстанавливать свой жизненный путь — из той самой точки, где, судя по всему, случился обрыв. Теперь каждый час имел для них обоих решающее значение, потому что каждый час еще дальше разводил их. Уже и другие реки выходили из берегов, другие воды затопляли дороги, другие потоки что-то куда-то уносили или приносили, а борьба с ними казалась безнадежной. Вот и сейчас Майтен приходилось громко кричать, чтобы ее голос прорвался сквозь бурю, когда она спрашивала каждого встречного водителя, не согласится ли кто помочь ей. Но все ответы совпадали с объяснениями журналиста — люди ехали только в одну сторону, спасаясь от наводнения. Тут Майтен обратила внимание на военный транспорт, поскольку эти высокие машины одолевали любые дороги, не боясь ни воды, ни снега, ни песка… Она пересекла стоянку, стараясь обходить глубокие лужи, и подошла к группе офицеров, которые готовили колонну к отбытию.

— Мне надо попасть в Конфлуэнсию, на пятьсот шестидесятый километр двести третьей трас-

сы, — обратилась она к тому, который, как ей показалось, носил более высокое звание. И этот молодой человек в непромокаемой накидке, делавшей его похожим на рыцаря былых времен, пригласил Майтен подняться с ним в кабину одного из грузовиков. Там он достал карту и несколько минут искал названное место.

— Эта трасса перекрыта. Зачем вам туда? — спросил офицер, не сводя с нее глаз.

Майтен не решилась сказать ему правду, она что-то вяло промямлила и тоже уставилась на карту.

— Мы так или иначе должны ехать в том направлении, чтобы эвакуировать население из нескольких поселков. Если не удастся пробиться у Святой Злодейки, будем искать другие пути, — продолжал объяснять он.

В душе Майтен затеплилась надежда.

— И вы сможете подвезти меня хотя бы туда?

— Центральная область сейчас слишком опасна. Люди ищут спасения, устремившись кто к океану, кто к Кордильерам.

— Я не ищу спасения, я ищу совсем другое, — ответила Майтен с таким решительным видом, что офицер сразу понял: этим все сказано.

Он немного поколебался, потом вышел из ка-

бины, чтобы посоветоваться с кем-то еще. После коротких переговоров офицеры дружно уставились на Майтен. Молодой человек вернулся и сел рядом.

— Сразу должен вас предупредить, что мы можем застрять где угодно — и на день, и на месяц, а кроме того, не могу твердо обещать, что мы и вообще доберемся туда, куда вам нужно.

— Мне это безразлично, — ответила она, а он долго и внимательно смотрел на девушку, пораженный ее упорством.

Майтен впервые за все последнее время почувствовала, что дышать ей стало легче, словно она уже выполнила часть своего плана. Вскоре к ней подошла женщина в военной форме и вручила накидку и теплую одежду. Колонна была готова тронуться в путь. Майтен какое-то время искала машину журналиста и наконец нашла ее в беспорядочной очереди к заправке.

— Куда вы пропали? Я уже больше часа вас жду!

Никогда прежде она не видела его в таком раздражении. Но как раз теперь очередь немного продвинулась вперед. Майтен, к удивлению своего недавнего спутника, быстро схватила сумки.

— Что вы намерены делать? — закричал он.

Но тут она взяла еще и коробку с деньгами, сунув ее под мышку:

— Я намерена вернуть это законному владельцу.

Журналист хотел было что-то сказать, но не успел. Цепочка машин продвинулась еще на несколько метров, и те, что стояли за ним, принялись отчаянно сигналить. Майтен пропала в толпе, и он кинулся было следом, но догнать не сумел и быстро вернулся назад. Цена любой задержки была слишком велика — он мог остаться с пустым баком.

— Подождите, — крикнул он, хотя Майтен уже не могла его услышать, — у меня есть для вас еще кое-что.

Журналист попросил ближайшего к нему водителя передвигать по мере необходимости и его автомобиль тоже, а сам схватил несколько исписанных от руки листов из папки с его собственными бумагами. Это было письмо, которое Паркер написал своей подруге и поручил передать ей по прибытии в столицу вместе с деньгами. Журналист обежал всю станцию, но так и не нашел Майтен. Он звал ее и размахивал письмом в надежде, что она его заметит.

Опять хлынул дождь, и люди смотрели на бега-

ющего туда-сюда мужчину как на сумасшедшего. А вот некоторые приняли его за почтальона, быстро окружили и стали называть свои имена и спрашивать, нет ли писем и для них тоже. А кто-то еще хотел получить сведения о родственниках и знакомых. Другие протягивали ему конверты и просили передать в то или иное место затопленной зоны. Вокруг растерянного журналиста образовалась небольшая толпа истошно орущих людей. И ему пришлось спасаться бегством, энергично работая локтями. Наконец он заправил свою машину, поставил в надежное место и снова попытался отыскать Майтен. К ночи станция стала медленно пустеть, а по дороге потянулась длинная цепочка красных огней. Заправочные колонки, отдав весь свой бензин до капли, стояли с длинными перекрещенными то сзади, то спереди шлангами, как часовые в старом научно-фантастическом фильме.

— Майтен, Майтен! — повторял журналист охрипшим голосом, уже ни к кому не обращаясь. Он промок, продрог до костей и, расстроенный, сел в машину, где еще сохранился легкий аромат, оставленный девушкой. Потом положил письмо Паркера на приборную доску. Тем временем заправщики огораживали колонки деревян-

ными щитами и выкладывали вокруг барьеры из мешков с песком, чтобы остановить потоки воды, которые могли за считаные часы затопить и эту площадку тоже. Он запустил двигатель и включил обогреватель, несколько раз постучав по нему, после чего хотя бы слабое тепло потекло в салон. Выбираясь на шоссе, журналист проехал мимо длинной колонны военной техники, растянувшейся вдоль трассы в ожидании приказа на выход. Машины стояли с работающими двигателями и зажженными фарами. Он опустил стекло, чтобы лучше видеть, не притаилась ли в одной из кабин Майтен, но при этом не успел схватить письмо Паркера, когда листы подхватил ветер и разбросал по мокрому асфальту. Журналист остановился, чтобы собрать их, но чернила уже начали расплываться, и бумага быстро покрывалась не только темными пятнами, а еще и слоем грязи. Он выехал на трассу, и вскоре огни его машины добавились к светящимся точкам, которые украшали шоссе, как гирлянда новогоднюю елку.

Паркер, Дитрих и Бруно ждали, когда наконец прекратятся ливни, но они продолжались день за днем и неделя за неделей. Дров было заготовлено достаточно, чтобы согреваться и готовить

пищу — в основном из продуктов, входивших в армейские сухие пайки, загодя купленные у жандармов. В этих зеленых картонных коробках лежали сигареты, шоколад, галеты, сухое молоко, консервы, спички и маленькие бутылочки с разными спиртными напитками. Паркер, привыкший к переменам здешней погоды, постарался растянуть запасы так, чтобы что-то осталось и на время после прекращения дождей, когда волей-неволей придется бросить разломанный грузовик и куда-нибудь двинуться. Но пока, имея армейские пайки, они могли еще довольно долго просидеть в своем лагере. И часами напролет играли в карты, пытаясь поддерживать его в сносном состоянии и не прекращая сражаться с потоками воды, падавшей сверху и натекавшей снизу. Все трое пропахли дымом и алкоголем, обтрепались и заросли грязью, они жили бок о бок, но почти не разговаривали — в крайнем случае объяснялись скупыми жестами или рыками, когда надо было сообща выполнить какую-нибудь работу, передать бутылку вина или подкинуть в костер дров. Порой они путали время — спали днем, а ночью сидели у костра, который упрямо сопротивлялся сырости. Пламя освещало бородатые лица, растрепанные шеве-

люры и покрасневшие от дыма глаза. Это делало их похожими на моряков, выброшенных после кораблекрушения на необитаемый остров. И в конце концов они стали просто ждать, чтобы случилось хотя бы что-нибудь, пусть и непонятно что именно.

Однажды утром — а может, и днем — Паркер проснулся с таким чувством, будто происходит что-то необычное. Это не было похоже ни на мощный снегопад, ни на извержение вулкана, который выплевывает на степь тучи пепла, ни на густой туман. Эта необычность объяснилась иначе: не было слышно перестука дождевых капель по навесу. Неправдоподобная тишина вдруг оторвалась от небесной тверди и медленно опускалась на их разоренное стойбище. Мало того, сквозь щели в навесе начал пробиваться солнечный свет, и казалось, что вот-вот раздастся птичье пенье, хотя ни одно дерево не росло на расстоянии в тысячи километров вокруг. Три мужских головы с опаской выглянули наружу, а затем из-под навеса выползли и три фигуры — словно тройня из материнского лона. И все трое не сговариваясь подумали: надо воспользоваться перерывом в дожде и на что-то решиться. Они внимательно оглядели окрестности, словно

высадились на незнакомый берег, и сразу почувствовали порывы ледяного ветра, которые рушили надежду на скорый приход весны. Просушив кое-как под слабым солнцем свои вещи, они стали готовиться к отъезду. Дитрих участвовал в общих сборах, толком не зная, что ждет его самого, но он уже насмотрелся на жизнь в этих широтах, и его мало пугали новые испытания. Те немногие испанские слова, которые он успел выучить, вылетели у него из головы за время вынужденного молчания и вынужденной изоляции. Паркер разделил оставшиеся продукты на три равные части и почистил велосипед, выменянный у кого-то еще в то время, когда шла торговля фруктами. Бруно занялся своим мотоциклом: соединял и разъединял какие-то провода и трубки, поправлял клапаны. А Дитрих стоял с несчастным видом, растерянно смотрел на них и с трудом сдерживал слезы, но ни Бруно, ни Паркер этого не замечали. Немец подходил то к одному, то к другому, робкий и тихий, как пес, ищущий хозяина, так и не поняв, который из двоих оставит его при себе. Казалось, Бруно и Паркер могли вот-вот уехать, даже не простившись с ним и бросив совсем одного посреди пустыни. Но Дитрих вроде бы уже смирился с таким пе-

чальным будущим, поэтому медленно отошел в сторону и сел на камень спиной к ним. Он что-то чертил палкой на мокрой земле и поклялся себе, что не обернется, пока его временные товарищи не пропадут из виду. И горькое выражение лица никак не соответствовало готической надписи на нахмуренном лбу. Теперь этот лозунг стал знаком скорее поражения, чем победы. Но Дитрих не знал, что судьба его окончательно еще не решена.

Когда мотоцикл уже разогрелся до рабочей температуры, Бруно, напоминавший астронавта на стартовой площадке, у которого, как ни странно, в придачу к полному снаряжению за спиной торчала еще и коса, подошел к Паркеру:

— Отдайте его мне, ведь вам он больше ни к чему. — Паркер сперва не понял, о ком идет речь. — Немца, отдайте мне вашего немца. Вы украли у меня Майтен, а теперь отдайте немца — и будем квиты.

Паркер, который до сих пор и со своим собственным будущим не успел толком разобраться, еще меньше представлял, как поступить с помощником. По его мнению, тот должен был идти своим путем, получив некую сумму из заработанных ими денег. Однако даже мысль о том, что немца

можно просто так взять и бросить, казалась Паркеру недостойной. Как, впрочем, и мысль, что можно уступить его Бруно.

— Ну а вам-то он зачем нужен? — с сомнением поинтересовался Паркер.

— У меня появилась занятная идея, но обсуждать ее с вами я не хочу.

Паркер немного подумал, потом глянул на Дитриха, который по-прежнему молча сидел на камне, понимая, что от тех двоих зависит сейчас для него очень многое.

— Хорошо, договорились.

Бруно что-то рыкнул, подзывая немца. Тот выдавил из себя малопонятную фразу и мигом схватил свои вещи. Сердце у него радостно забилось, и он ловко запрыгнул сзади на мотоцикл, который вскоре уже двинулся на юг по самой середине дороги, набирая скорость и слегка покачиваясь. Паркер проводил их взглядом.

Он тоже не стал терять времени даром: выдернул несколько реек потоньше из тех, на которых держался навес, и проволокой прикрутил их к велосипеду, превратив в мачты. Потом из кусков парусины соорудил два паруса и укрепил на рейке, служившей теперь грот-мачтой. Эта работа заняла у него без малого пару часов, но

результатом Паркер остался доволен. Он равномерно распределил багаж по велосипеду, а еще пару пакетов повесил на манер переметной сумки. Изучил направление ветра, положение солнца и движение туч, потом бросил последний взгляд на то, что довольно долго служило им всем прибежищем, а также на грузовик, бывший в течение нескольких лет его домом. Теперь он стоял, зарывшись носом в землю, пустой, без колес, с открытыми дверями и поднятым капотом. Паркер не без труда вывел тяжелый велосипед на асфальт и оседлал его, хотя ноги все еще от земли не отрывал. Он дождался подходящего момента, с силой дернул за веревку — и два больших паруса с сухим шелестом развернулись в прозрачном воздухе. Велосипед рванул вперед и, казалось, только чудом не опрокинулся. Паркер наклонял корпус то в одну, то в другую сторону, чтобы уравновесить наскоки ветра, и легкими ударами по рулю сдерживал петляющий велосипед, не давая ему скатиться на обочину. Пришлось вступить с ветром в ближний бой, отстаивая свое право ехать туда, куда нужно. И Паркер победил. Вскоре он стрелой мчался по асфальтовой ленте, но движение вперед требовало от него такого напряжения, что очень скоро ноги стали как

каменные. Несколько раз он хотел остановиться на отдых, однако не был уверен, что опять сумеет запустить свою парусную конструкцию, и, пока она отлично действовала, следовало по полной этим воспользоваться. Ему удавалось легко одолевать огромные рытвины с мирно застывшей водой и пересекать мосты, откуда вода только что схлынула. Так он ехал день за днем. На ночь закручивал паруса вокруг мачт, укреплял велосипед камнями и залезал в спальный мешок. Питался тем, что находил в прихваченных с собой армейских пайках. Консервы разогревал с помощью спиртовых таблеток, не забывая также про виски и сигареты. Он плохо понимал, куда направляется, да и не хотел этого знать — так было проще, поскольку не требовалось принимать решений или делать выбор. Порой он оказывался у дорожных развилок, но из-за скорости не успевал прочесть надписи на указателях, а если бы и прочел, это ничего бы не изменило. Короче, несмотря ни на что, так было лучше.

К тому же следовало воспользоваться попутным ветром, который в любой миг мог повернуть вспять. Тем не менее Паркер все-таки сохранял способность ориентироваться — пусть и весьма условную — и предполагал, что вскоре наткнется

на железную дорогу, хотя трудно было угадать, ходят там поезда или нет. Зато рядом наверняка будет поселок, где он сможет восстановить силы. И вот наконец, когда ноги уже отказывались давить на педали, а мускулы были словно истыканы острыми шипами, Паркер различил на фоне желтых лугов темную линию: огромный товарный состав медленно полз параллельно шоссе. Такой случай нельзя было упустить. Паркер прикинул, что рано или поздно их пути должны пересечься — может, правда, только через несколько километров. Он повернул паруса так, чтобы они ловили побольше ветра и помогли ему добраться до ближнего железнодорожного переезда раньше поезда. Время спустя, после очередного поворота, Паркер услышал стук колес и увидел товарняк всего в сотне метров перед собой. Еще несколько минут — и он его наверняка догонит. Он схватил свои вещи, приладил сумки и мешки за спину, соскочил с велосипеда и тотчас почувствовал сзади невидимую руку, резко толкнувшую его вперед. Велосипед вильнул и вместе с парусами рухнул на обочину. Паркер домчался до переезда одновременно с последними вагонами. Ему едва хватило сил, чтобы уцепиться за поручень и перекинуть тело наверх, на открытую площадку,

груженную рудой. Он упал плашмя, почти теряя сознание и хватая ртом воздух. И далеко не сразу огляделся по сторонам, чтобы сообразить, куда они все-таки едут. Хотя на самом деле его это мало волновало, пусть о маршруте думают те, кто должен доставить эти два-три десятка вагонов к месту назначения. Паркер лежал на спине, смотрел на бескрайнее небо, и ровный стук колес постепенно укачивал его. Он чувствовал, как совершенно новое чувство свободы разливалось по телу, пока товарняк пересекал равнину. И, покорно поддавшись неведомому течению, погружался все глубже и глубже внутрь себя.

Видавший виды автобус, на крышу которого нагрузили кучу мешков, чемоданов, коробок и сумок, то карабкался вверх, то скользил вниз по склонам холмов, покрытым ледяной коркой. Мотор издавал предсмертные стоны, а откуда-то из-под автобусного днища при каждом рывке вылетали облака черного дыма. В автобус впритык набились семьи пеонов и шахтеров, которые возвращались обратно в свои поселки, после того как вода спала, а реки постепенно вернулись в прежние берега. И хотя большинство дорог было повреждено, кое-где уже удалось силами военных открыть безопасные коридоры. Пассажиры — и

мужчины, и женщины — были в большинстве своем крепкого сложения, с грубыми обветренными лицами и по-крестьянски искренними улыбками. Они сидели тихо, завернувшись в пончо или пальто, и смотрели в пыльные окошки. Иногда молча делились едой, словно слова в такой обстановке мало что значили, а для настоящего общения достаточно было просто чем-нибудь угостить соседей — глотком вина, мате или просто куском хлеба. Хотя обмениваться можно было и унылым дорожным молчанием. Таковы были негласные правила поведения, давно установленные в степной жизни, полной непредвиденных случайностей.

Майтен нашла свободное место на заднем сиденье — среди детишек, с которыми принялась увлеченно играть. Население автобуса, едва отъехав от лагеря для эвакуированных, сплотилось в маленькое сообщество и сразу признало девушку за свою. Молодая и милая, она путешествовала совершенно одна и не могла толком объяснить, куда и зачем едет, а потому вызывала у всех искреннее сочувствие и желание помочь.

Когда Майтен встала в надежде разглядеть за окном что-нибудь знакомое и сориентироваться, она поняла, что после проливных дождей

пейзаж разительно изменился. А на все ее расспросы спутники почему-то отвечали уклончиво и неохотно. И вообще, в автобусе с некоторых пор стало происходить что-то странное: все пассажиры вдруг почти одновременно всполошились, словно причина для тревоги была у них общая. Они то и дело поглядывали на часы или каждые пять минут спрашивали у соседей, который час, а получив ответ, с серьезным видом кивали. Наконец одна из женщин, по возрасту вроде бы самая старшая среди них, поднялась, важно прошествовала к полусонному водителю и тронула его за плечо, после чего вернулась на свое место. Водитель без особой охоты включил радио, и как раз в этот миг диктор объявил, что начинается трансляция очередной серии радионовеллы. Пассажиры уселись поудобней и приготовились слушать. Майтен почувствовала себя как в кинотеатре и не удивилась бы, если бы вдруг погас свет. На целый час ее вниманием безраздельно завладели голоса героев — хороших и плохих, тех, кто приносили себя в жертву, и тех, кто обманулся в своих надеждах, тех, кого бросили любимые, и тех, кого предали друзья. Голоса отважных рыцарей и подлых трусов. Ее спутники слушали пьесу зачарованно, забыв обо всем на свете. Эта

история дважды в сутки — днем и вечером — долетала до самых дальних уголков Патагонии и заполняла собой здешнюю отчаянную пустоту.

Всякий раз, когда после очередного поворота или крутого подъема сигнал слабел и передача прерывалась, слушатели горячо спорили, пытаясь восстановить пропущенные эпизоды, которые словно растворились в эфире. Пробелы они старались заполнить собственными догадками и выдумками, пока несколько километров спустя радио не включалось снова.

Майтен после расставания с Паркером потеряла счет дням, проведенным в дороге, и боялась, что время и потоки воды навсегда унесут с собой и недавнюю часть ее жизни. Она отлично понимала всю неразумность — и даже вздорность — своего поведения, но ей было нужно во что бы то ни стало добраться до грузовика Паркера, и такую цель она поставила перед собой уже через сутки после отъезда оттуда. Рану следовало залечить, а их историю похоронить вместе с остатками прошлого — но непременно там же, в том самом месте, обдуваемом всеми ветрами. Она не позволяла себе жаловаться и причитать, когда смешалась с толпами людей, которые вслепую метались по лабиринтам перекрытых дорог,

покинув свои затопленные поселки. А Паркер наверняка оставался все там же, не имея возможности никуда уехать до спада воды, то есть у Майтен, по ее прикидкам, было в запасе еще несколько дней. Но эти дни убегали, и ширилось разделявшее их с Паркером расстояние, и таяла надежда на встречу. Она решила добиться своего любой ценой, даже если придется потратить на поиски их бывшей стоянки целый месяц. Паркер был тем немногим, чем порадовала ее судьба, с ним она впервые испытала чувство, похожее на любовь. Только вот продлилось это недолго, а потом их обоих проглотила степь. И второго шанса судьба ей уже не даст, даже если они когда-нибудь найдут друг друга. В этих бескрайних землях любая встреча становилась маловероятной, но в то же время, как это ни парадоксально с географической точки зрения, именно их бескрайность и помогала людям случайно пересекаться. Правда, подобные размышления уже мало утешали Майтен, она хотела найти Паркера и просто посмотреть ему в глаза — всего несколько секунд и, скорее всего, молча. Если он и вправду захотел избавиться от нее, чтобы вновь обрести свободу и вернуться к прежней жизни, Майтен сразу это почувствует. Но ей надо было непременно встре-

титься с ним — только тогда в их истории можно будет поставить точку, только тогда каждый продолжит путь, предназначенный ему судьбой. Ей надо было всего лишь угадать в его взгляде то, что осталось несказанным. И потом она уедет навсегда, какие бы непредвиденные и опасные события ни ждали ее впереди.

Когда очередная часть радиоромана подходила к концу, сигнал снова ослаб, а потом аппарат и вовсе смолк, помешав пассажирам автобуса узнать, чем же завершилась эта серия. Майтен сразу вспомнила кабину Паркера и безумные скачки приемника со станции на станцию. Но тотчас решила занять мысли чем-нибудь более приятным. А вот ее спутники стали громко упрекать водителя за неполадки связи.

— А я-то тут при чем? — вяло оправдывался тот, но атмосфера в салоне накалялась все больше, и это уже попахивало нешуточным бунтом.

Несколько мужчин и женщин повскакивали с мест и решительно потребовали остановить автобус, чтобы можно было поскорее наладить радио. Потом по их же требованию водителю пришлось повернуть назад, съехать с трассы, сделать несколько кругов по степи в поисках именно той точки на склоне какого-то холма,

где прервалась передача. Но склон оказался слишком крутым, и кабина автобуса задралась вверх, и он стал заваливаться назад. Когда снова зазвучали голоса актеров, водитель спрыгнул на землю, чтобы подложить под колеса камни. А люди расселись по своим местам и все-таки успели дослушать серию до конца. Только после этого автобус смог продолжить путь. Пока они с пеной у рта обсуждали судьбы героев, Майтен опять уставилась в окошко. Она искала взглядом хоть что-нибудь примечательное, хоть какой-нибудь указатель — и даже попросила водителя, чтобы он позволил ей ненадолго выйти. А вдруг на дороге обнаружится случайный след, способный вывести ее к лагерю Паркера? Снаружи дул ледяной пронзительный ветер. Пока она шагала туда-сюда по обочине, любопытные пассажиры следили за ней из автобуса.

— А что конкретно вы ищете, сеньорита? — спросил водитель, тоже вышедший следом за ней.

— Мне надо попасть в Конфлуэнсию.

— В какую именно Конфлуэнсию?

— В ту, что находится рядом с Адской Пампой, это пятьсот шестидесятый километр на трассе номер двести три.

Мужчина покачал головой, так как никогда не слышал ни про поселки с такими названиями, ни про трассу под номером двести три. Он провел короткое совещание с кем-то из пассажиров, хотя и был уверен, что подобных мест вообще не существует на свете, но потом какой-то лучик вроде бы сверкнул у него в памяти.

— А зачем вам туда? Допустим, все это действительно где-то можно найти, но ведь там никогда ничего не было и ничего не происходило, — добавил он, а так как девушка ему не ответила, пожал плечами и решил выкинуть лишнюю проблему из головы.

— Я ищу грузовик, который стоит рядом с жандармским блокпостом, — наконец объяснила она.

Тотчас несколько человек тоже вышли из автобуса, и каждый хотел поделиться своим мнением на сей счет. Они тыкали пальцами в разные стороны, одни на север, другие на юг. В итоге место, которое искала Майтен, превратилось в нечто фантастическое, но тут какая-то женщина вдруг вспомнила про “грузовик, с которого продавали разные вещи”. И тогда Майтен откровенно рассказала часть их с Паркером истории. Эти сведения очень скоро дошли и до тех, кто оста-

вался в салоне автобуса. Все прониклись к ней огромным сочувствием, стали давать советы и строить догадки по поводу возможного развития событий — совсем так же пылко, как только что обсуждали радионовеллу.

Водитель поднялся в кабину и начал нервно сигналить, чтобы собрать свое стадо, а потом спросил, согласны ли они растянуть поездку еще на несколько часов, чтобы доставить Майтен туда, где стоит “грузовик, с которого продавали разные вещи”. Все дружно подняли руки, проголосовав за такое решение. Вскоре автобус доехал до перекрестка и двинулся в сторону Мертвой Ивы, откуда по боковой дороге можно было попасть в Конфлуэнсию.

На деревянном указателе со стершимися буквами все еще читалось предупреждение: “Внимание. Дорога закрыта”, но указатель был уже опрокинут и валялся на обочине рядом с перевернутыми бочками, пустыми канистрами, черными кругами от костров и рассыпанными по глине следами, похожими на шрамы. Майтен сразу поняла, что попала туда, куда так стремилась, хотя только это и осталось от контрольного пункта. Водитель остановил автобус, она вышла и зашагала по обледенелому шоссе, а из окон за

ней следили десятки внимательных глаз, но при этом никто не посмел произнести ни слова.

Потом автобус быстро развернулся и приготовился ехать обратно. А Майтен, пройдя еще несколько метров, с изумлением смотрела вперед и не узнавала их прежнего лагеря. Грузовик стоял там же, вернее скелет грузовика, полузасыпанный песком и сухими ветками. Вокруг валялись разбитые ящики и обломки досок, пустые бутылки и куски брезента, закрученные вокруг жердей и шестов. Она растерянно застыла у места, где прежде они так часто сидели за столом. И поняла, что никаких воспоминаний эта картина у нее больше не вызывает. Вдруг ей почудилось, что сзади кто-то есть, и послышался шум шагов, которые явно к ней приближались. Значит, она была здесь не одна. Первым желанием Майтен было со всех ног кинуться к шоссе, где ее равнодушно ждал автобус, но верх одержало любопытство. Она обошла грузовик и увидела пару огромных глаз, внимательно и недоверчиво на нее глядевших: там стоял молодой гуанако, отбившийся от стада. Поначалу Майтен испугалась, но животное держалось очень мирно. Кроме того, единственное, что делало эту сцену реальной, был пар, выходивший у него из ноздрей при дыхании. Че-

ловек и зверь отражались друг у друга в зрачках, но внезапно гуанако повернул голову, отыскивая своих сородичей. Потом с поразительным изяществом удалился — сначала медленно, потом постепенно набирая скорость. Майтен различила впереди проволочное заграждение и похолодела от ужаса. Она закрыла глаза, пока гуанако готовился к прыжку. А тот в последний миг вроде бы засомневался, прикидывая расстояние, однако крепкие молодые мускулы помогли ему с дикой грацией перелететь над острыми шипами. И теперь Майтен видела, как его рыжий хребет то появлялся, то исчезал в зарослях кустарника. Когда стадо пропало из виду, она зашагала обратно и ни разу не обернулась на грузовик, которому суждено было постепенно превратиться в еще одно темное пятно на фоне равнины. Уверенным шагом девушка шла по двойной желтой линии и вернулась к автобусу, стоявшему с работающим двигателем. Пассажиры с нетерпением ждали ее, но не показывали своих переживаний, хотя вид у всех был напряженный и взволнованный. Майтен вошла, не проронив ни слова, водитель закрыл дверь и сразу рванул вперед, так что автобус пару раз вздрогнул, оставив за собой дымный след.

— Вы сказали “золото”, или я ослышался? — недоверчиво переспросил Паркер.

— Да, я сказал “золото”, и вы не ослышались, — ответил журналист, нервно затягиваясь, и дым от сигареты кругами поплыл по кабине, пока ветер не утянул его в окно.

Машина пересекала одну из тех возвышенностей, на которые опиралась равнина, чтобы лучше видеть океан. Среди степного кустарника робко проглядывали бледные весенние цветочки. Паркер в темных очках сидел рядом с водителем, и жаркий ветер теребил его длинные и не слишком густые волосы. Под лучами полуденного солнца предметы отбрасывали на асфальт тени в виде тонких силуэтов.

— Я всегда думал, что вы сумасшедший, но теперь не уверен даже в этом, поскольку сумасшедшие со своим бредом обычно долго не носятся и в какой-то момент их начинают одолевать сомнения, — отозвался Паркер, оглянувшись на заднее сиденье, где были свалены лопаты, кирки, решета и другие рабочие инструменты, которые, на взгляд далекого от таких дел человека, могли предназначаться именно для раскопок. Потом он допил свое пиво, выкинул пустую банку на дорогу и добавил: — Единственный золотой

предмет, которым владел лично я, — это зуб, но и его я ухитрился потерять. Кажется, сам же случайно и проглотил.

— Ну а теперь у вас появился шанс снова обзавестись таким же.

— То, что вы хотите отправиться на поиски золота, меня совершенно не волнует, но сильно напрягает и грызет другое — то, что сам я почему-то нахожусь здесь, вместе с вами.

— А вы положитесь на меня, ведь я откопал информацию, которая сделает нас знаменитыми. Вы когда-нибудь слышали про Гнилушку и Святого Беса?

— Нет, не слышал, однако названия звучат не слишком заманчиво.

— Эти две шахты были заброшены десятки лет назад, и очень мало кто знает про их существование. И мало кому из ныне живущих известно их местонахождение. Там нас ждут настоящие сокровища. Нужные сведения я обнаружил в старых документах, которые мне довелось изучить в столице.

— Легко могу себе представить, чем закончится эта затея: я ведь еще помню, как ваши бумаги разлетались по степи.

Журналист вел машину, не обращая внимания

на бурчанье Паркера. Несколько часов они ехали в сторону побережья, их слегка подгонял вперед светоносный морской ветер, который стелился над равниной, раскаляя и иссушая ее. Паркер дремал, с наслаждением впитывая солнечные лучи каждой порой своего бледного лица. Но тут журналист крутанул руль, и машина резко повернула.

— Ну а теперь что случилось? — подскочив, спросил Паркер скорее с раздражением, чем с интересом, но они уже опять ехали прямо.

— Вот по этой дороге мы всего за несколько дней доберемся до солончака Отчаяние, — объяснил журналист, указав рукой назад, на развилку, которой только что воспользовался.

Паркер напряг память, так как название показалось ему смутно знакомым, и только через несколько минут он вспомнил легенду про каннибалов-тринитариев. Ему стало жутко.

— Хватит с меня ваших глупых выдумок! — крикнул он, решительно перехватив руль. После короткой борьбы ему все-таки удалось развернуть машину, и вскоре они ехали по прежней дороге. — Боже, как вы мне надоели со своими небылицами! Если желаете, я поеду с вами искать золото, только вот про индейцев, сожравших

испанских моряков, никогда больше при мне не вспоминайте.

— Да успокойтесь вы, наконец! Мы сейчас разобьемся! У меня и так тормоза на соплях держатся, — рыкнул на него журналист.

— Нет уж, лучше я выйду и останусь здесь, — пригрозил Паркер, делая вид, что хочет открыть дверь.

— Никогда не думал, что вы такой трус. Через неделю мы оставим позади Магелланов пролив, а еще через несколько дней попадем в Гнилушку. Как раз к тому времени ручьи, бегущие с тающих ледников, снова станут прозрачными, — объяснял журналист, но Паркер поудобнее раскинулся на своем кресле, опять подставил лицо солнцу и притворился спящим.

Ветер был попутным, и машина летела вперед с немыслимой для ее изношенного мотора скоростью, так что он трясся и вздрагивал с тревожным скрипом, будучи непривычным к подобным подвигам. Наконец плоскогорье осталось позади, и вскоре журналист затормозил так резко, что двери сами собой распахнулись. Мужчины дошли до края обрыва, чтобы полюбоваться на океанские просторы. И застыли как вкопанные: океан ушел от берега и едва был виден вдали, превратившись

в сияющую полосу у самого горизонта. А внизу перед ними лежал темный мокрый песок. Отлив и летящий с суши ветер прогнали воду прочь, оставив лишь мелкие ручьи и лужи.

Паркер сразу узнал это место. Именно здесь они с Майтен шли по обнаженному дну, пытаясь догнать океан, здесь попали в окружение предательских потоков, когда неожиданно начался прилив.

Недалеко от берега они увидели небольшой рыбацкий поселок, который прятался от штормов за горными утесами.

— Знаете, а в этом поселке происходит что-то необычное, — заявил журналист. Он достал бинокль и увидел большую сцену, перед которой собралась солидная толпа, чуть поодаль стояли легковушки, грузовики, фургоны и повозки, запряженные лошадьми. — Нет, Паркер, описать это невозможно, любые слова тут бессильны! — воскликнул он.

Его друг протянул руку за биноклем, чтобы собственными глазами понаблюдать за происходящим, но журналист быстро сунул его обратно в футляр.

— Мы должны непременно побывать там, — сказал он, и они вернулись в машину, но у первых

же домов оставили ее и дальше двинулись пешком на звуки пронзительной музыки.

Посреди площади был сооружен помост, на котором разворачивалось какое-то действо. Однако трудно было, глядя поверх людских голов, догадаться, что оно означает. И только отыскав наконец себе место поближе, оба с изумлением поняли, что сцена больше напоминает ринг для бокса и разрисован он хорошо знакомыми Паркеру монстрами. На огромной афише светящимися буквами было написано: “Премьера. Новый международный цирк. Турнир по вольной борьбе”.

В центре ринга стоял Бруно в парадной униформе, украшенной эполетами с золотой бахромой и делавшей его похожим на генерала из оперетки. Он держал в руке микрофон:

— Впервые в Патагонии и ее окрестностях состоится бой, в котором примут участие прибывшие к нам прямо из Японии чемпионы по боевым искусствам — братья Хиросима и Нагасаки.

Наряженные в кимоно Эбер и Фреди с воинственными криками прыгали по рингу, изображая удары карате. Лица их были выбелены, а глаза подведены черной тушью, что делало еще очевидней черты, типичные для уроженцев Андского плоскогорья. Между тем робкие апло-

дисменты зрителей переросли в овации и свист, тотчас подхваченные и разнесенные эхом по узким улочкам поселка. Бруно энергично махал руками, призывая к тишине все больше распалявшуюся публику.

— Их соперником станет ужасный убийца — только что прибывший сюда из Германии Адольф Киллер… — завершил он представление участников боя.

И новая буря аплодисментов встретила ставшего неузнаваемым Дитриха в потрепанной военной форме. Он одним прыжком запрыгнул на ринг, по-немецки что-то выкрикивая и вроде как отдавая команды. Потом скорчил зверскую рожу и несколько секунд стоял, стараясь нагнать страху на замерших в ожидании зрителей. Затем он под одобрительные возгласы скинул френч и выставил напоказ татуировки — орлов, свастики и кельтские кресты, — покрывавшие все его тело. Боливийцы осторожно подошли к немцу сзади, готовясь к какому-нибудь хитрому маневру с его стороны, в то время как Бруно отложил микрофон, снял парадную униформу и тоже присоединялся к борцам. И тут начался жестокий бой с грозными воплями, ударами кулаками и ногами, захватами за ноги, бросками и перевоpo-

тами… Все это доводило восторженных зрителей до полного экстаза. А Паркер с журналистом молча направились к своей машине, решив не дожидаться конца представления.

— Поехали дальше, пока совсем не стемнело, — сказал Паркер, равнодушно пожав плечами.

Журналист кивнул, но вдруг резко остановился:

— А вы не желаете к ним присоединиться? Наверняка там и для вас найдется подходящая роль.

Паркер схватил его за плечо, втолкнул в машину, и они двинулись на юг по извилистой береговой линии. В пути им предстояло провести несколько недель. Они миновали дюны, потом спустились в широкую бухту, которая теперь из-за отлива лишилась воды, и пересекли следы машин, рискнувших двинуться по песку дальше — туда, где были видны остатки затонувших кораблей. Журналист сбавил скорость и спросил:

— Хотите, мы подъедем к ним поближе? Там, на галеонах, может сохраниться и что-нибудь ценное, какие-нибудь сокровища.

Паркер опять перехватил руль и резким рывком развернул автомобиль в сторону шоссе:

— Послушайте, а вам самому еще не надоел этот

бред? Пора бы взяться за ум. Или повзрослеть. Правда, пора.

Журналист глянул на него и вроде бы с ним даже согласился, во всяком случае, возражать не стал. Потом выехал на дорогу и заставил агонизирующий двигатель кое-как набрать скорость.

Тем временем в глубине оставшейся без воды бухты несколько семейств устроили пикники, рассевшись рядом со своими автомобилями, пока молодняк гонял мяч на условно размеченном поле. В качестве ворот были использованы торчавшие из песка ржавые трубы — остатки затонувшего судна. Когда матч закончился, дети помладше принялись строить вокруг тех же труб песочные замки. Они сновали туда-сюда и с упорством трудолюбивых муравьев старались закончить постройку, пока не вернулась вода. Малыши орудовали лопатками и просто ладошками и наконец выкопали большой круглый ров. Вдруг один из них указал рукой на его дно и подозвал остальных. Все столпились вокруг и стали рассматривать часть железной поверхности, откуда и торчали трубы, послужившие столбами для футбольных ворот. Дети бросились копать дальше и без устали вычерпывали ведерками воду, не обращая внимания на крики взрослых, уже

готовых к отъезду. Наконец появилась ржавая башенка с выбитым на ней номером, который с трудом, но все же можно было разобрать. Вода с угрожающей скоростью прибывала, и малышня со всех ног кинулась к родителям. Только один мальчишка еще немного постоял там, глядя на огромную *U* на боку башенки. За ней следовали какие-то цифры. “Семь, четыре, пять”, — вслух повторил он и несколько секунд не мог оторвать глаз от непонятного номера. Потом пожал плечами, отвернулся от верхушки огромного железного корпуса, который уже начал исчезать под водой, и вприпрыжку побежал к машинам.

Буэнос-Айрес, 2017